Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Казахстанский филиал

Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан
и 20-летию Казахстанского филиала Московского университета

23 апреля 2021 г.

Нур-Султан, 2021

УДК 330
ББК 65
С56

Подготовлено к печати
Казахстанским филиалом Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Редакционный совет материалов юбилейных конференций
Председатель: А. В. Сидорович
Члены редакционного совета: Р. Ж. Абдильдина, К. А. Бекмаганбетов, В. Р. Битюкова, Г. И. Власова

Редакционная коллегия сборника
Ответственный редактор: А. В. Сидорович
Члены редакционной коллегии: Ю. В. Баева, Г. Г. Горбач, С. Е. Орынбасарова, А. А. Тлеугулова

С56 **Современные вызовы и преобразование экономики:** материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Казахстанского филиала Московского университета (23 апреля 2021 г.). – Нур-Султан: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2021. – 344 с.

ISBN 978-601-7804-94-7

В сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции, которая была проведена Казахстанским филиалом МГУ совместно с Библиотекой Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы в рамках цикла международных научно-практических конференций по проблемам экономики, филологии, экологии, математики и истории развития Республики Казахстан, посвященных 30-летию Независимости Казахстана и 20-летию Казахстанского филиала МГУ в соответствии с Планом мероприятий, утвержденным ректором Московского университета академиком В. А. Садовничим.

В сборнике рассматриваются проблемы перехода экономики в новое состояние в условиях современных вызовов, анализируются проблемы формирования нового экономического курса и преобразования существующих моделей экономики. Особое внимание уделяется актуальным проблемам национальных экономик в условиях цифровизации.

Издание адресовано специалистам в области экономики и экономической политики, магистрантам, студентам, а также широкому кругу лиц, интересующихся проблемами современной экономики.

Опубликованные материалы отражают авторскую позицию.

ISBN 978-601-7804-94-7

© Казахстанский филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021
© Коллектив авторов, 2021

Предисловие

В рамках празднования 30-летия независимости Республики Казахстан Библиотека Первого Президента Республики Казахстан и Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова совместно провели цикл международных научно-практических конференций по проблемам экономики, филологии, экологии, математики и истории развития Республики Казахстан по случаю 20-летия Казахстанского филиала МГУ.

На открытии цикла конференций, состоявшемся 23 апреля 2021 года, в адрес участников поступило приветствие Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева – инициатора создания филиала Московского университета на казахстанской земле. Елбасы подчеркнул значимую роль МГУ в укреплении связей между двумя государствами и с удовлетворением отметил вклад выпускников вуза в развитие суверенного Казахстана.

С приветственным словом к участникам конференции также обратились ректор Московского государственного университета академик В. А. Садовничий, директор Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Б. Б. Темирболат, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Казахстан А. Н. Бородавкин.

В конференциях, прошедших в период апреля – мая 2021 года, приняли участие руководители государственных органов и институтов развития Казахстана, ведущие ученые Московского университета, крупнейших вузов и исследовательских центров Казахстана, видные эксперты, государственные и общественные деятели Казахстана, России и других стран. В целом выступило более 350 докладчиков.

В ходе конференций состоялся обстоятельный и плодотворный обмен мнениями по актуальным вопросам фундаментальной и прикладной науки в контексте научно-образовательного сотрудничества двух стран в условиях глобализирующегося мира, были также обсуждены роль и перспективы развития Казахстанского филиала МГУ в системе науки и образования Казахстана.

Директор
Библиотеки Первого Президента
Республики Казахстан – Елбасы,
кандидат политических наук

Темирболат Б. Б.

Директор
Казахстанского филиала МГУ,
заслуженный профессор МГУ,
доктор экономических наук

Сидорович А. В.

Приветствия

ПРИВЕТСТВИЕ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН – ЕЛБАСЫ НАЗАРБАЕВА НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА

Уважаемые участники конференции!

20 лет назад по моей инициативе и при поддержке Президента России В. В. Путина в столице Казахстана был открыт филиал одного из ведущих вузов мира – Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Это знаменательное событие стало еще одним свидетельством дружбы и стратегического партнерства наших стран.

За эти годы выпускники казахстанского филиала МГУ внесли достойный вклад в развитие суверенного Казахстана. Глубоко символично, что эта юбилейная дата совпала с 30-летием независимости Республики Казахстан, тем самым отражая важную роль Московского государственного университета

в укреплении двусторонних отношений. В 1994 году именно с трибуны университета мной была озвучена идея евразийской интеграции, которая впоследствии легла в основу Евразийского экономического союза.

Уверен, что данная конференция обогатит наше сотрудничество новыми идеями и будет способствовать дальнейшему углублению научно-образовательных связей, повышению конкурентоспособности и процветанию наших государств и народов.

ПРИВЕТСТВИЕ РЕКТОРА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, АКАДЕМИКА САДОВНИЧЕГО ВИКТОРА АНТОНОВИЧА

Уважаемые участники конференции!

Рад приветствовать Вас на представительном и важном научном форуме, посвященном актуальным проблемам современного и будущего развития.

Сегодняшняя конференция посвящена знаменательному событию – 30-летию Независимости Казахстана, а также 20-летию Казахстанского филиала Московского университета. Особенно важно, что данная конференция проводится совместно с Библиотекой Первого Президента – Елбасы Н. А. Назарбаева – создателя независимого Казахстана. Это символизирует

тесные дружеские связи, которые сложились между Россией и Казахстаном, между Московским университетом и Республикой Казахстан.

За 30 лет своей независимости Казахстан добился больших успехов в создании и развитии независимого государства. Московский университет всегда тесно сотрудничал с Казахстаном в сфере образования и науки, показывая пример другим странам.

В историю Евразийского пространства и, конечно же, в историю Московского университета вошло историческое выступление Н. А. Назарбаева в стенах МГУ, в котором он провозгласил идею создания Евразийского союза государств.

Еще один шаг, который отражает наши особые добрые и близкие отношения – открытие 20 лет тому назад Казахстанского филиала МГУ, который является Первым зарубежным филиалом Московского университета, образованным по инициативе главы государства. Филиал за эти 20 лет стал престижным и уважаемым учебным заведением в Казахстане, его закончили более 2000 выпускников. Я уверен, что Филиал будет и дальше развивать славные традиции Московского университета на казахстанской земле.

Хочу подчеркнуть еще одно знаменательное событие – подписание Соглашения между правительствами Российской Федерации и Республикой Казахстан о функционировании Казахстанского филиала МГУ. Президент Казахстана Касым-Жомарт Кемелевич Токаев на встрече в ноябре 2019 года поддержал наше сотрудничество и развитие филиала.

На конференции представлено много интересных докладов, я уверен, что сегодня состоится оживленная дискуссия. Всем нам, безусловно, необходимы новые решения и новые действия для успешного движения и развития наших стран. Казахстан и Россия дорожат своей дружбой и тесными связями, и эта конференция внесет большой вклад в развитие всего Евразийского пространства. Уверен, что в результате работы конференции будут выработаны конструктивные предложения, выдвинуты новые идеи, что особенно необходимо в период наших преобразований.

Желаю всем участникам конференции творческого диалога и эффективных результатов!

ПРИВЕТСТВИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО И ПОЛНОМОЧНОГО ПОСЛА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН БОРОДАВКИНА АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

Уважаемые дамы и господа!

Рад приветствовать участников международной научно-практической конференции «Современные вызовы и преобразование экономики», которая организована Библиотекой Первого Президента Республики Казахстан и Казахстанским филиалом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Сегодняшнее мероприятие приурочено сразу к двум юбилейным датам. Во-первых – 30 лет назад Казахстан стал суверенным независимым государством. Российская Федерация одна из первых признала суверенитет Казахстана. Это открыло новую страницу отношений дружбы между нашими

народами и вывело их на уровень межгосударственных. Отрадно констатировать, что сейчас наши связи приобрели союзнический характер. Мы стали подлинными интеграционными партнерами.

Во-вторых, в этом году мы также отмечаем двадцатилетний юбилей со дня основания Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова. Это знаменательное событие в истории отношений наших государств! В этой связи хотел бы выразить особую благодарность Первому Президенту Республики Казахстан – Елбасы, Нурсултану Абишевичу Назарбаеву, по чьей инициативе и был создан филиал. Московский университет – старейшая и самая престижная российская кузница кадров. Поэтому открытие филиала стало ярким свидетельством привилегированного сотрудничества между нашими государствами в сфере образования.

Хотел бы также выразить благодарность ректору МГУ, академику Виктору Антоновичу Садовничему за оказываемую помощь Казахстанскому филиалу МГУ имени Ломоносова, что позволило этому вузу занять лидирующие позиции в системе высшего образования Казахстана.

Глубокой признательности заслуживает деятельность директора Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова Александра Владимировича Сидоровича. Он буквально вложил душу в развитие этого вуза. Под его умелым руководством филиал готовит для Казахстана классных специалистов в наиболее востребованных областях знаний и науки.

Уважаемые дамы и господа!

Несколько слов по теме конференции: о вызовах, с которыми сталкивается казахстанская и российская экономики, и преобразованиях, которые им необходимы.

У России и Казахстана, которые являются членами ЕАЭС, схожие проблемы и пути их преодоления. Это особенно наглядно прозвучало во вчерашнем послании Президента Российской Федерации Владимира Путина к Федеральному Собранию Российской Федерации, в котором был сделан акцент на сбережении народа, внутреннем социально-экономическом развитии, преодолении бедности, диверсификации народно-хозяйственного комплекса. По сути, была изложена программа преобразований на ближайший период. Аналогичным образом действует Казахстан: под руководством Президента К.-Ж. К. Токаева разрабатывается Программа постпандемийного развития казахстанской экономики. Надеюсь, что рекомендации, которые будут сформулированы по итогам сегодняшней конференции, окажутся полезными как для Казахстана, так и для России, а также помогут совершенствованию евразийской интеграции с участием наших стран.

В заключение хотел бы поблагодарить Казахстанский филиал МГУ имени Ломоносова и Библиотеку Первого Президента Республики Казахстан за организацию конференции и пожелать успехов в ее работе.

Благодарю за внимание!

Современная экономика в условиях новых вызовов: концептуальные подходы и изменения

Келимбетов К. Н.
Председатель Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, Управляющий Международным финансовым центром «Астана» г. Нур-Султан, Республика Казахстан

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. В статье рассмотрены новые принципы реализации экономической политики государства с учетом вызовов пандемического кризиса, Четвертой промышленной революции, создания новых рыночных институтов, развития финансового сектора для обеспечения нового притока инвестиций в реальный сектор, интеграции в глобальные рынки и цепочки добавленной стоимости. Особое внимание при этом уделено анализу современных тенденций государственных политик, направленных на создание нового экономического курса. Проанализированы перспективы развития казахстанской экономики для обоснования необходимости реализации стратегии Пяти институциональных реформ и цифровой модернизации общественного сознания.

Ключевые слова: трансформация экономики, цифровизация, посткризисное развитие, интеграционные процессы, инклюзивный рост.

Текущий пандемический кризис и затяжной выход из него стали огромным вызовом для всего мира. Для экономистов сегодня даже стало удобным отмерять все крупными кризисами: развал Советского союза, азиатский кризис конца 90-х, кризис доткомов в начале 2000-х, глобальный финансовый кризис, текущий, так называемый, коронакризис.

Каждый из этих кризисов, включая текущий, ускорял существующие на тот момент глобальные тренды и создавал новые рынки или возможности для развития. В последние 10 лет многие международные эксперты говорят о разных трендах, некоторые из которых важны для наших экономик сегодня:

— снижение глобализации с одновременным увеличением так называемой регионализации – региональной интеграцией, созданием региональных союзов;

— развитие IT технологий, цифровизация и автоматизация бизнес-процессов – все, что можно определить как плоды Четвертой промышленной революции;

— новая энергетика;

— определенная смена предпочтений инвесторов, в том числе, и поколенческие изменения: новые инвесторы предпочитают несколько иные продукты, готовы платить премию за социальные инвестиции; еще важнее становятся окружающая среда, социальная справедливость и корпоративное управление.

Эти тренды начали формироваться уже после глобального финансового кризиса, поэтому и первые ответы на них заложены в сегодняшних государственных политиках. На это отвечала и часть Стратегии «Казахстан-2050», а также сформулированные на ее основе Пять институциональных реформ и План нации «100 конкретных шагов». Они уже заложили важные институты и процессы, которые становятся главными инструментами постковидного развития.

Необходимость реализации намеченных реформ и обновления государственной системы была только усилена прошлогодним кризисом и сокращением экономики. Создание Высшего совета по реформам при Президенте РК, а также Агентства по стратегическому планированию и реформам служит решению этих задач.

Чтобы лучше справиться с новыми вызовами, необходимо учитывать современные тенденции и проблемы. Например, в последние годы выявился четкий тренд на снижение глобализации и усиление протекционизма. Одним из факторов этого стало смещение центра тяжести мировой экономики на Восток и заметное усиление экономического противостояния США и Китая. С одной стороны, мы стали свидетелями решения Великобритании о выходе из Евросоюза, протекционистской политики администрации Трампа в 2016–2020 гг., с другой – наблюдали развитие инициативы «Один пояс, один путь», интеграционные политики в Юго-Восточной Азии и в Латинской Америке. Мы видим, что от интеграции в глобальные рынки и увеличения торговли выигрывают развивающиеся страны.

Особняком стоят отношения в нашем регионе Большой Евразии. Следует напомнить основные вехи развития этих отношений и высказать предположения об их перспективах.

После развала Советского союза для всех постсоветских стран наступил новый период развития. На смену прежним отношениям пришел новый рациональный диалог – евразийское сотрудничество. Нельзя не вспомнить историческую речь Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н. А. Назарбаева, которая в марте 1994 года в стенах Московского государственного университета положила начало новым отношениям между нашими странами и в регионе в целом.

Интересно, что дух той речи необычайно современен:

«*Мы с вами живем в очень непростое, но интересное, динамичное время. На нашу долю выпало быть участниками и действующими лицами огромных исторических перемен... реформы идут и дают вполне осязаемые результаты. Самое главное – «на марше» перестраивается структура нашей экономики*».

Или, например: «*Когда идет бурный научно-технический прогресс, жесткая борьба за рынки сбыта, выжить можно только в объединении. То есть, в сотрудничестве и общими усилиями*».

Ректор МГУ имени М. В. Ломоносова Виктор Антонович Садовничий не раз отмечал, что новые принципы отношений привели к ощутимым результатам.

«Практическое евразийство» выразилось в создании Таможенного союза, а позднее – Евразийского экономического союза. Еще десять лет назад, во время восстановления после глобального финансового кризиса, наши страны поняли, что создание Союза – естественный путь вперед.

Сегодня мы уже прошли довольно долгий путь. Сотрудничество на разных уровнях продолжается. Ответом на сегодняшние вызовы может стать цифровая интеграция наших экономик и создание региональных рынков. Успешным примером регионализации может стать общий рынок капитала и биржевое сотрудничество.

Сегодня новая биржа в Нур-Султане может обслуживать малый и средний бизнес не только Казахстана, но всей Центральной Азии и азиатской части Российской Федерации. Показательным в этом отношении стал пример выпуска ценных бумаг российского «Полиметалла» в 2019 году.

Цифровая интеграция также важна. Возможно, следующим шагом в нашей интеграции должно стать создание общих цифровых стандартов.

Можно говорить о создании «цифровых двойников», об обмене опытом. Сейчас мы также изучаем опыт российских коллег по созданию платформы ГосТех – государственных технологий – и создаем свою платформу информационного государства – Data-driven Government. Эта платформа становится важной составляющей новой системы государственного планирования с целью адекватного реагирования на текущие тренды.

Нам предстоит провести ряд государственных реформ. Осуществляя их, необходимо основываться на теориях изменений, которые задают четкие параметры для государственных реформ: ограниченность во времени, системность и общая структура. Реформы в первую очередь должны отвечать запросам общества. Это как раз то, над чем, в частности, работает Агентство по стратегическому планированию и реформам.

Необходимо также говорить об интеграции ЕАЭС в глобальные рынки, об участии в глобальных цепочках добавленной стоимости. Важно привлечение новых инвестиций, технологий и, конечно же, развитие человеческого капитала. В этой связи следует подчеркнуть, что особенно актуально ныне сотрудничество евразийских университетов, глобальный диалог и развитие на нашем пространстве непрерывного профессионального образования.

Для этого должны создаваться необходимые условия. Например, с этой целью Правительство Казахстана полностью пересмотрело текущую инвестиционную политику, скоординировало действия разных органов и институтов и, по сути, предоставляет «единое окно» и простой прямой клиентский путь для всех инвесторов.

Цифровизация и Четвертая промышленная революция – это тема для отдельной дискуссии или даже целого ряда дискуссий. На последнем заседании Высшего совета по реформам был представлен национальный проект по цифровизации, создается Центр цифровой трансформации, который позволит отслеживать результаты ряда реформ и национальных проектов.

Необходимо остановиться на вызовах новой энергетики, так как для России и Казахстана это не просто интересная, но и чрезвычайно важная проблема, которая обсуждается не только в Казахстане, но и во всем мире. Недавно с нашим участием состоялось заседание Отделения глобальных проблем и международных отношений Российской академии наук, на котором обсуждались проблемы и вызовы энергетики. По некоторым сценариям, вскоре начнет падать спрос на невозобновляемые источники энергии. То есть та модель развития экспорта и накопления финансового капитала, которая позволила нашим странам быстро расти в 2000-х годах, в новых условиях просто не работает. Этой проблеме посвящена и одна из Пяти институциональных реформ под названием «Индустриализация и экономический рост, основанный на диверсификации». Текущий кризис только подтвердил важность этой реформы, а Новый экономический курс, заданный в Послании Президента народу Казахстана от 1 сентября 2020 года, опирается на эту реформу.

На практике это ведет к созданию новых рыночных институтов, к развитию финансового сектора для обеспечения нового притока инвестиций в реальный сектор экономики, к интеграции в глобальные рынки и цепочки добавленной стоимости.

Инвестиции необходимы и в торгуемые сектора товаров и услуг, потому что именно они могут обеспечить рост производительности. Причем этот рост должен быть инклюзивным, чтобы инвестиции не ограничивались узким сектором горнодобывающей промышленности. Важнейшим фактором будет развитие малого и среднего бизнеса, особенно занятого в торгуемых секторах. Именно там могут стать прорывными инновации и, в частности, цифровизация. Для этого необходимо обеспечить доступ к капиталу для МСБ и граждан.

Обсуждение с деканом экономического факультета МГУ А. А. Аузаном проблемы капитализации граждан как важной национальной идеи и привлечения частных инвесторов и капитала показало большую роль вовлечения новых частных инвесторов в создание условий для их развития как важного элемента нового экономического курса. Необходимыми условиями становятся развитие и цифровизация финансового рынка, поддержка финтеха и развитие небанковского сектора.

Таким образом, можно отметить следующие ключевые факторы трансформации экономик:

– евразийское сотрудничество – важнейший фактор развития наших стран. Необходимо оставаться открытым и интегрированным в глобальные рынки, большим подспорьем для этого могут стать региональные институты: банки развития, международный финансовый центр, участие в других интеграционных инициативах, например, ШОС или «Один пояс, один путь»;

– государствам важно возглавить процесс трансформация экономики и предложить современные государственные политики. Ориентиром в Казахстане остаются Пять институциональных реформ Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н. А. Назарбаева;

– качество и успех предложений будет зависеть от общей государственной системы, поэтому в первую очередь важна реформа государственного управления и государственного планирования. Следует не упускать из виду важность цифровой трансформации, поэтому эталоном может стать государственная цифровая платформа «Государство как сервис», предоставляющая своевременные услуги;

– в самих реформах необходим проектный подход и ориентация на результаты;

– важным является привлечение новых инвестиций, технологий и экспертизы в новые торгуемые сектора; необходима поддержка новых инклюзивных институтов;

– ключевым фактором трансформации экономики является дальнейшее развитие человеческого капитала, сближение высшего образования и рынка труда, непрерывное профессиональное развитие.

Важно, что продолжается наш диалог и сотрудничество с Московским государственным университетом. Эти темы, несомненно, должны обсуждаться на всех уровнях, мы должны продолжать сотрудничество и диалог, как на академическом уровне, так и на уровне государственных политик.

Summary

Kelimbetov K. N. Discussion of the State and Development Prospects of Kazakhstan and Russia in the Conditions of Transformation

The article discusses new principles for the implementation of the state's economic policy, considering the challenges of the pandemic crisis, the fourth industrial revolution, the creation of new market institutions, the development of the financial sector to ensure a new inflow of investments in the real sector, integration into global markets and value chains. Particular attention is paid to the analysis of modern trends in government policies aimed at creating a New Economic Deal. The prospects for the development of the Kazakh economy are analyzed to substantiate the need to implement the strategy of the Five Institutional Reforms and the digital modernization of public consciousness.

Key words: economic transformation, digitalization, post-crisis development, integration processes, inclusive growth.

Жаксылыков Т. М.
Первый вице-министр национальной экономики Республики Казахстан
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ И ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы влияния пандемии на ключевые аспекты развития и реализации национальных проектов Республики Казахстан. Пандемия COVID-19 сформировала глобальный кризис в долгосрочной перспективе, что обуславливает поиск новых способов восстановления экономики в сложившейся конъюнктуре. Четкое понимание складывающихся глобальных вызовов и возможностей открывает привлекательные перспективы для успешной интеграции в новую архитектуру экономических отношений. Автором определено видение дальнейшего развития экономики Казахстана с учетом социально-экономических трендов «новой реальности», которая несет с собой как вызовы, так и возможности.

Ключевые слова: национальные проекты, государственные финансы, кризис пандемии, постпандемия, макроэкономическая эффективность.

Текущий год является юбилейным как для нашей страны, так и для Казахстанского филиала Московского университета. Созданный по инициативе Елбасы филиал открыл для сотен молодых казахстанцев уникальную возможность получить бесплатное высшее образование в одном из лучших университетов мира.

Продуктивная деятельность филиала на протяжении двух десятилетий является ярким примером дружбы Республики Казахстан и Российской Федерации. Многие выпускники филиала стали успешными лидерами в различных сферах, обеспечивая свой вклад в укрепление независимости и развитие Казахстана.

Высокая актуальность тематики конференции отражает многогранность процессов, протекающих сегодня под влиянием пандемии коронавируса. Четкое понимание складывающихся глобальных вызовов и возможностей открывает привлекательные перспективы для успешной интеграции в новую архитектуру экономических отношений.

Сегодня мир переживает сложный и в то же время уникальный период кардинальной трансформации экономики и общества. Резкое изменение условий развития глобальной экономики под влиянием пандемии коронавируса стало беспрецедентной угрозой для всех стран мира, в том числе и для Казахстана.

Глобальный локдаун привел к резкому и глубокому экономическому спаду в современной истории. Мировой ВВП сократился на 3,5 % *(МВФ)*, торговля – на 7,6 %, прямые иностранные инвестиции – на 42 % *(ЮНКТАД)*. Вынужденные

ограничительные меры повлекли за собой приостановку многих производств, разрыв цепочек добавленных стоимостей и сбыта, обрушение целых отраслей и рынков. Торговля и туризм практически остановились, а потери рабочих мест и производства превысили уровни, наблюдавшиеся в любом предыдущем кризисе. По подсчетам МВФ, в 2020 году пандемия обошлась миру в 28 трлн. долл.

Благодаря беспрецедентным мерам государственной поддержки удалось избежать полного экономического коллапса. Согласно данным МВФ, в прошлом году страны с развитой экономикой в среднем направили примерно 24 % ВВП на меры бюджетной поддержки, страны с формирующимся рынком – 6 %, а страны с низким уровнем доходов – менее 2 %.

В Казахстане реализовано 3 пакета антикризисных мер на общую сумму 15 млрд. долл. или 9 % к ВВП. Это срочные меры по поддержке населения и бизнеса, оперативные меры по сохранению социально-экономической устойчивости и Комплексный план по восстановлению экономического роста.

Благодаря своевременным и масштабным мерам поддержки в 2020 году удалось ограничить падение казахстанской экономики до 2,6 %. Основным фактором устойчивости динамики национальной экономики стал реальный сектор. Несмотря на последствия пандемии, объем производства товаров вырос на 2 %. Основными драйверами роста стали строительство *(+11,2 %),* сельское хозяйство *(+5,6 %)* и обрабатывающая промышленность *(+3,9 %).* При этом в сельском хозяйстве достигнуты самые высокие темпы роста за последние 7 лет.

Устойчивость национальной экономики отметили ведущие международные кредитные агентства. Moody's, Fitch и S&P подтвердили допандемические кредитные рейтинги и прогнозы по экономике Казахстана, подчеркнув низкий уровень государственного долга, стабильность фискальной системы, эффективность принимаемых Правительством антикризисных мер.

В целом, в 2020 году основными факторами развития экономики стали масштабные меры поддержки экономики, инвестиционная активность в недобывающих секторах, рост реального сектора и положительное сальдо торгового баланса, а также увеличение кредитования экономики.

Помимо краткосрочных шоков, пандемия ускорила необратимые структурные изменения во всех сферах жизни.

Первое. Экономические тренды. В результате пандемии мировой ВВП упал до рекордного в мирное время уровня. При этом глобальный долг достиг нового исторического максимума в размере 281 трлн. долл. *(данные Institute of International Finance)*. Отношение долга к мировому ВВП превысило 355 %. Опережающий рост глобального долга над ВВП – тренд последних десятилетий и результат перманентного долгового суперцикла.

Сохранение тенденции экспоненциального роста долгового бремени создает благоприятную почву для новых финансовых кризисов и усугубления проблемы неравенства. Более того, способность банков генерировать бесконечные объемы ликвидности и новые долги создали спекулятивную экономику. «Наводнение»

рынка «дешевыми» деньгами не способствует росту инвестиций в основной капитал и производительности труда. Так, со времени глобального финансового кризиса наблюдается снижение темпов роста производительности труда.

Таким образом, требуется создание комплексных условий для развития стимулирующих факторов производительности труда. Это, в том числе, формирование новой модели глобальной финансовой системы, где экономический рост в большей степени зависит от производительности, инноваций и торговли.

Пандемия оказала значительное влияние на производственные и торговые процессы. В условиях сбоев и разрывов логистических цепочек, обострения протекционистских настроений формируется новый мировой торговый порядок с фокусом на самодостаточность. Производственные процессы принимают региональный характер, в результате снижения фокуса на минимизации стоимости производства в пользу надежности поставок. В условиях глобального снижения инвестиционной активности наблюдается ужесточение конкуренции за привлечение качественных инвестиций.

Второе. Технологические тренды. Пандемия сделала необратимым процесс цифровизации общества и экономики.

Формат виртуального взаимодействия становится повседневностью, а цифровые технологии –- ключевым фактором конкурентоспособности бизнеса.

Вероятность появления новых вирусов формирует новые требования к уровню развития системы здравоохранения с фокусом на активное внедрение цифровых технологийВозрастает значимость кибербезопасности.

Ускоряется переход на рельсы «зеленой» экономики. Ее основные тренды – декарбонизация и достижение углеродной нейтральности, развитие возобновляемой энергетики, рост производства электромобилей, разработка средств накопления энергии, появление новых материалов и целых новых индустрий, например, водородной энергетики и т. д.

Новые технологические тренды обусловят обновление имеющихся и создание новых элементов инфраструктуры. Политика декарбонизации, в частности ожидаемое введение так называемого «углеродного налога», диктует производителям сырья озаботиться снижением выбросов, то есть вкладываться в модернизацию производства и строительство возобновляемой энергетики.

Третье. Социальные тренды. Коронакризис ускоряет тренд по росту неравенства в мире. В первую очередь это связано со значительным ростом безработицы. Согласно Международной организации труда, количество безработных достигло 255 млн. человек. Для сравнения: это в 4 раза больше, чем количество рабочих мест, потерянных во время кризиса 2009 года.

По оценкам Всемирного банка, пандемия подтолкнула к бедности около 120 млн. человек, причем большинство из них – «новые бедные» в странах со средним уровнем дохода. Согласно Pew Research Center, средний класс в мире сократился впервые с 1990-х годов. Возрастает нагрузка на систему социальной защиты.

Ускоряются структурные изменения на рынке труда, вызванные формированием «экономики знаний». Меняются образовательные модели, обостряются вопросы продовольственной безопасности, социальных волнений и конфликтов. Кардинально пересматриваются подходы к развитию систем здравоохранения.

Новые и ускорившиеся глобальные тренды формируют *«новую реальность»,* которая несет с собой как вызовы, так и возможности. В таких условиях стала очевидной необходимость в кардинальном пересмотре стратегического видения дальнейшего развития экономики Казахстана.

По поручению Главы государства Касым-Жомарта Токаева разработан и утвержден Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года. План формирует основные параметры нового экономического курса страны в среднесрочной перспективе, направленного на нивелирование последствий коронакризиса, а также развитие устойчивой и инклюзивной экономики в новых условиях.

Первое. Будет обеспечено *качественное изменение структуры всей экономики* через ее диверсификацию, таргетированное привлечение инвестиций, проактивное продвижение экспорта, поддержку и комплексное развитие частного предпринимательства. Реализация имеющегося потенциала и конкурентных преимуществ в развитии отечественного производства продукции с высокой добавленной стоимостью в базовых отраслях экономики снизит влияние внешних шоков на экономику страны.

Огромные запасы широкой номенклатуры сырья, созданная за годы индустриализации производственная база, а также формируемые благоприятные транспортно-логистические и институциональные условия, наряду с реализацией качественно новых подходов по наращиванию переделов, позволят эффективно развивать производство импортируемой и конкурентоспособной экспортной несырьевой продукции.

Много работы предстоит в агропромышленном комплексе. Вместе со стратегическими инвесторами мы сформируем семь крупных экосистем по производству и переработке мяса, фруктов, овощей, сахара, зерновых, масличных культур, молочной продукции. Особое внимание будет уделено развитию рыбной отрасли. Крупные проекты сыграют ключевую роль в качестве центрального элемента создания добавленной стоимости. Отдельно правительство будет работать над увеличением площади орошаемых земель.

Второе направление – *это новая структура производства,* которая поможет углубить интеграцию казахстанской экономики в международные рынки и обеспечить присутствие Казахстана в мировых цепочках добавленной стоимости.

Промышленная политика страны будет направлена на создание условий для стимулирования международной конкурентоспособности отечественных

предприятий. Будут реализованы финансовые и нефинансовые меры господдержки экспортеров.

Третье направление – реализация *«новой повестки» развития предпринимательства,* предусматривающей формирование принципиально новой регуляторной политики с внедрением механизмов регулирования «с чистого листа» и снижением нагрузки на бизнес, а также обеспечение здоровой конкурентной среды.

Пандемия нанесла серьезный ущерб предпринимательству. В результате реализации в прошлом году мер господдержки налоговые льготы получили 700 тысяч предпринимателей, 80 % заемщиков в пострадавших секторах экономики воспользовались отсрочкой займов. Вместе с тем поддержка предпринимателям оказывается в рамках государственных программ «Дорожная карта бизнеса», «Еңбек» и «Экономика простых вещей».

В текущем году для стимулирования деловой активности в новых условиях реализуются меры прямого действия, направленные на обеспечение доступа к финансированию, снижение нагрузки на бизнес и расширение доступа к рынкам спроса. Будет продолжена работа по совершенствованию налогообложения. Уровень и механизмы налогообложения мы адаптируем под новую структуру экономики. В результате реализации всех запланированных мер количество занятых в малом и среднем бизнесе вырастет до 4 млн человек, а доля МСБ в ВВП – до 35 % к 2025 году

При этом доля государства в экономике будет сокращена до 14 %.

Четвертое направление – это *борьба за инвестиции.* Глобальная конкуренция за инвестиции усиливается, и государства по всему миру предпринимают все новые шаги и инструменты, чтобы привлечь к себе бизнес. Казахстан не остается в стороне. Правительством реализуется новая парадигма, направленная на таргетированное и проактивное привлечение инвестиций. Создаются максимально благоприятные институциональные и инфраструктурные условия. Наша стратегическая задача – увеличить объем иностранных инвестиций до 30 млрд долларов к 2025 году. Это позволит обеспечить уровень инвестиций в основной капитал на уровне 30 %.

Пятое – это *поддержка качественного роста экономики* за счет сохранения налогово-бюджетной стабильности и эффективной монетарной политики, развития финансового рынка. В приоритете стимулирование импортозамещения, повышение конкурентоспособности товаропроизводителей и снижение уровня теневой экономики.

*Цифровизаци*я является важным элементом восстановления экономики. В 2021 году планируется подключить к мобильному интернету все населенные пункты с количеством населения свыше 250 человек. 90 % госуслуг будут доступны через смартфоны. К 2025 году инвестиции в IT-сектор будут увеличены в 6 раз. В результате в отрасли будет создано около 100 тысяч новых рабочих мест. Это означает и наращивание человеческого капитала, поскольку

сфера информационных технологий потребует и улучшений в сфере образования.

И последнее направление – это *сбалансированное развитие всех регионов страны.* Более 3,5 тысячи сел будут модернизированы по новым региональным стандартам. Это даст новый импульс для развития сельской местности.

Продолжится работа по наращиванию объемов строительства и улучшению жилищной инфраструктуры. Все эти меры помогут повысить качество жизни граждан, особенно в регионах, а также окажут поддержку локальным бизнесменам.

Ключевыми задачами в проведении системных реформ являются обеспечение реального верховенства закона, создание современной модели госуправления, где действия госорганов ориентированы на удовлетворение интересов населения и бизнеса.

Особое внимание в Национальном плане уделяется социальным вопросам. С учетом новых вызовов и угроз запланирован и уже реализуется комплекс системных мер по развитию продуктивной занятости населения, систем здравоохранения и образования.

Реализация Национального плана позволит преодолеть вызовы современного этапа и в среднесрочной перспективе выйти на траекторию устойчивого и качественного экономического роста, сопровождаемого повышением качества жизни и благосостояния населения.

Для восстановления мировой экономики и обеспечения глобального роста необходимы скоординированные действия правительств и реальные предложения ведущих экспертов всех стран мира. Пандемия показала пределы национальных экономик, рассчитывающих справиться с проблемой в одиночку.

Мы искренне гордимся и ценим уровень взаимодействия с Российской Федерацией – одним из крупнейших торгово-экономических партнеров Казахстана. Плодотворное и взаимовыгодное сотрудничество наших стран развивается как в рамках ЕАЭС, СНГ, ШОС, ОДКБ, так и в широком спектре двусторонних связей. За последние 10 лет объемы торговли между двумя странами составили 189 млрд. долл.

Товарооборот за 2020 год составил 18,2 млрд. долл. Объемы прямых российских инвестиций в экономику Казахстана составили более 11 млрд. долл. Из Казахстана в Россию направлено около 3 млрд. долл. прямых инвестиций. В Казахстане успешно действуют более 7 тыс. предприятий из России и более 3,3 тыс. совместных казахстанско-российских компаний.

МГУ имени М. В. Ломоносова по праву славится блестящей плеядой выпускников, многими поколениями выдающихся педагогов и ученых. Благодаря созданию казахстанского филиала многим посчастливилось стать частью Университета и получить первоклассные знания и высокую квалификацию.

Поздравляю казахстанский филиал и всех его выпускников с 20-летним юбилеем! Желаю долгих и продуктивных лет деятельности!

Уверен, сегодняшняя конференция станет эффективной диалоговой площадкой для обмена мнениями и опытом между представителями государственного, бизнес- и экспертного сообществ, откроет новые пути решения злободневных проблем по развитию экономики в условиях новой реальности.

Summary

Zhaksylykov T. M. Prospects for the Development of the Kazakhstan Economy under and after the Global Pandemic

The paper examines the impact of the pandemic on key aspects of the development and implementation of national projects in the Republic of Kazakhstan. The COVID-19 pandemic has shaped a global crisis in the long term, which necessitates the search for new ways to restore the economy in the current conjuncture. A clear understanding of the emerging global challenges and opportunities opens attractive prospects for successful integration into the new architecture of economic relations. The author defines the vision of the further development of the economy of Kazakhstan, considering the socio-economic trends of the "new reality", which brings with it both challenges and opportunities.

Key words: national projects, public finance, pandemic crisis, post-pandemic, macroeconomic efficiency.

Якунин В. И.
Заведующий кафедрой государственной политики
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова,
сопредседатель Общероссийской общественной организации
«Российское общество политологов»,
доктор политических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Аннотация. Современная международная политическая реальность ознаменована постепенной дезинтеграцией однополярной модели мирового порядка. На смену прежней конфигурации международных отношений приходит новая архитектура взаимосвязей, контуры которой еще только вырисовываются и не вполне ясны. Ведущие мировые и региональные лидеры пытаются предложить собственные модели мирового порядка и распространить их на как можно большее число географических регионов, используя для этого все имеющиеся инструменты влияния и силы, в том числе посредством международных финансовых институтов. Автор публикации поставил цель дать объективный анализ возможностям данных организаций в вопросах обеспечения безопасности и устойчивого развития национальных экономик и обозначить перспективы развития в условиях формирования новой внешнеполитической реальности.

Ключевые слова: новый мировой порядок, международные финансовые институты, глобализация, финансовая система.

В рамках социально-экономического кризиса, спровоцированного пандемией, изучение роли международных экономических институтов в формировании мирового порядка важно в контексте следующих тенденций, проявившихся в последний год:

- усиление роли национальных правительств на фоне малой эффективности глобальных институтов;
- усиление угроз стабильности и устойчивости национальным государствам, не вполне готовым к реагированию на вызовы пандемии;
- усиление конкуренции между национальными правительствами, которая отчетливо наблюдается в явлении «вакцинного национализма» и создает дополнительные проблемы устойчивости и стабильности современных государств.

Рассмотрим эти тенденции и то, как они влияют на мировой порядок.

Международные экономические институты как основа глобального мирового порядка.

Современный мир невозможно представить без глобальных экономических институтов. Они оказали большую роль в становлении мирового порядка после Второй мировой войны, обеспечивая восстановление, как отдельных экономик, так и становление новой денежно-кредитной, финансовой и экономической системы мирового масштаба. Сейчас мировую финансовую систему невозможно представить без Группы Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), равно как глобальную международную торговлю – без Всемирной торговой организации. Все это основы современного глобального мира и существующего мирового порядка. Многим странам сотрудничество с международными экономическими институтами принесло стабильность, позволило преодолеть кризисы и встать на путь устойчивого развития.

Особо возросло значение глобальных экономических институтов после завершения «холодной войны», когда они стали одним из главных проводников глобализации, а для наших, постсоветских стран – еще и проводниками постсоветских трансформаций, которые имеют далеко неоднозначные оценки.

Институты глобального управления или глобального доминирования?

По опыту постсоветских стран известно, что международные экономические институты как проводники изменений способны оказывать не только конструктивное действие. Об этом говорит как опыт навязывания реформ в условиях постсоветского транзита, так и более свежие примеры в виде невозможности предотвратить или сгладить последствия мирового финансового кризиса и экономического спада, связанного с пандемией.

По оценке российских и зарубежных экспертов [1], следование рекомендациям международных финансовых институтов в 1990-е годы и внедрение реформ в рамках «Вашингтонского консенсуса» в части формирования национальной денежно-кредитной политики и банковской системы заложило основы современных проблем развития российской экономики, а именно –подчиненное положение российской денежно-кредитной системы в рамках глобальной финансовой иерархии.

Это означает:

- высокую восприимчивость к глобальным финансовым кризисам (как пример – кризис 2008–2009 года, который пришел в Россию извне на фоне весьма благоприятной национальной конъюнктуры);

- чрезмерную «финансиализацию» банковского сектора, который неспособен обеспечивать переход инвестиционных ресурсов из финансового сектора в реальный сектор экономики и обеспечивать финансирование долгосрочных инвестиционных проектов, консервируя сырьевую зависимость [2].

Стоит ли говорить, что упомянутое выше подчиненное положении России в мировой финансовой системе и уязвимость российской экономической системы постоянно используются для санкций против нашей страны. При этом ни один международный финансовый институт не способен защитить или хотя

бы сгладить негативные эффекты от них. Подобная нестабильность проецируется и на наших партнеров по Евразийскому экономическому союзу, препятствует устойчивому развитию наших экономик, в том числе и на фоне пандемического кризиса. Сказанное заставляет задаться вопросами: являются ли международные экономические институты институтами развития, управления или доминирования? Каким образом они будут сейчас влиять на политику национальных правительств, особенно в отношении стран, которые оказались в непростых условиях в результате пандемии и спровоцированного ею социально-экономического кризиса?

Перспективы изменения мирового порядка и роль международных экономических институтов.

Нельзя сказать, что страны остались один на один в борьбе с пандемией и ее последствиями. В совместном коммюнике, выпущенном Всемирным банком и МВФ 9 апреля 2021 года по итогам заседания Комитета по развитию – форума с участием представителей 189 государств, отражена весьма широкая повестка вопросов, по которым оба института намерены работать. Среди этих вопросов: бюджетная стабильность, взаимодействие институтов ООН по поводу разработки и справедливого распространения вакцин, помощь частному сектору и другие [3]. С постановкой этих проблем сложно спорить, но складывается ощущение, что все, о чем там говорится, реализуется чудовищно медленно, как в огромном бюрократическом механизме.

Самый яркий пример – это «вакцинный национализм». Если развитые европейские страны не могут между собой договориться о применении вакцин, то почему свое слово по этому поводу не скажет Всемирная организация здравоохранения во взаимодействии с Всемирным банком и МВФ? Однако глобальные институты молчат.

Вместо этого они пытаются сконцентрироваться на некоей долгосрочной повестке, констатируя очевидные вещи, такие, например, как то, что «пандемия COVID-19 усугубила многие «тлеющие кризисы», включая рост конфликтов и насилия, увеличение числа беженцев, стагнацию медианных доходов, экономически неприемлемый уровень долга, а также ущерб от изменения климата» (цитата из выступления президента Группы Всемирного банка Дэвид Малпасс 29 марта 2021 года [4]).

Еще более странно то, что вопросы восстановления после пандемии так жестко увязываются с вопросами климата и «зеленого развития». Не приводит ли это к навязыванию определенной повестки, в том числе с использованием финансовых инструментов? Не появляются ли здесь контуры некоего нового мирового порядка, о котором нас опять забыли предупредить и в котором мы окажемся в результате посткризисного восстановления? Будет ли этот порядок более справедливым и инклюзивным, учитывая то обстоятельство, что формировался он в кризисных и чрезвычайных условиях и без широкого

обсуждения не только общественностью, но и основными мировыми правительствами?

Как видно, проблемы в функционировании международных экономических институтов во многом лежат на стыке политики и экономики, и связаны они со сложностями институционального строительства глобальных структур, а также, возможно, с проблемами геополитического противостояния.

Одна из главных проблем – непрозрачность функционирования и недостаточная инклюзивность этих институтов, а также фактическая иерархическая подчиненность национальных правительств глобальным финансовым институтам. В условиях очевидного роста ответственности национальных правительств за выход из кризиса такая ситуация может продуцировать конфликты, особенно, если международные институты опять займут позицию «сверху вниз» и начнут привязывать предоставление финансовой помощи с выполнением тех или иных обязательных условий, то есть с навязыванием собственной политико-административной повестки. Если скомбинировать такое непрямое, иногда даже неформальное управление с механизмами наложения санкций и ограничений, в результате мы можем получить весьма неприглядную картину «нового мирового порядка».

Впрочем, цель моего выступления – не в том, чтобы «сгустить краски», а в том, чтобы сформировать позитивную повестку в части реформирования международных институтов, которое должно помочь сохранить позитивные достижения глобализации и обеспечить готовность мира к новым вызовам, в том числе связанным с пандемией и изменением климата. Для сохранения и обеспечения устойчивого развития нужно совершенствовать механизмы участия в них международных институтов и обеспечивать более согласованное взаимодействие их с национальными правительствами, с региональными объединениями, такими как ЕАЭС.

Список литературы

1. Ilja Viktorov & Alexander Abramov (2020) The 2014–15 Financial Crisis in Russia and the Foundations of Weak Monetary Power Autonomy in the International Political Economy, New Political Economy, 25:4, 487-510, DOI: 10.1080/13563467.2019.1613349

2. Ilja Viktorov & Alexander Abramov (2020). The 2014–15 Financial Crisis in Russia and the Foundations of Weak Monetary Power Autonomy in the International Political Economy, New Political Economy, P. 505

3. World Bank/IMF Spring Meetings 2021: Development Committee Communiqué. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2021/04/09/world-bank-imf-spring-meetings-2021-development-committee-communique

4. Цит. по: В направлении более экологичного, устойчивого и инклюзивного восстановления / Всемирный банк, 09.4.2021.

5. Building a Green, Resilient, and Inclusive Recovery: Speech by World Bank Group President David Malpass / The World Bank, 29.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldbank.org/en/news/speech/2021/03/29/building-a-green-resilient-and-inclusive-recovery-speech-by-world-bank-group-president-david-malpass

Summary

Yakunin V. I. Role of International Economic Institutions in the Formation of the World Order

The modern international political reality is marked by the gradual disintegration of the unipolar model of the world order. The previous configuration of international relations is being replaced by a new architecture of interconnections, the contours of which are still only looming and not quite clear. Leading world and regional leaders are trying to propose their own models of the world order and extend them to as many geographic regions as possible, using all available tools of influence and power, including through international financial institutions. The author of the publication set the goal of providing an objective analysis of the capabilities of these organizations in matters of ensuring security and sustainable development of national economies and identifying development prospects in the context of the formation of a new foreign policy reality.

Key words: new world order, international financial institutions, globalization, financial system.

Аузан А. А.
Декан экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
председатель Общественного совета
при Министерстве экономического развития Российской Федерации,
учредитель Института национальных проектов,
доктор экономических наук, профессор

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРОНАКРИЗИСА[1]

Аннотация. В статье обсуждаются институциональные последствия пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Показано, что изменения, вызванные пандемией, связаны с цифровой трансформацией экономики и одновременным действием двух схем институциональных изменений, известных в теории как схемы Г. Демзеца и Д. Норта. В статье рассматриваются факторы спроса и предложения институтов. Спрогнозировано снижение приоритета свободы и повышение приоритета справедливости и эффективности государства в «невозможной трилемме» Дж. М. Кейнса. Выделено три варианта предложения политических институтов, основанных на разных типах отношений к правам собственности на персональные данные и разных возможностях обратной связи (модель цифрового тоталитарного государства, модель социального государства устойчивого развития, модель платформенного социального контракта с участием агрегаторов). Показано, что новая точка бифуркации вызвана проблемой прав собственности на персональные данные, а происходящий институциональный сдвиг уже наблюдается в части изменения способов решения проблем оппортунистического поведения, а также в появлении эффекта замещения (вытеснения) государственных институтов цифровыми платформами в сфере сопровождения бизнес-трансакций за счет высокого распределенного доверия.

Ключевые слова: *COVID-19, институциональные изменения, персональные данные.*
Классификация JEL: B52, O43.
DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-9

Кризисы нередко возникают на пиках глобализации, потому что развитие взаимосвязанности экономик имеет иногда и эпидемические последствия. Поэтому нельзя утверждать, что ничего подобного эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19 в истории не было. Иногда эпидемии приводили к весьма долгосрочным, важным и положительным институциональным последствиям. Например, эпидемия чумы в Европе («черная смерть» в XIV в.) была колоссальной трагедией и катастрофой, но при правильной институциональной реакции она приводила к прорывному развитию.

Особенность такого рода кризиса состоит в том, что действующие институты находятся под давлением. Главное – изменяются относительные цены активов. Это основной признак кризиса – от внешнего шока, и точно от этого

[1] Статья была опубликована в Журнале Новой экономической ассоциации, №1 (49), 2021, С. 204–208

пункта начинаются серьезные последствия – как технологические, так и институциональные.

Мне кажется важным в отношении коронакризиса 2020 г. отслеживать два направления возможных перемен. Первая – очевидный скачок – цифровая трансформация экономики. Эпидемия – суровый учитель, и она заставила резко ускорить освоение населением цифровых технологий. Нам пришлось за несколько месяцев пройти расстояние, которое в противном случае заняло бы 5–7, а может быть, и 10 лет. Второе – не менее важное последствие и канал воздействия – уникальный исторический момент, когда срабатывают обе схемы институциональных изменений, известные в теории. Я напомню, что Гарольд Демзец выдвинул «шоковую схему институциональных изменений», хорошо применимую к этой ситуации, когда удар должен приводить к изменению относительных цен, а затем – к изменению прав собственности и всей институциональной системы [3]. А Дуглас Норт предложил альтернативную схему [11], которая была связана не с внешним ударом, а с изменением опыта и знаний, а в конце концов — вкусов и предпочтений, как это показал Роберт Фогель [4, 5], получивший в том же 1993 г., как и Д. Норт, Нобелевскую премию по экономике. Мы живем в ситуации одновременного воздействия обеих схем институциональных изменений, потому что локдаун означал, что людям дали пространство и темы для общения, размышления, погружения в вопросы, которыми они не занимались. И это имеет уже видимые последствия и будет иметь серьезные институциональные следствия в дальнейшем.

Для того чтобы оценить общий фон институциональных изменений, можно сначала посмотреть на факторы спроса на институты, а затем — на факторы предложения, которые сложились при коронакризисе. Коронакризис – это, по существу, цивилизационный кризис. Те ценности, которые еще год назад считались доминирующими, оказались под сомнением. Наша убежденность в том, что мы имеем сильную науку, технологичное образование, эффективное здравоохранение, что в мире есть демократии, которые эффективно решают разнообразные вопросы, – все эти представления пошатнулись. Каким образом можно было бы передать происходящий сдвиг спроса в измеряемых параметрах? В 1932 г. Дж. М. Кейнсом была опубликована работа о невозможной трилемме, где он утверждал, что невозможно одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность [9]. Эта невозможная трилемма позволяет, на наш взгляд, предложить некоторые метрики процесса изменения спроса на институты, а также выдвигать предположения о том, в каком приоритете выстраиваются свобода, справедливость и эффективность – тем самым предъявляя спрос на либеральное государство, социальное государство или диктатуру развития.

Если предсказывать изменения социокультурных характеристик по методикам Р. Инглхарта и Г. Хофстеде [6, 7, 8], возможен резкий рост

ценностей выживания, рост традиционных, а не секулярно-рациональных ценностей. И то, и другое плохо для инновационного развития. С точки зрения карты Инглхарта возможен рост индивидуализма, но при этом положительные последствия, которые связывают с открытым (бриджинговым) социальным капиталом (высоким доверием к другим людям), может подвергаться эрозии под воздействием ограничительной санитарной политики. Скорее всего будет повышаться дистанция власти и несомненно будет повышаться избегание неопределенности. Последнее тоже плохо влияет на инновационную политику, венчурное финансирование и т.д. В целом я бы прогнозировал снижение приоритета свободы при возможном повышении приоритета справедливости и эффективности государства.

Теперь о предложении институтов. Мне представляется, что за неполный год сложилось три принципиально разные модели предложения на политических рынках, которые связаны с разным способом выживания и изменением относительных цен активов.

Во-первых, полагаю, что КНР сформировала предложение цифрового тоталитарного государственного контракта, где персональные данные присваиваются государством. Экономические результаты в КНР в 2020 г. будут лучше, чем у кого-либо из ее крупных конкурентов. Китай решил проблему, которая была неразрешимой для тоталитарных режимов XX в. Напомню, она была обозначена в классификации Винтроба [15] и связана с тем, что запредельно высокие издержки слежки за своими подданными приводят к тому, что люди начинают себя вести фаталистически. Это связано с тем, что наказания невиновных так же вероятны, как и наказания виновных, поэтому теряется реальный контроль над населением и лояльность приходится покупать. Эта проблема решена в Китае благодаря цифровому скринингу. Но полагаю, что тоталитарные схемы создают недостаточно стимулов для внутренней инновационной активности и, кроме того, требуют определенных культурных и идеологических предпосылок, которые нельзя назвать всеобщими.

Второй вариант предложения символически обозначен «Швеция». Суть этого варианта – предложение социального государства с сочетанием приоритетов справедливости и свободы с расчетом на ответственное поведение самоорганизованного населения. Такие методы могут дать определенный результат, но вряд ли они дадут высокую экономическую эффективность. И инновационная активность в социал-демократическом обществе будет скорее инкрементной, а не радикальной.

Третий вариант основывается на резком росте цифровой индустрии, потому что по сути мы пришли к формированию цифровых экосистем – квазигосударств, которые обеспечивают более высокую достоверность обязательств, чем обычные государственные институты. И в этих системах находятся миллионы «цифровых граждан», расширяющийся круг приложений, пользовательское соглашение вместо конституции, а главное –

администрирование на основе технологий искусственного интеллекта. Но и здесь тоже есть проблемы: возможен монополизм, возможны конфликты с национальными правительствами – и прежде всего по поводу криптовалют, права на эмиссию – возникает проблема обратной связи и возможности воздействия на пользовательское соглашение. Все типы социальных контрактов связаны с двумя важными характеристиками: типами отношений к защите персональных данных (к правам собственности на персональные данные) и возможностями обратной связи.

К вопросу о персональных данных. Когда резко выросла относительная цена рабочей силы, сформировались нынешние траектории движения стран – то, что в [10] называется траектории А и В; в [12] – порядком ограниченного и открытого доступа; в (Robinson, Acemoglu, 2012) – экстрактивными и инклюзивными институтами. Думаю, что новая точка бифуркации связана с проблемой прав собственности на персональные данные. Наименее реальный вариант – люди смогут сами защитить свои персональные данные, что требует слишком высоких издержек – большого ресурса внимания. Наиболее распространенные в данный момент варианты решения – или китайский вариант собственности, которая уходит государству, или американский вариант, где специальных институтов практически не создается, поскольку расчет сделан на то, что конкуренция и судебная система защитят признанные номинально права собственности на персональные данные.

Представляется перспективным, в том числе для России, европейский вариант защиты. Европа (в первую очередь – Эстония) стала активно создавать институты прав собственности человека на его персональные данные. Полагаю, что и внутри квазигосударственных цифровых экосистем есть скрытые возможности защиты. Напомню историю с Telegram: основатель Telegram Павел Дуров утверждает, что в архитектуру системы заложены средства защиты персональных данных (хотя некоторые специалисты это оспаривают), но, возможно, что существует и такое решение в духе коммунального режима на основе новых технологий. Думаю, что от выбора, варианта предложения, который примет та или иная страна, будет зависеть отдаленное будущее этой страны, как это было в предыдущей точке бифуркации (во время «Черной смерти» – эпидемии чумы в Европе в XIV в., так называемого «Великого разделения»).

Теперь поговорим о принципиальном институциональном сдвиге, который уже произошел. Вернемся к цифровым платформам, агрегаторам и экосистемам. Здесь есть явные признаки не модификации, а принципиального изменения институтов. Во-первых, по-новому решаются традиционные проблемы оппортунистического поведения. Так, например, проблема рынка лимонов Акерлофа [2] и проблема безбилетника по Мансуру Олсону [13] решается совершенно другими способами и весьма эффективно. Во-вторых, оказывается, что традиционные методы государственной политики в отношении этих

цифровых платформ, как правило, оказываются неэффективными, в частности в том, что касается антимонопольной политики, государственной системы стандартизации и лицензирования компаний. Весной 2020 г. мои коллеги из экономического факультета (МГУ) выявили на анализе европейских данных очень важный факт: существует эффект замещения (вытеснения) государственных институтов цифровыми платформами в сфере сопровождения бизнес-трансакций благодаря тому, что там есть высокое (так называемое «распределенное») доверие – принципиально более высокое, чем за пределами цифровых платформ, благодаря высокой достоверности исполнения обязательств, которые обеспечиваются администрированием на основе технологии искусственного интеллекта (Никишина, 2020).

В России мы также можем видеть сходные тренды. Очень показательны результаты количественного исследования, которое мы провели вместе с РВК и ИНП в июле–августе 2020 г.: можно было увидеть, как поворачивается колесо сансары, как меняется ситуация в треугольнике Кейнса, построенном на основе его невозможной трилеммы[2]. Если в исследовании 2017 г. на первых местах по значимости стояли «Свобода» и «Широта выбора»[3], то теперь они оказались на третьем месте. Третьими по приоритету – не означает несущественными! Но очень заметно вырос приоритет «Эффективность государства» в расчете на то, что государство будет решать эти проблемы. И по-прежнему на второй позиции значимости остается «Справедливость».

В вопросе о персональных данных очень важно, какой вариант предложения будет принят, если мы согласимся с гипотезой, что персональные данные есть ключ ко всей системе поиска новых траекторий развития. Следует подчеркнуть, что вариант цифрового тоталитаризма в России спросом не пользуется, несмотря на то что «свобода» вроде бы ушла на третье место в приоритетах; 55% наших сограждан считают, что только они вправе передавать или не передавать эти данные государству; 40% – тоже вводят серьезное ограничение на использование принадлежащих им персональных данных и готовы согласиться на то, что государство забирает их данные только в двух случаях: если речь идет об антикриминальных или антиэпидемических действиях. Причем в вопросе ограничения передвижений, пропусков страна расколота практически пополам, потому что право мобильности, свободы мобильности – очень серьезная проблема с точки зрения индивидуальных прав и возможностей. При этом статус-кво не принимается – существует чрезвычайно низкое доверие к тому, что государство реально защищает персональные

[2] Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса (https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf).

[3] Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ (https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf).

данные: до 30% в это верят «в какой-то степени», но только 6% верят этому «достаточно твердо»[4].

Мы, кажется, входим в турбулентный, сложный, но очень интересный период новых сильных институциональных поворотов.

Список литературы

1. Никишина Е.Н. (2020). Доверие и шеринговые платформы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. №. 4. С. 71–83.
2. Akerlof G.A. (1978). The market for “lemons”: Quality uncertainty and the market mechanism. Uncertainty in Economics. New York: Academic Press, 235–251.
3. Demsetz H. (1974). Toward a theory of property rights. Classic papers in natural resource economics. London: Palgrave Macmillan.
4. Fogel R.W., Engerman S.L. (1974). Time on the cross: Evidence and methods — a supplement. Boston: Little, Brown and Company.
5. Fogel R., Engerman S.L. (1995). Time on the cross: The economics of American negro slavery. Vol. 1. New York: WW Norton & Company.
6. Hofstede G. (1984). Culture’s consequences: International differences in work-related values. Vol. 5. N.Y.: Sage Publications.
7. Hofstede G. (2001). Culture’s consequences: Com- paring values, behaviors, institutions and organizations across nations. New York: Sage Publications.
8. Inglehart R. (1990). Culture shift in advanced industrial society. Princeton: Princeton University Press.
9. Keynes J.M. (1932). The dilemma of modern socialism. The Political Quarterly, 3, 2, 155–161.
10. Maddison A. (2007). Contours of the World Economy I-2030AD. Oxford: Oxford University Press.
11. North D.C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. World Development, 9 (17), 1319–1332.
12. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Olson M. (1965). The logic of collective action. Public goods and the theory of groups. Cambridge: Harvard University Press.
14. Robinson J.A., Acemoglu D. (2012). Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty. London: Profile.
15. Wintrobe R. (1998). The political economy of dicta- torship. New York: Cambridge University Press.

[4]Отношение населения к новым технологиям в период коронакризиса (https://www.rvc.ru/upload/iblock/fd8/RVC_attitudes_to_technologies_report2020_fragment.pdf).

Summary

Auzan A. A. Global institutional consequences of coronavirus

This article examines the institutional consequences of the COVID-19 pandemics. It is shown that the pandemic-associated changes are related, first to the economy digital transformation, and second to 2 institutional changes schemes acting simultaneously. In the institutional theory the above mentioned schemes are reflected in the works of H. Demsetz and D. North. The author of the article examines factors related to demand and supply of institutions. The article forecasts that in the framework of J.M. Keyens' «impossible trinity» the priority of freedom is to decrease while the priority of justice and efficiency of a state is to increase. The article distinguishes three models of political institutions supply, depending on their relation to personal data property rights and feedback capabilities: the digital totalitarianism model, the social state of sustainable development model and the model of platform-based social contract with aggregators participating in it. It is shown that the new bifurcation point is related to the personal data property rights problem and that the present institutional change can already be seen in the modification of the approaches to opportunism/opportunistic behavior problem solving as well as in the sphere of business transactions support as governmental institutions are substituted (crowded-out) by digital platforms due to high levels of «allocated» trust.

Key words: COVID-19, institutional changes, personal data.

JEL Classification: B52, O43.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-49-1-9

Сидорович А. В.
Директор Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова,
заведующий кафедрой экономики Казахстанского филиала МГУ,
профессор кафедры государственной политики
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук, заслуженный профессор МГУ
г. Москва, Российская Федерация

ПЕРЕХОД К НОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КУРСУ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость перехода к новому экономическому курсу, и выделяются основные направления новой экономической политики. Автор обсуждает историческую обусловленность такого перехода и анализирует структуру противоречий современной национальной модели экономики России. Показана взаимосвязь перехода экономики к новому курсу с необходимыми изменениями в экономической политике государства.

Ключевые слова: новый экономический курс, противоречия экономики, новая экономическая политика.

Пандемия обострила противоречия современного развития и заставила весь мир задуматься о будущем. Основатель и президент Всемирного экономического форума, автор «Индустрии 4.0» Клаус Шваб провозгласил: «Мир должен переоценить свои базовые системы. Миру необходима глобальная перезагрузка». Вывод Римского клуба сводится к двум фразам: «Старый мир обречен. Новый мир неизбежен». Выдвигаются различные предложения и концепции нового развития.

Пандемия обнажила более ярко, чем прежде, внутренние объективные противоречия национальных моделей экономики России и Казахстана. Развитие российской экономики в посткризисный период – это длительная полоса стагнации, продолжающаяся с 2014 года, что вызывает серьезную обеспокоенность руководства страны, научной общественности и населения. Все настойчивее звучат требования о необходимости перехода к новому экономическому курсу, к новой модели развития.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев, выступая на заседании Высшего совета по реформам, выразил идею перемен в ясной формуле: «Нам необходим новый экономический курс», «нам нужен качественный рывок». Руководства наших стран уже практически приступили к обоснованию и реализации нового курса. Вместе с тем неизбежно возникает вопрос об ориентирах и глубине преобразований: касаются они лишь набора мер

по ключевым направлениям или требуют изменения самой модели развития, перехода ее на новую перспективную траекторию.

Существует большой соблазн решать современные проблемы путем смягчения противоречий и улучшения ситуации по отдельным направлениям экономической политики. Например, стабилизировать положение граждан за счет благоприятных внешних условий, поддержки отдельных слоев населения. Однако такие решения не могут принести устойчивых результатов, если они не обеспечивается достаточно высокими темпами роста экономики, основанными на росте производительности труда, эффективности и полной занятости населения. Экономика должна сама, в ходе воспроизводства, создавать факторы роста.

Переход к новому экономическому курсу страны – это, как правило, значительные и даже кардинальные изменения в обществе. Последнее требует уточнения целей преобразований и обновления модели развития. При этом нельзя повторять ошибок прошлого – выдвигать тупиковые и недостижимые цели, к которым общество через какое-то время утрачивает доверие. Следовательно, провозглашение нового экономического курса страны предполагает ориентацию на стратегические цели и перспективы общества и служит преодолению накопившихся в нем противоречий, которые сдерживают его развитие. В этой связи принципиальное значение имеет обоснование нового курса, исходя из объективного анализа предшествующей истории развития модели экономики и определения факторов, которые сдерживают современное развитие экономики и общества.

Если подойти с этих позиций к обоснованию нового экономического курса, то следует отметить, что такой переход в российской экономике объективно необходим и назрел. Современная российская экономическая система развивается более четверти века. Известный исследователь систем Янош Корнаи писал: «У каждой системы … есть *врожденные* пороки. Они закодированы в ее клетках. Подобные недостатки можно смягчить посредством надлежащих мер, но избавиться от них невозможно» [1, с. 30]. Закономерности системы неизбежно проявляют себя в устойчивых тенденциях, которые присущи нашим странам.

Во-первых, новый курс обоснован *исторически.* На первом этапе становления новой российской экономики не решались задачи развития экономики, а решались политические задачи ликвидации прежней системы и, как неоднократно подчеркивали реформаторы, главной задачей было недопущение реставрации прежней системы и власти. Коммунистической партии. В этот период произошло разрушение промышленного и оборонного комплекса и связей между бывшими союзными республиками. После 1998 года основной задачей стало восстановление управляемости государством, его связей в экономике и создание новых институтов, которые способны организовать действие рыночной модели национальной экономики. В. В. Путин, говоря

об особенностях этого этапа, отмечал в статье «Россия сосредотачивается – вызовы на которые мы должны ответить» в 2012 году, что необходимо было «выбраться из ямы» «возродить авторитет и силу государства». Налаживание и создание новой системы в дальнейшем совпало с экономическим кризисом 2008-2009 гг., а затем с системными санкциями против России, которые продолжаются до сих пор.

За все время преобразований сформировалась новая общественная система и новая модель экономики, которая имеет *свои собственные закономерности и противоречия* и уже проявились ее основные характерные черты [2]. В силу того, что современная экономика не могла не отражать недостатки первых этапов, ее сегодняшнее состояние характеризуется противоречивыми тенденциями и закономерностями, которые явно сдерживают развитие экономики и рост благосостояния людей. Так как Россия и Казахстан развиваются по однотипной модели национальной экономики, для наших стран это серьезная проблема преобразований.

Во-вторых, для обоснования и выработки нового экономического курса исторический подход недостаточен, хотя и необходим. Следует определить *структуру современных противоречий* национальной модели и *ключевые противоречия*, которые решающим образом сдерживают развитие. Новый экономический курс должен не просто разрешить противоречия современной национальной модели, он должен **преодолеть ее закономерности**, которые сложились в условиях деформации развития. В этом главная трудность и проблема реализации нового курса.

Следует различать внешнее проявление закономерностей (их формы) и основные устойчивые тенденции, которые проявляются через эти формы. Первым проявлением таких тенденций экономики, как показывает отечественный и мировой опыт, является замедление темпов роста ВВП и доходов населения, усиление инфляции. В различных сочетаниях это происходило в европейских странах и США перед переходом к «тэтчеризму» и «рейганомике», при попытке осуществить «перестройку Горбачева» и т. д. И в современных условиях это обнаруживается в экономике России, в снижении темпов роста ВВП и доходов населения. Как видно из таблицы 1, с 2014 года происходило снижение реальных располагаемых доходов населения, и ежегодный прирост ВВП составлял менее двух процентов. Однако это само по себе еще не является основанием для провозглашения нового курса. Например, факторы пандемии или санкции являются экзогенными факторами и можно предположить их исчезновение через определенный период времени.

Другой характер носят изменения факторов, которые характеризуют *социально-экономические неравенства в обществе*. Чрезмерное и устойчивое неравенство в обществе в многообразных формах обнаруживает одно из коренных свойств модели – состояние социально-экономического положения населения и реализацию принципа социальной справедливости. Общеизвестно, что показатели коэффициента фондов и Джини являются универсальными

и общепризнанными показателями для такой характеристики. Особенностью российской экономики является то, что в ней сформировалась высокая степень неравенства, это выражается, как видно из таблицы 1, в том, что данные коэффициенты составляют соответственно 15-16 раз и 0,41-0,42. Устойчивость данных и ряда других показателей говорит о том, что российская экономика нуждается в корректировке модели по данному критерию. Это неизбежно требует новых подходов к курсу экономической политики и даже изменения ее модели.

Таблица 1. Показатели воспроизводства российской экономики в 2010-2020 гг. (в % к предыдущему году)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,3	0,3	1,6	2,3	2,0	-3,0
Промышленность	7,3	5,0	3,4	0,4	1,7	-0,8	2,2	2,1	2,9	3,4	-2,6
Реальные располагаемые денежные доходы населения	5,9	0,5	4,6	4,0	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,1	1,0	-3,0
Коэффициент фондов	16,6	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,5	15,3	15,5	15,6	15,6
Коэффициент Джини	0,421	0,417	0,42	0,419	0,416	0,413	0,412	0,409	0,411	0,411	0,403
Инвестиции в основной капитал	6,3	10,8	6,8	0,8	-1,5	-10,1	-0,2	4,8	4,3	2,1	-1,4
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	20,6	20,7	20,9	21,2	20,5	20,0	21,2	21,4	20,6	17,7	18,8
Инвестиции в основной капитал в добычу полезных ископаемых (% к общему объему)	13,8	13,9	14,8	14,9	15,4	17,2	18,4	19,0	18,2	16,7	16,4
Доля инвестиций в обрабатывающие производства (% к общему объему)	13,2	12,9	13,4	14,4	15,0	15,6	14,3	14,3	14,7	14,0	14,6

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики с уточнениями 2019 года

Еще один из первичных показателей развития – характеристика *инвестиций в основной капитал*. Если анализировать национальную модель экономики России с позиции данного параметра, то обнаруживается парадоксальная ситуация – низкий и явно недостаточный уровень инвестиционной активности в течение всего периода становления и развития национальной модели развития экономики России даже при наличии возможностей в форме рентных доходов. Как видно из таблицы 1, этот показатель колеблется в пределах 20-21 % от объема ВВП, в то время как для развития и ускорения темпов экономики необходимо, чтобы доля инвестиций от ВВП составляла по крайне мере 35-40 %. В Китае эта доля инвестиций составляет свыше 40 % от ВВП.

Анализ показывает, что это явление носит устойчивый характер и, что самое неприятное, в экономике России созданы механизмы сдерживания инвестиций в экономику. Эти механизмы включены в существующую модель национальной экономики и во многом определяют необходимость решительного поворота к новому экономическому курсу. Среди них следует выделить, во-первых, механизмы оттока капиталов и, во-вторых, характер экономической политики, ориентированной на жесткую кредитно-денежную политику. Эти два вида механизмов связаны между собой, что требует отказа от некоторых устоявшихся догм и мифов, которые лежат в основе современной экономической политики.

К сожалению, в условиях современной экзогенной экономической политики России потенциал развития экономики сдерживается не только объемом инвестиций, но и их структурой, ориентированной на сырьевой сектор экономики. Остается ориентация на перераспределение инвестиционных ресурсов в его пользу.

К сожалению, мировая практика подтверждает, что сырьевой ориентации свойственно сращивание государства с интересами капитала, представляющего добывающий сектор. Хотя российские корпорации, функционирующие на базе добывающих отраслей, имеют частную форму, однако по сути это «квазигосударственные структуры» или «частные государственные компании», которые имеют возможность через сращивание с государством лоббировать свои интересы, сужая возможности для развития капитала в обрабатывающей промышленности, малого и среднего бизнеса. Выражением этого является перераспределение инвестиционных ресурсов не просто в пользу добывающего сектора, но и переориентация инвестиционных потоков за пределы национальной экономики России. Этот процесс получил ряд устойчивых форм.

Он проявляется в офшоризации и международном движении инвестиций. Инвестиционная позиция по прямым инвестициям России в 2018 г. показывала долю офшоров в зарубежных активах российских резидентов на уровне 56 %. В настоящее время предпринимаются решительные шаги для преодоления офшоризации экономики. Об этом свидетельствуют меры по пересмотру соглашений о взаимном налогообложении с рядом стран, что приводит даже к разрыву соглашений с ними, как в случае с Нидерландами. Россия в современных условиях продолжает оставаться нетто-экспортером капитала, как за счет

наращивания новых инвестиций, так и за счет реинвестирования полученных зарубежными предприятиями доходов в экономику постсоветских стран. Эти инвестиции, как правило, связаны с вложениями в добывающую промышленность.

Еще одно проявление ограничений внутренних инвестиций – не всегда обоснованное следование «бюджетному правилу» в условиях предельно низкого уровня инвестирования в национальную экономику. Положительная задача – с его помощью регулировать использование нефтегазовых доходов и формировать стабильный бюджет – превращается в свою противоположность, если доходы страны перестают работать на ее развитие. Сложившееся положение в национальной экономике справедливо увязывается с общей причиной – реализованным в последние годы вариантом экономической политики, которая была ориентирована на снижение инфляции путем проведения жесткой денежно-кредитной политики, сопровождающейся снижением жизненного уровня населения.

С 2000 года произошло «зависание» всех ранее указанных тенденций, система не реагирует на меры, направленные на стимулирование роста. Анализ ряда исследователей показывает, что ликвидные активы предприятий и организаций, хотя и возрастали в последние годы, однако, явно недостаточно использовались на финансирование производства товаров и услуг. В такой ситуации, особенно в условиях шока предложения, свойственного современному пандемическому периоду, монетарные смягчения не приводят и не приведут к росту инвестиций.

Следовательно, можно сделать вывод, что *первостепенной задаче*й для преодоления неблагоприятных тенденций является финансирование предложения и создания внутреннего рынка, способных оживить экономическую деятельность на основе развития производства реального сектора. Для этого необходима концентрация финансовых ресурсов на цели развития национальной экономики. Следует сказать, что эти меры уже начали применяться в России к инфраструктурным проектам, они заложены в концепции национальных проектов, реализация которых находится под постоянным контролем руководства страны. В сочетании с деофшоризацией, мерами по налогообложению сверхдоходов сырьевых монополистов это становится важными элементом концепции нового экономического курса.

Таким образом, переход к эндогенной политике, которая ориентируется на то, чтобы факторы экономического роста создавались и использовались внутри национальной экономики, – это приоритетное направление новых преобразований и нового курса в сложившихся условиях России. Другими словами, концепция национальной экономики, ее приоритетность, должна быть постоянно в центре внимания новой политики государства, что должно найти отражение в приоритетности *национально-ориентированной инвестиционной государственной политики.*

Составной частью нового экономического курса должен стать вопрос об *изменении социальной и ценностной ориентации общества*. Сложность данной задачи определяется тем, что, в конечном счете, ее решение связанно

с совершенствованием отношений собственности и переустройством форм ее реализации. Как правило, эту проблему сводят к перераспределению доходов в обществе и устранению значительных различий в них. На самом же деле эта проблема касается всех элементов отношений собственности – от ее первичного распределения до форм участия граждан в управлении ею и определений принципов справедливости распределения доходов. Как отмечал Дж. Ролз в известной работе «Теория справедливости», «В государстве благосостояния цель состоит в том, что никто не должен иметь стандарт жизни, ниже приемлемого уровня…» [3, с. 11, 12]. Эти принципы реализуются в различных моделях солидарного общества. Такая модель развития предполагает формирование в обществе общих ценностей. Известный исследователь Робер Буайе, обосновывая легитимность власти, писал следующее: «более или менее значимое распространение общих ценностей порождает соответствующее более или менее значимое понимание справедливости, являющееся конечным основанием всякой политической легитимности» [4].

Идея единообразного понимания членами общества и властью ценностей, «цементирующих общество», особенно важна в современном мире и для наших стран. Когда в России 10 % богатейших людей владеют 77 % совокупного богатства страны, если его рассчитать как рыночную стоимость финансовых и нефинансовых активов, остается вопрос, что может служить основой общих ценностей обновленной модели развития? Хотим мы или не хотим, мы вынуждены будем дать вместе с обществом ответ на эти вопросы. В современных условиях XXI века необходим переход к ***политике социального развития,*** которая должна быть направлена на создание социально-солидарного общества, в котором взаимный учет интересов при принятии решений будет принципом деятельности государства. Это, на наш взгляд, принципиально важное направление изменения политики.

Опыт последних десятилетий и особенно развития в условиях пандемии показывает, что национальные модели, в которых в большей степени заложены принципы солидарного общества, более устойчивы к кризисным ситуациям. Об этом свидетельствуют результаты сравнительного анализа стран (таблица 2).

Как видно из таблицы 2, страны, которые имеют социально ориентированные модели (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия) справились с кризисными последствиями пандемии лучше, чем страны средней Европы (Германия, Австрия) и значительно лучше, чем страны Южной Европы с менее развитой социальной моделью (Испания, Италия, Португалия). По мнению В. Попова, страны Восточной Азии показали, что преодолевают пандемию лучше других стран в связи с тем, что их модели обладают коллективными ценностями и традициями, исходят из примата холистического, с позиции общества, подхода. Можно сделать вывод о том, что дальнейшая ориентация модели России на общие солидарные ценности и традиции является перспективным направлением нового курса.

Таблица 2. Изменение ВВП стран мира в 2020 г. в процентах к 2019 г.

Страна	Рост ВВП (%)
Китай	1,85
Вьетнам	1,6
Корея	- 1,88
Норвегия	*- 2,83*
Финляндия	*- 3,88*
Дания	*- 4,5*
Швеция	*- 4,72*
Швейцария	- 5,03
Германия	- 5,88
Австрия	- 6,72
Италия	-10,65
Португалия	- 10,00
Испания	- 12,83
Мир в целом	**- 4,36**

Таблица 3. Соотношение социальных показателей и ВВП Казахстана и России

	2015		2019	
	Россия	**Казахстан**	**Россия**	**Казахстан**
ВВП на душу населения по ППС в долл. США	24 061	25 123	28 923	29 894
Уровень бедности, в %	13,2	2,7	12,3	4,3
Коэффициент Джини	0,416	0,28	0,411	0,29
Среднемесячная заработная плата, в долл. США	561	568	733	485
Прожиточный минимум, в руб.	9 452	5 918	11 329	6 102
Безработица, в %	5,6	7,6	4,6	4,8

Рассчитано на основании данных ЕЭК и Статкомитетов

Важным условием формирования нового экономического курса является обоснование объективных *критериев и ориентиров экономической политики* государства. Такие критерии, как правило, задаются через индикаторы и показатели, зафиксированные в стратегических планах. При этом нельзя допускать преувеличение роли таких индикаторов и брать международные рейтинги в качестве критерия оценки развития страны [5]. Причина этого заключается не только в том, что зачастую изменяется методология расчетов показателей, и они делаются несопоставимыми. Кроме того международные рейтинги включают параметры, полученные путем субъективных опросов. Еще один недостаток рейтингов – их политизация через методологию расчета (пример: рейтинги коррупции). Сопоставимость показателей особенно важна для стран, которые принадлежат к одним и тем же региональным объединениям и развиваются на основе однотипных моделей. Анализ показателей развития России и Казахстана показывает, что в рамках Евразийского союза необходимо стремиться к выработке единых подходов к методологии исчисления социальных показателей при реализации нового курса наших стран.

Как видно из таблицы 3, при примерном равенстве ВВП на душу населения по ППС России и Казахстана есть существенные различия в показателях неравенства, прожиточного минимума, бедности… Более детальный анализ показывает, что социальные показатели России и Казахстана реально примерно равны и не могут отличаться столь значительно несмотря на то, что степень неравенства в России несколько выше, чем в Казахстане. Это требует более активной работы Евразийской экономической комиссии по унификации показателей развития для всех стран Союза.

Наши страны завершают современный этап преобразований. Наступает трудный период обновления моделей развития. Он может быть успешным в том случае, если при сохранении исторических традиций жизни людей, признании особенностей собственной модели развития, сформировать модель более тесного взаимодействия стран друг с другом, выработать пути не только развития, но и оказания помощи и содействия друг другу на этом пути. По инициативе Н. А. Назарбаева такая модель создана – это Евразийский экономический союз.

Список литературы

1. Корнаи Я. Размышления о капитализме / пер. с венг. О. Якименко; науч. ред. Д. Расков. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

2. Сидорович А. В. Закономерности современной российской экономики и переход к новому этапу развития // Экономические стратегии. М., 2019. №7.

3. Джон Ролз. Теория справедливости: пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

4. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. Т. 9. № 3. Май 2008.

5. Додонов В. Ю. Международное инвестиционное сотрудничество Казахстана: тенденции, факторы, перспективы. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 192 с.

Summary

Sidorovich A. V. Transition to a new economic course and contradictions of transformations of the national economy

The paper justifies the need for the transition to a new economic course and highlights the main directions of the new economic policy. The author shows the historical background of such a transition and analyzes the structure of the modern national model contradictions of the Russian economy. The relationship of the economy to the new course with the necessary changes in the state economic policy is shown.

Key words: new economic course, economic contradictions, new economic policy.

САТЫБАЛДИН А. А.
Директор Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, академик Национальной академии наук Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор
г. Алматы, Республика Казахстан
ieconomkz@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И НОВЫХ ТРЕНДОВ ИНДУСТРИИ 4.0

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы развития экономики Казахстана в условиях влияния глобальных вызовов Индустрии 4.0 и пандемии ***COVID-19.*** Показаны сильные стороны и возможности подъема национальной экономики в период пандемии. Обоснована необходимость структурной трансформации национальной экономики, цифровизации ее основных секторов и развития наукоемких производств. Особое внимание обращено на решение проблемы развития человеческого капитала, рынка труда и снижения социальной напряженности в обществе. Рекомендованы основные направления по развитию и эффективному функционированию агропромышленного комплекса страны с целью повышению продовольственной обеспеченности страны.

Ключевые слова: технологическая революция, пандемия**,** трансформация экономики, наукоемкая экономика, человеческие ресурсы, агропромышленный комплекс.

Современное развитие экономики Казахстана испытывает сильное влияние глобальных вызовов, таких, как ускорение трендов технологической революции Индустрия 4.0, усиление конкуренции на мировых рынках, изменение климата, пандемия COVID-19. Все названное приводит к снижению цен на сырье, к нестабильности финансовой системы, росту безработицы, нехватке продовольствия, активизации кибер-атак, загрязнению окружающей среды и нарастанию социальной напряженности общества.

Нужно отметить, что казахстанская экономика является достаточно уязвимой к внешним шокам в силу ряда слабых ее сторон:

- тяжелая отраслевая структура, преобладание отраслей сырьевого сектора, зависящих от колебаний конъюнктуры спроса на мировых рынках сырья;

- нерациональное природопользование, истощение природных ресурсов, падение производства на предприятиях, специализирующихся на добыче сырья, что может привести к ограничению возможностей будущего роста;

- низкая доля отраслей с законченными технологическими цепочками и высокой долей добавленной стоимости;

- низкая доля высокотехнологичных производств;

- отставание развития экспортоориентированных отраслей, производящих конкурентоспособную на мировых рынках продукцию.

За последние десятилетия в Казахстане в результате принятия и реализации государственных программ индустриально-инновационного развития наблюдались позитивные изменения в национальной экономике. В частности, в 1,3 раза выросла производительность труда, в 2,1 раз увеличился приток инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающих отраслей. Было освоено производство 500 видов продукции, новых для промышленности Казахстана: грузовые и пассажирские вагоны, электровозы, грузовые, легковые автомобили и автобусы, трансформаторы, рентген аппаратура, светодиодные светильники, титановые слитки, лекарственные средства, молочная продукция и другое. Появились и экспортоориенированные предприятия, производящие конкурентоспособную на внешних рынках продукцию (турбины паровые, изделия из меди, радиаторы, аккумуляторы, напитки, кондитерские изделия и т.д). Однако, несмотря на эти изменения, удельный вес обрабатывающего сектора в экономике страны не меняется уже на протяжении двух десятилетий. Если в 2003 г. доля обрабатывающего сектора в стране составляла 12 %, в 2009 г. – 11 %, то в 2019 г. – 11,1 %, что ниже среднемирового уровня.

В Казахстане сложился низкий показатель индекса экономической сложности (-0,5), что является результатом увеличения зависимости экономики от сырьевых отраслей и несложных в производстве продуктов (нефть, руда, металлы и т. д.). Между тем, подобный индекс в развитых странах составляет в среднем +2 [1]. На сегодняшний день совокупной вклад сектора высокотехнологичной индустрии и услуг в нашей стране составляет всего лишь 12,5 % к ВВП. В то же время 29 % мирового валового внутреннего продукта (ВВП) формируют всего 10 наукоемких отраслей, включая пять отраслей сферы услуг и 5 высокотехнологичных отраслей промышленности [2, с. 7].

Таким образом, в Казахстане ныне наблюдаются инерционные тенденции в области индустриализации. Поэтому глобальные вызовы пандемии коронавируса оказали достаточно сильное негативное влияние на казахстанскую экономику. Основными ее *проблемами*, возникшими в пандемийный период, явились:

- снижение объемов производства в традиционных отраслях сырьевого сектора вследствие снижения спроса на сырье на мировых рынках;
- сокращение объемов производства бизнеса и его доходов;
- снижение притока инвестиций казахстанского бизнеса;
- рост безработицы;
- резкое падение потребительского спроса населения вследствие снижения его доходов;
- уменьшение объемов товарооборота и производств, ориентированных на потребительский спрос.

Учитывая перечисленные проблемы, продолжающийся кризис на нефтяном рынке, неопределенность масштабов снижения потребительского спроса и инвестиций, по оценкам Международного валютного фонда, в 2020 году отмечается снижение ВВП Казахстана, в реальном выражении оно составило -2.5 %, тогда как в 2019 году рост ВВП был на уровне 4.5 %. В истории современного Казахстана ВВП впервые показывает отрицательную динамику [3].

Согласно предварительным оценкам Евразийского Банка Развития, агрегированный ВВП государств-участников, вследствие пандемии COVID-19, снизился по итогам 2020 г. на 3,8 % после роста на 1,7 % годом ранее. В Армении сокращение экономики составило 6,4 %, в Беларуси – 1,5 %, в Казахстане – 3 %, в Кыргызстане – 7,5 %, в России – 4 %. В то же время, согласно прогнозу ЕАБР, в 2021 г. полное восстановление ВВП к докризисному уровню 2019 г. произойдет лишь в Казахстане, где спад по итогам 2020 г. оценивается как сравнительно небольшой. В Армении, Кыргызстане и России предкризисного объема производства удастся достичь в первой половине 2022 г., а в Беларуси восстановление экономики ожидается только в первом полугодии 2023 г. Скорость восстановления экономики в странах ЕАЭС может замедлиться вследствие низкого инвестиционного спроса и неустойчивого финансового состояния реального сектора [4].

В то же время, пандемия заставила по-другому посмотреть на проблемы развития экономики в нашей стране, обратить внимание на возможности использования ее сильных сторон, таких, как:

- усиление внимания к диверсификации структуры экономики, к развитию производств обрабатывающей промышленности с высокой долей добавленной стоимости, к росту доли «экономики простых вещей», нацеленных на удовлетворение потребностей людей;

- активизация внедрения цифровых технологий во всех сферах производства и жизнедеятельности людей;

- государственная поддержка развития отраслей агропромышленного комплекса с целью обеспечения продовольственной безопасности страны и постепенного превращения ее в продовольственный хаб мирового значения.

Сегодня, в условиях новых глобальных вызовов необходима реализация Общенационального приоритета по построению диверсифицированной национальной экономики, утвержденного в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года [5]. Иначе говоря, назрела необходимость коренной структурной трансформации национальной экономики, переход к ее качественно новой, наукоемкой модели, основанной на генерировании и использовании знаний. В самом общем виде наукоемкая модель развития представляет собой экономику, которая базируется на знаниях, новых технологиях и высокотехнологичных отраслях.

Для этого предстоит решить ряд задач, в числе которых преодоление сырьевой зависимости и увеличение доли несырьевого экспорта до 70 %, создание диверсифицированного индустриального сектора, рост затрат на научно-исследовательские и опытно конструкторские работы (НИОКР) до 1 % к ВВП в среднесрочном периоде. В связи с этим перспективы развития Казахстана во многом зависят от того, насколько экономика сумеет адаптироваться к требованиям научно-технических приоритетов современной технологической революции Индустрия 4.0.

Оценивая возможности Казахстана в дальнейшей технологической модернизации и структурной трансформации, необходимо учитывать *усилия по созданию и развитию драйверов формирования наукоемкой экономики.* К ним, прежде всего, относятся технологии и инновации, человеческий капитал, глобальная торговля и инвестиции, институты, ресурсы устойчивого развития.

Мощным драйвером экономического роста является наращивание потенциала наукоемких отраслей и производств. На наш взгляд, определяющими являются следующие *приоритеты структурно-технологической трансформации национальной экономики:*

- модернизация базовых отраслей горнодобывающей промышленности и энергетики путем интеграции в производственные процессы наукоемких услуг, цифровых технологий, развитие зеленых технологий;

- развитие наукоемких производств, в том числе таких, как фармацевтика и производство медицинского оборудования и инструментов (общее оборудование, специальное оборудование, аппараты ИВЛ, рентген оборудование и др.);

- расширение наукоемких услуг, в том числе услуг в области здравоохранения; исследования и разработки в области медицины и биотехнологий (разработка вакцин, систем тестирования, методов диагностики и лечения), расширение доступности социальных услуг на основе цифровых технологий и сервисов.

Реализация этих приоритетов, преодоление технологического отставания и рост конкурентоспособности национальной экономики могут быть обеспечены на основе развития инновационного, человеческого и научного потенциала республики. Особенно важную роль в технологической модернизации национальной экономики играет опережающее развитие науки, ее соединение с технологией и качеством жизни населения, наука должна стать проводником знаний и технологического прогрессе в стране.

Поэтому одной из важных задач, поставленных Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым в его Послании народу страны, явился *вопрос о развитии науки, повышении качества исследований и росте ее результативности для практики.* Только при условии полновесной реализации поставленных задач, можно совершить рывок в научно-техническом

и социально-экономическом развитии Казахстана, придать национальной экономике современный облик и обеспечить рост народного благосостояния.

В целом, для обеспечения технологической ***трансформации экономики страны и создания условий для производств будущего,*** *необходимо внести корректировки в программы индустриализации и в модель управления и организации науки в следующих направлениях:*

- ориентирование программ индустриализации экономики на создание наукоемких производств и зон высоких технологий;
- развитие сектора наукоемких услуг - международной логистики, транспорта и коммуникаций, IT услуг, научно-технических, медицинских услуг;
- стимулирование привлечения капитала ТНК в создание инновационных предприятий и высокотехнологичных производств;
- увеличение расходов на науку в среднесрочном периоде до уровня 1,0 % к ВВП, 1,7 % в госбюджете;
- создание благоприятных условий для инвестиций частного бизнеса в НИОКР;
- разработка Национального проекта развития казахстанской науки и новой модели организации и управления наукой;
- разработка и использование на практике Методики оценки вклада науки в экономику и определения эффективности научных исследований;
- введение двухступенчатой системы аттестации научных кадров высшей квалификации: 1-я ступень - доктор философии (PhD); 2-я ступень – степень хабилитированного доктора или доктора по специальности;
- расширение прав НИИ для подготовки научных кадров; открытие на базе НИИ программы докторантуры и специализированных советов по защите диссертаций.

Современный этап развития мировой экономики проходит на фоне *ускоренного развития цифровых технологий*. Цифровые технологии определяют формирование экономики с высокой долей интеллектуальных услуг, меняют облик традиционных отраслей, охватывают процессы в секторе экономики знаний, индустрии и услугах. С учетом этих тенденций важным направлением нового этапа модернизации нашей страны явилась Программа «Цифровой Казахстан», которая преследует цель ускорить темпы развития экономики, улучшить качество жизни населения за счет использования цифровых технологий, создание цифровой экономики будущего.

Сегодня свыше трети оказанных высокотехнологичных услуг в республике составляют услуги по компьютерному программированию, консультационные услуги. В перспективе в числе приоритетных наукоемких услуг должны быть информационно-коммуникационные услуги, IT-сервисы, SMART-технологии, 3D технологии, в том числе для социальной сферы – образования, здравоохранения, социального обеспечения, а также для сферы профессиональных исследований и

разработок. Но формирование наукоемкой экономики в Казахстане не ограничивается развитием ИКТ, образования, науки, но и означает развитие интеллектуального потенциала, изменение технологии производства, цифровизацию традиционных отраслей.

В период пандемии альтернативой для малого бизнеса в продвижении услуг стали социальные сети, но они не могут быть полноценной альтернативой интернет-торговле, так как не могут обеспечить весь процесс осуществления сделок, гарантии безопасности потребителей и прозрачность платежей и т. д. Поэтому приоритетное развитие должны получить онлайн-сервисы для логистики и интернет-торговли. Невысокий уровень развития и охвата населения интернет-торговлей стал одним из факторов снижения спроса не только в удаленных от крупных городов районах Казахстана.

Серьезные затруднения Казахстан испытывает *в драйверах «Человеческие ресурсы».* Снижается обеспеченность Казахстана научно-техническими кадрами. Между тем, *развитие человеческого капитала,* обеспечение потребности в квалифицированных кадрах с учетом развития новых отраслей и технологий, формирование сбалансированного рынка труда имеют ключевое значение для подъема экономики страны.

Наиболее чувствительным индикатором технологической модернизации и цифровой трансформации экономики страны является *рынок труда*. Следует учитывать возможность появления на рынке труда невостребованных работников, рост структурной безработицы, которые могут провоцировать нарастание социальной напряженности в обществе. По данным Глобального института McKinsey, уже к 2036 году может быть автоматизировано от 2 до 50 % работ [6]. Происходящая трансформация на рынке труда, использование искусственного интеллекта все в большей мере начинают вытеснять не только монотонные физические виды работ, но также и рутинный интеллектуальный труд, как например, сбор и обработка информации. Соответственно во многих странах, как развивающихся, так и развитых, структурная безработица может приобрести массовый характер. Согласно данным Международной организации труда (МОТ), число безработных во всем мире по итогам 2019 года составило 212 млн. человек, увеличившись на 11 млн. человек за предшествующие 3 года. В условиях пандемии численность людей, потерявших работу, резко возросла даже в развитых странах. Так, по предварительным оценкам, в 2020 году в США безработными считались около 20 млн. человек, в Европейском Союзе – 16 млн. человек, а с учетом скрытой безработицы, по оценкам МОТ, сокращение рабочих мест составило 500 млн., а заработок снизился на 10 % [7].

Вместе с тем цифровые технологии окажут заметное положительное воздействие на рынок труда. Согласно докладу ВЭФ, автоматизация многих отраслей промышленности приведет к появлению более чем 2 млн. новых рабочих мест по всему миру, благодаря автоматизации и цифровизации

промышленного производства увеличится число безопасных рабочих мест, а цифровые платформы создают новые возможности для трудоустройства [8]. В целом развитие человеческого капитала предполагает повышение его качественных характеристик, а именно: улучшение здоровья, увеличение средней продолжительности жизни, снижение бедности, обеспечение современного образования, обеспечивающего востребованность на внутреннем и внешнем рынках труда.

Поэтому глобальные вызовы требуют разработки в Казахстане *Концепции повышения конкурентоспособности национальных кадров* с учетом приоритетов и потребностей страны.

В новой социальной политике Казахстана важно обеспечить повышение эффективности систем социальной защиты. В период адаптации населения к новым рабочим местам требуются *новые системы социальной защиты* путем *установления гарантированного минимального уровня надежной социальной защиты*, позволяющего человеку получать социальной помощь независимо от статуса занятости. Такая модель является более эффективной, т.к. предусматривает как обязательное, так и добровольное социальное страхование для гораздо большего охвата людей.

Серьезным глобальным вызовом XXI века, угрожающим всему человечеству, обострившимся в период пандемии, является *недостаток продовольствия*. Основными причинами нарастания этой проблемы во многих странах мира явились: сокращение посевных площадей; рост народонаселения (по прогнозу ООН население Земли к 2050 г. достигнет 9,1 млрд. человек), при этом аграрное производство необходимо будет увеличить на 70 % [9]; сокращение орошаемых земель, обмеление рек; сокращение поголовья пастбищного животноводства; техногенные факторы, влияющие на загрязнение земель, создание парникового эффекта, усложняющего ведение сельскохозяйственного производства.

Уровень продовольственной безопасности Казахстана напрямую зависит от *эффективности функционирования национального агропромышленного комплекса (АПК),* устойчивости системы продовольственного обеспечения, механизмов защиты отечественных производителей сельскохозяйственной продукции и базовых видов продовольствия.

В сложившихся непростых условиях одним из приоритетов развития национальной экономики стал *агропромышленный комплекс*. Президентом РК К.-Ж. Токаевым на заседании Высшего Евразийского экономического совета [10] была подчеркнута необходимость *построения самодостаточной национальной экономики,* развитие которой опирается на преимущественное использование собственных ресурсов.

Между тем, для нашей страны характерны проблемы, сдерживающие развитие аграрного сектора: низкая эффективность сельскохозяйственного

производства и, как следствие, его удорожание; недостаточная конкурентоспособность отечественного производства и зависимость от импорта отдельных видов продовольствия; большой физический износ материально-технической базы АПК и недостаточный уровень ее технологического обновления; нарушение существовавших ранее мелиоративных и оросительных систем; слаборазвитая инфраструктура. Отмечается неоправданно большое число посреднических звеньев на пути движения товара от производителей к потребителю; трудности получения инвестиционных кредитов производителями и переработчиками сельскохозяйственной продукции в связи с высокими процентными ставками; несовершенство системы реализации сельскохозяйственного сырья и продовольствия, вызывающие высокую волатильность цен.

Для повышения эффективности АПК в Казахстане необходимо проведение эффективной государственной политики, направленной на увеличение внутреннего производства продовольствия. Основными направлениями в реализации этой политики должны быть такие, как:

- внесение изменений в нормативно-законодательные акты, регулирующие земельные отношения и обеспечивающие эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения;

- совершенствование нормативно-законодательной базы и денежно-кредитной политики, регулирующей деятельность агропромышленного комплекса с целью усиления поддержки сельхозпроизводителей путем предоставления субсидий, налоговых льгот, повышения доступности долгосрочных кредитов, контроля ценообразования;

- стимулирование организации средних и крупно-товарных сельскохозяйственных производств, применяющих современные агротехнологии;

- создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в сферу АПК;

- создание эффективной рыночной инфраструктуры; стимулирование создания современной системы хранения, переработки и транспортировки продукции АПК потребителю;

- создание условий для интеграции подсобных хозяйств населения с сельскохозяйственными предприятиями для повышения их доступности к кредитным и материальным ресурсам;

- стимулирование развития отраслей пищевой промышленности, создания новых высокотехнологичных производств продукции с высокой добавленной стоимостью;

- организация системы контроля за качеством и безопасностью продукции по всей технологической цепочке;

- разработка прогнозных продовольственных балансов, определение размеров переходящих и стратегических запасов, механизма их использования и пр. меры вмешательства;

- разработка защитных мер для развития продовольственной сферы в условиях интеграции в рамках Таможенного Союза и членства во Всемирной Торговой Организации.

Таким образом, в условиях новых глобальных вызовов для устойчивого развития Казахстана и поддержания социальной стабильности казахстанского общества необходима коренная структурная трансформация национальной экономики в перечисленных приоритетных направлениях.

Список литературы

1. Atlas of Economic Complexity. [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.cid.harvard.edu (дата обращения 12.10.2018)

2. Industry, Technology, and the Global Marketplace. Chapter 6. Science & Engineering Indicators 2016. National Science Board (2016), 122 p. Электронный ресурс]: URL: https://www.nsf.gov/statistics/2016/nsb20161/uploads/1/9/chapter-6.pdf (дата обращения 18.02.2021 г.)

3. Экономика Казахстана может вернуться к показателям времен развала СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.kz/modules/news/ article.php?storyid=38564

4. Макроэкономический прогноз на 2021 год: выход на фазу роста. Евразийский Банк Развития (26 Ноября 2020) [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/analytics/ monthly-review/makroekonomicheskiy-prognoz-na-2021-god-vykhod-na-fazu-rosta/

5. Национальный план развития Республики Казахстан до 2025 года. Указ Президента РК от 26.02.2021 № 521**.** [Электронный ресурс]: URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1800000636 (дата обращения 10.03.2021 г.)

6. Technology, jobs, and the future of work. McKinsey Global Institute. - January 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mckinsey.com/./employment. /technology-job. (дата обращения 5.03.2019 г.)

7. Коронавирус оставил миллионы людей без работы [Электронный ресурс]. URL**:** https://www.bbc.com/russian/features-54462688 (дата обращения 28.03.2021 г.)

8. The Future of Jobs Report 2018. Centre for the New Economy and Society/ World Economic Forum. [Электронный ресурс]. URL: https://www.weforum.org/ reports/the-future-of-jobs-report-2018. (дата обращения 3.05.2020 г.)

9. Народонаселение. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ sections/issues-depth/population/index.html (дата обращения 23.01.2019 г.).

10. Токаев призвал членов ЕАЭС к повышению продовольственной самообеспеченности внутри союза [Электронный ресурс]. URL: https://informburo.kz/novosti/tokaev-prizval-chlenov-eaes-k-povysheniyu-prodovolstvennoy-samoobespechennosti-vnutri-soyuza-105128.html (дата обращения 14.04.2020 г.)

Summary

Satybaldin A. A. Transformation of Kazakhstan's Economy: Risks and Opportunities in the Context of the COVID-19 Pandemic and New Industry 4.0 Trends

The article reveals the main problems of the development of the economy of Kazakhstan in the context of the impact of global challenges of Industry 4.0 and the COVID-19 pandemic. The strengths and opportunities of the national economy recovery during the pandemic are shown. The necessity of structural transformation of the national economy, digitalization of its main sectors and development of high-tech industries is justified. Special attention is paid to the solution of the problem of the development of human capital, the labor market, and the reduction of social tension in society. The main directions for the development and effective functioning of the agro-industrial complex of the country to increase the food security of the country are recommended.

Key words: Technological revolution, pandemic, economic transformation, knowledge-based economy, human resources, agro-industrial complex.

Алшанов Р. А.
Ректор университета «Туран»,
Президент Ассоциации вузов Республики Казахстан,
академик Национальной академии наук Республики Казахстан,
член коллегии Министерства образования и науки Республики Казахстан,
председатель Общественного совета г. Алматы,
доктор экономических наук, профессор
г. Алматы, Республика Казахстан

ШОК ПАНДЕМИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОЗДЕЙСТВИЕ И ПУТИ АДАПТАЦИИ

Аннотация. Пандемия выявила уязвимые места глобализации. Страны и сферы экономики, наиболее вовлеченные в этот процесс, оказались в ловушке. Эти уязвимые места национальных экономик стали полем для санкционных ограничений, вопреки правилам ВТО. Экономический национализм, протекционизм вышли на первый план в ущерб многосторонним торгово-экономическим связям. Такая политика толкает многие страны к повышению уровня независимости национальных экономик, расширению диверсификации и дублированию отраслей мировой экономики.

Такая политика дает новые импульсы во взаимной торговле, в расширении потенциала регионального экономического союза. В новых условиях конкуренция внутри общего рынка стран ЕАЭС приобретает новые черты, требует постоянной коррекции.

Ключевые слова: шоки глобализации, пандемия, посткризисное развитие, ВТО, торговые войны, санкционные ограничения.

Кризисные явления, вызванные пандемией, стали новыми шоками глобализации.

Наложившиеся друг на друга как минимум три шока мировой экономики – от падения нефтяных цен, очередного циклического кризиса и негативного воздействия всеобщей пандемии, требуют переосмысления экономических моделей и концептуальных подходов в осмыслении глобализации. Представляется, что длившийся несколько десятилетий период романтизма завершается, и мир переходит на более конструктивное понимание реалий развития.

Санкционные ограничения, торговые войны, пренебрежение правилами ВТО показали уязвимость курса на тотальную глобализацию, выявили ее серьезные, опасные ловушки. В качестве примера можно привести политику администрации Трампа по устранению торгового дисбаланса между США и КНР. Стремление повысить ввозные таможенные пошлины, ввести другие торговые барьеры не вылились, в конечном счете, в резкое снижение товарооборота и масштабную торговую войну между двумя ведущими экономическими державами мира. Причина этого в том, что рост китайского импорта в США во многом обусловлен реэкспортом американских инвестиций

в Китай, «бумерангом в превращенной форме». Многомиллиардные американские инвестиции в течение нескольких десятилетий способствовали созданию высокотехнологических отраслей китайской экономики и усилили конкурентоспособность ее товаров на мировом рынке, в том числе и на американском. Одновременно повышалась эффективность вложений американских компаний в экономику КНР. Это означало, что за китайским экспортом на американский рынок скрывались выгоды американских компаний. Именно поэтому демарш администрации Трампа наткнулся на молчаливое внутреннее сопротивление.

Глобализация зашла слишком глубоко, масштабы взаимопроникновения экономик стали более значительными. Американцы как потребители, предпочитая китайские товары, проигрывали как производители. Американцы, побеждая как инвесторы, обладатели высоких технологий на китайском рынке, проигрывали самим себе внутри страны, встречаясь с результатами своих же вложений, опредмеченных трудом китайских производителей. Конкурентная спираль обернулась рыночной петлей. Разрешение одних экономических противоречий натолкнулось на обострение других социально-экономических противоречий. Требовалось регулирование противоречий.

В настоящее время мир с удивлением обнаруживает уникальное явление, когда США, страна – апологет международной конкуренции, разрабатывает и внедряет целую систему защитных мер внутреннего рынка, делает упор на протекционизм, а Китай, закрытая, в прошлом, страна, настаивает на открытии всех рынков и устранении торговых барьеров. Причины этого очевидны – сокращение ряда производств, закрытие многих, неконкурентоспособных предприятий, рост отраслевой, структурной безработицы, усилили американский экономический национализм и антикитайские настроения, что привело к явному протекционизму, расширению защитных мер, повышению торговых барьеров. Основа этих контрмер - глубинные экономические интересы американских компаний, работающих на широкий глобальный рынок, включая емкий китайский. Глобализация заставляет искать компромиссы, пути гармонизации экономических интересов.

Американская внешнеэкономическая политика тесно переплетена с внешнеполитической деятельностью. Так, стремясь ограничить ядерную политику Ирана, США обложили санкциями эту страну. Санкционной войной можно назвать и политику ограничений, которую США проводят в отношении России. При этом в подобную деструктивную деятельность все больше вовлекается и Евросоюз.

Политика открытых дверей, демократизация внешнеэкономической деятельности, либерализация рыночных отношений в условиях глобализации привели к тому, что многие страны, в том числе Россия, оказались достаточно глубоко интегрированными в международные связи. В результате, как отмечают эксперты, такие важные отрасли как ракетостроение и другие оказались

уязвимыми в условиях просчитанных санкций. Подобная ловушка глобализации оказалась не подвластной правилам ВТО.

Такая политика дает сбои в отношении Китая. Нельзя диктовать условия стране, от которой страны-инициаторы санкций сами находятся в большой зависимости. Демонстрация политики с позиции силы может обернуться для них бумерангом. Закрывая для себя такой большой рынок, как российский, иностранные фирмы сужают свои возможности. При этом Россия активно переходит на диверсификацию, возрождает судостроение, авиастроение, транспортное машиностроение, военно-промышленный и агропромышленный комплексы и многое другое. Санкции послужили стимулом для формирования независимой структуры национальной экономики России. Однако диверсификация требует немалых инвестиций, в том числе необходимых для решений социальных программ.

Однако политике использования преимуществ международного разделения труда, плюсов глобализации, нет альтернатив. Необходимо предпринимать усилия, чтобы убирать барьеры, добиваться подлинной либерализации внешнеэкономических связей, устранения дискриминационных ограничений в мировой торговле, возвращаться к повышению роли ВТО, уважению и соблюдению ее правил.

Складывающаяся новая архитектура мировой экономики и торговли требует огромных усилий по выработке взаимоприемлемых решений и действий. Это касается и казахстанско-российских отношений. Санкционная политика США в отношении соседей, торговых партнеров Казахстана, заставляет вносить коррективы во внешнеэкономическую и внешнеполитическую деятельности. Напрямую, не касаясь Казахстана, эти ограничения бьют рикошетом по его экономике. Так, из-за американских антииранских санкций Казахстан не может по ряду позиций вести торговые отношения с Ираном. Учитывая значимую роль американских компаний в нефтегазовой сфере и их приверженность санкционным ограничениям, казахстанские компании вынуждены отказываться от сотрудничества с российскими компаниями, которые могут осуществлять поставки для американских фирм в Казахстане российских товаров и услуг по приемлемым ценам. А сложившиеся напряженные отношения между Россией и Украиной практически закрыли для казахстанских компаний украинский рынок угля и т.п.

В новых геополитических условиях предпочтения отдаются региональным экономическим союзам и двусторонним соглашениям. При этом важно не допускать преувеличения потенциала таких союзов и соглашений. Важно реально оценивать возможности Евразийского экономического союза. Последствия предлагаемых мер, например, введения единой валюты, должны быть тщательно просчитаны. В условиях ограничений на многих рынках разворот российских компаний в сторону Казахстана сопровождается наращиванием объема поставляемых товаров и услуг. И здесь наблюдаются два процесса,

которые вызывают разные оценки. Так, когда российская продукция замещает поставки из третьих стран, расширяет выбор товаров и услуг, это рассматривается как благо. Но если такие действия вступают в конкуренцию с казахстанскими компаниями и сужают для них внутренний рынок, то это вызывает естественное недовольство производителей. Нужно иметь в виду, что многие российские товары более конкурентоспособны на казахстанском рынке в силу преимуществ по качеству, цене. Массированные поставки российскими компаниями отдельных товарных позиций некоторыми казахстанскими экспертами рассматриваются как форма проявления «элементов торговой войны». Другая проблема связана с тем, что целому ряду казахстанских товаров создаются на российских региональных рынках искусственные препятствия, торговые, фито-санитарные барьеры.

Таким образом, санкции и ограничения на мировом рынке не должны негативно отражаться на функционировании экономического союза. И если мы хотим укреплять экономический союз, то все возникающие проблемы должны оперативно анализироваться и своевременно разрешаться.

Общий рынок труда, капитала создает благоприятные условия для свободного перемещения рабочей силы, инвестиций. Различия, складывающиеся под воздействием особенностей социально-экономического развития наших стран, способствуют формированию различных процессов. Так, устойчивый дефицит трудовых ресурсов, вызванный демографическими проблемами, оказывает давление на миграционные процессы между странами. Структура оттока населения из Казахстана характеризуется высоким профессиональным уровнем практически всех отъезжающих в Россию. Другим каналом миграции стал отъезд молодежи для обучения в российские вузы. Получение образовательных грантов, стипендии, общежитий, последующее трудоустройство, либеральное получение гражданства стали для молодежи хорошим стимулом для смены места жительства и в последующем гражданства. И, если ранее российская миграционная политика была рассчитана на соотечественников, то в настоящее время более 15 % мигрирующих составляют казахи. В результате северные регионы Казахстана ощущают кадровый голод, а политика переселения из зоны трудоизбыточных регионов не решает проблемы дефицита ресурсов. Безусловно, эта проблема должна решаться на конструктивной основе, без излишней драматизации и политизации.

Другая проблема связана с воздействием на инфляционные процессы различий в курсовой политике на рынках рубля и тенге. Тесные торгово-экономические связи, достигшие 20 млрд. долл., при которых российский экспорт превышает казахстанский в три раза, способствуют различиям в спросе на рубли и тенге. При этом российские поставщики разницу в валюте стремятся закрывать, как правило, в долларах США. Интересно, что спрос на рубли в Казахстане покрывают и иностранные банки, особенно немецкие. Как отмечают эксперты, целый ряд российских компаний поставляют свою

продукцию на казахстанский рынок по ценам, превышающим внутрироссийские на 20 % и более. При объемах поставок в 15 млрд. долл. это довольно ощутимо для казахстанского рынка и становится серьезным источником инфляции. Данная проблема должна серьезно анализироваться и регулироваться.

Таким образом, пандемия создала целый ряд проблем для мировой экономики, ее шоки стала вызовом для региональных экономик, как России, так и Казахстана. Пандемия обнаружила чувствительные зоны национальных экономик, уязвимые места которых в условиях глобализации стали своеобразными ловушками. Сложившееся мировое разделение труда подвержено влиянию вынужденной коррекции, несмотря на то, что эти процессы адаптации носят болезненный характер для всех стран. Диверсификация национальных экономик, расширение потенциала экономических зон, региональных союзов, совместных производств вышли на первый план. Однако, в исторической перспективе глобализации нет альтернативы, как и нет альтернативы для более глубокого учета роли и места национальных экономик независимо от их масштаба.

Summary

Alshanov R. A. Pandemic Shock in the Global Economy: Impact and Ways of Adaptation

The pandemic has exposed the vulnerabilities of globalization. The countries and sectors of the economy most involved in this process are trapped. These vulnerabilities of national economies have become a field for sanctions restrictions, contrary to WTO rules. Economic nationalism and protectionism came to the fore at the expense of multilateral trade and economic ties. Such a policy is pushing many countries to increase the level of independence of their national economies, expand diversification and duplicate sectors of the world economy.

This policy gives new impetus to mutual trade, expanding the potential of the regional economic union. In the new conditions, competition within the common market of the EAEU countries is acquiring new features and requires constant correction.

Key words: shocks of globalization, pandemic, post-crisis development, WTO, trade wars, sanctions restrictions.

Аймагамбетов Е. Б.
Ректор Карагандинского университета Казпотребсоюза,
академик Международной академии наук высшей школы,
академик Международной экономической академии «Евразия»,
доктор экономических наук, профессор
г. Караганда, Республика Казахстан

О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме необходимости формирования новых подходов к управлению социально-экономическими системами. В условиях усиления значимости поиска резервов внутреннего роста возникает необходимость формирования новой парадигмы эффективного управления устойчивым воспроизводством и развитием социально-экономических систем. Неудержимый экономический рост, очевидно, идет вразрез с социальным благополучием и экологической устойчивостью. Автор поднимет вопрос о том, возможно ли разработать модель, которая уменьшает необходимость роста при сохранении экономической стабильности.

Ключевые слова: смена экономической парадигмы, посткризисное развитие, экономика, благосостояние, снижение экономического роста.

Пандемия поставила человечество перед необходимостью не только искать экстренные меры, призванные более глубоко переосмыслить проблемы, порождаемые существующей парадигмой общественного развития, защитить нас от ее пагубного воздействия. Сегодня наступило время, когда политические лидеры, опираясь на научное сообщество, должны найти новые пути, по которым завтра должно развиваться человечество. И эти пути должны радикально отличаться от прежних путей общественного развития.

Но радикальные изменения в современном мире на основе новой социально-экономической политики невозможны без смены экономической парадигмы. Значение парадигмы в экономике, как и во всех сферах жизни, определяется тем, что она является матрицей, определяющей видение мира и основные способы его интерпретаций.

Автор бестселлера «Экономика добра и зла» Томаш Седлачек, подчеркивая значение экономической парадигмы для нашего мира, отмечает: «Экономика по существу является нормативной дисциплиной. Она не только описывает мир, но и часто показывает, каким мир должен быть».

Следовательно, экономическая наука, опираясь на новую парадигму, должна выработать принципиально другое видение модели развития экономики.

Сегодня доминирующей парадигмой экономической науки является неолиберализм. Когда мы говорим о неолиберализме, как о мейнстриме современной экономической мысли, то исходим из того, что абсолютное

большинство современных экономических концепций основываются на главных постулатах неолиберализма – приоритете свободы рынка и монетаризма.

Монетаризм, как один из краеугольных камней неолиберализма, неизбежно способствует апологии количественных критериев, которые в свою очередь способствуют абсолютизации роли ВВП и экономического роста как главных факторов общественного развития, ***а также особой роли математических методов, как основного способа анализа экономических процессов.***

В современных условиях, когда мировое сообщество столкнулось с тяжелейшим вызовом времени, поиск нового обоснования социально-экономического развития заставляет искать ответы за пределами неолиберальной парадигмы. Этот вызов стал итогом нараставшей десятилетиями дезорганизации мировой системы, разрушения тех связей, которые традиционно превращали множество обособленных форм общественного бытия в целостную структуру.

Выделим четыре глубинных разлома:

- разрушение природной системы;
- противостояние бедного Юга и богатого Севера, усугубляемое цивилизационными разломами;
- распад социальных норм и традиционных основ общественного бытия;
- экзистенциальный кризис, угрожающий распадом жизненных начал миллионов современных людей.

В таких условиях следует задать вопрос, какая экономическая парадигма адекватна для решения существующих проблем? Отвечая на него, мы вынуждены перейти к переоценке значимости устоявшихся экономических воззрений.

Прежде всего, следует отказаться от упрощенных взглядов на развитие, основанных на абсолютизации количественного роста. Вместо этого следует выработать понимание общества как сложной целостности и утвердить комплексное видение его развития. Тогда мы сможем понять общество как биосоциальную целостность, как систему, состоящую из двух начал: социального и биотического.

Между экономическим ростом и природой существует двусторонняя взаимозависимость. Сегодня мы должны учитывать не только чисто экономические издержки, но и экологические, социальные потери, порождаемые развитием. А это заставляет нас вводить новые категории анализа при выборе экономической стратегии.

В современных условиях показателем результативности общественного развития за тот или иной отрезок времени (ИР) должно стать отношение прироста валового внутреннего продукта (ΔВВП) к приросту социальных издержек (ΔСИ), а не только к издержкам производства, как принято считать в господствующей сегодня экономической теории и практике. При таком подходе

к сферам общественного развития, мы будем более экологически и социально ориентированными, что в конечном случае позволит не только сохранить природный капитал, но и укрепить одновременно человеческий капитал. А благодаря более высокому качеству человеческого капитала мы будем иметь и более совершенные инновационные возможности для повышения нашего благосостояния.

При такой парадигме проблема темпов роста перестает быть «священной коровой» экономического мышления. Из этого вырастает понимание того, что в долгосрочной перспективе важен не только темп экономического роста, но решение комплексной задачи – сохранение природы и восхождение на все более и более высокие ступени развития материальной и духовной культуры.

Нынешняя разбалансированная система не может нормально развиваться. Никакие человеческие завоевания – приращение богатства и технический прогресс – не могут восполнить нарушение этого закона. Если развитие не будет направлено на укрепление Большой общественной системы, то ее финал предрешен – упадок и крушение системы, какими бы впечатляющими не выглядели экономические показатели.

Поэтому в сегодняшних условиях, когда экономическая наука поставлена перед необходимостью переосмысления своих основ, мы должны мыслить более широко, должны выйти за рамки узких математических моделей анализа. Современная экономика – особо сложное явление, и чтобы разбираться в ней, наши знания не должны быть ограничены собственно экономикой и математикой. Мы должны помнить, что при всей своей важности экономика является лишь частью общества и человеческой жизни. Поэтому мы должны создать новую парадигму экономики, основываясь на понимании того, что она не должна пытаться подчинять реальную жизнь своим узким теориям, а сама должна основываться на фундаментальных законах жизни.

Summary

Aimagambetov Y. B. On the Need for a New Paradigm of Economic Development

The paper is devoted to the problem of the need to form new approaches to the management of socio-economic systems. In the context of the growing importance of the search for reserves for internal growth, it becomes necessary to form a new paradigm of effective management of sustainable reproduction and the development of socio-economic systems. Uncontrollable economic growth clearly runs counter to social well-being and environmental sustainability. The author will raise the question of whether it is possible to develop a model that reduces the need for growth while maintaining economic stability.

Key words: change of economic paradigm, post-crisis development, economy, welfare, decline in growth.

Хубиев К. А.
Профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
khubiev48@mail.ru

Текеева А. Х.
Доцент кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
tekeeva2004@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Рассмотрена связь между зарождением и развертыванием современной научно технологической революции (НТР) и ее важнейшими социальными последствиями. Основное внимание уделено рискам технологической безработицы. С учетом опыта двух предшествующих НТР доказывается, что обращение результатов НТР на пользу большинства населения и решение важнейших социальных задач, включая поддержание занятости, возможно только в условиях планового регулирования экономики, учитывая и продолжительность рабочего дня.

Ключевые слова. Современная научно-технологическая революция (НТР), четвертая промышленная революция, противоречие занятости, наемная форма труда, партнерство, совладение.

Вводные замечания

Стержнем современной технологической революции считается цифровизация. Взрывная актуальность современной стадии научно-технологической революции может иметь неоднозначные направления научного развития. Возникает опасность превращения проблем цифровой революции в риторику подобно «экономике инноваций». Вспыхнувшая актуальность инновационной проблематики не оставила после себя существенного приращения в науке и на практике. В настоящее время получает распространение рабочее определение цифровой экономики как «сферы производства и потребления электронно-цифровых технологий». Оно вытекает из нормативных документов. Однако сама формула «цифровая экономика» вызывает сомнения. Если это экономика, то она должна иметь воспроизводственную целостность и относительную обособленность. Между тем, цифровые технологии проникают во все отрасли экономики. В этой связи возникает основание всю экономику назвать цифровой. Нам представляется, что нынешние тенденции и уровень

научно-технологического развития следует определять как использование информационно-цифровых технологий. Этот подход соответствует краткому термину «цифровая революция», имея в виду, что это не экономика, а внедрение в экономику новых технологий.

Опорные точки

Новые тектонические толчки и фундаментальные сдвиги в технологических и социально-экономических системах еще недостаточно изучены. Исследователь сталкивается с трудностями выбора исходного пункта и методологии. В этой ситуации методологическим подходом может послужить конвенциальное признание всеми направлениями экономической теории зависимости экономических изменений от технологических революций, влияния изменений в производительных силах (технологических изменений) на организационные, социально-экономическиепроцессы. Исследовательский интерес и информационно-литературный поток в направлении научно-технологических изменений явно опережает исследовательский процесс в области социально-экономических изменений. При этом следует отметить результаты исследовательской и аналитической работы Давосского форума, в рамках работы которого отмечается необходимость существенных изменений не только на уровне предпринимательства, но и на уровне социальной организации общества и даже на уровне изменения глобальных ценностей. Работа в этом направлении требует продолжения.

Проявление новой научно-технологической революции на уровне занятости

Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе, провел сравнительный анализ трех крупнейших компаний, принадлежащих двум промышленным революциям по критериям капитализации, дохода и занятости. В 90-е годы совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта (промышленная Америка) составляла 36 млрд. долл. с выручкой 250 млрд. и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 году совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины («цифровая экономика») составлял более 1 трлн долл. (в четыре раза больше) с суммой прибыли в 247 млрд (почти в семь раз больше), но с числом сотрудников почти в десять раз меньше (6, с.19-20). Масштабы развертывания четвертой промышленной революции оцениваются на уровне 10 % в самых развитых странах. Вопросы фундаментальной важности возникают для уровня развития современного НТР в 50 % и более. Ведутся исследования относительно профессий, которые находятся в зоне риска вытеснения новыми технологиями. Были проведены исследования 702 профессий по степени наибольшей

и наименьшей подверженности автоматизации [4]. Но исследований на фундаментальном уровне пока недостаточно.

Начнем с угроз роста технологической безработицы. Рост концентрации и централизации капитала на новой технологической основе составляет базу для обострения конкурентной борьбы национальных экономик за рабочие места и занятость. Разные станы реагируют на данные тенденции введением фрагментов неполной рабочей недели, неполного рабочего дня. В России известна инициатива Д. Медведева о введении сокращенной рабочей недели. Этими процессами объясняется и один из «феноменов Трампа», который стремился расширить занятость и решил подстраховаться от технологической безработицы в национальной экономике США разными методами: привлечением зарубежного предпринимательства и резидентов на национальную основу, протекционизмом, преодолением экологических ограничений, масштабными зарубежными заказами, фискальными льготами и т. д. Даже за санкциями США, обращенными против России, явно просматривается борьба за рабочие места посредством расширения присутствия США на рынке энергоносителей Европы. Такова же подспудная логика торговых войн США с Китаем и другими странами.

В современной мировой экономике наблюдается противоречивый процесс развития глобализации и симметричного возрастания национальных экономических интересов. Имеются основания предположить, что с развертыванием четвертой промышленной революции (К.Шваб) или шестого уклада (С. Глазьев) будут расширяться угрозы технологической безработицы, которая перерастет в специфическую форму циклической безработицы. Удастся ли решить эту проблему в рамках основных принципов рыночно-капиталистического мироустройства?

Заметим сразу, что названные тенденции являются противоречивыми. На этой основе складываются мнения «оптимистов» и «пессимистов». Оптимисты полагают, что проблема сама собой разрешится тем, что на место вытесняемых отраслей и специальностей заступят новые, которые будут иметь компенсационный эффект. С этих позиций рыночные механизмы сами будут естественным регулятором этой сбалансированности. «Пессимисты» указывают на факты. Потенциал безработицы второй и третьей промышленной революции был поглощен сокращением рабочего дня на одну треть с 12 до 8 часов). Да и нынешняя реальность демонстрирует введение неполной рабочей недели и неполного дня. Рассмотрим более подробно доводы сторон и противоречивость процесса.

Исторически сокращению рабочего дня и сохранению занятости способствовало влияние СССР. 11 ноября 1917 года на законодательном уровне (декретом СНК) был установлен 8-часовый рабочий день. Сокращение рабочего дня на одну треть «поглотило» угрозу технологической безработицы, которая была неизбежной после второй и третьей промышленной революции. Если

предположить долгосрочную трендовую логику технологического прогресса, сокращение рабочего дня явится единственным способом «амортизации» новой угрозы технологической безработицы. Но какие социальные силы и механизмы могут включиться в его реализацию при отсутствии внешней для капитала силы?

С одной стороны, будет происходить неумолимое вытеснение живого труда овеществленным трудом; вытеснение умственного труда искусственным интеллектом. По оценкам, до 80 % процентов прогресса технологии будет связано с развитием IT. Уже к концу прошлого века сложилась ситуация, когда время, расходуемое на производство и обмен информацией, превышает время, расходуемое на промышленную продукцию. Еще в 1999 году в Германии оборот в сфере IT превысил оборот в автомобильной промышленности [5, с. 7].

Противоречивость проявляется и в том, что те же процессы технологической революции создают условия для новых форм занятости. К ним относятся: удаленная занятость; электронная иммиграция (Electronic immigration). Еще в 1987 году в США число удаленно занятых составляло около 16 млн., из них 3,4 млн полностью работали дома. Во Франции- 6 млн. На многих малых и средних предприятиях до 90 % служащих работают на дому [3, с. 7].

В качестве «новой волны» цифровой революции рассматривается форма превращения наемных работников в самостоятельных субъектов (Freelans). Количество фрилансеров стремительно растет, в Америке решили провести подсчет и составить статистику. Специальные исследования показали, что в Штатах насчитывалось примерно 53 млн людей (у 14,3 млн. подработка), занимающихся свободой деятельностью. В Британии насчитывается около млн. фрилансеров; после окончания университета 29 % выпускников отдают предпочтение фрилансу. Страны Европейского Союза также имеют большое количество фрилансеров (более 8,9 млн). В Индии насчитывается около 15 млн. фрилансеров, а это 40 % от мирового рынка независимых работников [8].

SmallBizTrends.com вынесли свой вердикт касательно вопроса растущей популярности независимых работников. Предполагается, что на протяжении пяти лет половина рабочего населения Америки и Великобритании перейдет на удаленный вид занятости. Не только работники, но и целые компании проявляют заинтересованность в предоставлении гибкого трудового режима.

Итак, наблюдаются противоречивые процессы, порождаемые новой НТР. С одной страны нарастают угрозы масштабной технологической безработицы. С другой стороны, на той же основе возникают условия для новых форм занятости, в том числе и с вытеснением наемной формы труда. Закон диалектического противоречия находит здесь свое особенное проявление

Расчеты «пессимистов» показывают, что нынешняя НТР создает меньше рабочих мест в новых отраслях, чем предыдущие революции. По оценке Программы Оксфорд-Мартин по технологии и занятости только 0,5 % трудовых ресурсов США заняты в отраслях, не существовавших в начале века; менее 8 %

новых рабочих мест было создано в восьмидесятые годы прошлого века и 4,5 % новых рабочих мест в 90-е годы [6, с. 51]. Очевидна тенденция сокращения новых рабочих мест.

Каковы социально-экономические перспективы преодоления угрозы технологической, структурной и даже абсолютной (циклической) безработицы в связи с наступление четвертой промышленной революции?

С позиций капитала занятые работники – это один из внешних ресурсов, а их зарплата – это издержки. Сокращение затрат на заработную плату выгодно и соответствует целевой функции капитала, который не имеет внутренних механизмов и стимулов решения проблем занятости, порожденных новой НТР. Поэтому, в частности, возникают и всякого рода паллиативные предложения, в том числе и экзотические: ввести налог на роботов и иную технику, вытесняющих людей; признать роботов субъектом правовых (трудовых) отношений и т. п. В этих вариантах решения сталкиваются рыночная и плановая альтернативы. Приоритеты рыночной альтернативы: от новой НТР выигрывает капитал, теряет большинство общества.

Альтернатива плановой экономики: сокращение рабочего дня, рост и стабилизация занятости. Плановая экономика позволяет регулировать занятость и потоки доходов с тем, чтобы выгоды от НТР распространялась на большинство общества.

Справедливая для большинства альтернатива решения социальных проблем новой НТР возможна на основе плановой экономики.

Проявление новой научно-технологической революции на уровне подрыва наемной формы труда

Еще одно направление, связанное с новой НТР, вступает в противоречие с капиталистической формой организации экономики. Под влиянием инновационной экономики образуется особый социальный слой наемных работников с общественной ролью экономического и цивилизационного развития. Благодаря им развивается компания и ее конкурентоспособность. Агрегированным результатом является развитие национальной экономики и ее конкурентоспособности. Результатам их труда является все новое в технологиях, управлении, создании новых благ (товаров и услуг), нахождение новых партнеров и рынков. Этот социальный слой включает творчески- и инновационно-компетентных работников компаний, холдингов и различного рода объединений производителей по отраслям и создаваемым благам. Сюда же относятся работники отраслевых научно-исследовательских организаций. В рамках всей национальной экономики – это целый социальный слой наиболее активной части населения, к сожалению, отдельно не учитываемый статистикой. Мы попытаемся обосновать, что развитие социальной формы креативного труда в становящемся инновационном секторе с объективной необходимостью

и экономической эффективностью требует преодоления наемной формы труда и перехода к новым отношениям.

Формирование и движение креативного труда в рыночной экономике противоречиво, как противоречива сама эта система. С одной стороны, мотивом для профессионального образования и развития является стимул получения высоких доходов. В рамках теории человеческого капитала доказана корреляционная связь между повышением уровня образования и повышением дохода [2, с. 50–84]. Но в этих исследованиях, положивших начало теории человеческого капитала и последующем разветвлении этой теории, игнорируется наемная форма труда. Находясь во власти методологии индивидуализма, создатели теории человеческого капитала считают, что индивид сам часть своих расходов превращает в инвестиции (в себя), а затем формируемый таким образом человеческий капитал позволит приносить ему возрастающий доход. В рамках теории человеческого капитала рисуется образ самодосточного, самореализуемого и независимого индивида. Не учитывается командная форма функционирования индивида в компании и надындивидуальные факторы формирования креативного (инновационного) качества человеческого капитала.

Возникшая на американской почве и представленная в такой форме теория человеческого капитала проявила свою ограниченность на других континентах. В Европе, например, развита социальная инфраструктура и большие расходы по образованию и здравоохранению берет на себя государство, что не укладывается в строгие рамки методологического индивидуализма. Возникает проблема асимметрии затрат и результатов. Проблема на государственном уровне переносится в область бюджетного обеспечения отраслей, участвующих в формировании человеческого капитала. В рамках этой асимметрии затрат и результатов возникает простор для дискуссий по вопросу «безбилетника», излюбленному неоклассической теорией. Проблема асимметрии затрат и результатов возникает и на корпоративном уровне. Стремление к важному конкурентному преимуществу в виде креативного персонала фирмы вынуждены нести расходы на обучение персонала. Индивидуализированной теории человеческого капитала противоречат традиции корпоративизма и патернализма (Япония). Поэтому, например, в рамках трудового законодательства, «заточенного» на наемную форму труда, нет механизма удержания работников, получивших повышенную квалификацию за счет компании. Работодателям приходится решать проблему экономическими методами, в том числе и выходом за пределы наемного труда. Проблема асимметрии возникает и в связи с межгосударственной миграцией креативной рабочей силы. Из России, например, выезжают для постоянной работы специалисты высокой квалификации, на подготовку которых в ведущих учебных заведениях страны тратятся бюджетные средства. Затраты государственные, зарубежные доходы получает индивид, а зарубежные фирмы без собственных затрат получают креативных работников.

Содержание, характер и результаты деятельности этой категории работников выходит за пределы, ограниченные рамками положения наемных работников. Инновационно мыслящие и действующие работники выполняют даже предпринимательские функции, формально будучи наемными работниками. Наблюдение за карьерным ростом выпускников университетов показывает, что многие из них занимаются созданием новых продуктов (в широком смысле), разрабатывают новые схемы бизнеса, находят новых партнеров и новые рынки, разрабатывают новые инвестиционные проекты и реализуют их с получением конечного результата для компании – добавочной прибыли. Перечисленные выше и аналогичные виды деятельности не могут быть сведены к исполнительским и «репродуктивным» функциям, характерным для наемных работников. Инновационная деятельность создает новые источники доходов для работодателей. С другой стороны, уровень образования и квалификации работников инноваторского типа позволяет им оценить экономические результаты своей же деятельности. Некоторые результаты их инноваторской деятельности приносят норму прибыли, измеряемую сотнями процентов. При этом естественно возникают вопросы о справедливости распределения дополнительных доходов, являющихся результатом инновационной деятельности агентов, состоящих в положении наемных работников.

Проблема затрат и результатов от инновационной деятельности, дополнительных доходов и источников становится моментом, «обременяющим» обе стороны отношения наемного труда и капитала. И у работников, и у работодателей возникают альтернативы для принятия решений. Работники полагаются на волю работодателя, но это противоречит их инноваторской сущности, поскольку доступна аналитическая оценка полученного ими добавочного дохода и вознаграждения. Другие занимают позицию поиска способов дополнительного самовознаграждения. Если этого не делают работодатели, то креативные работники подключают свои инновационные способности в сторону собственного «достимулирования» и «довознаграждения».

Для работодателей тоже существуют симметричные альтернативы. Одни принимает как должное присвоение результатов чужого труда, как это принято в рамках формы наемного труда. Другие, более дальновидные предприниматели, заботятся о том, чтобы инновационный источник дохода продолжал приносить «золотые яйца» и в то же время избежать схемы нелегального «самостимулирования» в стремлении к справедливому распределению ими же созданного дохода.

Возможны разные варианты «самостимулирования». Например, вступить в сговор с партнерами и заложить в схему сделок систему взаимных «откатов»; создать параллельные аффилированные организации и уводить туда часть сделок, клиентуры и потоки доходов. Появились даже высокооплачиваемые консультанты по финансовым и организационным схемам реализации

корыстных интересов для предпринимателей, топ-менеджеров и других категорий работников. В их числе и схемы оппортунистического поведения (также своеобразная инновационная деятельность). Это своеобразная форма разрешения противоречия наемной формы и инновационной деятельности, которую нельзя считать позитивной и перспективной.

Противоречие наемного труда, связанного с оппортунистическим поведением, наблюдается давно. Сложилась определенная практика разрешения названного противоречия со стороны предпринимателя. Она обобщена в теориях: «агентские отношения», «революция управляющих» и др. Для обоснования положения об экономически эффективном и необходимом преодолении наемной формы труда в сфере инновационной экономики кратко обратимся к теории агентских отношений.

Агентские отношения, рассматриваемые в институциональной теории, при ближайшем рассмотрении являются иным выражением отношения наемного труда и капитала. В обоих случаях в отношение вступают два лица, имеющих существенно отличную социально-экономическую определенность и при формально юридическом равенстве имеют разные позиции экономической власти и зависимости, что существенным образом отражается на переговорной силе сторон и реальных позициях в экономическом процессе. Одно из них называется принципалом, который обладает и распоряжается ресурсами, необходимыми для предпринимательской деятельности. Второе лицо – агент, который выполняет в пользу принципала определенный вид и объем работ или услуг. Здесь заложено «стартовое» противоречие между сторонами отношения. Принципиально важно то, что на основе указанной поляризации возникает экономическая власть одних субъектов и экономическая зависимость других со всеми вытекающими последствиями, включая распределение дохода.

Содержанием «стартового» противоречия является то, что принципал не в состоянии реализовать все свои предпринимательские планы и проекты, привести в движение все свои ресурсы с эффективным результатом. Чем больше у него ресурсов и чем они сложней и разнообразней, тем больше необходимость в услугах креативных агентов. Но причина возникновения отношения не только количественная. Принципал не может профессионально охватить все функции, связанные с его предпринимательской деятельностью, что убедительно показано Дж. Гелбрейтом [1]. Чем разнообразней и диверсифицированней область деятельности, тем существеннее данное ограничение. У принципала количественные возможности (ресурсы и их спецификация) сталкиваются с качественными ограничениями (способность их эффективной аллокации).

У агента противоположные ограничения. А именно: в отсутствии собственности на ресурсы (средства производства) заключена коренная причина принятия социально-экономической определенности агента (наемного работника).

Это отношение, как бы оно ни называлось, получает правовую форму, которая не может отразить все содержание реального процесса. Основными моментами, фиксируемыми в договоре для сторон, являются: для агента – цели, ресурсы для их достижения, вознаграждение, контроль и санкции; для принципала все эти моменты имеют симметричную форму. Говоря о симметричности отношения, следует заметить, что экономические позиции и интересы сторон в рамках наемной формы труда противоположны. Именно поэтому возникает необходимость контроля и санкций, которые не являются внутренне необходимым моментом самого инновационного экономического процесса. В силу самой сути и содержания инновационной деятельности креативным работникам необходима свободная форма труда. Творение нового предполагает свободу от контроля, а тем более санкций. Природа инновационной деятельности требует принципиально иных отношений, объемлющих соучастие в процессе создания благ и распределении результатов со стороны обоих участников экономических отношений.

Предположим, что принципал обнаруживает специфическое, в данном случае, оппортунистическое поведение со стороны агента. Кажется, естественным с его стороны прекращение отношений с данным агентом, чье оппортунистическое поведение обнаружено. Но тогда принципал лишится вместе с агентом создаваемых им дополнительных предпринимательских благ в виде конкурентных преимуществ и дополнительных источников доходов. Такое решение противоречило бы главной цели и сути его деятельности. Оценивая утрачиваемые выгоды, связанные с увольнением агента, принципал не может мириться с оппортунистическим поведением в рамках отношения наемного труда. Каков же оптимальный выход из данной ситуации?

В рамках ценностей рыночно-капиталистической экономики решение будет основано на выборе оптимальной альтернативы из сопоставления затрат и результатов. Расстаться с инновационным работником, даже по причине оппортунистического поведения, – значит выйти за пределы оптимального решения. *Объективная логика экономического развития требует перехода к другим отношениям.* Каким? Уже в рамках наемного труда (то же самое в отношении принципал – агент) практикуются различные формы стимулирования, в том числе доходящие до позиций, уравнивающих креативных работников (топ-менеджеров) и акционеров (истоки совладения) [7]. Но даже самое их умелое построение означает лишь частичное разрешение противоречия в рамках прежнего отношения. К тому же решение о введении бонусных поощрений принимает сторона, обладающая экономической властью. Другая сторона таких прав не имеет. Следовательно, встает задача перехода к иным отношениям, снимающим отношение экономической власти и зависимости. Прежде всего, это отношение партнерства, когда добавочный доход, полученный от инновационной деятельности агента, распределяется не принципалом

односторонне, а с участием агента. Отношение принципал – агент претерпевает существенное изменение, превращаясь в другое отношение – партнерство.

Другим уровнем возникновения новых отношений, соответствующих креативному труду в инновационном секторе, является совладение. Его возникновение подчинено той же логике. Для принципала оно является экономически выгодной альтернативой по сравнению с увольнением креативного инноватора, разоблаченного в оппортунистическом поведении. В рамках новых отношений происходит преодоление безвозмездного присвоения чужого неоплаченного труда на основе экономической власти одних и экономической зависимости других. Важно то, что происходит это на основе технического прогресса, высокого образования и квалификации, т. е. на переднем крае развития экономики. В той мере, в какой будет прогрессировать экономика в сторону применения новых технологий, в той мере наемная форма труда все очевидней будет проявлять свою архаичность и неэффективность. Модернизация экономики на основе инноваций потянет за собой утверждение новых отношений справедливого соучастия в общественном производстве и распределении. На практике уже возникают и развиваются конкретные формы предпринимательства без наемного труда. Это различные виды «самозанятости» на основе компьютерных технологий, партнерства в виде соучастия в управлении и распределении доходов, предоставление принципалом технологий и бренда для реализации собственных проектов агентом в области IT, бонусное стимулирование акциями компании и др.[5]

[5] Одной из форм перехода от наемного труда к отношениям партнерства можно считать уже созданные и функционирующие виртуальные организации. Они объединяют пространственно разрозненных работников через электронные технологии. Помимо экономии на транспортных и офисных издержках (особенно с учетом пробок на дорогах) работники в этих организациях состоят в особом режиме отношений принципал-агент.

Во-первых, здесь использование ресурсов принципала не имеет существенного значения. Компьютер и программное обеспечение доступны и самому агенту. Во-вторых, здесь нет проблемы контроля и санкций. Стороны оговаривают условия совместной работы и распределения дохода. Форма организации как юридического лица и трудовой контракт, заключенный между принципалом и агентом, имеют больше формальное значение. Реально это скорее сотрудничество партнеров. Конечно, есть мотивы, привязывающие агента к принципалу (например, бренд, наработанный опыт, отлаженное функционирование компьютерных технологий и т. д.). К переходным формам можно прибавить и так называемое стратегическое стимулирование труда топ-менеджмента. Стимулирующая часть оплаты труда привязывается к конечным результатам реализации проектов, в разработке и осуществлении которых роль у отдельных категорий инновационных работников велика. Итоговыми бонусами выступают заранее оговоренная доля конечного дохода или переход во владение определенной долей акций. Эти формы стимулирования и распределения дохода выходят за пределы распределения по принципам наемного труда. Приведенные формы распределения мы считаем примерами зарождения переходных отношений, подтачивающих фундаментальные основы капиталистической экономики. Подобных примеров практика накопила немало, и их количество будет множиться по мере развития «новой» экономики.

Новые технологические уклады и промышленные революции создают материальную основу для экономически эффективного преодоления основного отношения капитализма, или, по выражению Гелбрейта, «бесшумного» устранения капиталистической собственности. «На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает ращения» [1, с. 154]. Таковыми он считает технократию

Вопрос о собственности, причем в противоречивой форме, возник в связи со стратегией прорывного технологического развития, изложенной в майских указах Президента РФ. В 90-е годы массовая приватизация госсобственности проводилась под уверения в том, что частный интерес поможет преодолеть все недостатки «неэффективной» госсобственности и частный интерес будет двигателем технического прогресса как главного фактора конкурентоспособности. Не дождавшись решения этой важнейшей проблемы от частного сектора, государство теперь само выступает главным субъектом прорывного технологического развития. Но ресурсы, необходимые для реализации столь масштабного проекта, уже не принадлежат государству. Противоречие состоит в том, что субъект, наделенный ресурсами, проблему в сколь-нибудь масштабном объеме не решает, а субъект, инициирующий именно масштабное и прорывное решение проблемы технологического развития, ресурсами не обладает. Вариантом решения данного противоречия может быть государственная монополия на все доходы рентного происхождения; превращение всех неэффективно действующих приватизированных предприятий в объекты открытого инвестиционного конкурса с компенсацией средств, уплаченных при приватизации, за вычетом амортизации, но с учетом накопленных инвестиций, если таковые были. При этом предприятия переходят по результатам конкурса к инновационно более мотивированным и более состоятельным субъектам, среди которых может быть и государство на равных правах.

На основе изложенного можно сделать следующие выводы. Новейший уровень технологического прогресса, называемый четвертой промышленной революцией (или шестым укладом), требует и вызывает к жизни существенные изменения, в том числе и в основах социально-экономической системы. Возникают новые вызовы, к числу которых относятся технологическая безработица и неэффективность наемной формы труда в инновационной экономике. Перспективный ответ на эти вызовы в рамках рыночно-капиталистической экономики требует перехода к новым отношениям: планового регулирования занятости и продолжительности рабочего дня; партнерства; кооперации и совладения.

Список литературы

1. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. 2004.

2. Гэри С. Беккер. Воздействие инвестиций в человеческий капитал на заработки. В кн. Избранные труды по экономической теории. Москва: ГУ ВШЭ, 2003. С. 50–84.

3. Дениел Пинк. Нация свободных агентов – будущее работы на самого себя, Grand Central Publishing, 2001.

4. Карл Бенедикт Фрей, Майкл Обсворн Будущее трудоустройства: насколько профессии подвержены компьютеризации [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/.

5. НГ-ПОЛИТЭКОНОМИЯ. № 14, 5 октября, 1999. С.7.

6. Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция. Москва, 2017.

7. Скитяеев И. М. Система долгосрочного стимулирования топ-менеджмента компании [Электронный ресурс]. URL: http://www.hr-journal.ru/articles/mp/pro-options.html.

8. [Электронный ресурс]. URL: https://payments.com.ua/freelance-prichiny-populyarnosti/.

Summary

Khubiev K. A, Tekeeva A. H. **Socio-economic Manifestations of the New Scientific, and Technological Revolution**

The relationship between the emergence and deployment of the modern scientific and technological revolution (STR) and its most important social consequences is considered. The focus is on the risks of technological unemployment. Considering the experience of two previous scientific and technological revolutions, it is proved that the use of the results of scientific and technological revolution for the benefit of most of the population and the solution of the most important social problems, including the maintenance of employment, is possible only under conditions of planned regulation of the economy, including the length of the working day.

Keywords: the modern scientific and technological revolution (STR), the fourth industrial volution, the contradiction of employment, the hired form of labor, partnership, co-ownership.

САБДЕН О. С.
Президент Союза ученых Республики Казахстан,
Лауреат Государственной премии Республики Казахстан,
академик Российской академии естественных наук,
доктор экономических наук, профессор
г. Алматы, Республика Казахстан
osabden@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Общественное развитие приобретает новый статус гуманистическо-ноосферной цивилизации. С учетом мировых трендов в условиях глобализации предлагается триадная идея устойчивого развития человечества, влючающая духовность, технологию и безопасность. Посредством «равнобедренного треугольника» можно соблюсти равновесие развития мира и проследить логику истории его развития. Стороны служат базовыми элементами развития новой цивилизации.

Ключевые слова: модернизация общественного развития, интегральное общество, гуманистическая идеология, духовность, технология, безопасность, конвергентное развитие.

С начала XXI века, в 2008 и 2020 гг., мир уже пережил два кризиса и находится в турбулентном движении. Развитые страны, G7, G20, международные институты во главе с ООН пока бессильны что-либо предложить для устойчивого развития мира. На наш взгляд, главное не в богатстве или в военной мощи, вооружении. Почему США, имеющие почти 50 % всех вооружений мира, тоже находятся в кризисе? Или Китай, вторая экономика в мире, – в сложном состоянии? В чем феномен такого положения в мире, есть ли выход из тупикового состояния?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно заглянуть в нашу историю, рассмотреть духовно-культурные ценности, которые человечество в своем многолетнем развитии приобретало по крупицам. Очевидно, что в последние периоды в погоне за капиталом, прибылью, богатством, страны забыли об истоках развития, культурно-духовных ценностях, законах развития природы и др. Отсюда и деградация общественного развития.

Кроме того, сейчас общество оказалось не готовым полноценно воспринять последние научно-технологические новшества. В политическом плане даже самые развитые государства бессильны против гегомонистических, монопольных взглядов США в плане вооруженного давления или изменения мировой торговой политики и т. д. Колыбель мировой культуры, экономической политики, демократии – Евросоюз, Европа, откуда вышли мировые гении, не могут предложить концепцию выхода из мирового кризиса и показать дальнейшие пути человеческого развития.

Напрашивается вопрос: есть ли выход из этого тупикового положения? К сожалению, общественные науки во главе с философией, политэкономия,

социология, история, экономика и др. находятся в застойном состоянии и тоже не могут дать достойный ответ на мощные «бури», которые сотрясают мир с начала XXI века.

Очевидно, это указывает на изменение парадигмы закономерностей общественного развития. Проблемы общественного развития необходимо решать эволюционным путем, не доводя до локальных или иных войн с разрушительными последствиями. Здесь нельзя не согласиться с мнением К. Маркса о социальных корнях проблем общественного развития. Капитализм не придал должного значения этим тезисам.

Ключ к этому дал в свое время Джон Гэлбрейт. Он отмечал, что если не будет мировой войны, то новый общественный строй будет «интегральным обществом», необходим «конвергентный путь» развития [1, 2]. Мы считаем оправданным мнение П. Сорокина о том, что в культурно-социальном интегральном строе наука, гуманитарная этика, высокая культура – все они, интегрируясь, влияют на развитие гуманитарной цивилизации [2]. Видимо, эти идеи ученых, которые в свое время не были реализованы, необходимо сейчас, с некоторыми дополнениями, взять за основу новой парадигмы общественного развития.

Интегральное общество можно назвать 7-мым формационном обществом, седьмым укладом. На наш взгляд, новое интегральное общество должно вобрать в себя положительные качества всех существовавших до сих пор формаций, особенно капитализма и социализма, а также использовать возможности высоких технологий, искусственного интеллекта, роботизации, генома человека и других научно-технических достижений для развития новой цивилизации. Конечно, новое интегральное общество не даст молниеносных решений, и мы еще долго будем пожинать отрицательные плоды капитализма и социализма. В развитии нам помогут многовековые достижения человечества в области культурно-духовных, исторических ценностей, генетические корни, сформировавшие иммунитет общества. Отсюда вывод – приоритет нужно отдать развитию социальной сферы, вкладывать больше инвестиций.

В новом общественном развитии нам помогут учения Абая, аль-Фараби, А. Навои и других [3, 4, 5] мыслителей, в целом, философия Востока. Конфуций видел «основу человеческого счастья не только в личном усовершенствовании, а, прежде всего, в высшем нравственном развитии государства и семье, со своей стороны сами государственники должны руководствоваться гуманностью и справедливостью». В наследии знаний Будды, Лао-Цзы, Конфуция содержатся основополагающие постулаты гражданского общества, которые мы сегодня ищем. Они провозглашают единение, нравственные устои, справедливость, равенство, призывают ценить порядок, труд, образование, жизнь и т. д. Они создавали положения о моральных принципах, философию морали, жизненные устои того времени [6, 7, 8].

То, чего сейчас не хватает миру, особенно развитым государствам, – это духовно-человеческих ценностей общественного развития. Конечно, они придут не сами по себе, а с изменением мировой психологии, технологий, политики, мегадипломатии, миграции, с потеплением климата и т. д.

В условиях глобализации проблемы должны решаться не только с точки зрения философии Востока и Запада, но и рассматриваться в мировом масштабе. Если на проблему смотреть с позиции другой плоскости, то сейчас мировому сообществу необходимы интеграция, согласие, единение, мировая торговля, экономические отношения, соблюдение законов природы и, в целом, устойчивое развитие мировой цивилизации. В еще более отдаленном будущем – совместное освоение космоса, ноосферы, межпланетарные исследования и поиск жизни на других планетах, т.е. осуществление идей В. И. Вернадского, С. Хокинга и др. гениев [9, 10].

На мой взгляд, необходимо выделить два концептуальных направления. Во-первых, заняться возрождением духовно-человеческих ценностей, во-вторых, взять самое ценное из положительного развития мира в XX и XXI веках. Исходя из этого, для нового мира нужен единый идеологический постулат, т.е. новая «гуманистическая идеология», учитывающая общественные и производственные отношения, человеческое равноправие, справедливость, мегадипломатию, философию Востока и Запада и все ценности общественного развития. XXI век должен быть веком гуманистическо-ноосферной цивилизации.

Гуманитарную идею, прежде всего, должны глубоко использовать сами развитые страны. За устойчивое развитие мира, прежде всего, несут ответственность мировые институты. Поэтому именно они под эгидой ООН должны прийти к единому соглашению. На наш взгляд, это может быть предстоящая новая цивилизация – 7-я новая формация, основанная на интегральном обществе и конвергентном пути, фундаментам которой является гуманитарная идеология, мирный путь. Этого уровня гуманного общества пока не достигла еще ни одна страна. Но когда речь идет о развитии государства мира, они должны быть едины. С учетом мировых трендов в условиях глобализации предлагается триадная идея устойчивого развития человечества, включающая духовность, технологию и безопасность.

Чтобы ответить на вопрос – как должны решаться глобальные проблемы – требуется проведение совместных действий стран мира. Настало время под эгидой ООН принять Концепцию новой духовно-идеологической доктрины общечеловеческого развития мира. Это обеспечит подъем духовных сил наций и народностей мира, их социально-экономический прогресс. В конечном счете, произойдет переход к постиндустриальной парадигме духовного развития.

В настоящее время человечество делает первые шаги в направлении новой, постиндустриальной, социальной цивилизации, двигателем которой является научно-технологический прогресс (НТП). Большинство развитых стран мира, согласно теории длинных волн, завершают создание технологического базиса

V поколения и формируют VI технологический уклад, ключевыми факторами которого являются: био- и нанотехнология, генная инженерия, информационно-коммуникационные сети, системы искусственного интеллекта и космические технологии. Единственный правильный путь выхода из мирового кризиса – инновационный путь развития, т.е. выработка стратегии инновационного прорыва, выполнение широкомасштабных международных кластерных программ развития, особенно, по высоким технологиям.

В условиях перехода к экономике, основанной на новых знаниях, целесообразно осуществить модернизацию науки, образования и здравоохранения, что придаст импульс новым технологическим укладам. Следовательно, по этим ключевым направлениям прогресса необходимо принять комплексные кластерные программы для материализации знаний и новых технологий.

В перспективе, после полного освоения VI технологического уклада (возможно, к 2050 г.), мировая экономика будет входить в очередной длинноволновой технологический уклад, соответствующий новому уровню постиндустриальной цивилизации.

Необходимо обеспечение системы безопасности – гаранта спокойствия и процветания в мире. Следует выработать механизмы взаимного доверия, прозрачности реализации таких действий, начиная с запрета на применение всех видов оружия большой убойной силы до всеобщего разоружения, установление мира без войн.

Необходимо утвердить предельно допустимые критические значения и пороговые показатели по многим видам безопасности, таким как: экономическая, социальная, экологическая, инновационная, продовольственная, демографическая, научно-технологическая, информационная, энергетическая, космическая, биотехнологическая (биомикробы, наноботы, роботы) и др.

В целом, для устойчивого развития мира ООН могла бы использовать эти базовые элементы триады, которые приумножили бы, прежде всего, духовные возможности для развития гуманистическо-ноосферной цивилизации в XXI веке.

Список литературы

1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nkkm.ru/referats/333281-pitirim-sovokinrusskaya-sotsiologiya.
2. Гэлбрейт Дж. К. Новая индустриальные общество. М, 1969. с. 452–455.
3. Әл-Фараби. Историко-философские трактаты. Алма-Ата: Наука, 1985.
4. Абай. Т. 1, 2. Алматы: Жазушы, 1995.
5. Навои А. Хамса. Ташкент: Изд. Лит и искусств, 1986.
6. Эдвард Томас. Будда. История и легенды: ЗАО Центрполиграф. Москва, 2003. 390 с.
7. Лао-Цзы. Книга о пути жизни. М.: Изд. АСТ, 2019. 256 с.
8. Конфуций. Суждения и беседы. М.: Рипол классик, 2010. 368 с.

9. Вернадский В. И. Научная мысль как платные явление. М:. Наука, 1991.

10. Хокинг Стивен. Краткие ответы на большие вопросы. М.: ЭКСМО, 2019. 256 с.

11. [Электронный ресурс]. URL: http://en/wikipedia.org/wiki/Military_ budget_of_the_ united_states.

Summary

Sabden O. Social Development Modernization

Social development acquires a new status of a humanistic-noospheric civilization. Considering world trends in the context of globalization, the triad idea of sustainable development of mankind is proposed, including spirituality, technology, and security. Through the «isosceles triangle» it is possible to maintain the balance of the development of the world and trace the logic of the history of its development. The parties serve as the basic elements for the development of a new civilization.

Key words: social development modernization, integral society, humanistic ideology, spirituality, technology, security, convergent development.

Кузнецова О. В.
Заведующая лабораторией «Региональная политика и региональные инвестиционные процессы» Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
kouznetsova_olga@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация. Проведенные в экономически развитых странах исследования региональной шокоустойчивости в кризис 2008 г. показали, что экономически развитые регионы больше подвержены кризисным явлениям (по сравнению с экономически отсталыми), но и быстрее восстанавливаются после кризиса, а наибольшей шокоустойчивостью отличаются «срединные» территории, «вторые» города. Дифференциация регионов по последствиям вызванного пандемией COVID-19 кризиса во многом определяется долей занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу. Оценка последствий кризиса 2020 г. для российских регионов показала, что крупнейшие города – Москва и Санкт-Петербург – оказались в относительно благоприятной ситуации, благодаря диверсифицированной структуре экономики, высокому инновационному потенциалу, активному распространению информационных технологий, емким рынкам сбыта, повышенной доли занятых в бюджетном секторе, наличию ресурсов для поддержки предпринимателей.

Ключевые слова: экономический кризис, COVID-19, региональная шокоустойчивость, типы регионов, крупнейшие города

Экономический кризис 2020 г., связанный с пандемией COVID-19, как и все кризисы, неизбежно по-разному проявился в разных регионах страны и заставил обратить внимание и экспертов, и чиновников на дифференциацию территорий по динамике их социально-экономического развития. При формировании национальной (в России – федеральной) политики пространственного развития важно понимать, какие регионы в наибольшей степени подвержены кризисным явлениям – экономически отсталые или, наоборот, экономически развитые, как быстро территориям разных типа удается преодолеть кризисные явления, добиться восстановления экономического роста.

В зарубежной экономической литературе в последние годы поиск ответов на эти вопросы идет в рамках концепции региональной шокоустойчивости. Именно такой перевод, предложенный в [1], нам представляется наиболее удачным для англоязычного термина «regional resilience».

Работ по региональной шокоустойчивости уже довольно много, хотя признается, что окончательно сформировавшейся ее концепции пока не

существует. Основные закономерности в отношении конвергенции / дивергенции регионов, выделяемые в существующих работах (в т.ч. в [2; 3; 4]), таковы:

– кризис сильнее ударяет по экономически развитым регионам (с их крупными агломерациями, высокой плотностью населения). В таких регионах экономический спад обычно сильнее, поскольку именно они в первую очередь сталкиваются с кризисными явлениями. Так, кризис 2008 г. во многом был связан с кризисом на рынке недвижимости, который активнее всего развивался именно в крупнейших агломерациях. Распространение COVID-19 было более значимым в городах с высокой плотностью населения;

– про экономические отсталые регионы в кризис часто говорят, что им «некуда падать»;

– вместе с тем, экономически развитые регионы быстрее выходят из кризиса в силу своих традиционных преимуществ, хорошо известных из теорий регионального роста (это и емкий рынок сбыта, и более высокий уровень инновационности, и наличие внутренних ресурсов развития, и ряд других факторов);

– замедленное восстановление экономически отсталых регионов связано с дефицитом ресурсов, которые в таких регионах больше внешние, нежели внутренние. И дело не только в уже названной пониженной привлекательности проблемных территорий для частного капитала, но и типичном для посткризисных лет сокращении государственной поддержки экономики из-за необходимости обеспечить сбалансированность бюджетной системы после повышенных бюджетных расходов в острой фазе кризиса.

В результате такие закономерности приводят к дивергенции регионов по экономическим показателям (тогда как конвергенция оказывается возможной только при длительном стабильном экономическом росте), и это, безусловно, дополнительный вызов для национальной политики пространственного развития.

В Европейском Союзе, где региональной проблематике уделяется повышенное внимание, были проведены оценки последствий кризиса 2008 г. для разных типов регионов (см. Таблицу 1). По шокоустойчивости территории делят на 4 группы: вообще не испытавшие экономического спада; восстановившиеся, т.е. вернувшиеся к докризисному уровню экономического развития (обычно рассматривается трехлетний период); восстанавливающиеся – к докризисному уровню еще не вернувшиеся, но имеющие положительную динамику развития; регионы, где экономический спад продолжается. Для оценки шокоустойчивости территорий используют разные их типологии, наиболее интересными являются связанные с выделением городских / сельских и метрополитенских регионов. Подробно методики этих типологий приводятся на сайте Евростата [5], в упрощенном виде: метрополитенский регион близок к понятию городская агломерация; в преимущественно городских регионах (уровня NUTS 3) более 80 % населения проживает в городских кластерах, в «промежуточных» – от 50 % до 80 %, в преимущественно сельских регионах не менее 50 % населения проживает в сельских ячейках.

Таблица 1. Дифференциация регионов ЕС по последствиям кризиса 2008 г.

Типы регионов по особенностям расселения	Типы регионов по шокоустойчивости			
	Устойчивые (спада не было)	Восстано-вившиеся	Восстанав-ливающиеся	С продол-жающимся спадом
Городские/сельские регионы				
Преимущественно городские	1,06	1,41	1,02	0,65
«Промежуточные» рядом с городом	1,32	0,99	0,96	0,88
«Промежуточные» удаленные	0,00	0,67	1,34	1,45
Преимущественно сельские рядом с городом	0,98	0,97	0,99	1,04
Преимущественно сельские удаленные	0,11	0,36	1,06	1,86
Метрополитенские / неметрополитенские регионы				
Неметрополитенские регионы	0,73	0,92	1,01	1,19
Столичные регионы	1,15	1,51	0,84	0,68
Метрополитенские регионы второго порядка	1,66	0,99	1,05	0,64
Малые метрополитенские регионы	1,42	1,10	1,00	0,72

Источник: составлено по [2, с. 106]; коэффициент больше 1 свидетельствует о непропорционально большей доле соответствующего типа регионов, коэффициент меньше 1 – непропорционально низкой доле.

Таблица 2. Оборот розничной торговли (в сопоставимых ценах) в 2020 г. в % к 2019 г.

Оборот розничной торговли	Среднее по России	Москва	Санкт-Петербург
Всего	95,9	97,0	98,0
Пищевыми продуктами	97,4	98,1	100,7
Непродовольственными товарами	94,8	96,0	96,6

Источник: составлено по [6].

Приведенные в Таблице 1 данные подтверждают, что экономически развитые регионы – преимущественно городские и столичные метрополитенские – относятся преимущественно к восстановившимся, т.е. подверженным кризисным явлениям, но быстро вернувшимся к прежним экономическим показателям. Важно, что устойчивых регионов (не испытавших экономического спада) больше всего оказалось среди т.н. «промежуточных» регионов рядом с крупными городами и метрополитенских регионов – второго порядка и малых. Напротив, наихудшая ситуация – повышенное число территорий с продолжающимся спадом – характерна для периферийных регионов (удаленных от городов сельских и неметрополитенских), чуть лучше она в сельских регионах вблизи городов.

Полной картины региональных последствий вызванного пандемией COVID-19 кризиса в странах мира еще нет, но предварительный анализ по странам ЕС [3], ОЭСР [4] показывает очевидную особенность текущего кризиса – сильную зависимость экономического положения регионов от возможностей людей перейти на удаленную работу. Даже в экономически развитых странах дифференциация территорий по этому параметру значительна:

– разрыв между регионами одной страны по доле занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, доходит до 20 п.п. (в США),

– в дифференциации территорий по рассматриваемому показателю проявляется традиционный контраст между городской и сельской местностью, прослеживается зависимость от уровня образования занятых (чем выше доля занятых с высоким уровнем образования, тем больше возможностей для удаленной работы),

– разрыв между столичным регионом и остальными регионами по показателю составляет по странам ОЭСР в среднем 8 п.п.,

– собственно доля занятых, имеющих возможность перейти на удаленную работу, варьирует от более чем 50 % в ряде столичных регионов (Иль-де-Франс, Лондон, Стокгольм) до менее чем 25 % в ряде регионов Колумбии, Италии, Словакии, Испании, Турции.

Как видим, в целом экономически развитые регионы оказались в более благоприятной ситуации, нежели экономически отсталые, периферийные. Но при этом нет регионов только с преимуществами или только с недостатками развития. Так, экономически развитые регионы (чаще всего крупнейшие городские агломерации) отличались повышенным уровнем заболеваемости со всеми вытекающими последствиями; такие регионы обычно больше зависят от внешнеэкономических связей, по которым текущий кризис нанес сильный удар.

Для России оказываются свойственны многие тенденции и закономерности, что и для других стран мира. В начале вызванного COVID-19 кризиса часто говорилось о том, наиболее пострадавшими от пандемии территориями являются крупнейшие города. Именно они, особенно Москва, в первую очередь столкнулись с новой болезнью в силу своей открытости

и ростом числа заболевших из-за высокой плотности населения, последствиями запретов на ограничение отдельных видов деятельности, сокращением международных контактов. Действительно, по данным Росстата [6], объем платных услуг населению в Москве в 2020 г. составил только 71,4 % от уровня 2019 г. (в сопоставимых ценах), в Санкт-Петербурге – 81,6 %, тогда как средний по субъектам РФ показатель был 82,9 %.

Однако если посмотреть на реальные денежные доходы населения, то в Москве они в 2020 г. составили 99,0 % от уровня 2019 г., в Санкт-Петербурге – вообще 100,0 %, тогда как среднероссийский показатель был хуже – 97,0 %. А это значит, что в итоге крупнейшие города оказались отнюдь не самыми пострадавшими в текущий экономический кризис. И это связано с целым рядом факторов.

Первый и важнейший – диверсифицированная структура экономики, которая в научной литературе называется в качестве важнейшего фактора шокоустойчивости регионов. Экономический кризис всегда по-разному затрагивает разные виды экономической деятельности, и в регионах с диверсифицированной структурой экономики спад в отдельных секторах может быть смягчен или даже компенсирован относительно благоприятной ситуацией в других. Доля в структуре ВРП (по данным 2019 г. – последним опубликованным к настоящему времени [6]) таких наиболее пострадавших в ходе пандемии COVID-19 видов деятельности, как «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в Москве составляла только 0,8 %, в Санкт-Петербурге – 1,3 %; «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений» – 1,3 % и 1,5 % соответственно; «предоставление прочих видов услуг» – по 0,7 %. Зато на особо востребованные в текущий кризис «деятельность в области информации и связи» приходилось 6,6 % в структуре ВРП Москвы и 5,8 % Санкт-Петербурга; «профессиональную, научную и техническую деятельность» – 8,5 % и 7,8 % соответственно.

Во-вторых, Москва и Санкт-Петербург в силу повышенного инновационного потенциала, высокого уровня проникновения Интернета могли гораздо быстрее адаптироваться к новым условиям жизни, прежде всего, к более активному внедрению информационных технологий. Одним из примеров является розничная торговля, где были введены ограничения на традиционные ее форматы, которые могли быть компенсированы развитием Интернет-торговли. В результате по итогам года ситуация в розничной торговле Москвы и Санкт-Петербурга оказалась более благоприятной, нежели в стране в целом (см. Таблицу 2).

В качестве третьего фактора относительного благополучия крупнейших городов в условиях текущего кризиса можно назвать традиционное их преимущество – высокую емкость рынков сбыта. Особенно ярко значимость этого фактора иллюстрирует ситуация с динамикой производства пищевых

продуктов (см. Таблицу 3). Рост производства был характерен для обоих крупнейших российских городов, особенно Москвы. Относительно благоприятная ситуация сложилась в целом в Центральном федеральном округе, а также в Приволжском, где много городов-миллионников. Еще одним значимым фактором в случае с производством пищевых продуктов являются, конечно, условия для развития сельского хозяйства, что объясняет высокие позиции Северного Кавказа.

Данные Таблицы 3 иллюстрируют и другие названные выше закономерности динамики экономики регионов с разным уровнем экономического развития. Относительно благоприятная ситуация в обрабатывающих производствах сложилась в Центральной России (в т.ч. благодаря наличию емкого рынка столичного региона) и на Северном Кавказе, регионам которого как раз «некуда падать». Однако в удаленном от основных рынков сбыта страны Дальневосточном федеральном округе, где собственная емкость рынка очень невелика, ситуация в обрабатывающих производствах оказалась наихудшей. В Уральском федеральном округе рост обрабатывающих производств не был повсеместным, здесь оказались значимы отдельные крупные проекты по переработке нефти.

Наибольший спад промышленного производства был характерен для добычи топливных ресурсов (ситуация на мировом рынке нефти была проблемной и до текущего кризиса, ухудшение экономической ситуации еще больше сократило спрос на топливо) и, традиционно, для производства автомобилей как товаров длительного пользования (что объясняет в целом невысокий показатель индекса обрабатывающих производств в Приволжском федеральном округе).

Есть и другие факторы относительного благополучия крупнейших городов, причем проявляющиеся и в других странах мира:

– повышенная доля занятых, получающих заработную плату из бюджета (как государственных служащих, так и работников социальной сферы), которая в кризис остается относительно стабильной,

– наличие бюджетных ресурсов, которые можно направить на поддержку экономики в кризисных условия (особенно это характерно для Москвы, которая внедряла целый ряд собственных мер поддержки предпринимателей).

Конечно, в связи с этими двумя факторами возникает часто обсуждаемый в России вопрос о несправедливости повышенной концентрации ресурсов в Москве. Не отрицая наличие таковой, стоит все-таки подчеркнуть, что резких контрастов между Москвой и Санкт-Петербургом в экономических показателях в 2020 г. не было (а значит дело не только в статусе столицы); концентрация бюджетников в крупнейших городах является во многом объективной (такие города выполняют роль центров образования, науки, здравоохранения, культуры); как было показано, относительное благополучие обеспечивал не только государственный сектор.

Таблица 3. Индексы производства, 2020 г. в % к 2019 г.

Федеральные округа	Промышленность всего	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Производство пищевых продуктов
Среднее по России	97,1	93,0	100,3	103,5
Центральный	105,2	101,2	106,2	109,1
в т.ч. Москва	105,1	…	105,9	139,1
Северо-Западный	97,0	91,4	99,3	99,5
в т.ч. Санкт-Петербург	98,2	84,5	99,2	104,6
Южный	99,0	94,4	100,5	97,5
Северо-Кавказский	106,5	89,6	104,4	107,3
Приволжский	96,6	92,8	98,6	106,2
Уральский	97,7	94,2	105,6	101,5
Сибирский	95,6	91,0	98,2	103,9
Дальневосточный	95,9	96,4	91,7	98,2

Источник: составлено по [6].

Еще одной иллюстрацией конкурентных преимуществ Москвы и Санкт-Петербурга является фармацевтическое производство. В 2020 г. это, по вполне понятным причинам, была самая динамично развивающаяся отрасль промышленности – индекс производства в среднем по стране составил 123,0 %, а в Москве он достиг 138,8 %; в Санкт-Петербурге рост был скромнее – 113,9 % (данные Росстата [6]). Факторами привлекательности обоих городов стали наличие научно-исследовательских центров, функционирующие особые экономические зоны технико-внедренческого типа, емкие рынки сбыта.

Для федеральной политики пространственного развития из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для России важно дальнейшее развитие муниципальной статистики, желательно – формирование специальной сетки территориального деления (на основе сетки муниципальных образований) для ведения статистического учета социально-экономического развития разных типов территорий и в целом качественного мониторинга пространственного развития. В экономически развитых странах, как было показано выше, есть специально разработанные типологии регионов, отражающие особенности системы расселения. В России информативные данные есть только по городам федерального значения, тогда как даже по остальным городам-миллионникам таковых нет (например, по доходам населения есть данные только по средней заработной плате на крупных и средних предприятиях, т.е. нет информации ни по малому бизнесу, ни по доходам в целом).

Во-вторых, в рамках собственно государственной политики пространственного развития в России необходима реализация общепринятых мер повышения региональной шокоустойчивости. Это диверсификация экономики регионов, повышение их инновационного потенциала, активное внедрение информационных технологий. Кроме того, конечно, важно повышение качества государственного и муниципального управления, повышение эффективности взаимодействия органов власти разных уровней (для принятия необходимых в кризис оперативных решений).

В-третьих, в федеральной политике пространственного развития важно уделять гораздо больше внимания «срединным» территориям, в том числе «вторым» городам. В России очень часто обсуждаются две крайности: либо опора на крупнейшие города как точки роста, либо поддержка самых проблемных периферийных территорий. Как показывает опыт, «срединные» территории отличаются повышенной шокоустойчивостью и обладают определенным потенциалом экономического роста, будучи тем самым способными стать реальными альтернативами продолжающейся концентрации населения и экономической активности в крупнейших городах.

Список литературы

1. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15.

2. Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report. ESPON & Cardiff University, 2014. 280 pp.

3. Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis. European Union, 2020. 71 pp.

4. OECD Regions and Cities at a Glance 2020. Paris: OECD Publishing, 2020. 166 pp.

5. Евростат [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения 10.04.2021).

6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru (дата обращения 20.04.2021).

Summary

Kuznetsova O. V. Current Challenges and Spatial Development

Studies conducted in economically developed countries of regional resilience in the 2008 crisis showed that economically developed regions are more resilient to crisis (compared to economically backward ones), but also recover faster after the crisis, and the «intermediate» territories and second tier cities are the most resilient. The differentiation of regions according to the consequences of the COVID--19 pandemic crisis is largely determined by the share of employees able to switch to remote work. Assessing the impact of the 2020 crisis for the Russian regions, it showed that the largest cities, Moscow, and St. Petersburg, were in a relatively favorable situation, thanks to the diversified structure of the economy, high innovation potential, active introduction of information technologies, large sales markets, an increased share of employees in the public sector, and the availability of budget resources to support entrepreneurs.

Key words: economic crisis, COVID-19, regional resilience, types of regions, major cities

Калиев Т. Б.
Директор Института прикладных этнополитических исследований, кандидат политических наук
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
talgat.kaliyev@gmail.com

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Аннотация. Социально-экономическое развитие тесно связано с характером организации общественных отношений, в том числе межэтнических. При этом взаимное влияние этих двух процессов в обществе обусловлено противопоставлением этничности и рациональности. С одной стороны, ухудшение межэтнических отношений может быть следствием спада в экономической динамике. С другой стороны, межэтнический конфликт может сам выступить триггером ухудшения экономической ситуации. Учитывая, что рост межэтнической напряженности отмечается в качестве общемирового тренда, определение этнических аспектов в современной рыночной экономике приобретает особую актуальность. Поскольку это позволяет отметить факторы социально-экономического развития, на которые будет оказывать влияние этничность.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, экономический рост, этничность, этноэкономика, межэтнические отношения, этнополитика.

В современном мире аспектам влияния этнического фактора на способность адаптации к рыночным условиям уделяется недостаточно внимания. В экономической науке широко распространен цивилизационный подход, предполагающий анализ особенностей каждой нации с точки зрения ментальности и этничности. В разработку цивилизационного подхода внесли большой вклад труды М. Вебера, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилева и др. великих ученых. Данный подход лег в основу параметров сравнительного анализа различных моделей национальных экономик, которые обладают индивидуальным набором социально-экономических характеристик с учетом этнокультурного разнообразия проживающего в них населения.

Этнические особенности хозяйствования разных европейских народов, наряду с их закономерностями, отмечались А. Смитом. Ф. Лист, исследуя неравномерность развития стран в одну и ту же эпоху, выявлял страновые, национальные различия. Индивидуальность наций, как особых организмов, подчеркивал А. Мюллер.

Экономисты институционального направления указывали на много-численные иррациональные аспекты экономического поведения людей и систем их предпочтений, считая корнями иррациональности стереотипы, образ мыслей, привычки, инстинкты и другие институты [1, с. 202]. С. Роузфилд, исследуя сравнительную экономику стран мира, заметил, что этническая культура

видоизменяет стандартные правила ведения хозяйства и приводит к появлению экономических систем с различными свойствами [2, с. 12, 25].

Зарубежные экономисты У. Истерли и Р. Левин в своей работе показали, что темпы роста валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения имеют обратную зависимость с этнической структурой населения. Они утверждали, что плохие экономические показатели большинства африканских стран объясняются отчасти большим числом различных этнических групп, живущих в одной стране [3, с. 1203–1250].

Ученые советской этнографической школы в 50–70-е годы прошлого века развернули широкомасштабные теоретические и полевые исследования наций и народностей, проживающих на территории СССР. В результате был опубликован не только ряд работ, касающихся спорных моментов в предметном поле этнографии и ее методологическом аппарате, но и фундаментальные труды по этнографии народов Советского Союза, на основе которых формировалась экономическая специализация союзных республик.

Советские этнографы не обошли в своих публикациях вопросы влияния в системе {этнос (этническое) ←→ экономика}. Проведенные этносоциологические исследования, позволили подтвердить положение о значимости этнической специфики, поскольку «общие закономерности социальных процессов, характерные для всех народов, не исключают национальные особенности, которые проявляются в таких экономических областях, как отраслевая занятость, профессиональная ориентация, уровень жизни, благосостояние и т. д.» [4, с. 149].

С позиции формирования государственной политики значительный фокус на этничности в экономике опасен его подменой преувеличенной трактовкой значимости этнической принадлежности, появлением элит и кланов, трайбализмом, усилением дифференциации общества с рисками возникновения дискриминации, что порождает саморазрушительную обреченность в подходе к социально-экономическим преобразованиям, формируя протестные настроения в обществе. Поэтому процесс разработки мер экономической политики должен включать комплексный подход, учитывая этничность и рациональность.

Противопоставление этничности и рациональности экономического поведения всегда формирует основу изменений общественных стереотипов со ссылкой на детерминированную национальную специфику, некую «самобытность» или «историческую норму». Поэтому поиск баланса между этничностью и рациональностью может сформировать базу для положительных результатов различных экономических преобразований, запуская инновационные процессы в обществе. История знает достаточное количество успешных примеров: немецкое и японское «экономическое чудо», «азиатские тигры» и т. д.

Вопрос взаимосвязи этнической принадлежности и экономического роста актуализирует необходимость развития этноэкономки. Обобщающий обзор дефиниций, теорий и моделей этнической экономики, позволяет рассматривать ее в качестве научного феномена, определяющего тренды социально-экономического развития на макро-, мезо- и микроуровнях с учетом следующих направлений (факторов): предпринимательство, специализация занятости, ненаблюдаемая экономика, социально-экономический статус.

В рамках реализуемых мониторинговых выездов Институтом прикладных этнополитических исследований (далее – Институт) была осуществлена попытка визуализации влияния этнического фактора на социально-экономическое развитие Республики Казахстан посредством схемы проецирования этничности на экономическую составляющую общественного развития (см. Рис. 1.)

Этнический фактор по отношению к экономическому развитию регионов Казахстана включает следующие процессы:

- традиционную экономическую деятельность представителей разных этносов и склонность к разным занятиям;
- предпринимательскую активность в разных этносах;
- факторы социального развития, в том числе стремление к получению образования, самореализации личности;
- выбор специализации представителями этносов и определенный набор навыков и умений, определяемый этнической принадлежностью.

Преломление этнической экономики в социально-экономическое развитие регионов Казахстана имеет следующие направления:

- этническая специализация труда;
- этническое предпринимательство;
- этнический туризм;
- этнический характер иждивенческой нагрузки;
- экономические сектора, функционирующие вокруг традиционных культурных событий, мероприятий и т. д. (производство национальных костюмов, сувениров, предметов быта в этническом стиле);
- профессиональная ориентация при получении образования представителями отдельных этносов.

Результаты проведенной работы показали, что трансформация этноэкономической ситуации может стать как причиной, так и следствием межэтнического конфликта. Так, изменение уровня жизни, различные проблемы ведения бизнеса, развитие ненаблюдаемой экономики, дискриминация на рынке труда и другие экономические факторы, ухудшающие положение этнических групп, становятся причинами возникновения негативных стереотипов и межэтнических конфликтов в регионах [5].

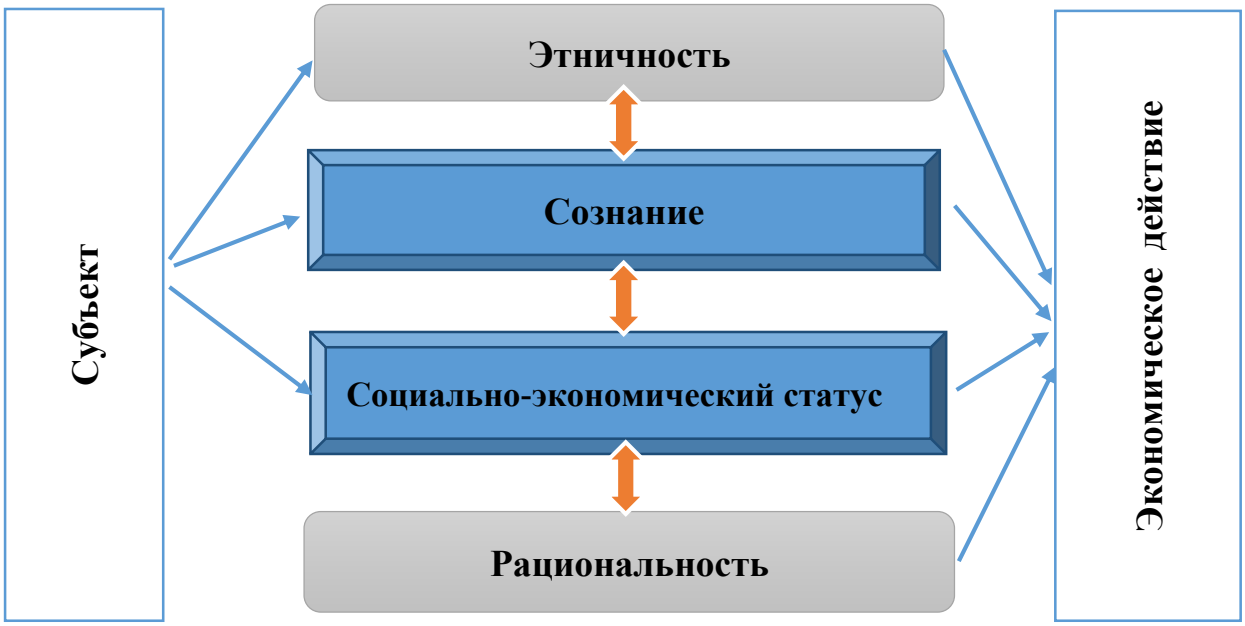

Рис. 1. Схема проецирования этничности на экономическую составляющую общественного развития в Республике Казахстан

Рис. 2. Разнонаправленный характер влияния социально-экономических факторов на межэтнические отношения

С другой стороны, межэтнический конфликт может выступать триггером ухудшения социально-экономического развития страны или региона. Во многом это зависит от иммиграционной активности и провокаций со стороны «третьих стран». При этом на политическом уровне происходит смещение акцента в сторону экономических вопросов [6], а средства массовой информации активно освещают нестабильную политическую обстановку, которая подрывает социально-экономическое развитие [7].

С учетом возможного противоположного влияния этнического фактора на социально-экономическое развитие стран и регионов становится очевидным механизм ухудшения межэтнических отношений и зарождения «цветных революций».

В Республике Казахстан вопросы межэтнических отношений являются одним из стратегически важных и приоритетных направлений. Достижение мира, согласия и толерантности среди этносов, проживающих на нашей территорий, является одной из приоритетных задач государственной политики. Для поставленных Главой государства задач и целей в сфере политики межэтнических отношений при Министерстве информации и общественного развития Республики Казахстан были созданы Комитет по развитию межэтнических отношений и наш Институт, который начал функционировать в мае 2020 года.

Целью деятельности Института является обеспечение аналитического, исследовательского и экспертного сопровождения государственной политики в сфере межэтнических отношений.

Основными задачами являются:

• изучение ситуации в межэтнической сфере, определение прогнозных оценок и рисков;

• постоянный мониторинг состояния и динамики социального самочувствия этносов, общественно-политических процессов;

• изучение процессов этнодемографического и этноэкономического развития;

• научно-методическое сопровождение межэтнической политики, формирование комплексной системы раннего предупреждения межэтнической напряженности и конфликтов.

За короткий период существования нашей организации на стыке социологии, этноконфликтологии, психологии и экономики, применяя различные методы анализа, были реализованы следующие проекты:

1. Государственная политика в сфере укрепления казахстанской идентичности.
2. Состояние общественных настроений казахстанских этносов.
3. Социальная дифференциация казахской части населения.
4. Инсайд-исследование: «Информационная повестка дня и роль СМИ в сохранении общественного согласия».

5. Проблема межэтнической ксенофобии и пути ее преодоления.

6. Форсайт-исследование: «Объединительный и модернизационный потенциал казахов».

7. Форсайт-исследование по вопросам гражданской идентичности и интеграции этнических групп.

8. Ретроспективный анализ конфликтов с участием разных этнических групп.

9. Мониторинг тенденций развития национал-патриотических настроений в среде наиболее крупных этносов.

10. Мониторинг социально-экономического положения этнических групп и социального самочувствия населения Казахстана.

В результате проведенной работы определены факторы рисков социально-бытового, культурного, инфраструктурного и иного характера. Подготовлены рекомендации по минимизации выявленных проблем. Разработан «Социально-экономический паспорт этносов Казахстана» и «Этнодемографический паспорт регионов Казахстана».

В июле 2020 года для обеспечения всестороннего экспертного сопровождения реализуемых мер при Институте создана экспертная группа. В ее состав вошли известные аналитики и общественные деятели страны. Работа экспертной группы позволила реализовать обсуждение таких актуальных тем, как ситуация в Нагорном Карабахе, Кордайский конфликт, проявление ксенофобии в казахстанском обществе и др.

Поскольку этнополитика является новым междисциплинарным направлением, Институтом разработан Глоссарий по этнополитике для специалистов центральных государственных органов, местных исполнительных органов, сотрудников правоохранительных органов. В нем представлены актуальные определения современных процессов в сфере межэтнических отношений. Глоссарий направлен на создание синхронизированного понятийно-терминологического аппарата для фиксации различий базовых категорий этнополитического дискурса.

Также подготовлена база данных выдающихся личностей – представителей этносов, внесших существенный вклад в развитие Казахстана. Она размещена на сайтах Ассамблеи народа Казахстана и Института истории и этнологии имени Ч. Валиханова, открыта и доступна каждому. В ней содержится информация о 100 выдающихся личностях – представителях этносов, внесших существенный вклад в развитие страны.

Впервые в истории казахстанской этнополитики в рамках IV Всероссийского конфликтологического форума «Векторы развития современной конфликтологии» Институтом совместно с ведущими российскими вузами был проведен совместный круглый стол «Генезис конфликтов в цифровом обществе: междисциплинарный подход». В нем приняли участие ведущие ученые, освещающие актуальные вопросы зарождения конфликтологического дискурса

в современных масс-медиа. На дискуссионной площадке была отмечена необходимость улучшения международного взаимодействия центров конфликтологии стран СНГ.

В планах Института – наращивать аналитический потенциал, уделяя особое внимание развитию этнополитики и этноэкономики согласно следующим направлениям: проведение исследований; методическое и методологическое сопровождение реализуемой политики в сфере межэтнических отношений; организация и проведение обучающих семинаров и тренингов; расширение сотрудничества с различными международными организациями.

В заключение хотелось бы отметить, что полиэтничность, равноправие этносов, культурное разнообразие способствуют развитию инновационных возможностей общества и бизнеса, поскольку каждая этническая и национальная культура содержит в себе что-то, чего нет в другой культуре, обогащая друг друга. Это формирует рыночные возможности для диверсификации экономики и появления новых источников роста.

С учетом специфики разделения труда то, что могут принести в бизнес казахи, русские, дунгане, азербайджанцы, турки и т. д., все вместе, не может сравниться с усилиями одной этнической группы, поскольку этническое или этнокультурное многообразие обеспечивает необходимую сложность производства. Любой народ, который имеет в основе полиэтничность, более продуктивен, более эволюционен, чем моноэтничный народ. Пожалуй, только японцы являются в этом отношении некоторым исключением, но и эта ситуация сегодня меняется в пользу привлечения мигрантов. Потому в современном мире этническое многообразие необходимо рассматривать в качестве дополнительного ресурса для социально-экономического развития страны.

Список литературы

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984, С. 202.
2. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: культура, богатство и власть в XXI веке. М., 2004, С. 12, 25.
3. William Easterly; Ross Levine / Africa’s Growth Tragedy: Politices and Ethnic Divisions / The Quarrterly Journal of Economics, Vol. 112, No. 4 (Nov., 1997), 1203–1250.
4. Арутюнян Ю. В., Дробжиева Л. М., Кондратьев В. С. и др. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984., С. 149.
5. Иванов В. Н. Детерминанты межнациональных (межэтнических) конфликтов в регионах Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-mezhnatsionalnyh-mezhetnicheskih-konfliktov-v-regionah-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 01.03.2021).

6. Soldatova G. U. Psihologiya mezhehtnicheskoj napryazhennosti. M.: Smysl, 1998. 389 s.
7. Erriah, Paul. Quo Vadis: Caribbean Economies. N.Y: The Author. 2011.

Summary

Kaliyev T. B. Ethnic Aspects in the Present Market Economy

Socio-economic development is closely related to the nature of the organization of public relations, including interethnic ones. Moreover, the mutual influence of these two processes in society is due to the opposition of ethnicity and rationality. On the one hand, the deterioration of interethnic relations may be the result of a decline in economic dynamics. On the other hand, an interethnic conflict can itself act as a trigger for a worsening economic situation. Considering that the growth of interethnic tension is noted as a global trend, the definition of ethnic aspects in a modern market economy is of relevance. Since this allows us to note the factors of socio-economic development, which will be influenced by ethnicity.

Key words: socio-economic development, economic growth, ethnicity, ethnoeconomics, interethnic relations, ethnopolitics.

Кульков В. М.
Профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
profvmk@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Раскрывается содержание цифровой трансформации экономики. Анализируются ее роль и последствия. Выделяются различные уровни цифровизации. Выявляются противоречия цифровой трансформации.

Аргументируется важность их учета.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, уровни цифровизации, противоречия, парадокс Солоу.

Цифровизация стала осязаемым технологическим и экономическим трендом современной жизни. Становится все больше оснований утверждать, что данный процесс позволяет поднять производительность факторов производства, повысить конкурентоспособность фирм, отраслей, территорий и национальных экономик, улучшить качество жизни граждан, нарастить уровень и эффективность государственного и муниципального управления. Курс на цифровизацию интегрирован в России в структуру национальных целей и стратегических задач развития, а в Казахстане находится в русле модернизации страны и индустриально-инновационного развития. Доклады, представленные на настоящей конференции, показали самые разнообразные формы проявления цифровизации в различных сферах экономической и общественной деятельности, выявили результативность их применения, раскрыли их перспективы в экономиках России и Казахстана.

Не будем чрезмерно вдаваться в понятийные вопросы. Будем исходить из того, что чаще всего под цифровизацией как общим процессом понимается деятельность, основанная на применении цифровых технологий или данных в цифровой форме. Цифровая экономика предстает тогда как обобщенный образ «новой экономики», а цифровая трансформация (этот термин особенно активно используется в последнее время) нацелена на отражение качественных преобразований, одной из форм которых являются следующие изменения, выражающиеся в «сквозной цифровизации и интеграции горизонтальных и вертикальных цепочек создания стоимости, начиная от разработки продуктов и заканчивая производством, логистикой и обслуживанием; цифровизации продуктов и услуг с вовлечением как их производителей, так и потребителей; наконец, формировании новых цифровых бизнес-моделей» [1, с. 22]. Таких

возможностей и амбиций еще не было на заре информационного общества, становление которого происходило примерно три десятилетия назад. Формы цифровизации могут быть выражены и по-другому – в частности, при сопоставлении цифрового сектора, цифровой экономики и цифровизованной экономики [2, с. 20].

Важно видеть наличие нескольких сторон (уровней) цифровизации (или цифровой экономики, цифровой трансформации – не будем далее придавать значения нюансам их различий), которые надо брать в единстве, а не противопоставлять их, множа тем самым число определений. В российской государственной программе, направленной на развитие цифровой экономики в РФ, обозначены три таких уровня: рынки и отрасли экономики, платформы и технологии, среда. Сделаем попытку расширить и усложнить эту структуризацию, представив эти уровни следующим образом.

Первый уровень – технологический. Речь идет о новых цифровых технологиях, которые часто именуются как «Индустрия – 4.0». К ним можно отнести, прежде всего, «интернет вещей», большие массивы данных (Big data), машинное зрение и обучение, дополненную или виртуальную реальность, беспилотные аппараты, робототехнику и автоматизацию производственных процессов. К указанным технологиям примыкает инфраструктурная сторона, обеспечивающая условия для их функционирования: цифровые платформы, центры обработки данных, коммуникации, логистика и т.п.

Второй уровень – функционально-отраслевой. Он охватывает различные конкретные сферы (отрасли) экономики и социальной жизни и реализуется в специфических формах, сообразных этим сферам. Наиболее известный и распространенный пример из торговой сферы – это электронная коммерция в форме интернет-магазинов. Можно говорить также об особенностях цифровизации в промышленности, в финансовой (в частности, в банковской) системе, в здравоохранении, в образовании, в сфере городской жизни («умный город») и др. Сюда же можно отнести и сферу государственного и муниципального управления.

Третий уровень – это экономическая среда, представленная в трех основных формах: во-первых, институциональная среда, включающая нормативное регулирование процесса цифровизации как выражение формальных правил (институтов) и социокультурный, ценностной аспект, выражающий неформальные правила (институты); во-вторых, микроэкономическая среда, реализуемая через условия хозяйственной деятельности и взаимодействие экономических субъектов на отраслевых рынках с учетом цифровых особенностей; и, в-третьих, макроэкономическая среда, отражающая воздействие макроуровня на экономику (в данном случае – на цифровую экономику), прежде всего, в форме макроэкономической политики. В данном случае особенно важно, чтобы экономическая политика в стране учитывала

и брала в комплексе все три указанные формы среды, влияющие на формирование цифровой экономики.

Четвертый уровень – социально-экономический или, другими словами, воспроизводственный. Он указывает на изменение характера социально-экономических отношений, факторов и результатов экономической деятельности в условиях цифровизации, на глубокую трансформацию экономических процессов во всех фазах воспроизводства, включая и производство, и распределение, и обмен, и потребление. Особенностью становится то, что ключевым фактором производства начинают выступать данные в цифровой форме, а в экономических отношениях все большую роль начинает играть виртуальная составляющая. Что касается фаз воспроизводства, то в сфере производства изменения связаны с внедрением новых цифровых технологий, с формированием сквозной цифровизации физических активов и единых цепочек создания стоимости; в сфере распределения – с новыми формами получения доходов, с «цифровыми разрывами» в социальном положении людей; в обмене – в упрощении структуры взаимодействия между рыночными агентами за счет расширения многообразных горизонтальных связей, в снижении барьеров входа на рынки; в сфере потребления – в резко выросшей доступности в приобретении и пользовании различными благами и услугами, в кастомизации товаров, позволяющей максимально учесть потребности индивидуальных потребителей.

Только в единстве всех указанных уровней (сторон) можно получить полное и комплексное представление о цифровой экономике как новом феномене современной жизни и уйти от крайностей.

Вместе с тем, отмечая новизну, достоинства и преимущества цифровой экономики, следует при этом видеть присущие ей ее риски и ограничения, не поддаваться чрезмерному оптимизму. Порассуждаем на эту тему.

Существует опасность того, что все более утверждающийся термин может пополнить проходной ряд модных до недавнего времени выражений «новой экономики» – таких, как «постиндустриальная экономика», «информационная экономика», «экономика знаний», «инновационная экономика»», «сетевая экономика», «сервисная экономика» и др. Ведь появилась своеобразная понятийная суета, когда, толком не освоив одно понятие, устремлялись к новому, считая, что только оно и является адекватным выражением современного этапа развития. Предпринимаются попытки подменить цифровой экономикой социально-экономическую систему, придать ей первенствующее значение, абсолютизируя лишь одно из измерений системы. Может произойти также недооценка роли промышленной политики, которая на фоне цифровизации будет выглядеть чрезмерно консервативной, или перетягивание на себя ее главных акцентов. Недооценка может распространиться и на нецифровые технологические уклады и направления инновационного развития, имеющие перспективное значение для экономики.

К тому же, начавшаяся эйфория цифровизации недостаточно учитывает сильную социально-экономическую и региональную разнородность в России и в Казахстане, реальное наличие больших «цифровых разрывов». Как следует из данных международной консалтинговой компании McKinsey, из совокупных государственных расходов на информационные технологии в России на долю только Москвы приходится 40 %, а на долю 10 развитых регионов – целых 80 % [3, с. 36]. Кроме того, степень цифровой трансформации зависит от особенностей сфер (отраслей) их применения: одно дело – сферы телекоммуникаций, банков, государственных услуг, образования и ряд других; другое дело – отдельные секторы промышленного производства.

Следует принять во внимание и тот факт, что в странах, более продвинутых в цифровом отношении, как показывает статистика, замедляются темпы роста цифровой экономики после выхода ее на уровень 10 % к ВВП (а ведь именно на этот показатель сориентирована и уже упоминавшаяся российская государственная программа). Вполне вероятно, что здесь начинает проявлять себя так называемый «парадокс Солоу», в котором известный нобелевский лауреат премии по экономике еще в условиях нарастания информационного общества в конце 1980-х гг. выявил неожиданно скромное влияние информационных технологий (а тогда речь шла в основном о применении компьютеров) на производительность труда в американской экономике. Так, если среднегодовые темпы роста производительности труда в США составляли в период 1891–1972 гг. 2,33 %, то в 1972–1996 гг. – 1,38 %, а в период 2004–2012 гг. только 1,33 % [4, с. 347]. Пока еще рано предаваться эйфории от темпов и степени распространения цифровизации в экономике: картина пока выглядит довольно противоречиво, и не исключено, что она, в конечном счете, тоже будет соответствовать «парадоксу Солоу».

Опасность представляет тесная смычка цифровизации и финансиализации современной экономики, усиление виртуализации экономической деятельности в сфере финансовых инструментов и операций. Это было отмечено еще в период мирового экономического кризиса конца «нулевых» годов, когда наружу вышли объемные финансовые «пузыри». Оказалось, что внедрявшиеся в то (еще не «цифровое» время) информационные технологии стали хорошей подпиткой для финансиализации экономики. Над «нормальными» деньгами, обслуживающими реальную экономику, «нависает созданный гигантский по своим масштабам финансовый пузырь, образовавшийся из базовых активов (акций и облигаций) и их производных (деривативов). При этом на долю производных от базовых активов приходится подавляющая часть мировой ликвидности (75 %), и, что особенно опасно, эта денежная масса более чем в 8 раз превышает мировой ВВП» [4, с. 314–315]. Есть вероятность того, что подобного рода финансиализация будет ускорена посредством новых, цифровых технологий. Возрастает возможность всякого рода финансово-цифровых манипуляций, мошеннических схем.

Все более проявляют себя и социальные последствия цифровизации. Особенно много пишут о безработице в связи с масштабным высвобождением из экономики работников (причем часто средней, а не низшей квалификации), утратой профессий, ослаблением социальной защиты участников сетевой деятельности при возрастании степени их автономности. Опасность состоит и в резко увеличивающейся возможности информационного диктата, вплоть до цифрового тоталитаризма – тем более, в условиях массовой чипизации граждан, которая может произойти под благовидными предлогами. Новая пандемия и реакция на нее показывают примерное направление возможных действий. Могут усилиться социальные антагонизмы при перераспределении богатства и власти от среднего к высшему классу, наметившемся еще на заре цифровизации.

Цифровая трансформация затрагивает и проблему безопасности, включая национальную экономическую безопасность. Страны, отставшие в цифровой области, могут заранее обречь себя на зависимое, подчиненное место в глобальных цифровых цепочках создания и распределения стоимости в отличие от государств, более продвинутых в указанной области. Цифровая сфера становится важной областью конкурентоспособности национальных экономик, объектом острого соперничества разных стран и взаимных обвинений. Здесь важно сохранить «цифровой суверенитет» и способность конкурировать в мировой экономике.

Опасность проявляется и в том, что чрезмерное значение в цифровой трансформации экономики придается пока государственным программам и решениям: с одной стороны, это оправдано, поскольку делает данный процесс целеполагательным и масштабным, но, с другой стороны, это может негативно сказаться на мобильности и гибкости решений, так как процесс цифровизации связан с креативной деятельностью и предполагает инициативность инновационного бизнеса и сферы НИОКР, не опутанных регламентами и запрограммированностью. В противном случае мы будем идти проторенным путем, не обеспечивая опережающий и прорывной характер цифровой трансформации, без чего трудно обеспечить конкурентоспособность экономики. Таким образом, надо находить оптимальное сочетание государственного управления процессом цифровизации с инновационной самостоятельностью экономических субъектов. Оптимум нужен и в сфере взаимодействия центра и регионов: с одной стороны, с учетом исторической специфики и проблемы обеспечения единого экономического пространства и безопасности следует сохранить приоритетный характер государственного управления цифровыми процессами, добиваться интеграции довольно разрозненных ведомственных и региональных систем, а, с другой стороны, поощрять цифровые инновации в регионах, активно апробировать и распространять передовой региональный опыт цифровизации с учетом тех социально-экономических и цифровых «разрывов», которые существуют между разными регионами. Это актуально как

для России, так и для Казахстана с учетом уникальной роли пространственного фактора для обеих стран.

Таким образом, цифровая трансформация экономики носит противоречивый характер. С одной стороны, она находит свое выражение в позитивных последствиях прогрессивного и перспективного технологического и экономического тренда. С другой стороны, она порождает многочисленные риски и опасности. Формулируя и реализуя задачи цифрового развития, следует исходить из этой противоречивости, избегать крайностей.

Список литературы

1. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в региональном и муниципальном управлении / под ред. В. К. Ковальчука и др. М.: Наука, 2019. 270 с.

2. Ганичев Н. А., Кошовец О. Б. Принуждение к цифровой экономике: как изменится структура цифровых рынков под влиянием пандемии COVID-19? // Вопросы прогнозирования. 2021. № 1. С. 19–35.

3. Цифровая Россия: новая реальность. Digital/McKinsey, 2017. 132 с.

4. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.

Summary

Kulkov V. M. Contradictions to the Digital Transformation of the Economy

The content of the digital transformation of the economy is revealed. Its role and consequences are analyzed. Various levels of digitalization stand out. The contradictions of digital transformation are revealed. The importance of taking them into account is argued.

Key words: digital transformation, digital economy, levels of digitalization, contradictions, Solow paradox.

Нурланова Н. К.
Советник Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор экономических наук, профессор
г. Алматы, Республика Казахстан
n.k.nurlanova@gmail.com

МОДЕЛЬ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье обосновывается, что экономический рост на основе повышения потребления ресурсов и потребительского спроса имеет ограничения. Показано, что новые технологии, слияние биотехнологий с информационными еще в большей степени будут нарушать равенство людей и по-прежнему будут увеличивать расслоение общества. Обоснованы преимущества модели инклюзивного развития в условиях формирования сетевой или информационной экономики. Раскрыты особенности инклюзивного развития в пространственном ракурсе. Сделан вывод, что только инклюзивное развитие экономики и общества способно обеспечить компромисс между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Статья подготовлена при поддержке грантового финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан по проекту ИРН AP09259004 «Приоритеты и механизмы инклюзивного регионального развития Казахстана в условиях преодоления спада экономики».

Ключевые слова: инклюзивное развитие, сетевая экономика, неравенство, общество, доходы, социальная справедливость.

Рассматривая перспективы мировой и национальных экономических систем в постпандемийный период, связанный с развитием цифровизации и становлением сетевой экономики, можно выделить следующие возможные модели развития.

Первая модель – это развитие на основе экономического роста за счет постоянного повышения потребления ресурсов и роста потребительского спроса. Такой модели в конце 20-го и начале 21-го столетия придерживались многие страны, в первую очередь, США, где сложилось наиболее зрелое «общество массового потребления», в котором для достижения роста экономики стимулировалось потребление и потребительские кредиты. На эту модель, как наиболее вероятную для будущего развития, указывают многие современные ученые [1, 2]. Однако развитие мировой экономической системы и отдельных национальных экономик нельзя назвать устойчивым, когда большая часть мирового богатства принадлежит 1 % населения, так называемому «золотому миллиарду».

В прошлом столетии ученые-экономисты отмечали позитивную тенденцию формирования среднего класса во многих наиболее развитых странах мира. В нынешнем веке эта тенденция стала меняться на возрастающие тренды

расслоения общества, при котором темпы роста доходов большинства населения существенно отстают от темпов роста валового внутреннего продукта.

Продолжение экономического развития стран мира по инерции в соответствии с первой моделью приводит к ситуации, когда экономический рост ограничивается наличием ресурсов, что сопровождается увеличением численности бедных и беднейших слоев населения, снижением спроса на продукцию на этом фоне. В результате происходит углубление дифференциации стран и регионов, рост безработицы, нищеты и бедности, маргинализация и усиление неконтролируемой миграции населения.

Так, по критерию Всемирного банка (1,9 долл. США в день), за чертой бедности в мире в 2018 г. проживало 736 млн человек или около 8 % работающего населения и членов их семей [3]. Согласно обновленным данным, критерием бедности считается уровень в 3,2 и 5,5 долл. США в день, при этом не учитывается доступ населения к услугам здравоохранения, образования, к водо- и электроснабжению. На эти деньги проживает почти половина населения мира – 3,4 млрд человек, а в беднейших странах, которыми, к примеру, являются Республика Конго и Мадагаскар, доля крайне бедного населения достигает 77 % [4].

Что касается России, то, несмотря на существенное снижение бедности, децильный коэффициент доходов, характеризующий расслоение общества, в 2019 г. (до влияния пандемии) составил 15,6 раза, то есть доход 10 % самых богатых людей превышает доход 10 % самых бедных людей почти в 16 раз. В то же время в стране насчитывается около 20 млн бедных людей, чей доход ниже прожиточного минимума [5].

В Казахстане децильный коэффициент фондов был несколько ниже – 5,9 [6], однако под влиянием COVID-19 дифференциация доходов в стране значительно увеличилась. Так, по предварительным оценкам, более 1,6 млрд человек, занятых на непостоянных рабочих местах, могут лишиться заработка в результате принятия карантинных мер во время пандемии [7].

В соответствии с изменением трендов и появлением новых условий факторов и угроз устойчивому экономическому развитию эволюционируют и экономические теории, лежащие в основе той или иной модели роста. Появляются новые, одной из которых является *концепция инклюзивного экономического роста.*

На основе этой концепции в условиях восстановления экономики в постпандемийный период возможно выстраивание *новой модели развития*. Это инклюзивное развитие, предполагающее преодоление неравенства стран, регионов, национальных экономики, доходов и уровня жизни отдельных слоев и групп населения, проживающих на разных территориях одной страны. Есть мнение, что инклюзивный рост способен обеспечить компромисс между социальной справедливостью и эффективностью экономического развития [8]. Другими словами, переход на модель инклюзивного экономического развития

означает создание справедливой системы перераспределения созданного продукта в пользу социальной группы населения с минимальными доходами.

Так, модель развития, которую предлагает Организация экономического сотрудничества и развития (ОСЭР) [9], предполагает обеспечение всестороннего экономического роста во всех секторах экономики и повышение уровня социального развития страны и всех параметров качества жизни населения.

В соответствии с этим постулатом, служащим основой построения модели инклюзивного развития, приоритетами страны должны быть не столько приращение национального богатства как такового, вне зависимости от средств его достижения и последующего распределения, сколько всесторонний устойчивый рост экономики, обеспечивающий рост доходов и качества жизни всех категорий населения, увеличение их доступа к социальным благам и уровня защищенности. То есть при условии перехода на модель инклюзивного развития каждый человек в обществе должен иметь возможность удовлетворять потребности своей жизнедеятельности и развития человеческого капитала: доступ к воде, продовольствию, жилью, энергетическим ресурсам, услугам здравоохранения, образования. Дополнительным ресурсом, необходимым для жизнедеятельности людей в современном обществе, является доступ к инфраструктуре и коммуникациям, в первую очередь, к широкополосному интернету.

Суть в том, что развитие экономики, согласно второй модели развития, становится возможным с расширением влияния информатизации и цифровизации всех процессов и сфер жизнедеятельности человека, формированием сетевого характера экономики, усилением роли знаний и инноваций.

Современную экономику исследователи называют сетевой, постиндустриальной, информационной, виртуальной, интернет-экономикой, экономикой знаний, неоэкономикой, финансономикой и т. д. Однако эти понятия не отражают основного содержания инклюзивного развития, состоящего в том, что цифровая или сетевая экономика расширяет возможности человека пользоваться социальными благами.

В то же время нужно иметь в виду, что вместе с положительными тенденциями расширения цифровизации во всех секторах экономики, развитие Big Data и искусственного интеллекта со временем приведут к формированию новой олигархической прослойки общества и к новой цифровой диктатуре [10, с. 13]. В эпоху расширения интернет-ресурсов постепенно формируется новый тип богатейшей верхушки общества, так называемая «сетевая нетократия» (*англ. Netocracy*) [11]. Сетевая нетократия, благодаря полноценному доступу к информации, приобретает неограниченную власть в управлении обществом страны, региона, мирового сообщества и манипулировании информацией. В то же время, в условиях цифровой экономики и формирования виртуального общества появляются наиболее уязвимые социальные слои, не владеющие цифровыми навыками, не имеющие возможности пользоваться выгодами интернет-ресурсов. Эти слои общества постепенно становятся

наибеднейшим населением. Иначе говоря, несмотря на формирование «экономики знаний», создание искусственного интеллекта, изменение системы ценностей, расширение процессов цифровизации и автоматизации процессов во всех сферах экономики и жизнедеятельности человека, которые, казалось бы, должны были улучшить жизнь людей, проблемы неравенства возрастают.

В ближайшем будущем по мере развития цифровых технологий и искусственного интеллекта, по мнению современных исследователей, значительная часть населения многих стран будет вытеснена с рынка труда, что будет приводить к росту безработицы, снижению доходов, сокращению рабочих мест, уменьшению прослойки среднего класса, а все выгоды будет получать лишь верхушка общества. Таким образом новые технологии, слияние биотехнологий с информационными еще в большей степени будут нарушать равенство людей и по-прежнему могут увеличивать расслоение общества.

В результате вместо экономического роста и улучшения условий жизни людей во всех странах мира (развитых, развивающихся и бедных) продвижение новых технологий и искусственного интеллекта может привести к концентрации богатства на отдельных локализованных территориях – высокотехнологичных хабах, таких, к примеру, как Кремниевая долина. В то же время многие развивающиеся страны, но отстающие в области развития и применения искусственного интеллекта, могут разориться, а бедные страны станут еще беднее.

Людям придется осваивать новые навыки и менять профессии. Уже сегодня в развитых странах многие, даже новые профессии, предполагают временное, не защищенное законодательством трудоустройство, фриланс и разовые услуги, в том числе по обслуживанию искусственного интеллекта. Утрачивает свое значение и профсоюзы в профессии, т.к. профессии становятся непостоянными, они быстро меняются и совсем исчезают. Концепция «профессия на всю жизнь» и идея пожизненного найма теряют свою актуальность, а в будущем до 2050 года может уйти в прошлое безвозвратно.

Исследователям потребуется разрабатывать новые модели развития экономики и общества, предполагающие переход от постиндустриального периода к новой модели посттрудового общества и посттрудовой экономики. А государства должны будут обеспечить этот переход таким образом, чтобы снизить территориальное неравенство экономики и общества страны. Это возможно путем социальной поддержки населения и субсидирования сектора непрерывного образования [12, с. 58].

Не все эксперты однозначно относятся к идее перехода на модель инклюзивного развития экономики и общества. Так, есть мнение, что данная идея является утопической и служит данью модным взглядам ученых [13]. На наш взгляд, проблема состоит в том, что во многих странах пока не выработаны критерии и эффективные механизмы достижения устойчивого и всестороннего экономического роста, и равномерного распределения

социальных благ среди населения разных слоев общества и проживающих на разных территориях.

Согласно точке зрения других экспертов, модель инклюзивного развития может проявляться по-разному и предполагает использование различных видов вмешательства государства в бизнес и жизнедеятельность общества [14].

Некоторые исследователи рассматривают инклюзивное развитие в пространственном аспекте и выделяют разные его типы [15]:

1) Органический тип инклюзивного развития экономики локальных территорий предполагает развитие под влиянием или при принудительном вмешательстве центральной власти.

2) Атомистический тип развития экономического пространства страны понимается авторами как добровольное объединение самодостаточных в экономическом плане территорий.

3) Наиболее совершенным типом признается гармоническое развитие, предполагающее равноправные, партнерские отношения экономических пространств разного уровня.

С нашей точки зрения, данное выделение типов инклюзивного развития осуществлено по степени экономической свободы и экономической самостоятельности развития территорий страны.

Идея о необходимости расширенного использования модели инклюзивного экономического роста в пространственном ракурсе нашла подтверждение на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе в 2018 г. На этом форуме было рекомендовано заменить показатель валового внутреннего продукта (ВВП) на *индекс инклюзивного развития* [16], который способен оценить не только уровень развития экономики, но и степень распределения ресурсов между членами общества. Предварительные оценки экспертов по рекомендованной методологии уже показали изменение рейтинга стран по уровню экономического развития.

Так, если Исландия по ВВП на душу населения занимала только 12-е место, то по индексу инклюзивного роста вышла на 2-е место среди развитых стран. Это свидетельствует о более эффективной экономике в Исландии и более справедливом распределении доходов страны среди населения. В то же время США заняли только 23-м место по индексу инклюзивного развития среди 30-ти развитых стран мира. Объясняется этот феномен очень высокой степенью неравенства распределения национального богатства и несоразмерно большим размером государственного долга.

Эти примеры показывают, что одной из главных проблем современного развития экономики является неравенство населения в разных аспектах: по месту расселения на территории страны; по уровню доходов, распределению национального богатства; по степени доступности к общественным благам и социальным услугам (здравоохранение, образование); по обеспеченности эффективными рабочими местами, инфраструктурой, питьевой водой и др.

Усиление социального расслоения приводит к радикализации взглядов людей и соответственно, к росту социальной напряженности. При этом традиционные меры стимулирования экономики, которые применяли в последнее время, постепенно утрачивают свое значение. Становится невозможным непрерывное наращивание размеров кредитования отраслей экономики, т.к. это приводит к раздуванию «мыльного пузыря» финансовых активов. С другой стороны, финансовый сектор экономики, стремясь к безграничному обогащению, предпочитает кредитовать торгово-посредническую деятельность, приносящую быстрый доход в ущерб долгосрочным кредитам в отрасли материального производства. Все это ведет к дальнейшему расслоению общества как в страновом, так и в региональном разрезе.

Таким образом, переход к более справедливому распределению созданного продукта на основе модели инклюзивного развития становится настоятельной потребностью устойчивого развития экономики и общества в каждой стране, особенно в период формирования экономики нового типа.

Список литературы

1. Новиков А. И., Жилина Ж. А., Цветков С. А. Защита от бедности: проблемы и пути решения // Вестник ВлГУ, серия «Экономика», Электронный журнал 2016. № 3 (9). С. 85–92.

2. Новиков А. И., Виткина М. К. Инклюзивная экономика и социальная ответственность в регионах мира: дилемма или общественное согласие // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 2 (54) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eee-region.ru/article/5401/.

3. Ликвидация бедности [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/poverty/ (дата обращения 03.08.2020 г.).

4. Как Всемирный банк оценивает уровень бедности [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/7525997 (дата обращения 03.08.2020 г.).

5. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Выпуск № 58, февраль 2020. С. 12 [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения 02.08.2020 г.).

6. Об уровне жизни населения в Евразийском экономическом союзе. Аналитический обзор 15 февраля 2019 г. С. 14 [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/householdincome_2017.pdf (дата обращения 02.08.2020 г.).

7. Бедность [Электронный ресурс]. URL: https://news.un.org/ru/tags/bednost (дата обращения 03.08.2020г.).

8. Ranieri, R., & Ramos, A. R. (2013). Inclusive growth: Building up a concept (Working Paper No. 104). Washington, DC: International Policy Centre for Inclusive Growth.

9. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (2016). The New York proposal for inclusive growth in cities. Paris: OECD. URL: http://www.oecd.org/inclusive-growth/about.htm

10. Харари Ю. В. 21 урок для XXI века / Юваль Ной Харари / перевод с англ. Ю. Гольдберга. М.: Синдбад, 2019. С. 13.

11. Александр Бард, Ян Зодерквист. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. с англ. В. Миучкова. Пред. А. Лебедева. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 256 с.

12. Харари Ю. В. 21 урок для XXI века / Юваль Ной Харари / перевод с англ. Ю. Гольдберга. М.: Синдбад, 2019. С. 59.

13. Neil Lee. Inclusive Growth in cities: a sympathetic critique. /Regional Studies. URL: https: //doi.org/10.1080/00343404.2018.1476753 on-line: 06 .06.2018.

14. Cornwall, A., & Brock, K. (2005). What do buzzwords do for development policy? A critical look at 'participation', 'empowerment' and 'poverty reduction'. Third World Quarterly, 26(7), 1043–1060.

15. Пивоварова М. А., Хохлова А. М. Инклюзивное развитие региона // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствование. 2015. № 2 (7). С. 215–220.

16. Мировая экономика: Индекс инклюзивного развития [Электронный ресурс]. URL: http://www.econominews.ru/mirovaja-jekonomika/524-indeks-inkljuzivnogo-razvitija-2018-vsemirnyjj.html (дата обращения 15.03.2018 г.).

Summary

Nurlanova N. K. The Model of Inclusive Development in the Context of the Formation of a Network Economy

The article reveals that economic growth based on increased resource consumption and consumer demand has limitations. It is shown that new technologies, the merger of biotechnologies with information technologies, will further violate the equality of people and will continue to increase the stratification of society. The advantages of the inclusive development model in the context of the formation of a network or information economy are justified. The features of inclusive development in the spatial perspective are shown. It is concluded that only inclusive development of the economy and society can provide a compromise between economic efficiency and social justice.

The article was prepared with the support of grant funding from the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan under the project IRN AP09259004 «Priorities and mechanisms for inclusive regional development of Kazakhstan in overcoming the economic downturn».

Key words: inclusive development, network economy, inequality, society, income, social justice.

Ляменков А. К.
Доцент кафедры мировой экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
liamenkov@yandex.ru, lyamenkov@econ.msu.ru

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье анализируется новое явление в развитии денежного обращения в мировой экономике – цифровизация денег и появление цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ). Наряду с другими странами, проекты разработки и ввода в оборот ЦВЦБ реализуются в России и Казахстане. В статье обоснована не только цифровая форма существования будущих ЦВЦБ, но и их цифровая природа (содержание) в качестве цифровых финансовых активов. Появление цифровых валют центральных банков отвечает на вызовы со стороны частных финансовых активов, де-факто выполняющих некоторые денежные функции, – криптовалют. ЦВЦБ таят в себе определенные возможности для повышения эффективности национальных и мировой экономики. В то же время нельзя забывать и о рисках, связанных, прежде всего, с определенной дезинтермедиацией в финансовом секторе и необходимостью трансформации трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики монетарных властей.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые валюты, центральные банки, формы денег, мировая экономика

Параллельно с развитием цифровых технологий в мировой экономике происходит и цифровая трансформация – цифровизация – денег и денежного обращения. Причем речь идет не только о появлении частных (согласно термину Ф. А. Хайека [1], не официальных, не эмитированных денежными властями) цифровых финансовых активов, де-факто выполняющих, пусть и не идеально, некоторые денежные функции, – криптовалют. Криптовалюты обычно не признаются фиатными деньгами (от латинского fiat – декрет, указание государства), поскольку для этого определенный актив, выполняющий функции денег, должен быть признан официальным денежным (платежным) средством в силу закона на национальном или наднациональном уровне. Важно отметить, что процессы цифровизации затронули и официальные фиатные деньги, эмитентами которых выступают центральные банки или, в отдельных государствах, институты, выполняющие их функции (например, Федеральная резервная система в США).

Первоначально фиатные деньги обретали цифровую форму своего существования, не имея цифрового содержания, будучи кредитными деньгами [2, с. 154–155]. Их кредитная природа вытекает из того, что они являются

обязательствами эмитента – центрального банка соответствующего государства или монетарного союза государств, существующими в виде записей на счетах или в виде наличности на материальных носителях. Средства на счетах в коммерческих банках (банках второго уровня) также являются обязательствами указанных финансовых институтов. При этом иногда исследователи разделяют понятия кредитных и фиатных денег. Такое разделение можно признать оправданным для периода времени с XVIII в. до начала XX в., когда была широко распространена практика выпуска своих кредитных денег (банковских обязательств, нот, векселей) коммерческими банками, а государственные структуры (казначейства), не являющиеся центральными банками, эмитировали фиатные казначейские билеты, обязательные к применению в качестве денег в силу закона. Сегодня же официальные деньги выпускаются практически повсеместно центральными банками, то есть являются их долговыми обязательствами. По справедливому замечанию аналитиков Банка России, «сегодня фиатные и кредитные деньги не различимы» [3, с. 4].

Напомним, что характерную для современной мировой экономики кредитную природу официальные деньги получили в результате их отрыва от товарного (металлического) «якоря», в процессе трансформации международной валютной системы – от различных вариантов металлического и, позднее, золотого стандарта, через Бреттон-Вудскую валютную систему, в которой сохранялась, пусть и в сильно ослабленном виде, привязка официальных денег к золоту, к современной мультивалютной системе, оформившейся в начале 1970-х гг. без какого-либо официального товарного (металлического) обеспечения эмиссии официальных фиатных денег.

Не секрет, что в цифровой форме осуществляется безналичное обращение фиатных денег, поскольку записи на счетах в базах данных банков и иных финансовых учреждений уже давно и повсеместно оцифрованы. Например, в России, по данным Центрального банка РФ, по состоянию на 1 марта 2021 г. в составе денежной массы М 2 наличные деньги в обращении вне банковской системы (денежный агрегат М 0) составляли только 21,55 % (эта доля несколько увеличилась в последние год-два, вероятно, вследствие мирового пандемического кризиса и вопреки прогнозам о том, что кризис подтолкнет к дальнейшему снижению удельного веса наличного обращения), оставшиеся 78,45 % приходились на безналичное обращение фиатных денег, то есть на цифровую форму их существования [4]. В Казахстане показатели доли наличных денег в обращении (агрегат М 0) и безналичных составили в составе денежного агрегата М 2 по состоянию на январь 2021 г. 13,85 % и 86,14 % [5], что свидетельствует о еще большем, по сравнении с Россией, преобладании безналичного денежного обращения, то есть обращения в цифровой форме.

Кроме того, цифровую форму имеют средства на электронных кошельках различных электронных платежных систем (так называемые электронные деньги, соответствующий англоязычный термин – e–money), администрируемых

частными экономическими субъектами. Такие средства представляют собой обязательства их эмитента, который не является центральным банком, перед депозиторами, причем эти обязательства выражены в фиатных деньгах. Обратим внимание на тот факт, что как на международном уровне (в документах Комитета по платежным и расчетным системам Банка международных расчетов), так и на национальном, в том числе в России (в Федеральном законе «О национальной платежной системе») понятие «электронные деньги» применяется для обозначения именно указанной разновидностью электронных платежных инструментов, поэтому его нельзя использовать в качестве синонима цифровых денег вообще.

Новое явление последних нескольких лет – это разработка проектов, а в некоторых странах – и тестирование новой формы фиатных денег – цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ, англоязычный термин – Central Banks Digital Currency, CBDC). В западных источниках принято отмечать, что инициатором разработки проектов ЦВЦБ был Банк Англии, представитель которого озвучил эту идею еще в 2017 г., хотя, по некоторым сообщениям, в Народном банке Китая начали разработку проекта национальной цифровой валюты еще в 2015 г. А в декабре 2014 г. стартовал проект введения подобной национальной валюты (проект Sistema de Dinero Electrónico) в Эквадоре, в рамках которого его Центральный банк открывал аккаунты (кошельки) пользователям цифровых денег, курс которых был привязан к доллару США. Однако вспомним, что Эквадор еще с 2000 г. официально перешел на использование в качестве национальных денег иностранной валюты – американских долларов. Для населения и компаний страны доллары оказались валютой «лучшего качества», чем обязательства, пусть даже в цифровой форме, Центрального банка своего государства. В результате цифровые деньги в Эквадоре оказались невостребованными и в апреле 2018 г. проект цифровой валюты был свернут, около 400 тыс. аккаунтов в Центральном банке Эквадора – закрыты. С мая 2020 г. Народный банк Китая приступил к практическому тестированию обращения цифрового юаня (DC/EP). Испытания проходят в Шанхае, Пекине, Сучжоу (провинция Цзянсу) и Шэньчжэне (провинция Гуандун). Например, в Сучжоу госслужащие получают часть заработной платы в цифровых юанях. В марте 2021 г. цифровые кошельки в юанях для всех заинтересованных физических и юридических лиц начали открывать несколько коммерческих банков Шанхая.

В октябре 2020 г. Центральный банк Российской Федерации объявил о разработки концепции и проекта выпуска в обращение цифрового рубля (см. [6]). После оценки возможностей и перспектив введения цифрового рубля с учетом общественной дискуссии по данному вопросу стартует разработка технологической платформы цифрового рубля и реализация пилотного проекта его выпуска, первоначально – для ограниченного круга пользователей. Согласно Концепции цифрового рубля, опубликованной в апреле 2021 г., создание прототипа технологической платформы с архитектурой, состоящей как

из централизованных компонентов, так и распределенных реестров, намечено Банком России уже на конец текущего года. Выбрана двухуровневая розничная модель обращения цифрового рубля, обозначенная в ранних документах как модель D, в рамках которой ЦБ РФ выступает оператором платформы цифрового рубля, а коммерческие банки, выступающие посредниками, открывают клиентам кошельки в цифровых рублях и проводят по ним операции на указанной платформе (о модели D как одной из альтернативных моделей эмиссии и обращения цифрового рубля см. [6, с. 30–31]). С начала 2022 г. будут разработаны необходимые поправки в российское законодательстве. А в 2022 г. в Российской Федерации прогнозируется старт тестирования проекта ЦВЦБ [7, с. 11].

Согласно пресс-релизу Национального банка РК, опубликованного в ноябре 2020 г., в Казахстане также ведется разработка сценариев введения в обращение национальной цифровой валюты, в дальнейшем планируется реализация пилотного проекта по ее поэтапному внедрению [8].

Проводятся исследования и разрабатываются соответствующие проекты во множестве других стран: в Великобритании, странах зоны евро (Франции, где в 2020 г. национальным центральным банком была проведена тестовая сделка в цифровом евро, Испании), в Швеции (в 2020 г. тестировала пилотную версию e-krona), Норвегии, Исландии, США (пока без участия ФРС), Канаде, Бразилии, Индии, Индонезии, Японии, Южной Корее (реализуется пилотный проект), Сингапуре, Турции, Таиланде, Саудовской Аравии, ОАЭ, ЮАР, Уругвае, Нигерии и других государствах. Методологическая поддержка в данной области оказывается Банком международных расчетов (BIS) и Международным валютным фондом. Европейский центральный банк в 2019 г. пояснял: «ЕЦБ продолжит оценивать затраты и выгоды от выпуска цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ), которая могла бы гарантировать, что широкая общественность сможет использовать деньги центрального банка, даже если применение физических наличных в итоге снизится» [9, с. 1]. Всего данной работой в начале 2021 г. были заняты порядка 30 национальных центральных банка или институтов, выполняющих их функции (в работе основной международной исследовательской группы по цифровым валютам участвуют Банк России и Национальный банк РК), и более 60 поддерживали позицию о необходимости дискуссии и изучения вопроса целесообразности введения ЦВЦБ [10].

В данной связи симптоматично, что центральные банки возражают против обозначения их цифровых валют как криптовалют (см. например, позицию Банка России [6, с. 10]; [10]), хотя при создании этой формы денег компьютерные криптографические процедуры (процедуры шифрования) неизбежно должны будут применяться. Известно обозначение как криптовалюты, основанной на блокчейне, официальных цифровых денег El Petro, выпущенных в Венесуэле

в 2018 г., но обратим внимание на то, что их эмитентом был не центральный банк, а правительство данного государства.

При этом принципиально важно отметить, что в качестве цифровых валют официальные фиатные деньги обретают не только цифровую форму, но и цифровую природу (цифровое содержание), поскольку будут существовать в виде уникального кода в специальных электронных кошельках, являющегося изначально – при возникновении – цифровым финансовым активом, и сохраняя при этом свою качественную характеристику в качестве обязательства центрального банка. Передача определенной суммы цифровой валюты от одного ее владельца другому должна происходить в виде перемещения уникального цифрового кода с одного электронного кошелька на другой.

Само появление в последние пару лет проектов эмиссии цифровых официальных валют представляет собой ответ на экзистенциальный вызов для денежных властей стран мира, связанный с появлением и популярностью новой формы частных финансовых активов, не идеально, но, тем не менее, де-факто выполняющих денежные функции, в том числе в международных платежных транзакциях, – криптовалют. При этом криптовалюты свободны от государственного или иного общественного контроля, недаром одно из бурно прогрессирующих направлений их использования – это обслуживание ими всех нелегальных, криминальных, операций в мировой экономике и ее отдельных странах. Например, тезис о том, что появление и использование криптовалют стало серьезным вызовом для центральных банков стран мира и официальной денежной системы в целом, был всесторонне обоснован еще в 2018 г. в ежегодном экономическом докладе Банка международных расчетов (BIS) [11, с. 105–108]. Реагируя на вызовы, связанные с появлением криптовалют как частных финансовых активов, и обретая цифровую природу (содержание), цифровые деньги центральных банков остаются фиатными деньгами (признаваемыми официальным платежным средством в силу закона).

Какие вызовы и риски для современной мировой экономики несет скорое появление в ближайшем будущем цифровых валют центральных банков? Во-первых, возможно, встанет задача приспособления к новым условиям трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики государства. До сих пор воздействие монетарного регулятора на предложение национальных кредитных денег в безналичной форме, темпы его прироста или сокращения, – а именно на этом основана монетарная политика государства, рестриктивная либо стимулирующая, – было связано с минимальными, едва заметными в масштабах страны издержками, которыми можно было вообще пренебречь. Эмиссия цифровых фиатных валют, очевидно, будет связана с более существенными издержками осуществления криптографических процедур для создания и защиты от внешнего недобросовестного воздействия уникального цифрового кода, а также поддержания инфраструктуры операций с электронными кошельками, в которых хранятся цифровые деньги (новой платежной

инфраструктуры), и конверсии цифровых валют в другие формы фиатных денег – наличные и безналичные. Кроме того, цифровая валюта центральных банков на кошельках конечных пользователей (физических и юридических лиц), очевидно, в отличие от фиатных денег в традиционной безналичной форме, не сможет участвовать в процессе создания денежной массы банковской системой (банками второго уровня), обозначаемом как «мультипликация денег». При этом если на долю цифровых валют придется незначительная часть денежного обращения, то влияние данного фактора на проведение монетарной политики не следует переоценивать.

Другие риски были озвучены, например, руководством одного из ведущих российских банков, которое указало на опасности для национальной банковской системы (точнее – для банков второго уровня) «ухода денег в цифру», то есть сокращения депозитов, формируемых в традиционной безналичной форме, – одного из основных источников средств коммерческих банков в пассивной части их балансов. По этим прогнозам, за три года после начала эмиссии цифровой валюты центрального банка в России в эту форму со счетов в коммерческих банках могут быть переведены от 2 до 4 трлн руб. безналичных средств [12]. В результате будут ограничены возможности банков проводить кредитные и другие активные операции. Это, в свою очередь, повлияет на структуру балансов и показатели ликвидности кредитных организаций, может оказать повышательное давление на процентные ставки (ставки вознаграждения) по банковским кредитам, а также по депозитам физических лиц и хозяйственных организаций. Возможно влияние на показатели деловой активности и сбережений в национальных экономиках даже без изменения политики монетарных властей. В период адаптации к цифровой валюте придется, вероятно, «подстраивать» под новую ситуацию нормы и процедуры взаимодействия центральных банков с банками второго уровня, для ЦБ усложнится оперирование процентным каналом денежного трансмиссионного механизма – поддержание ставок денежного рынка на уровне заданного операционного ориентира – ключевой ставки.

В самом общем плане речь может идти о тенденции к определенной дезинтермедиации отношений между конечными пользователями фиатных денег и их конечным эмитентом (центральными банками). Также банки второго уровня могут потерять и часть комиссионных поступлений, связанных с оплатой клиентов различных платежных услуг, связанные с движением традиционных безналичных денег. Конкуренция среди кредитных организаций второго уровня, их борьба за привлечение клиентов усилятся. Могут «умереть» электронные платежные системы и кошельки, эмитентами которых являются частные экономические субъекты.

Интересно, что в октябре 2020 г. Президент Бундесбанка Германии указал на риски ЦВЦБ, связанные с возможным ослаблением финансовых структур, а член Правления заметил, что использование цифровой валюты «может

привести к структурной дезинтермедиации банковского сектора и потенциально снизить предоставление банковских кредитов экономике» [10]. Правда, данная тенденция дезинтермедиации будет смягчаться, если в процессах открытия и обслуживания электронных кошельков с цифровыми валютами центральных банков будут задействованы в качестве посредников коммерческие банки второго уровня (как предполагается в настоящее время в России). Смягчаться она может и тем, что в указанной форме, скорее всего, данные деньги на электронных кошельках будут плохо выполнять одну из наиболее важных денежных функций – функцию средства сбережения (накопления), для получения процентного дохода (вознаграждения) и преумножения своих вложений депозиторам придется переводить цифровые деньги в традиционную безналичную форму.

В рамках оценки указанной выше тенденции дезинтермедиации, связанной с вводом в обращение ЦВЦБ, отметим позицию Центрального банка РФ, который прогнозирует, что в конечном итоге, после «подстройки» финансового сектора к новой ситуации, когда уже произойдет перераспределение денежных средств между традиционными наличными и безналичными деньгами и цифровой валютой, «введение цифрового рубля может способствовать усилению трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики, учитывая, что по мере распространения цифрового рубля может повышаться финансовая доступность и охват финансовыми услугами более широкого круга пользователей»; «введение цифрового рубля… повышает устойчивость и надежность системы денежного обращения» [6, с. 21]. То есть речь идет о том, что некоторое ослабление роли банков второго уровня как традиционных посредников в передаче национальной экономике от центрального банка монетарных импульсов должно более чем компенсироваться непосредственным участием в механизме трансмиссии конечных пользователей цифровых денег и, тем самым, повышать эффективность данного механизма.

К этому можно добавить и некоторое ограничение традиционных возможностей центральных банков выступать для коммерческих «кредитором последней инстанции», особенно в ситуации системных банковских кризисов, финансовой несостоятельности системообразующих кредитных учреждений второго уровня банковской системы, – в силу более высоких издержек эмиссии цифровых денег, чем традиционных безналичных, если цифровые деньги займут заметное место в структуре национального денежного обращения. Повышается значимость риска ликвидности и управления им в банках второго уровня, роль микро- и макропруденциальной политики регулятора банковского сектора. Действительно, это – долгосрочные потенциальные риски, на которые необходимо обращать внимание. Согласно позиции Банка России, сформулированной в 2020 г., «при разработке цифрового рубля необходимо учитывать влияние его введения на финансовую систему и эффективность

реализации политики Банка России по обеспечению ценовой и финансовой стабильности в интересах общества» [6, с. 10].

Таким образом, с цифровыми валютами центральных банков еще много неясного. В этой связи представляется симптоматичной их оценка в докладе 2020 г., выпущенном по поручению Федерального совета Швейцарии: «Мы изучили возможности и риски внедрения криптофранка (e-Franc). Дополнительные преимущества в настоящее время низкие, риски перевешивают их» [10].

В то же время нельзя не учитывать и возможности, которые таит в себе эмиссия цифровых денег центральных банков. Часто отмечается, что цифровая валюта центральных банков сможет совместить в себе преимущества наличных и безналичных фиатных денег. У денежных властей появились реальные шансы выдержать конкурентную борьбу за денежное обращение с частными финансовыми активами – криптовалютами. Предполагается, что произойдет ускорение, снижение стоимости и повышение удобства для физических и юридических лиц платежных транзакций, упрощение доступа пользователей к различным товарным и финансовым маркетплейсам (торговым платформам), иным инновациям в финансовой сфере. По мнению экспертов Банка России, открываются «возможности для развития финансовых услуг и инструментов, соответствующих потребностям новой цифровой экономики» [6, с. 4]. Расчеты между контрагентами в цифровых валютах центральных банков хорошо сочетаются с применением смарт-контрактов в торговых и финансовых сделках, что будет способствовать экономии транзакционных издержек при осуществлении хозяйственной деятельности. Напомним, что цифровые смарт-контракты предусматривают автоматизацию исполнения, контроля и учета юридически значимых действий контрагентов с помощью компьютерных алгоритмов.

Поскольку каждая единица ЦВЦБ, существующая в виде цифрового кода, становится уникальной, расширятся, вероятно, возможности контроля целевого расходования государственных бюджетных средств, если такие средства будут предоставляться в виде цифровых денег центральных банков, а также контроля за соблюдением юридическими и физическими лицами норм «антиотмывочного» и налогового законодательства. В качестве декларируемого преимущества обращения цифровых валют обычно рассматривается повышение прозрачности (для регуляторов и контролирующих органов) денежных расчетов. При этом отметим, что оборотная сторона данной особенности цифровых денег – это, возможно, нежелание граждан подвергаться потенциальному контролю при совершении своих обычных платежных операций.

Кроме того, цифровые деньги центральных банков, к сожалению, становятся жизненно необходимыми в условиях нарастания геополитической напряженности и реальных попыток отключения отдельных стран от общемировой финансовой и платежной инфраструктуры. Сегодня, если Вы хотите оплатить внешнеэкономический контракт в долларах США, платеж будет направлен через корреспондентские счета в банках различных стран,

но обязательно пройдет через банки США. Введение санкций против конечного плательщика или его банка или отключение страны полностью от системы трансграничных передач финансовых сообщений SWIFT блокирует эти возможности платежа по международным контрактам, вынуждая искать более затратные альтернативы. И такие отключения банков отдельных государств по политическим причинам от инфраструктуры передачи финансовых сообщений SWIFT уже имели место, достаточно вспомнить о кейсах Ирана и Северной Кореи. Аналогичные последствия рестрикций будут, очевидно, наблюдаться, если контрагенты по трансграничным сделкам выберут для расчета цифровые валюты центральных банков стран–санкционеров (например, цифровой доллар США), появление которых возможно в не столь отдаленном будущем.

Оплата по внешнеэкономическим контрактам цифровыми фиатными деньгам с использованием платежной инфраструктуры, неподконтрольной странам-санционерам, – одна из возможностей для обхода данных ограничений (другая возможность – это использование для трансграничных платежей альтернативных SWIFT систем передачи финансовой информации, например, российской Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) с возможностью участия иностранных пользователей, работающей с 2014 г., или китайской CIPS (Chinese International Payments System), функционирующей с 2015 г.). Хотя, конечно, предпосылками такого сценария остается востребованность новой формы денег со стороны отечественных и зарубежных контрагентов, как и их готовность использовать для расчетов национальные валюты, а не доллары США или иные мировые валюты, если с их использованием будут связаны серьезны политические риски. Для России перспективной представляется возможность интеграция будущей платежной инфраструктуры цифрового рубля с платежной инфраструктурой цифровых валют других дружественных государств для облегчения трансграничного использования новой разновидности фиатных денег.

Встречается также позиция некоторых исследователей, согласно которой выпуск ЦВЦБ может снизить риски неофициальной долларизации национальных экономик (см., например, [6, с. 25]). Напомним, что долларизацией экономисты обозначают использование в денежном обращении стран не национальных валют, а иностранных (доллара США, но не только, любых других иностранных валют), которые начинают выполнять на территории соответствующего государства функции денег. Россия, другие постсоветские государства, включая Казахстан, переживали период долларизации своего денежного обращения в 1990-е гг. Однако, по нашему мнению, степень неофициальной долларизации национальных экономик не находится в прямой зависимости от прогресса с введением в ней цифровой валюты центрального банка. Пример Эквадора с попыткой введения цифровой валюты своего ЦБ в 2014–2018 гг. наглядно показывает, что для дедолларизации в конкретной стране важна не сама возможность перевода своих денежных средств в форму

уникального цифрового кода, а, скорее, доверие населения и бизнеса к центральному банку как эмитенту национальной валюты и надежность выполнения национальной валютой, в сравнении с иностранной, всех денежных функций. Если данными характеристиками деньги какого-либо государства не обладают, то сам по себе выпуск ЦВЦБ вряд ли будет способствовать дедолларизации национальной экономики.

Список литературы

1. Хайек Ф. А. Частный деньги. М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996. 113 с.

2. Ляменков А. К. Цифровые деньги как составная часть мировой цифровой экономики // Цифровые вызовы для мировой экономики: Евразийская перспектива плюс: сборник статей по материалам международной научной конференции / под науч. ред. С. А. Афонцева, Л. Г. Беловой. М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. С. 151–157.

3. Грищенко В. Фиатные деньги. Аналитическая записка. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2019. 21 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/79860/analytic_note_20190829_ddkp.pdf (дата обращения: 02.04.2021).

4. Центральный банк Российской Федерации. Денежно-кредитная и финансовая статистика. Денежная масса (национальное определение) [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/ms **(**дата обращения: 04.04.2021).

5. Национальный банк Казахстана. Денежно-кредитная и банковская статистика. Денежная база и агрегаты широкой денежной массы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nationalbank.kz/ru/monetarybase/denezhnaya-baza-i-agregaty-shirokoy-denezhnoy-massy (дата обращения: 04.04.2021).

6. Центральный банк Российской Федерации. Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций. М.: 2020. 48 с. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (дата обращения: 03.04.2021).

7. Центральный банк Российской Федерации. Концепция цифрового рубля. 8 апреля 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/info_20210408.pdf (дата обращения: 14.04.2021).

8. Национальный банк Казахстана. Пресс-релиз № 48 [Электронный ресурс]. URL: https://nationalbank.kz/ru/news/press-relizy/10365 (дата обращения: 04.04.2021).

9. European Central Bank. Innovation and its impact on the European retail payment landscape. 2019. 3 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/ecb.other191204~f6a84c14a7.en.pdf (accessed: 04.04.2021).

10. CBDC – Цифровая валюта центрального банка [Электронный ресурс]. URL: https://cbdc.ru (дата обращения: 04.04.2021).

11. Bank for International Settlements. Annual Economic Report. 2018. 114 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/publ/arpdf/ar2018e.pdf (дата обращения: 03.04.2021).

12. ЦБ определился с форматом ввода цифрового рубля как новой формы денег // РБК, 8 апреля 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/finances/08/04/2021/606dd6c49a7947c8d84009ed (дата обращения: 14.04.2021).

Summary

Lyamenkov A. K. Central Banks Digital Currencies in the Context of the Challenges of the Modern World Economy

The article analyzes a new phenomenon in the development of monetary circulation in the world economy: the digitalization of money and the emergence of central banks digital currencies (CBDCs). Along with other countries, CBDC development and commissioning projects are being implemented in Russia and Kazakhstan. The article substantiates not only the digital form of existence of future CBDCs, but also their digital nature (content) as digital financial assets. The emergence of central banks digital currencies responds to challenges from private financial assets that de facto perform some monetary functions, cryptocurrencies. CBDCs offer certain opportunities to improve the efficiency of national and global economies. At the same time, we should not forget about the risks associated, first, with a certain disintermediation in the financial sector and the need to transform the transmission mechanism of monetary authorities' policy.

Key words: digitalization, digital currencies, central banks, forms of money, world economy.

Додонов В. Ю.
Главный научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан,
доктор экономических наук
г. Алматы, Республика Казахстан
dodonovv@mail.ru

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ЕАЭС

Аннотация. Препятствия для свободного перемещения на общих рынках ЕАЭС товаров, услуг, капитала и рабочей силы являются одной из наиболее серьезных проблем евразийской интеграции. Количество препятствий, которые ЕЭК подразделяются на три вида – барьеры, ограничения и изъятия – поступательно росло с 2016 года, несмотря на то, что эта проблема всегда оставалась в фокусе внимания. Проблема существования и, более того, увеличения количества препятствий сохраняет свою остроту и во многом способствует появлению скептицизма в отношении идеи евразийской интеграции в целом и ЕАЭС – в частности. В этой связи заслуживает внимания изучение основных тенденций возникновения и устранения препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС в части динамики их количества, основных сфер применения и географии происхождения.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕЭК, препятствия на внутреннем рынке, барьеры, ограничения, изъятия.

Одним из базовых принципов интеграции, заложенных в Договоре о Евразийском экономическом союзе, является свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территориях стран-участниц, которая в значительной мере определяет смысл создания и функционирования данного интеграционного объединения. Однако на практике реализация этого принципа сталкивается с затруднениями разного рода с самого начала функционирования ЕАЭС. Эти затруднения существовали еще на предыдущей стадии евразийской интеграции – в рамках Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России и Единого экономического пространства (ЕЭП). Поскольку уже в рамках ЕЭП предполагалось его функционирование без препятствий для свободного перемещения товаров и услуг, предварительный перечень существующих препятствий был подготовлен еще во исполнение решения глав государств, принятых на заседании Высшего Евразийского экономического совета в мае 2013 года, о необходимости функционирования ЕЭП, как правило, без изъятий и ограничений.

Наличие проблемы препятствий реализации «четырех свобод» уже в рамках ЕАЭС также обусловило принятие в декабре 2015 года решения глав государств-членов объединения о формировании отдельной сферы деятельности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) – обеспечении функционирования внутреннего рынка без барьеров, изъятий и ограничений [1]. В рамках исполнения этого решения с 1 марта 2016 года в составе ЕЭК создан

Департамент функционирования внутренних рынков [2, с. 7]. В 2016 году сформирована и введена в действие единая база препятствий на внутреннем рынке Союза в электронном виде – Реестр препятствий [2, с. 10].

Дальнейшая работа над устранением препятствий для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы включала принятие ряда нормативных актов. После того, как на нормативном уровне был определен понятийный аппарат препятствий, в том же 2017 году Евразийской экономической комиссией был подготовлен аналитический доклад «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» (он же «Белая книга»). В данном докладе был приведен первый перечень имеющихся на внутреннем рынке ЕАЭС препятствий для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы с их разделением на введенные в оборот термины «барьеры», «изъятия» и «ограничения». В этом перечне содержались препятствия по состоянию на 30 ноября 2016 года – дату, которую можно считать отправной точкой для дальнейшего мониторинга изменения ситуации с препятствиями для свободного перемещения в ЕАЭС товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В соответствии с введенной терминологией препятствия разделяются на следующие три вида.

1. Барьеры – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, не соответствующие праву Союза.

2. Ограничения – препятствия для свободного движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы в рамках функционирования внутреннего рынка Союза, возникшие вследствие отсутствия правового регулирования экономических отношений, развитие которых предусмотрено правом Союза.

3. Изъятия – предусмотренные правом Союза исключения (отступления) о неприменении государством-членом общих правил функционирования внутреннего рынка Союза.

Таким образом, единственным нелегитимным с точки зрения соответствия нормативной базе ЕАЭС видом препятствий являются барьеры, тогда как и ограничения, и изъятия праву объединения не противоречат. В отношении различных видов препятствий применяются термины «допустимые» по отношению к ограничениям и изъятиям и «недопустимые», или «запрещенные» по отношению к барьерам. В свою очередь, допустимые препятствия имеют различную природу: если ограничения возникают вследствие технической проблемы временной неурегулированности той или иной сферы многостороннего сотрудничества, то изъятия имеют принципиально иной характер. Как отмечается в «Белой книге», «по своей сути изъятия являются границей интеграции, о которой государства члены договорились на момент подписания Договора. Их полное устранение невозможно, однако при углублении интеграции необходимо работать над сокращением изъятий, прежде всего над теми, существование которых ведет к барьерам для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы» [2, с. 12].

Рассматривая процесс формирования и снятия препятствий, включая анализ его динамики, необходимо указать на ряд возникающих в этой связи проблем. Как отмечено выше, единственным источником информации о препятствиях является электронный Реестр препятствий[6], формируемый ЕЭК. Однако эта база данных была запущена позже формирования ЕАЭС, в начале 2017 года, и большая часть содержащихся в ней препятствий были внесены в нее в том же 2017 году. Реестр не существовал на момент создания ЕАЭС и по нему невозможно установить количество препятствий на начало 2015 и 2016 годов. Кроме того, в то время значительная часть препятствий еще не была выведена из их числа в связи с отнесением к исключительной суверенной компетенции государств, что произошло позднее.

На момент создания ЕАЭС существовали иные подходы к определению препятствий, а их количество было на порядок больше. В 2013 году было проведено исследование «Анализ барьеров, препятствующих полноформатному и эффективному функционированию Таможенного союза и Единого экономического пространства, и предложения по их ликвидации», в ходе которого на экспертном уровне и с использованием опросов бизнес-сообщества была собрана информация о существовавших на тот момент препятствиях. В процессе исследования был проведен всесторонний сбор информации, по итогам которого к дальнейшему анализу предлагалось около 600 препятствий, по которым началась совместная работа ЕЭК и государств-участников с целью их упорядочивания и, по возможности, ликвидации [3, с. 39].

До подписания договора о ЕАЭС часть выявленных препятствий (81, включая 24 барьера) удалось устранить, но оставшееся их количество все равно измерялось сотнями. 209 препятствий было исключено из списка, а 54 (связанных с условиями ведения предпринимательской деятельности) отправлено на дополнительную проработку. После этого осталось 259 препятствий, 223 из которых были сохранены, 27 находились в процессе устранения, и еще 9 получили временный статус (были сохранены на определенный период) [4, с. 39]. Большинство из них, относившихся к категории «изъятия», по мере становления нормативной базы и уточнения понятийного аппарата было выведено из числа препятствий в связи с тем, что были сформированы списки исключений в чувствительных для государств-членов ЕАЭС сферах, на которые не распространялось действие нормативной базы по обеспечению «четырех свобод». Таким образом, несмотря на то, что количество сохраненных к началу функционирования ЕАЭС препятствий было достаточно велико, вскоре их большая часть была выведена из списка препятствий в связи с фигурированием в данных перечнях, и количество препятствий, признаваемых таковыми по классификации новой нормативной базы, резко сократилось (Табл. 1).

[6] Расположенный по адресу https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacles.aspx.

Таблица 1. Динамика количества препятствий для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в период существования ЕАЭС

	01.01.2015	30.11.16	01.11.17	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021
Препятствия	**259**	**60**	**62**	**65**	**71**	**66**	**59**
Барьеры	19	9	8	11	16	15	11
Ограничения	45	34	37	37	38	37	35
Изъятия	195	17	17	17	17	14	13

Источник: составлено по данным из источников [2; 3; 5; 6; 7; 8].

Рис.1. Динамика количества препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС, включая недопустимые, единиц

Источник: рассчитано по данным из следующих источников: [2; 3; 5; 6; 7; 8].

Другой проблемой, связанной с анализом динамики количества препятствий, помимо изменения нормативной базы и их классификации, является то, что Реестр не содержит истории изменения их количества, отражая только текущие показатели, актуальные на дату обращения. По этой причине представленные в Таблице 1 данные собраны из различных источников и не всегда сопоставимы по датам. Тем не менее, представленная динамика изменения количества препятствий дает достаточное представление о процессе их появления и устранения. Если не учитывать количество препятствий на момент создания ЕАЭС, в динамике количества препятствий с конца 2016 года наблюдались две тенденции (Рис. 1).

С даты первой фиксации препятствий в «Белой книге» на ноябрь 2016 года их количество неуклонно росло, несмотря на то, что эта проблема была в фокусе внимания ЕЭК, и достигло максимума к началу 2019 года. На эту дату было зафиксировано 71 препятствие, что на 18 % больше относительно ноября 2016 года. Еще более тревожной была ситуация с недопустимыми препятствиями – барьерами, количество которых росло опережающими другие виды препятствий темпами и увеличилось на 78 %. Однако в течение последних двух лет эта тенденция сменилась на противоположную. С начала 2019 года по начало 2021 года количество препятствий сократилось с 71 до 59, то есть впервые в истории ЕАЭС их количество уменьшилось до уровня, меньшего, чем на момент начала учета по действующей классификации. Количество недопустимых препятствий – барьеров – также сократилось, с 16 до 11, то есть в полтора раза, что является хорошим результатом для двухлетнего периода, хотя количество барьеров пока что остается выше, чем на момент начала их учета в Реестре препятствий.

Основная часть действовавших на начало 2021 года препятствий (46) была зафиксирована в течение 2017 года, а в остальные годы количество внесенных в эту базу данных препятствий невелико (Рис. 2).

В то же время, можно отметить, что количество самого проблемного вида препятствий, барьеров, росло на фоне сокращающегося количества фиксаций других видов препятствий. В 2015, 2018 и 2019 годах основным видом создававшихся препятствий (из числа существующих в настоящее время) были барьеры – недопустимые и прямо противоречащие нормативной базе ЕАЭС, которые, несмотря на их запрет, существуют в течение многих лет и увеличиваются в количестве наиболее интенсивно по сравнению с другими видами препятствий.

Также заслуживает внимания географическая структура препятствий. По состоянию на начало 2021 года большая их часть, 41 из 59 (69,5 %) применяется всеми пятью государствами объединения. В то же время, по отдельным странам это количество отличается. В Таблице 2 приведены препятствия, установленные отдельными странами, по годам включения в версию Реестра на начало 2021 года.

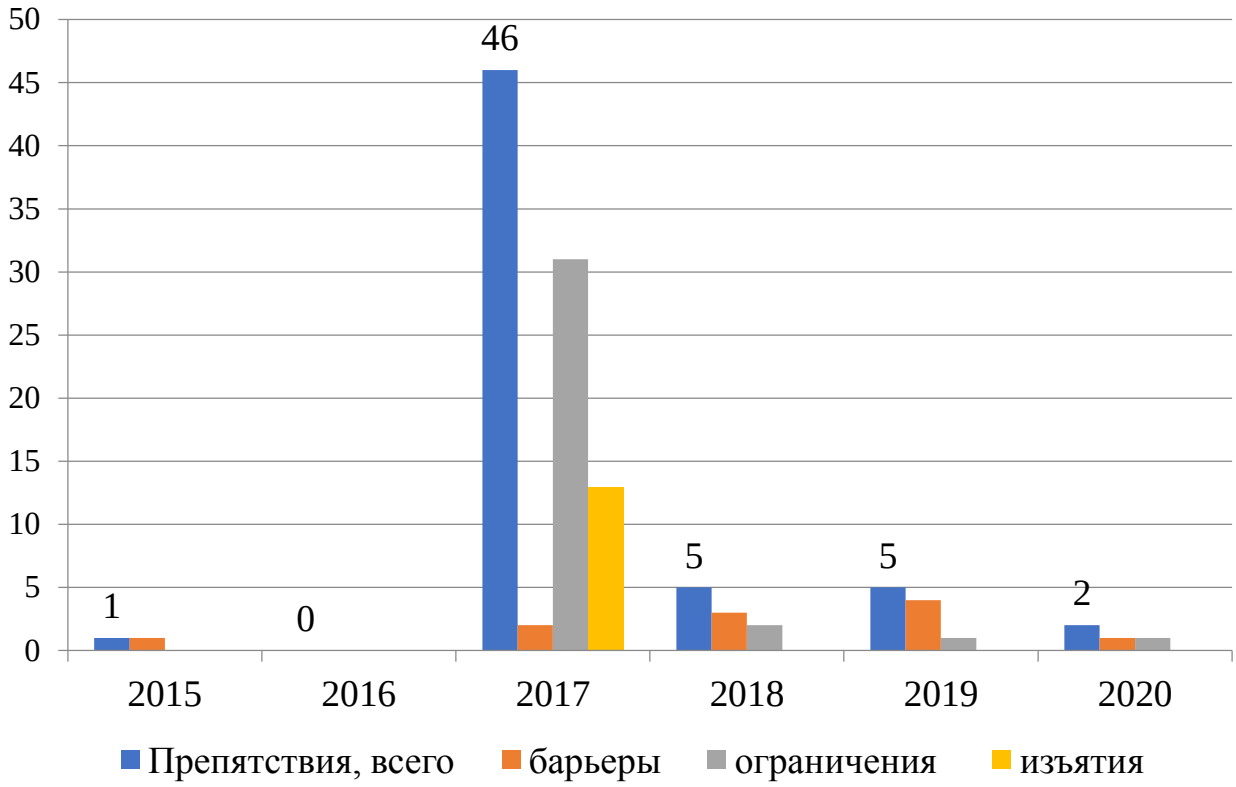

Рис. 2. Препятствия, включенные в Реестр по состоянию на 1.01.2021 г., в разбивке по видам и годам включения в Реестр
Источник: [8].

Таблица 2. Препятствия, включенные в Реестр по состоянию на 1.01.2021 г., в разбивке по странам

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Препятствия, всего	**1**	**0**	**46**	**5**	**5**	**2**
Республика Армения	0	0	38	2	2	1
Республика Беларусь	0	0	39	3	2	1
Республика Казахстан	1	0	40	3	2	2
Кыргызская Республика	0	0	38	3	1	1
Российская Федерация	0	0	39	2	2	1

Источник: [8].

В данной версии Реестра препятствий лидерство по их количеству принадлежит Казахстану (48), на втором месте – Беларусь, на третьем – Россия, четвертое место с одинаковым количеством препятствий делят Армения и Киргизия (Рис. 3).

Если рассматривать отдельные виды препятствий, зафиксированных в Реестре на начало 2021 года (рис. 4), то можно отметить, что количество ограничений практически не отличается по отдельным государствам, составляя 34 у четырех стран и 35 у России. Количество изъятий также отличается незначительно – от шести у Армении, Кыргызстана и России до восьми у Казахстана.

Интенсивность применяемых барьеров отличается сильнее. Количество барьеров Армении, Кыргызстана и России составляет три (два их которых практикуются всеми странами ЕАЭС), Беларусь использует четыре барьера, а Казахстан – шесть, то есть в два раза больше, чем большинство других участников объединения. Таким образом, в настоящее время Казахстан является лидером и в части общего количества препятствий, и в части использования их недопустимого вида – барьеров, и в части динамики их наращивания (три из восьми барьеров, датированных 2018–2020 годами, созданы Казахстаном). Также Казахстану принадлежит первенство по длительности использования барьеров, первый из которых (применение рентного налога при вывозе угля на территории других государств-членов) датируется декабрем 2015 года, то есть существует более пяти лет.

Препятствия также классифицируются по сферам применяемого регулирования. В настоящее время насчитывается пятнадцать таких сфер (Рис. 5). Максимальное количество препятствий приходится на энергетическую политику и техническое регулирование, также велико количество препятствий в транспортной политике, на эти три сферы приходится большая часть существующих на начало 2021 года препятствий – 32 из 59.

Всего по одному препятствию приходится на пять сфер – агропромышленная политика, нетарифное регулирование, внутренний рынок, таможенное регулирование, конкурентная политика, и два препятствия – на сферу торговли услугами. В разрезе сфер применения препятствий, так же, как и в целом, в последние годы наблюдается определенный прогресс. Так, в начале 2020 года максимальное количество препятствий в одной сфере составляло 15 (техническое регулирование), а к началу 2021 года оно сократилось до 13, в сфере налоговой политики количество препятствий сократилось с шести до четырех.

Анализ динамики устранения препятствий осложняется тем, что соответствующая статистика не ведется. В документах ЕЭК, докладах ее представителей на различных мероприятиях и даже годовых отчетах Комиссии приводятся только данные об общем количестве устраненных препятствий нарастающим итогом, тогда как годовые параметры соответствующей работы имеют фрагментарный характер, и их свод возможен только на основе отдельных материалов, выступлений представителей ЕЭК и т.п. Такой свод представлен в Таблице 3.

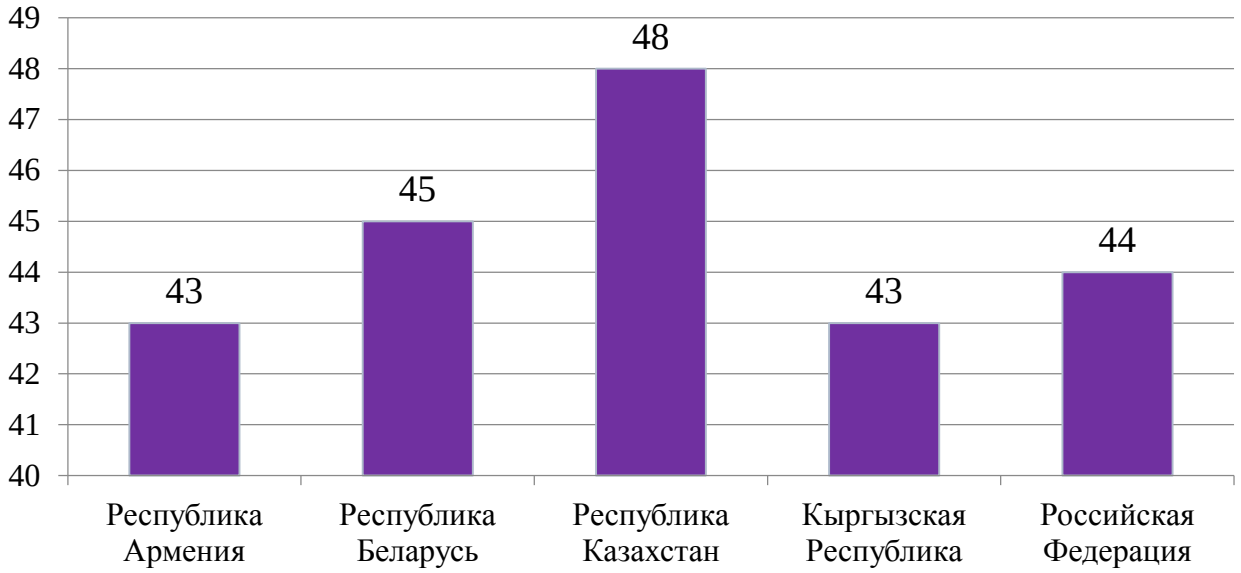

Рис. 3. Препятствия (в том числе, барьеры), включенные в Реестр по состоянию на 1.01.2021 г., в разбивке по странам
Источник: [8].

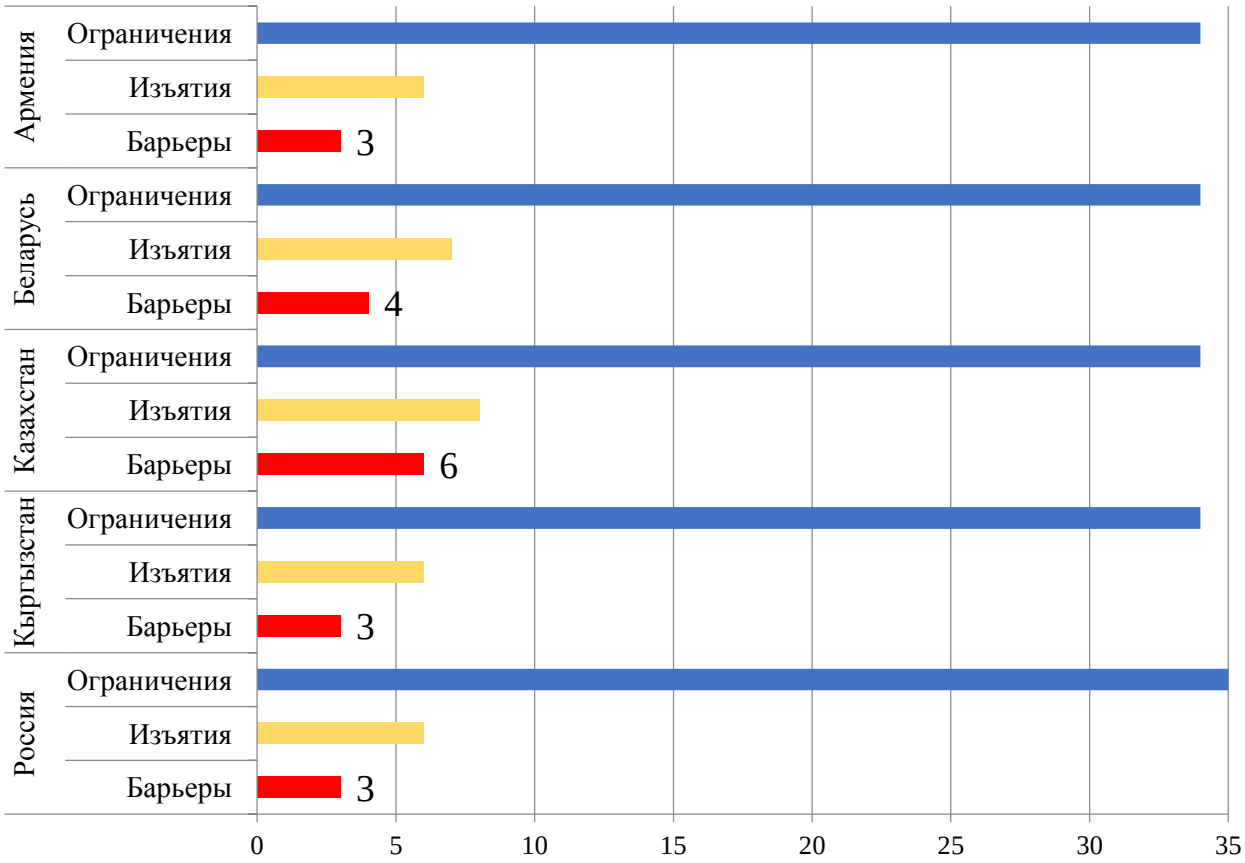

Рис. 4. Структура препятствий, включенных в Реестр по состоянию на 1.01.2021 г., в разбивке по странам
Источник: [8].

Эти данные свидетельствуют об активной работе по устранению препятствий, ведущейся на всем протяжении существования ЕАЭС, поскольку ежегодно ликвидируется более десятка препятствий. Также очень характерной особенностью ситуации с препятствиями на общем рынке ЕАЭС является то, что основным их видом, устраняемым совместными усилиями ЕЭК и государств-членов ЕАЭС, являются барьеры. Если сопоставить количество устраняемых и существующих барьеров, можно сделать вывод о том, что идет процесс активного замещения ликвидированных барьеров вновь создаваемыми. Это достаточно неблагоприятная тенденция, отражающая высокий уровень нигилизма государств-членов ЕАЭС по отношению к правовой базе объединения, который проявляется в создании новых барьеров после устранения прежних. Тем не менее, устранение барьеров все же происходит опережающими темпами по сравнению с созданием новых, что определяет постепенное сокращение данного вида действующих препятствий.

Список литературы

1. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 21 декабря 2015 г. № 37 «О персональном составе и распределении обязанностей между членами Коллегии Евразийской экономической комиссии».

2. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2017. С. 7.

3. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии «О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы». Москва, 2015.

4. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии «О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы». Москва, 2015. с. 39.

5. Доклад «О работе по выявлению и устранению барьеров, изъятий и ограничений на внутреннем рынке Евразийского экономического союза за 2017 год». Москва, ЕЭК, 2017.

6. Ликвидация барьеров, ограничений и изъятий во взаимной торговле в ЕАЭС. Министерство экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.by/ru/likv_izjatij-ru/ (дата обращения: 8.01.2021).

7. Додонов В. Ю. Основные тенденции и итоги внешнеэкономического сотрудничества Казахстана со странами ЕАЭС. Проблемы постсоветского пространства [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-3-347-364.

Рис. 5. Препятствия, включенные в Реестр по состоянию на 1.01.2021 г., по сферам
Источник: [8].

Таблица 3. Устранение препятствий на общем рынке ЕАЭС по годам, единиц

	2017	2018	2019	9 месяцев 2020
Препятствия	**15**	**13**	**20**	**9**
Барьеры	10	10	16	
Ограничения	4	3	0	
Изъятия	1	0	4	

Источник: составлено по данным из источников: [5, 6, 9, 10].

8. Реестр препятствий. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных [Электронный ресурс]. URL: https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacles.aspx (дата обращения: 6.01.2021).

9. Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 20 декабря 2019 г. № 10 «Об основных результатах деятельности Евразийской экономической комиссии».

10. В ЕАЭС в этом году устранено 9 барьеров на внутреннем рынке. БЕЛТА, 9 октября 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belta.by/economics/view/v-eaes-v-etom-godu-ustraneno-9-barjerov-na-vnutrennem-rynke-410277-2020/ (дата обращения: 12.01.2021).

Summary

Dodonov V. Yu. Obstacles on the Domestic Market of the EAEU

Obstacles to the free movement of goods, services, capital, and labor in the common EAEU markets are one of the most serious problems of Eurasian integration. The number of obstacles, which are divided into three types by the EEC –barriers, restrictions, and exemptions – has been steadily growing since 2016, even though this problem has always remained in the focus of attention. The problem of the existence and, moreover, the increase in the number of obstacles remains acute and largely contributes to the emergence of skepticism regarding the idea of Eurasian integration in general and the EAEU. In this regard, it is worthwhile to study the main trends in the emergence and elimination of obstacles in the internal market of the EAEU in terms of the dynamics of their number, the main areas of application and geography of origin.

Key words: EAEU, EEC, obstacles, barriers, restrictions, exemptions.

Актуальные проблемы развития экономик Казахстана и России

Теняков И. М.
Профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук, доцент
г. Москва, Российская Федерация
itenyakov@mail.ru

МАКРОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье раскрываются макроструктурные особенности экономического роста России и Казахстана. Дается оценка исторических потерь экономического роста двух стран вследствие трансформационного спада. Отмечаются общие и особенные тенденции в изменении отраслевой структуры ВВП в ходе экономического роста. Охарактеризовано влияние современных кризисных явлений на структуру ВВП. Сделан вывод о необходимости большей опоры на внутренние факторы развития в условиях глобальных тенденций к регионализации.

Ключевые слова: экономический рост, экономическое развитие, структура экономики, экономический кризис, национальная модель экономики.

В 2021 г. исполняется 30 лет независимого развития стран постсоветского пространства. Это достаточно продолжительный период, в течение которого успели закрепиться основные закономерности воспроизводства, определяющие структуру национальной экономики, выявиться долгосрочные факторы развития и сформироваться национальные модели экономического роста и развития.

При этом, как показывает практика, далеко не всегда сложившиеся национальные модели роста являются оптимальными с точки зрения решения задач долгосрочного экономического развития. В частности, Г.М. Аубакирова отмечает, что важнейшими причинами снижения темпов экономического роста в Казахстане к концу 2010-х гг. стало истощение потенциала сырьевой модели роста, проявившееся в утрате конкурентных позиций в нефтегазовом секторе [1, с. 157]. Необходимость смены национальной модели экономического роста и осуществление диверсификации производства в Казахстане подчеркивают и другие исследователи [2].

Рассмотрим особенности экономического роста России и Казахстана на протяжении последних 30 лет, которые привели к определенным макроструктурным изменениям в экономиках указанных стран.

В своем экономическом развитии страны постсоветского пространства прошли три крупных этапа: этап трансформации экономической системы, сопровождавшийся, как правило, глубоким экономическим спадом; этап

Таблица 1. Среднегодовые темпы роста ВВП по периодам, в %

Страна или группа стран	1993 – 1998	1999 – 2008	2009 – 2019
Мир в целом	3,2	4,2	3,4
Развитые страны	2,8	2,5	1,5
Развивающиеся страны	3,6	6,2	4,9
Россия	-5,5	6,9	1,1
Казахстан	-4,9	8,7	4,2

Источник: составлено по [3].

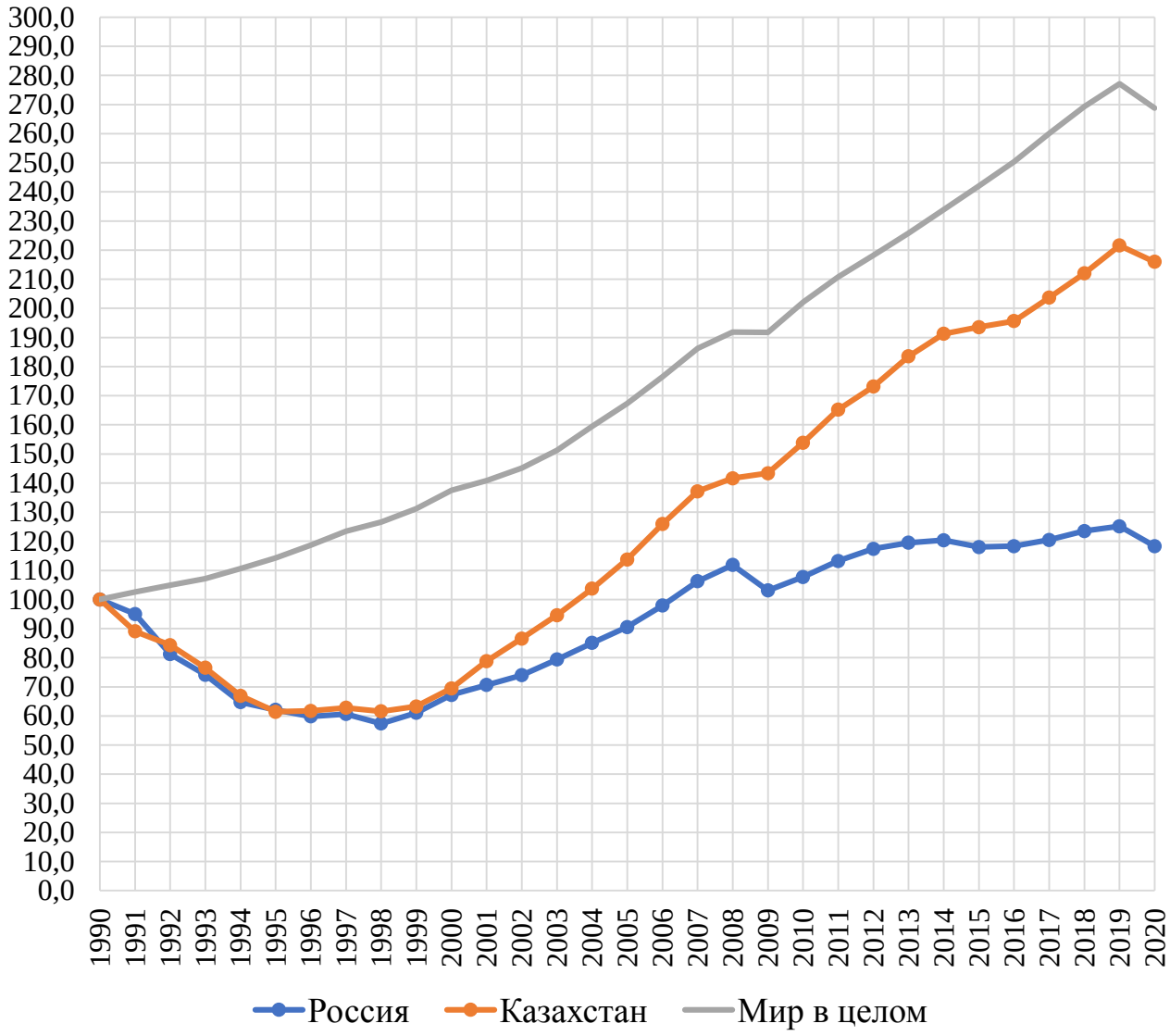

Рис. 1. Экономическая динамика России, Казахстана и мира
Источник: составлено по данным: [3].

укоренения рыночной экономики, сопровождавшийся восстановительным ростом наряду с продолжавшимися структурными изменениями, и этап «новой нормальности», наступивший в мировой экономике после кризиса 2009 г. и имевший свою специфику в странах постсоветского пространства. В Табл. 1. представлены среднегодовые темпы прироста реального ВВП по группам стран и отдельным странам, рассчитанные для трех указанных периодов по данным МВФ. Россия и Казахстан демонстрируют схожие закономерности на каждом этапе: глубокий трансформационный спад на первом этапе, ускоренный рост с темпами, выше среднемировых, на втором этапе и замедление экономического роста на этапе «новой нормальности». При этом для экономики Казахстана характерны наивысшие темпы роста на втором этапе, а на третьем этапе снизившиеся темпы роста, тем не менее, остались выше среднемирового уровня. Для российской экономики этап «новой нормальности» в значительной степени оказался этапом потерянного экономического роста: снижение темпов роста ниже среднемировых, и ниже темпов роста развитых стран приводит в долгосрочной перспективе к сокращению доли России в мировой экономике.

На Рис. 1 показана динамика реального ВВП России и Казахстана, в % к соответствующим уровням ВВП 1990 г. каждой страны. Также на Рис. 1 представлена линия динамики мирового ВВП (в % к уровню мирового ВВП 1990 г.). Уровни ВВП 1990 г. приняты за 100 %.

Как следует из Рис. 1, период трансформационного спада отразился на дальнейшем развитии и России, и Казахстана. Главным результатом указанного периода стала потеря исторического времени, что отражено на Рис. 1 отставанием траектории роста экономик двух стран от траектории роста мира в целом. И хотя ситуация в Казахстане с точки зрения темпов роста оказалась более благоприятной, чем в России, отставание от мировой траектории сохранилось. В России ситуация более критичная: как было отмечено выше, в период «новой нормальности» темпы экономического роста в России оказались существенно ниже среднемировых, что ускорило отставание российской траектории роста от мировой.

На основе разработанной автором методологии [4] может быть рассчитана оценка исторических потерь экономического роста как России, так и Казахстана на основе принципа упущенных возможностей. Берется гипотетическая траектория роста каждой страны (например, такая, которая полностью совпадает с траекторией мирового роста) и с ней сравнивается фактическая траектория экономического роста страны. Поскольку обе траектории на Рис. 1 рассчитаны в % от уровня ВВП 1990 г., то разность между этими траекториями также будет измеряться в % от ВВП 1990 г. (т.е. реальный ВВП 1990 г. взят как стандартная единица измерения). Сумма разностей между указанными траекториями за весь период показывает величину накопленных исторических потерь экономического роста (в единицах ВВП 1990 г.). По расчетам автора, для России величина накопленных исторических потерь экономического роста за период 1991 –

Таблица 2. Структура реального ВВП России и Казахстана по видам экономической деятельности, в %

Вид экономической деятельности	1990	1998	2008	2018
Республика Казахстан				
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство (ISIC A – B)	11,1	7,7	5,5	5,1
Добыча полезных ископаемых, коммунальные услуги (ISIC C – E)	13,7	17,0	17,2	15,7
Обрабатывающее производство (ISIC D)	10,4	12,8	11,1	11,2
Строительство (ISIC F)	8,8	3,1	7,1	6,7
Оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны (ISIC G – H)	12,2	14,9	14,5	19,0
Транспорт, складское хозяйство, связь (ISIC I)	12,1	8,7	9,9	12,2
Прочие виды деятельности (ISIC J – P)	32,6	35,5	34,6	30,2
Российская Федерация				
Сельское хозяйство, охота, рыболовство, рыбоводство (ISIC A – B)	5,2	4,5	4,0	4,2
Добыча полезных ископаемых, коммунальные услуги (ISIC C – E)	18,3	14,4	12,4	12,4
Обрабатывающее производство (ISIC D)	18,7	14,7	14,8	14,1
Строительство (ISIC F)	11,1	5,3	7,9	7,3
Оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны (ISIC G – H)	9,4	13,2	16,9	17,1
Транспорт, складское хозяйство, связь (ISIC I)	9,4	7,3	7,5	7,6
Прочие виды деятельности (ISIC J – P)	28,9	41,0	36,4	37,2

Источник: составлено по [5].

2020 гг. составила 25,4 ВВП 1990 г., а для Казахстана – только 15,1 ВВП 1990 г. Отметим, что данная оценка является в высшей степени абстрактной, поскольку основана исключительно на сравнении темпов роста, но не позволяет судить о структурных изменениях экономики, т.е. о качественных параметрах экономического роста.

Рассмотрим изменения в структуре реального ВВП со стороны предложения (по видам экономической деятельности) на каждом из этапов экономического развития России и Казахстана (Табл. 2). Исходные данные представлены в постоянных ценах 2015 г., таким образом в структурных сдвигах нивелировано влияние ценовых факторов.

Как следует из Табл. 2 на начало рыночных реформ в структуре ВВП Казахстана сельское хозяйство, торговля, транспорт и «прочие услуги» занимали больший удельный вес по сравнению с Россией. Обрабатывающее производство и строительство, наоборот, преобладали в структуре ВВП России по сравнению с Казахстаном. На протяжении последующих трех десятилетий имели место как общие, так и специфические тенденции в изменении структуры ВВП двух стран. К общим тенденциям можно отнести следующие:

– во-первых, это снижение в реальном выражении долей сельского хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в ВВП. При этом в России указанное снижение происходило на первых двух этапах, а на этапе «новой нормальности» доля сельского хозяйства снова начала несколько увеличиваться.

– во-вторых, это сокращение в целом доли строительства в ВВП. При этом резкое сокращение в обеих странах наблюдалось на этапе трансформационного спада, а затем произошло некоторое увеличение доли строительства в ВВП.

– в-третьих, произошел рост доли оптовой и розничной торговли, гостиниц и ресторанов в ВВП, причем в России этот рост был выражен сильнее по сравнению с исходными значениями показателей в 1990 г.

Наряду с общими тенденциями можно выделить и особенности структурных сдвигов в каждой стране. Так, в России суммарная доля добычи полезных ископаемых вместе с инфраструктурными отраслями (производство и распределение электроэнергии, газа и воды) снизилась в реальном выражении, а в Казахстане выросла. Суммарная доля транспорта, складского хозяйства и связи в России снизилась, а в Казахстане несколько выросла. При этом динамика данных видов деятельности схожа в двух странах: первоначальное снижение, затем увеличение. Наконец, в Казахстане, в отличие от России, доля обрабатывающего производства (в постоянных ценах) несколько выросла по сравнению с уровнем 1990 г. В России же имела место ярко выраженная деиндустриализация экономики, проявившаяся в существенном снижении доли обрабатывающего производства в ВВП. Таким образом, политика новой индустриализации в Казахстане оказалась относительно более результативной, чем в России, хотя в абсолютном выражении доля обрабатывающего производства в ВВП России остается выше, чем в Казахстане (Табл. 2).

Экономический кризис, начавшийся в 2020 г. в форме «коронакризиса», привел к структурным изменениям экономик всех стран, затронутых кризисом.

В отличие от кризиса 2009 г. текущий кризис проявился, прежде всего, как кризис сферы услуг, поскольку из-за введения правительствами ограничительных мер (локдауны, карантины и т. п.) выпуск упал глубже именно в секторе услуг. Так, по данным Росстата [6], ВВП России в целом снизился на 3 %. По видам экономической деятельности наибольшее сокращение наблюдалось в предоставлении услуг туризма (-55,4 %), деятельности воздушного и космического транспорта (-46,8 %), деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (-24,5 %), производстве автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (-16,3 %), деятельности в области спорта, отдыха и развлечений (-15 %), издательской деятельности (-13,4 %), деятельности сухопутного и трубопроводного транспорта (-10,4 %), добыче полезных ископаемых (-9,5 %). Напротив, положительные результаты в 2020 г. продемонстрировали производство лекарственных средств и материалов для медицинских целей (22,2 %), производство мебели, прочих готовых изделий (8 %), финансовая и страховая деятельность (7,3 %), производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки (6,1 %), производство химических веществ и химических продуктов (5,6 %), разработка программного обеспечения и деятельность в области информационных технологий (3,5 %).

В Казахстане снижение реального ВВП в 2020 г. произошло на 2,6 %, по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [7]. В статистике Казахстана в отличие от российской статистики четко выделяется производство товаров и производство услуг: по товарам наблюдался рост в 2020 г. на 2 %, по услугам – спад на 5,6 %. Наибольшее падение пришлось на следующие отрасли: транспорт и складирование (-17,2 %), оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов (-7,3 %), профессиональная, научная и техническая деятельность (-5,8 %), деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания (-4,9 %), а также горнодобывающая промышленность и разработка карьеров (-3,7 %). Напротив, высокие темпы роста отмечены в строительстве (11,2 %), сельском, лесном и рыбном хозяйстве (5,6 %), обрабатывающей промышленности (3,9 %), а в сфере услуг – в образовании (2,3 %), здравоохранении и социальном обслуживании населения (1,7 %).

Мировой экономический кризис вновь актуализировал вопрос об адекватности сложившихся моделей национальной экономики (и более конкретных моделей национального экономического роста) вызовам мирового экономического развития. «Коронакризис» продемонстрировал уязвимость сложившейся модели глобализации, когда в условиях ограничения экономических связей национальные экономики вынуждены в большей степени опираться на собственные силы и в меньшей степени использовать преимущества международного разделения труда. Кризис также выявил высокую уязвимость сферы услуг в «пандемийной» экономике, в которой на первый план выходит обеспечение базовых потребностей населения, а потребности развлечений, досуга и культуры, несмотря на развитие цифровых технологий, отходят на второй план. Ответом на вызовы кризиса может стать

усиление самодостаточности национальных экономик, прежде всего, в плане обеспечения базовых потребностей населения, отход от ориентации на узкую специализацию согласно сложившимся «сравнительным преимуществам» национальных экономик, а, напротив, выращивание новых «сравнительных преимуществ» и ориентация на более тесную интеграцию в рамках международных интеграционных объединений. В частности, применительно к России и Казахстану это может быть усиление интеграции в рамках Евразийского экономического союза.

Список литературы

1. Аубакирова Г. М. Трансформационные преобразования экономики Казахстана // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 155–163.

2. Алимбаев А. А., Кенешева Г. А. Структурная модернизация экономики Казахстана // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2018. № 11 (56). [Электронный ресурс]. URL: https://7universum.com/ru/economy/archive/item/6499 (дата обращения: 10.04.2021).

3. IMF World Economic Outlook Database [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Publications/SPROLLS/world-economic-outlook-databases#sort= %40imfdate %20descending (дата обращения: 11.09.2020).

4. Теняков И.М. Оценка потерь экономического роста в странах, перешедших к рынку // Экономическое возрождение России. 2017. № 1. С. 119–131.

5. United Nations Statistics Division. National Accounts [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic (дата обращения: 11.09.2020).

6. Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/accounts (дата обращения: 11.04.2021).

7. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/11/statistic/6 (дата обращения: 11.04.2021).

Summary

Tenyakov I. M. Macrostructural Features of the Economic Growth of Russia and Kazakhstan in the Post-Soviet Period

The article reveals the macrostructural features of the economic growth of Russia and Kazakhstan. The assessment of the historical losses of economic growth of the two countries due to the transformational recession is given. General and specific trends in the change in the sectoral structure of GDP because of economic growth are noted. The influence of modern crisis phenomena on the structure of GDP is characterized. The conclusion is made about the need for greater reliance on internal factors of development in the context of global trends towards regionalization.

Key words: economic growth, economic development, structure of the economy, economic crisis, national model of the economy.

Алпысбаева С. Н.
Главный научный сотрудник
АО «Институт экономических исследований»
Министерства национальной экономики Республики Казахстан,
доктор экономических наук, профессор
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
saranur@mail.ru

Таутенов Е. И.
Заместитель директора
Центра макроэкономических исследований и прогнозирования
АО «Институт экономических исследований»
Министерства национальной экономики Республики Казахстан
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
yerdilda@mail.ru

Жанакова Н. Н.
Старший эксперт
Центра макроэкономических исследований и прогнозирования
АО «Институт экономических исследований»
Министерства национальной экономики Республики Казахстан,
кандидат экономических наук, доцент
г. Нур-Султан, Казахстан
nazikzhan@mail.ru

КАЗАХСТАН: МУЛЬТИПЛИКАТИВНАЯ ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА[7]

Аннотация. Для полной и объективной оценки влияния инвестиционной активности государства на экономический рост, помимо инвестиций из государственного бюджета Казахстана, авторами учтены инвестиции в основной капитал квазигосударственного сектора (АО «ФНБ «Самрук-Казына», АО «НУХ «Байтерек», АО «НУХ «КазАгро»).

На основе комплексного анализа с использованием модели межотраслевого баланса впервые проведена совокупная оценка влияния на экономический рост Казахстана динамики инвестиционных расходов государственного бюджета и квазигосударственного сектора.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная активность, инвестиции в основной капитал, экономический рост, квазигосударственный сектор.

[7] Статья подготовлена в рамках выполнения научного гранта «Разработка приоритетов контрцикличной и структурной политик Казахстана с моделированием потенциального ВВП и разрыва выпуска при декарбонизации и сдвигах глобального спроса», финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН AP08856201.

Обзор современных исследований по вопросу влияния инвестиций на экономический рост

Темпы роста ВВП Казахстана в период мировой пандемии по итогам 2020 года оказались в отрицательной зоне и составили 97,4 %. При этом индекс физического объема инвестиций в основной капитал опустился до 96,6 %.

В постпандемический период вопросы оценки влияния инвестиций на экономический рост приобретают особую актуальность.

В современной мировой аналитике эти аспекты экономической политики, особенно влияние государственных инвестиций на экономический рост, исследуются достаточно активно.

Так, Cach и Phong (2018) исследовали степень воздействия государственных инвестиций на частные инвестиции и экономический рост за 1990–2016 годы по 22 отраслям экономики Вьетнама. Авторы выявили позитивное воздействие государственных инвестиций на экономический рост и инвестиционную активность частного бизнеса [1].

В то же время исследование (2005) на панельных данных 105 развитых и развивающихся стран за период 1970–2009 годов выявило, что государственные инвестиции, хотя и оказывают положительное влияние на экономический рост, имеют определенные границы присутствия в экономике (по их расчетам это 8–9 %), превышение которых будет тормозить экономическую динамику [2].

ЕЦБ (2017) исследовал 12 стран ЕС для выявления воздействия государственных инвестиций на экономический рост [3].

Основные выводы исследования:

- рост государственных инвестиций в указанных странах после кризиса 2008–2009 гг. оказал больший эффект на экономику, чем до кризиса;
- установлена связь роста госинвестиций с ростом производительности;
- краткосрочный инвестиционный шок вызывает высокий рост спроса при низкой инфляции;
- наиболее эффективным источником государственных инвестиций является долговое финансирование;
- менее эффективным является подход, основанный на росте налоговой нагрузки;
- рост государственных инвестиций не улучшает конкурентные условия для частного капитала.

Связь между инвестициями и экономическим ростом на примере России и других крупных стран мира оценена в долгосрочном периоде (1991–2013 гг.) в исследовании Турыгина (2014) [4]. Автором сделан вывод, что политика либерализации трансграничного движения капитала частного сектора, а также избыточное формирование государственных резервов в иностранных активах приводят к низкой норме инвестирования, что не позволяет увеличить темпы экономического роста и улучшить его качество.

Таблица 1. Капиталоемкость экономики и соотношение государственных инвестиций в основной капитал к ВДС и объему капитала в разрезе отраслей

Отрасли	Капиталоемкость 1 тг. ОС/1 тг. ВДС			Инвестиции в ОК, % к ВДС			Госинвестиции в ОК, % к ВДС			Госинвестиции в ОК, % к капиталу		
	2010	2015	2019	2010	2015	2019	2010	2015	2019	2010	2015	2019
Всего	0,8	1,0	1,1	21,3	17,2	19,4	4,7	3,2	2,3	5,7	3,1	2,2
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	1,2	1,1	0,4	8,5	8,5	16,2	0,2	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0
Промышленность	1,0	1,2	1,0	36,0	38,0	40,8	4,5	3,4	2,4	4,6	2,9	2,4
Горнодобывающая промышленность	1,0	1,2	0,9	38,9	44,4	55,8	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Обрабатывающая промышленность	0,7	0,7	0,7	16,7	19,6	12,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Электроснабжение	2,1	3,6	3,5	85,7	78,6	92,8	39,7	25,4	21,2	19,2	7,0	6,0
Водоснабжение	2,5	5,5	5,0	278,8	192,7	183,5	253,5	167,9	148,6	99,6	30,6	29,5
Строительство	0,6	0,3	0,2	3,3	4,0	3,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Торговля	0,2	0,8	1,9	3,4	2,0	2,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Транспорт и складирование	1,4	1,7	1,5	42,0	32,3	20,7	11,4	11,6	6,7	8,3	6,9	4,3
Услуги по проживанию и питанию	0,8	0,5	0,6	13,9	11,5	14,7	0,9	1,2	0,4	1,2	2,3	0,8
Информация и связь	0,6	0,8	0,7	8,8	9,8	7,6	0,2	0,0	0,2	0,2	0,0	0,2
Финансовая и страховая деятельность	0,4	0,3	0,3	5,8	3,7	4,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Операции с недвижимым имуществом	1,3	1,1	0,4	20,3	21,4	31,4	5,0	3,2	4,7	3,9	3,0	12,1
Профессиональная, научная и техническая деятельность	0,4	2,1	0,7	14,7	2,7	2,3	0,9	0,2	0,1	2,0	0,1	0,1
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	0,3	0,4	0,4	10,2	16,7	7,3	2,8	14,9	3,2	7,9	33,6	8,8
Гос. управление и оборона; обязательное соцобеспечение	2,1	4,5	5,5	7,2	4,6	5,0	7,0	4,1	4,7	3,3	0,9	0,8
Образование	0,6	1,0	0,9	20,0	16,6	11,4	17,6	11,3	8,3	28,7	11,6	8,9
Здравоохранение и социальные услуги	0,8	1,5	0,8	41,0	10,2	10,4	38,2	7,4	5,8	48,9	4,9	7,0
Искусство, развлечения и отдых	0,8	0,9	0,7	64,6	34,5	30,2	55,2	21,5	12,2	72,0	23,5	16,8
Предоставление прочих видов услуг	0,2	0,1	0,1	1,8	0,9	0,9	0,3	0,0	0,0	1,0	0,1	0,0

Источник: Бюро национальной статистики АСПИР, расчеты авторов

Исследование российской экономики (2015) подтверждает, что одним из важнейших факторов обеспечения устойчивого экономического роста является его инвестиционная обеспеченность: по результатам моделирования установлено, что вклад в экономический рост инвестиций в основной капитал России составляет 65 %, а трудовых ресурсов – 29 % [5].

В исследовании И. Николаева и др. (2019) с использованием модели мультипликатора инвестиций и VAR-модели проверялась гипотеза о том, что ускоренный рост инвестиций в основной капитал темпами, предусмотренными официальным прогнозом, способен за счет мультипликативного эффекта вызвать такой рост ВВП, который превысит среднемировой, и экономика России займет 5-е место в мире по величине ВВП к 2024 году [6].

Оценка вклада внутренних и иностранных инвестиций в экономический рост Казахстана, а также анализ взаимного влияния иностранных и внутренних инвестиций друг на друга проведены в исследовании Национального Банка РК (2019) [7].

При этом автор отмечает, что в современных работах большое внимание уделяется анализу взаимного влияния государственных и частных инвестиций и их эффекта на экономический рост. Некоторые исследователи говорили о вытеснении инвестиций частного сектора инвестициями государственного сектора, некоторые утверждали об их дополняющем характере.

На этом фоне автор утверждает, что нет необходимости проводить подобное исследование для Казахстана: «…финансируются государством, как правило, отрасли самого государственного сектора, а также часть промышленности, транспорта и прочих отраслей, которые также принадлежат государству. Поэтому в таких условиях об эффекте вытеснения частных инвестиций утверждать сложно» [7, 6].

Полагаем, что данное утверждение не является достаточно аргументированным, так как не учитывает инвестиции квазигосударственного сектора, размеры которого в Казахстане являются достаточно большими, чтобы можно было говорить об их значимом влиянии на экономическую активность и вероятности вытеснения частных инвестиций в секторах их присутствия.

Для более полного ответа на эти вопросы нами представлен развернутый анализ влияния инвестиций государства и квазигосударственного сектора на экономический рост Казахстана.

Приоритеты государственных инвестиций в основной капитал.

Приоритетами государственных инвестиций в основной капитал за последнее десятилетие были отрасли производственной и социальной инфраструктуры общего пользования.

Так, в РК государство в качестве инвестора выступало в реализации проектов транспортной инфраструктуры, недвижимости, обороны и безопасности страны, энергетики и других приоритетных для всего общества отраслях.

С чем связана концентрация государственных инвестиций в этих направлениях? Для ответа на этот вопрос нами проведена классификация отраслей Казахстана с позиции их капиталоемкости и соотношения государственных инвестиций в основной капитал к валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) и объему основного капитала (таблица 1).

Как показывают современные исследования, «…на распределение инвестиций сильно влияет сложившаяся структура секторов, задаваемая соотношением их рисков и доходности» [8]. Согласно и нашей классификации, проекты, в которых концентрируются государственные инвестиции, как правило, непривлекательны для частного сектора по критерию риска и доходности, но при этом необходимы для повышения качества жизни и улучшения условий ведения бизнеса в стране.

Так, если капиталоемкость в горнодобывающей промышленности составляет 0,9 (т. е. для производства ВДС на 1 тенге необходимо использовать основные средства в размере 0,9 тенге), то в отраслях электроснабжения показатель капиталоемкости производства составляет уже 3,5, водоснабжения – 5,0, госуправления и обороны – 5,5. Такой уровень капиталоемкости для бизнеса является чрезвычайно высоким. Но эти отрасли обеспечивают экономическую безопасность страны.

Аналогичная картина видна и в части инвестиционной привлекательности. Так, чтобы произвести дополнительно ВДС в размере 1 тенге, производителю в горнодобывающей промышленности потребуются инвестиции в размере 55,8 тенге. Между тем для производства такого же размера ВДС в отрасли электроснабжения необходимы инвестиции в размере 92,8 тенге, в водоснабжении – уже 183,5 тенге.

Таким образом, сосредоточение государственных инвестиций в инфраструктурных отраслях является объективной необходимостью и важной ролью государства.

Это подтверждается и исследованиями международных институтов. Так, согласно исследованию МВФ (2015), роль государственных инвестиций возрастает в периоды кризисного замедления экономики и ослабления инструментов денежно-кредитной политики. На этом фоне государственные инвестиции в инфраструктуру оказывают наиболее высокий эффект, который может превысить стоимость государственного долга на их заимствование [9].

Это подтверждается и ранее проведенным исследованием (2013), в котором утверждается факт эффективности и высокой отдачи вложений государственных инвестиций в инфраструктуру [10].

Оценка влияния инвестиционной активности государства и квазигосударственного сектора на экономический рост.

Для полной и объективной оценки влияния государства на экономический рост Казахстана необходимо учитывать, помимо потоков государственных инвестиций из государственного бюджета, также инвестиции квазигосударственного сектора.

К инвестициям квазигосударственного сектора нами отнесены инвестиции в основной капитал:

- АО «ФНБ “Самрук-Казына”»;
- АО «НУХ “Байтерек”»;
- АО «НУХ “КазАгро”».

Ниже представлена динамика и объемы государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал (табл. 2).

Согласно проведенным оценкам, вклад государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал в прирост ВВП колебался в интервале 0,2–0,7 п. п в 2012–2018 гг. и в среднем за этот период составил 0,5 п. п. (рис. 3).

Иными словами, в РК за 2012–2018 годы 14 % (0,5/3,6) среднегодового экономического роста страны было обеспечено за счет государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал.

В целом производственные мощности, созданные начальными инвестициями (например, выделенные средства в 2019 году) будут использоваться для производства продукции в будущем. В принципе можно утверждать, что эффект, порождаемый ростом выпуска в одной из отраслей, может оказывать длительное воздействие на экономическую динамику.

Мультипликативный эффект влияния инвестиционной активности государства и квазигосударственного сектора на экономический рост.

Совокупная мультипликативная оценка влияния инвестиционной активности государства на экономический рост была проведена с использованием Модели межотраслевого баланса (далее – МОБ).

Результаты оценки мультипликативного эффекта влияния инвестиций государства и квазигосударственного сектора на ВВП приведены ниже (таблица 3).

Согласно результатам расчетов, около 4,1–7,5 % ВВП за 2012–2018 годы были обеспечены за счет государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал. Наибольший эффект приходится на отрасль «Строительство», так как государственные проекты в основном связаны со строительством объектов транспортной и социальной инфраструктуры, жилищным строительством и инфраструктурой сетей.

Заключение

В статье представлены результаты исследования по выявлению влияния государственных инвестиций (в том числе квазигосударственного сектора) на вклад капитала в экономический рост и инвестиционную активность в экономике Казахстана.

На основе комплексного анализа динамики инвестиционных расходов государственного бюджета и инвестиций квазигосударственного сектора впервые проведена совокупная оценка их влияния на экономический рост с использованием модели межотраслевого баланса.

Таблица 2. Государственные и квазигосударственные инвестиции в основной капитал, млрд тенге

Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП в текущих ценах	31 015,2	35 999,0	39 675,8	40 884,1	46 971,2	54 378,9	61 819,5
ИФО ВВП, % г/г	104,8	106,0	104,2	101,2	101,1	104,1	104,1
Основные средства (капитал) по балансовой стоимости	21 650,5	24 228,0	28 576,7	42 621,0	50 732,3	54 956,6	56 336,8
% к ВВП	69,8	67,3	72,0	104,2	108,0	101,1	91,1
Инвестиции в ОК, всего	5 473,2	6 072,7	6 591,5	7 024,7	7 762,3	8 770,6	11 179,0
% к ВВП	17,6	16,9	16,6	17,2	16,5	16,1	18,1
% к основным средствам (капитал)	25,3	25,1	23,1	16,5	15,3	16,0	19,8
Государственные и квазигосударственные инвестиции в ОК	3 065,0	3 101,4	3 754,4	3 398,3	3 958,6	3 937,0	3 710,7
% к ВВП	9,9	8,6	9,5	8,3	8,4	7,2	6,0
% к основным средствам (капитал)	14,2	12,8	13,1	8,0	7,8	7,2	6,6
% к общим инвестициям в ОК	56,0	51,1	57,0	48,4	51,0	44,9	33,2
Государственные инвестиции (бюджетные средства) в ОК	1 137,9	1 023,7	1 338,6	1 301,1	1 326,3	1 432,8	1 421,2
Квазигосударственные инвестиции в ОК	1 927,1	2 077,7	2 415,8	2 097,2	2 632,3	2 504,2	2 289,5
Инвестиции АО «ФНБ “Самрук-Казына”» в ОК	1 695,1	1 763,4	1 587,2	1 256,0	1 703,2	1 355,1	909,3
Инвестиции АО «НУХ “Байтерек”» в ОК	60,5	112,9	368,9	523,6	648,5	882,4	980,2
Инвестиции АО «Холдинг “КазАгро”» в ОК	171,5	201,4	459,7	317,6	280,6	266,7	400,0

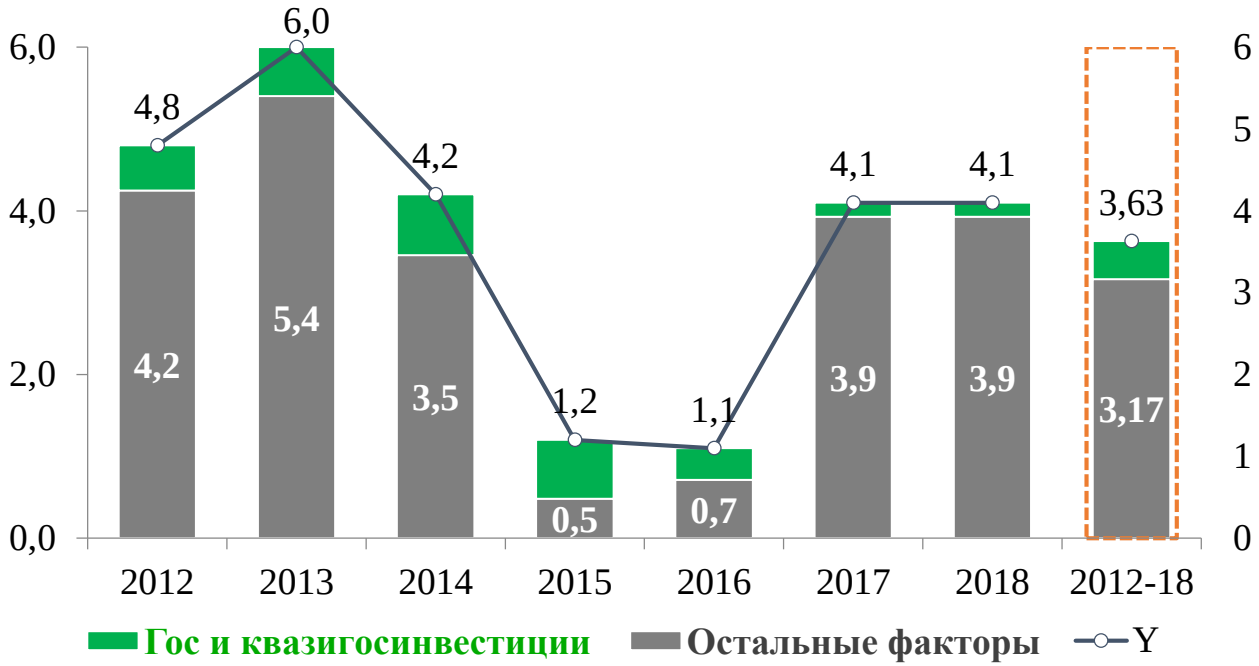

Рис.1. Вклад государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал и других факторов в прирост ВВП, п.п.
Источник: Бюро национальной статистики АСПИР, расчеты авторов

В целом роль совокупных государственных расходов в формировании инвестиционной активности в стране (с учетом инвестиций компаний квазигосударственного сектора) оказалась достаточно высокой.

Уровень совокупных инвестиций государственного сектора к ВВП колебался от 6 % до 9,5 % с 2013 по 2018 гг.

В структуре общего объема инвестиций в основной капитал совокупные инвестиции государственного сектора занимали долю 33,2–57,0 %.

Для сравнения: в странах ОЭСР доля инвестиций государственного сектора в общем объеме инвестиций в основной капитал составляет около 15 %, а к ВВП 3 % [11], то есть значительно ниже, чем в РК.

С учетом полученных результатов проведенного исследования можно сделать вывод о действительно значимом влиянии инвестиций государства и квазигосударственного сектора на экономический рост, а также о значительном их влиянии на инвестиционную активность в секторах присутствия частного сектора.

Список литературы

1. Cach N., Phong N. The effect of public investment in private investment and economic growth: evidence from Vietnam by economic industries // Applied Economics and Finance. 2018. vol. 5. issue 2. P. 95–110.

Таблица 3. Оценка влияния государственных и квазигосударственных инвестиций в основной капитал на ВДС отраслей, % от фактических объемов ВДС отраслей за 2012–2018 годы

Отрасли	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВВП	7,5	6,4	6,8	5,9	6,0	5,0	4,1
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	4,3	4,1	7,7	4,9	4,1	3,5	4,4
Горнодобывающая промышленность и разработка карьеров	9,5	9,7	8,4	8,0	9,0	6,0	3,5
Обрабатывающая промышленность	5,9	5,4	6,2	5,6	5,2	4,6	3,9
Электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование	11,6	8,7	8,1	5,8	5,0	5,9	4,5
Водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов	13,2	8,4	8,4	6,8	6,5	6,7	6,3
Строительство	29,8	26,6	29,5	25,6	26,0	24,3	20,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автомобилей и мотоциклов	7,4	6,3	6,4	5,1	5,2	4,4	3,7
Транспорт и складирование	6,6	5,7	6,6	5,6	5,5	4,7	4,3
Услуги по проживанию и питанию	1,2	1,0	1,0	1,3	1,3	0,8	0,6
Информация и связь	1,3	1,1	1,1	0,9	1,1	1,1	1,0
Финансовая и страховая деятельность	9,8	6,4	6,2	4,4	4,0	3,5	3,5
Операции с недвижимым имуществом	2,2	2,0	2,5	1,9	1,7	2,3	2,1
Профессиональная, научная и техническая деятельность	3,9	3,8	3,5	2,7	2,4	2,5	2,1
Деятельность в области административного и вспомогательного обслуживания	6,4	6,3	6,1	14,7	18,9	7,3	5,1
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	9,2	9,8	6,9	4,4	3,2	7,0	6,9
Образование	9,6	5,5	7,8	4,9	4,1	4,8	3,8
Здравоохранение и социальные услуги	3,5	2,8	2,4	1,3	0,8	0,9	1,1
Искусство, развлечения и отдых	9,4	6,0	5,6	6,5	3,1	3,3	4,6
Предоставление прочих видов услуг	0,4	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Источник: Бюро национальной статистики АСПИР, расчеты авторов

2. Manh Vu Le, Terukazu S. The Effects of FDI and Public Expenditure on Economic Growth: From Theoretical Model to Empirical Evidence // GSICS Working Paper Series. 2005. №3. P. 5–12.

3. Jasper de Jong, Marien Ferdinandusse, Josip Funda, Igor Vetlov. The effect of public investment in Europe: a model-based assessment // ECB. 2017, February. № 2021.

4. Турыгин О. М. Инвестиции как источник экономического роста: сравнительный анализ России и других стран // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16427

5. Батищева Г. А., Маслова Н. П., Батищева Е. А. Статистический анализ и моделирование взаимосвязей инвестиций и экономического роста // Учет и статистика. 2015. 9 с.

6. Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Инвестиции как источник экономического роста // Общество и экономика. 2019. выпуск 5. С. 5–27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.inecon.org/docs/2019/Nikolayev_SE_5_2019.pdf

7. Самат М. Эмпирическая оценка влияния инвестиций на экономический рост в Казахстане Департамент исследований и статистики НБ РК // Экономическое исследование. 2019 №3.

8. Сухарев О. С. Структурная политика: к новой инвестиционной модели экономического роста // Финансы: теория и практика // FINANCE: THEORY AND PRACTICE. 2019. №2. Т. 23. С. 84–104

9. Abiad A., Furceri D., Topalova P. The Macroeconomic Effects of Public Investment: Evidence from Advanced Economies. IMF Working Paper. 2015. WP/15/95. 26 p.

10. Broyer S., Gareis J. How large is the infrastructure multiplier in the euro area? // Flash Economics by Natixis. 2013. №. 227.

11. Николаев И., Марченко Т., Точилкина О. Инвестиции как источник экономического роста // Общество и экономика. 2019. №5. С.11 [Электронный ресурс]. URL: http://www.inecon.org/docs/2019/Nikolayev_SE_5_2019.pdf

Summary

Alpysbayeva S. N., Tautenov Y. I., Zhanakova N. N. Kazakhstan: Multiplicative Assessment of the Investment Activity of the State.

For a complete and objective assessment of the impact of investment activity of the state on economic growth, in addition to investments from the state budget of Kazakhstan, the authors considered investments in the fixed capital of the quasi-public sector (JSC NWF Samruk-Kazyna, JSC NMH Baiterek, JSC NMH KazAgro ").

Based on a comprehensive analysis using the input-output balance model, for the first time, a cumulative assessment of the impact on the economic growth of Kazakhstan of the dynamics of investment expenditures of the state budget and the quasi-public sector was carried out.

Key words: investments, investment activity, investments in fixed assets, economic growth, quasi-public sector.

Котов А. В.
Старший научный сотрудник отдела страновых исследований Института Европы Российской академии наук, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ, кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
alexandr-kotov@yandex.ru

РОССИЯ И КАЗАХСТАН НА ПУТИ К ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КООПЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлено описание процесса экологизации экономики России и Казахстана с учетом влияния элементов природно-ресурсных и климатических систем. Рассмотрено его выражение в проектах стратегий низкоуглеродного развития обеих стран. В качестве инструмента реализации природосберегающего подхода в региональной экономике предложено понятие экологоориентированной цепочки. Показана ее связь с технологией развития умных региональных специализаций. В заключении обобщены возможные направления практического трансграничного сотрудничества территорий России и Казахстана в рамках описанных теоретических подходов.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, экологизация экономики, умная специализация, сотрудничество регионов, зеленая экономика

Экологизация экономики представляет процесс неуклонного и последовательного внедрения систем технологических, управленческих, юридических и других решений, позволяющих повышать эффективность использования естественных ресурсов и условий развития хозяйствующих субъектов наряду с улучшением или хотя бы сохранением качества природной среды [1].

Именно совершенствование среды обитания и качества жизни является базовой исходной предпосылкой развития и улучшения качества человеческого потенциала. В настоящее время в развитых странах неуклонно и последовательно экологизация экономики сопровождается совершенствованием технологий основных хозяйственных процессов и применением разнообразных природоохранных мер для повышения экологической устойчивости.

Для современных России и Казахстана особенно важно, что аналогичные процессы развертываются на территориях с различной степенью готовности к формированию «зеленой экономики» и реализации технологий природосбережения. В отличие от советского времени, где вопросы экологии в планировании размещения производительных сил нередко отодвигались на задний план, в настоящий период ситуация качественно усложнилась. Прошедшие тридцать лет дополнительно показали, что вопросы экологизации хозяйственной деятельности и становления природосберегающей экономики

нельзя обеспечивать лишь возможностями рыночного саморегулирования и необходимо отвлечение значительных ресурсов стран с учетом специфики конкретных территорий.

В этих условиях ответом на вызовы глобальной климатической повестки может стать дальнейшее развитие пространственной организации производительных сил России и Казахстана с особым учетом природно-экологического фактора. Это будет отвечать приоритетам долгосрочного развития двух стран в части достижения целей экологической устойчивости, разработки практических мероприятий природосберегающего профиля в стратегических документах для территорий различных типов, учета отраслевого и территориального измерений при решении проблем с обращением и переработкой отходов, сохранением качества и повышением продуктивности земель и т. д. Важно отметить, что эта тема является надрегиональной и требует тесной кооперации двух стран, которые вследствие сильной ресурсной ориентации экономик сталкиваются с похожими проблемами.[8]

В Казахстане в 2020 году был разработан проект Стратегии низкоуглеродного развития Республики Казахстан [2]. Согласно экспресс-анализу основных текстовых положений миссии документа, Казахстан связывает с низкоуглеродным развитием возможность реализации значительных структурных изменений и трансформацию экономики (рис. 1.)

В проекте Стратегии Правительство Казахстана заявило, что для борьбы с изменением климата будет придерживаться долгосрочного стратегического подхода. Климатическая политика Правительства Казахстана определяется Парижским соглашением, принятым в декабре 2015 года сторонами Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКИК ООН). Казахстан полностью принял на себя обязательства в рамках Парижского соглашения, которые предусматривают ориентиры для государственной политики по достижению национального целевого показателя выбросов парниковых газов (ПГ).

Для преломления низкоуглеродной повестки на региональном уровне важно оценить риски для конкретных территорий и производств в случае непринятия или задержки соответствующих мер структурной политики и невыполнения международных обязательств Казахстана. Региональные стейкхолдеры (власть, предпринимательское сообщество, активные представители гражданского общества) должны понимать свою роль в информировании общественности и частных организаций о необходимости в комплексных преобразованиях региональной экономики страны.

[8] В первую очередь речь идет о реагировании на формирующийся пограничный углеродный налоговой механизм ЕС.

Рис. 1. Результаты лингвистического анализа вводного раздела проекта Стратегии низкоуглеродного развития Казахстана

Источник: составлено автором на основе сервиса Word's Cloud.

Рис. 2. Результаты лингвистического анализа вводного раздела проекта Стратегии низкоуглеродного развития России

Источник: составлено автором на основе сервиса Word's Cloud.

Разнообразие территорий Казахстана открывает возможности изучения значительного потенциала вклада отдельных регионов для достижения глобальной цели борьбы с изменениями климата (повышение энергоэффективности металлургии, развитие солнечной энергетики, «зеленая» нефтедобыча и нефтепереработка). Региональное измерение является важным с точки зрения обеспечения справедливого и взаимовыгодного перехода территорий к низкоуглеродному будущему Казахстана.

В России в 2020 году также был разработан проект Стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года [3]. По итогам лингвистического экспресс-анализа общих целей и задачи Стратегии выявлено, что для России, видимо, наиболее приоритетным вызовом является регулирование эмиссии парниковых газов (см. рис 2).

Для российской экономики, базирующейся на ископаемых энергетических источниках, важное значение имеет совершаемый технологический переход мировой энергетики и расширение использования низкоуглеродных и возобновляемых энергоресурсов. Экологизация экономики России будет связываться не только с повышением традиционной энергетики, но и с постепенным развитием новых видов в связи с перспективным снижением спроса на ископаемое топливо. Данная траектория развития рынка энергии в ближайшие десятилетия должна открыть новые возможности для российских инновационных компаний занять образующиеся на этом рынке ниши (водородная и атомная энергетика, технологии и комплектующие для ВИЭ и микроэнергетики, накопление энергии технологии захвата, хранения и переработки углекислого газа, экспорт «зеленой» энергии). Российские регионы, специализирующиеся на продукции химической, стекольной и целлюлозно-бумажной промышленности, нефтехимии, металлургии, сельского хозяйства, промышленности строительных материалов и других углеродоемких отраслей, должны будут улучшать собственные энергобалансы, использовать наилучшие доступные экологические технологии, чтобы реагировать на появление в ряде юрисдикций регулирования выбросов парниковых газов.

Задача государства при этом видится не просто в создании необходимой институциональной и правовой среды, но и учете местных региональных особенностей, локальных знаний, которые могли бы стимулировать технологическое развитие, обеспечить конкурентоспособность российских товаров в складывающейся мировой конъюнктуре.

Для регионов России и Казахстана важно, что в настоящее время и ожидаемое в обозримой перспективе глобальное потепление будет сопряжено с тяжелыми, повсеместными и необратимыми последствиями для антропогенных и естественных систем. Это содержит высокие риски для региональной продовольственной безопасности, обеспечения безопасности жизнедеятельности и устойчивого развития.

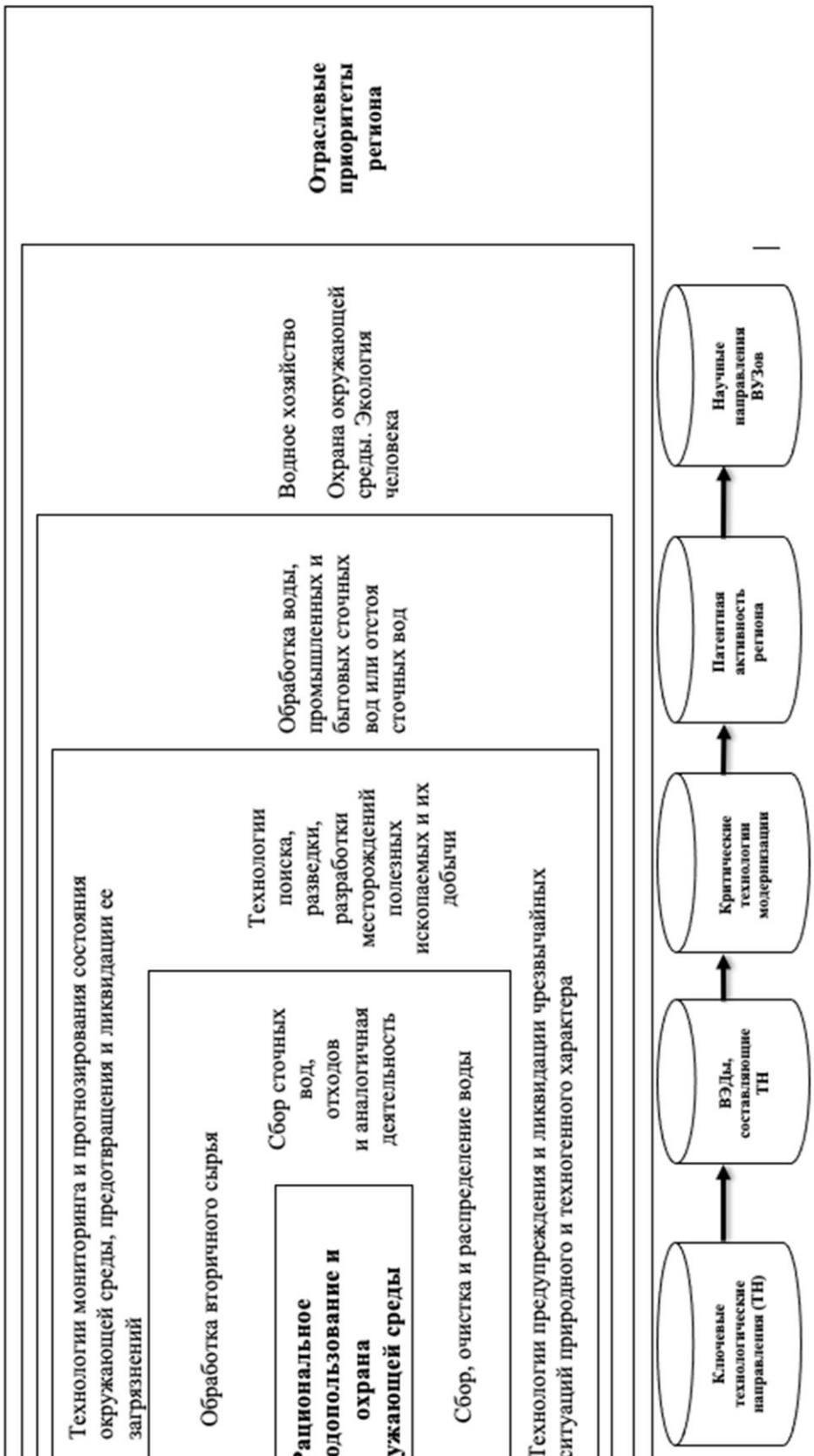

Рис. 3. Эколого-ориентированная цепочка умной специализации в региональном развитии

Источник: составлено автором.

Российско-казахстанское приграничье может стать пилотной территорией, на большом масштабе которой могут быть апробированы различные практики трансграничной адаптации территории к изменениям климата. Эти действия могут включать не только необходимость минимизировать возникающие комплексные риски, но и с создание условий для реализации возникающих благоприятных возможностей (рост продуктивности сельского хозяйства, тестирование новых видов транспорта, инновации в местной энергетике с последующей экономией топлива и сокращением отопительного периода).

Это означает, что для решения задач экологизации экономики для регионов в качестве инструмента может выступать т. н. «умная» специализация – технология разработки отраслевых приоритетов развития с акцентом на конкретные территориальные преимущества [4]. Целью должно стать формирование региональных эколого-ориентированных цепочек, увязывающих знания, ресурсы, отраслевые приоритеты территории. (рис. 3).

С точки зрения экологизации экономики это означает, что для регионального развития целесообразно определять конкурентные преимущества, потенциал их наращивания с учетом местных знаний, специфики природных ресурсов в сочетании с эффективными существующими видами экономической деятельности, инновационной, патентной, активностью субъектов хозяйствования.

В зарубежном опыте на эту тему значительны разработки в Европейском Союзе, где разработаны серии стратегических документов, в которых определены научно-технологические и отраслевые приоритеты, инструменты поддержки инноваций, в том числе экологически ориентированных. Конечный результат реализации концепции «умная специализация» – качественное изменение структуры региональной (а затем и национальной) экономики, основанной на воспроизводстве знаний и максимально эффективном использовании ресурсов [5].

В формировании умной региональной специализации велика роль малого и среднего бизнеса. Если в советское время специализация была более устойчивой и ее изменение требовало перестройки всего производственного уклада данной местности, то новая умная специализация не обладает подобной стабильностью. Она может относительно легко трансформироваться: если набор ключевых компетенций местного сообщества будет изменен, станут более конкурентоспособными другие инновационно-производственные команды.

Развитие эколого-ориентированных производственных цепочек следует ориентировать на совершенствование технологий основных производственных процессов и охраны окружающей среды в регионах. Внедрение же такого подхода целиком зависит от эффективности применения инструментов государственного регулирования территориального развития, которые самих следует «экологизировать»: обуславливать выделение государственной поддержки с прогрессивными структурными изменениями, формированием системы стимулов применения экологических наилучших доступных

технологий, формировать и поощрять спрос на экологически чистую продукцию и технологии.

Таким образом, при разработке стратегий социально-экономического развития территории рекомендуется определять потенциал и перспективы формирования умной специализации региона на основе детального анализа современного регионального эколого-экономического потенциала, научно-технологического задела в сфере природоохранных технологий, их взаимоувязки с другими региональными отраслевыми и инновационными компетенциями как компонентов развития, направленных на совершенствование структуры и качественное улучшение темпов роста региональной экономики.

Важно отметить, что возможности экологизации экономики естественно не ограничиваются запасом знания, который сконцентрирован в регионе. Инновации пересекают границы, поэтому важным фактором становится региональная кооперация и взаимодополняемость региональных потенциалов. В опыте ЕС эти идеи оформились в концепцию «трансграничной умной специализации» [6]. В этом контексте у России и Казахстана есть методологическая рамка и реальный однонаправленный интерес развивать двустороннее сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды, дальнейшей экологизации экономики. Наиболее актуальными инициативами в этой сфере являются договоренности о сотрудничестве в ходе работы Смешанной Российско-Казахстанской комиссии по вопросам окружающей среды. На «полях» комиссии Россия и Казахстан обмениваются информацией о государственной политике в области охраны окружающей среды и рационального природопользования, новациях в экологической политике.

Например, Россия информирует о национальном проекте «Экология». Казахстанская сторона, в свою очередь, разъясняет направления совершенствовании экологического законодательства в Республике, в том числе о разработке нового Экологического кодекса. Стороны регулярно обсуждают вопросы, связанные с проведением совместных учений лесопожарных организаций, тушением трансграничных природных пожаров, взаимодействием по профилактике и ликвидации очагов болезней и вредителей леса на приграничных территориях.

На сегодняшний день наиболее активное взаимодействие может развиваться в рамках инициативы по защите особо охраняемых природных территорий России и Казахстана, сохранении биологического разнообразия, экологическом оздоровлении бассейнов трансграничных рек Иртыш и Урал [7]. Актуальный проект по сохранению и восстановлению экосистем трансграничных рек Урал и Иртыш рассчитан до 2024 года. В границах бассейна Урала на территории России находятся 439 водопользователей. Только на территории Оренбургской области 23 водопользователя сбрасывают около 800 миллионов кубических метров. Многие очистные сооружения требуют серьезного обновления. С двух сторон нужно провести ревизию всех

предприятий и организаций, которые загрязняют Урал и направить все усилия на сохранение стока.

Таким образом, экологизация экономики требует значительной региональной кооперации, дальнейшего исследования трендов пространственной организации производительных сил с учетом природных и климатических изменений [8]. Основной принцип природосберегающей (экологизированной) экономики означает альянс экономических, социальных и экологических интересов и их проявления на конкретных территориях в условиях высокоизменчивой внешней среды. В этом аспекте необходимо осуществлять в дальнейшем мероприятия по повышению адаптивности (резилиентности) территорий с учетом глобальной конкуренции и сотрудничества между странами и регионами за формирование новых «зеленых» подходов к хозяйственной активности и недопущению разбалансировки отношений между экономикой и природой. Для России и Казахстана большое значение в исследовании проблем экологизации и природосбережения будут иметь также проблемы эколого-экономической оценки природных ресурсов, ассимиляционного потенциала окружающей среды приграничных территорий, формирования трансграничных эколого-ориентированных производственных цепочек, связанных с удовлетворением потребностей жителей этих территорий (в секторах ЖКХ, энергетики, чистой природной среде, экологически ответственном предпринимательстве).

Благодарность. Доклад подготовлен в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (No соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

Список литературы

1. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д. С. Львов; Отд. Экон. РАН; науч.- ред. совет изд-ва «Экономика». М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 793 с. (Системные проблемы России).
2. Стратегия низкоуглеродного развития Республики Казахстан: цели и пути трансформации. (Первая версия) // Немецкое общество по международному сотрудничеству GIZ GmbH. Проект «Поддержка «зеленой экономики» в Казахстане и Центральной Азии для низкоуглеродного экономического развития». Нур-Султан, 2020. 111 с.
3. Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года (проект) [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 10.04.2021).

4. Котов А. В., Гришина И. В., Полынев А. О. Умная специализация региона – вариант решения для России. Научный очерк // Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. Москва, 2019. 60 с.

5. Котов А. В. Методический подход к определению умной специализации регионов России // Регион: экономика и социология. 2020. №2. С. 22–45. DOI: 10.15372/REG20200202

6. Girejko R., Kruse M., Urban W., Wedemeier J. Methodology for Transnational Smart Specialisation Strategy. URL: https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/-/methodology-for-transnational-smart-specialisation-strategy?inheritRedirect=true (дата обращения: 10.04.2021).

7. Россия и Казахстан продолжат развивать двустороннее сотрудничество по вопросам охраны окружающей среды [Электронный ресурс]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_kazakhstan_prodolzhat_razvivat_dvustoronnee_sotrudnichestvo_po_voprosam_okhrany_okruzhayushch/ (дата обращения: 10.04.2021).

8. Устойчивое развитие в период пандемии: природные ресурсы, изменение климата и резилиентность территорий [Текст]: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Л. Н. Проскурякова (ред.), В. В. Виноградова, Р. Г. Грачева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 76 с.

Summary

Kotov A. V. Russia and Kazakhstan on the Way to Ecologization of the Economy: Opportunities for Regional Development and Cooperation

The article presents a description of the process of ecologization the economies of Russia and Kazakhstan, considering the influence of elements of natural resource and climatic systems. Its expression in the draft low-carbon development strategies of both countries is considered. The concept of an environmentally oriented value chain for implementing the environmentally friendly approach in the regional economy is proposed. This work examines connection with the technology of development of smart regional specializations. In conclusions, it was summarizing possible areas of practical cross-border cooperation between the territories of Russia and Kazakhstan within the framework of the described theoretical approaches.

Key words: Russia, Kazakhstan, greening the economy, smart specialization, regional cooperation, green economy

Талимова Л. А.
Заведующая кафедрой банковского менеджмента и финансовых рынков Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза, доктор экономических наук, профессор
г. Караганда, Республика Казахстан

ПАРАДИГМА ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье обоснована важность и определены факторы инновационного развития экономики, среди которых подчеркнуто особое значение финансовой архитектуры; обобщены сущность, факторы, принципы и специфические особенности финансовой архитектуры; раскрыты характерные особенности проявления и восприятия цикличности экономических процессов и антициклического регулирования; обозначены проблемы регулирования международных финансовых рынков, роль и значение банковской системы в финансовой архитектуре, взаимозависимость кредитных отношений и развития реального сектора экономики; выявлены факторы, которые обусловили необходимость переустройства международной валютной системы.

Ключевые слова: финансовая система, финансовая архитектура, финансовый кризис, экономическое развитие, инновационное развитие, национальная экономика, валютная система, резервная валюта, парадигма.

Процессы финансовой глобализации и интеграции имеют противоречивый характер влияния и вместе с позитивными эффектами обостряют внутренние противоречия финансовой системы и несут системные риски, следствием которых становится возникновение кризисных явлений. В этом контексте объективной необходимостью становится развитие финансовой архитектуры как институциональной основы и действенного механизма обеспечения стабильности финансовой системы.

В тоже время глобальный финансовый кризис раскрыл ключевые проблемы современной финансовой архитектуры, а именно однополярность, отсутствие надлежащего регулирования и контроля, бесконтрольное перемещение капиталов, возрастающая роль финансового капитала и увеличение разрыва между финансовым и реальным секторами экономики, широкое распространение финансовых инноваций с высокими рисками и явно выраженным спекулятивным эффектом и др. Все это указывает на необходимость проведения исследований финансовой архитектуры, ее природы и принципов трансформационного развития, особенно в условиях циклического развития экономики. Понимание парадигмы финансовой архитектуры имеет важное значение для формирования национальных финансовых систем, в том числе и Казахстана.

Казахстан выбрал инновационное развитие экономики, которое предполагает формирование соответствующей финансовой политики и механизма, финансовой архитектуры, выстроенной на монументальной мощной базе производственной индустрии, способной обеспечить создание новых технологических процессов, направленных на непрерывность действия воспроизводственных конгломератов с мощным потоком товарно-денежных отношений в условиях быстро меняющихся внешних и внутренних факторов циклического развития.

Инновационное развитие экономики – динамичное движение общества, охватывающая все сферы деятельности (социально-экономическую, политическую, образовательную, культурную, техническую) на основе процессов, происходящих внутри них и создающих условия для изменений через взаимодействие инновационных процессов во всех сферах, направленных на удовлетворение потребностей общества в создании конкурентоспособного продукта, товара или услуги с целью получения импульса в новом витке цикла движения в сторону совершенствования и прогресса, формирующих новое сознание, мышление, деловую активность, ведущих к образованию новых подходов, методов и способов в решении проблем.

На взгляд автора, инновационное развитие предполагает, в первую очередь, изменения в сторону улучшения при создании определенных условий их мотивирующих. Такие условия носят инновационный характер, придающий каждому новому этапу развития новизну через радикальную или инкрементальную новацию. Однако инновационное развитие экономики, с присущим ей адаптивным финансовым механизмом, зависит от формационных изменений, которые выступают в качестве факторов, прерывающих естественный процесс развития. Так, например, такое формационное изменение как переход от командно-административной системы к рыночной породило экономический кризис, который, в свою очередь, создал условия для формирования новой экономической системы, инновационной по отношению к предыдущей.

Фактор формационных изменений запускает новый экономический цикл и инновационный процесс развития, подчеркивает его непрерывность. При этом дальнейшие преобразования следует ожидать во всех элементах экономической системы, в т. ч. финансовой, устойчивость, адаптивность и развитие которой во многом определяется ее финансовой архитектурой. Последний финансовый кризис 2008–2009 гг. поставил на повестку дня необходимость реформы мировых финансов и формирования новой системы финансовой архитектуры посткризисного периода. Кризис только обострил предпосылки реформирования, в частности: 1) востребованность инноваций; 2) разочарование в выполнении международными финансовыми организациями возложенных на них функций; 3) противоречие между развитыми и развивающимися странами, перераспределение сил и тенденция движения к многополярности; 4) проблемы мировой валютной системы и резервной валюты; 5) жесткая

глобальная конкуренция и конкурентные преимущества развитых стран; 6) экономические и политические конфликты [12].

Парадигма формирования современной финансовой архитектуры определяется пониманием ее сущности, объективными и субъективными факторами, специфическими особенностями развития (принципами, например, многоуровневость, этапность, динамичность и др.), характеристиками (функциональными, институциональными, структурно-организационными и др.).

Различные подходы к пониманию сущности понятия «финансовая архитектура» представлены в табл.1. Финансовую архитектуру рассматривают на глобальном, международном и национальном уровнях.

Основными принципами современной международной финансовой архитектуры являются: 1) снижение информационной асимметрии и повышение прозрачности на мировом финансовом рынке; 2) введение норм, методов и стандартов более жесткого регулирования в развивающихся странах; 3) введение кодексов поведения, методов и стандартов регулирования для улучшения взаимопонимания между участниками финансовых отношений; 4) борьба и предотвращение финансовых кризисов [13].

Таблица 1. Подходы к пониманию сущности понятия «финансовая архитектура»

Автор	Финансовая архитектура – это …
Всемирный банк [14]	особая форма организации управления и контроля международных финансовых потоков
Международный валютный фонд [15]	институты, рынки, правила игры и практика, которые правительство, бизнес и индивидуальные участники осуществляют обычно в своей экономической и финансовой деятельности
Р. Д. Джомэин [16]	механизмы и структуры, с помощью которых устанавливаются правила и процедуры финансовой системы; комплекс институциональных организаций, которые определяют, кто принимает (правила), какие, когда и как
М. Е. Иванов [17]	взаимодействие эмитентов, субъектов финансовой инфраструктуры, индивидуальных, институциональных и квалифицированных инвесторов с государственными регулятивными органами и саморегулируемыми организациями участников финансового рынка.
Н. Г. Вовченко [18]	институциональная структура мировой финансовой системы, рассматриваемая в динамическом процессе

Источник: составлено автором на основе указанных выше публикаций

Масштаб и последствия воздействия кризисных явлений на финансовую архитектуру ставят задачу понимания причин их возникновения и цикличности. Так, причинами глубокого кризиса глобальной финансово-экономической системы стали процикличность и финансовые инновации [12].

В. Я. Иохин обобщает такие особенности проявления и восприятия цикличности [19, 614–618]:

1) всеобщая форма движения, отражающая неравномерность, смену эволюционных и революционных форм прогресса, колебания деловой активности и рыночной конъюнктуры, чередование преимущественно экстенсивного или интенсивного экономического роста. При этом эпицентром циклического движения является кризис, который определяет предел и в то же время импульс роста экономики. Среди возможных причин кризиса (цикличности) В. Я. Иохин отмечает натуралистические внешние факторы (природные явления, политические события и др.), внутренние факторы экономической системы, взаимодействие внутренних состояний экономики и внешних факторов [19, 614];

2) система циклов с жесткими причинно-следственными связями. Экономическому развитию присуща цикличность, которая характеризуется повторяемостью спадов и подъемов производства. Классификация циклических колебаний систематизирована В. А. Цветковым [20, 27-30]. Классически цикл включает в себя фазы: кризис (спад или рецессия), депрессия, оживление и подъем (экспансия). Каждая из этих фаз цикла характеризуется длительностью и конкретным состоянием хозяйственной деятельности (сокращение, застой, активизация, рост соответственно);

3) периодичность повторяющихся нарушений равновесия в экономической системе, которые приводят к свертыванию хозяйственной деятельности, спаду, кризису. С этих позиций экономика как открытая система постоянно находится в состоянии перманентного отклонения от состояния макроэкономического равновесия, что определяет специфику экономического развития. Нарушение равновесия играет роль активатора процессов адаптации и саморегулирования рыночной экономики, в том числе и изменения ее отраслевой структуры;

4) чувствительность к государственному воздействию на социально-экономические процессы в обществе.

Неэффективность государственного управления, нарастание и обострение внутренних противоречий в экономической системе и влияние на нее внешних факторов приводит к потере макроэкономического равновесия, что, в свою очередь, ускоряет циклические процессы.

Как уже отмечалось, элементом циклической динамики является кризис. В рамках исследования среди типологического многообразия кризисов особое внимание заслуживает финансовый кризис.

Л. Л. Игонина раскрывает природу финансового кризиса и отмечает условия его возникновения [21, 205]: «с ростом масштабов общественного воспроизводства и накопления капитала увеличивается значение финансовой

компоненты в обеспечении равновесия экономической системы, усиливается взаимосвязь динамики нововведений с финансовым капиталом; двойственный характер финансового капитала определяет возможности относительно обособленного развития его структурных форм, в силу чего перепроизводство в финансовой сфере может иметь гипертрофированное проявление, особенно в условиях глобализации; повышение значения финансовой сферы и ее воздействия на реальное производство определяет возможность использования финансовых регуляторов в рамках антициклической регуляции». Последнее утверждение указывает, с одной стороны, на необходимость государственного регулирования с помощью фискальных рычагов, кредитно-денежного сектора и бюджетной системы для минимизации последствий финансовой нестабильности и компенсации дефицита финансовых ресурсов для реального сектора во время финансового кризиса. С другой стороны, финансовый кризис заостряет проблемы государственного регулирования, нерешенность которых может иметь серьезные последствия: государственный, бюджетный или долговой кризисы.

Проблемы взаимосвязи кризиса как фазы общего экономического цикла и кризисов финансового сектора, а также государственных финансов требуют дальнейших углубленных исследований, которые должны опираться на надежный теоретико-методологический базис антициклического (анти-кризисного) регулирования, основу которого определяют два подхода: кейнсианский и классический [22].

Е. Г. Агеева отмечает: «Антициклическое регулирование заключается в системе способов и методов воздействия на хозяйственную конъюнктуру и экономическую деятельность, направленных на смягчение циклических колебаний» [23, 196]. Характеристические особенности антициклического регулирования, которое предполагает реализацию антикризисных мероприятий на государственном уровне, представлены в табл. 2.

На наш взгляд, в динамике циклического экономического развития важно учитывать трансформационные процессы на финансовых рынках, которые способны повлиять на существующие банкоцентричную или фондовую модели мобилизации капитала и всю финансовую архитектуру. Наибольшее влияние на эти процессы вследствие финансовой либерализации способны оказать финансовые инновации. Примером может служить появление производных финансовых инструментов с целевым назначением хеджирования финансовых рисков. Они определили новый этап развития финансового рынка и сформировали рынок производных финансовых инструментов (ПФИ). Финансовый кризис 2008–2009 гг., среди причин которого определены ПФИ, показал не только слабость доктрины саморегулирования финансового рынка. Он выявил проблему отсутствия надежного регулирования рынка финансовых инструментов и опережающего регулирования финансовых инноваций. Тем не менее импульс, который получила фондовая модель финансовой системы в виде

Таблица 2. Характеристические особенности антициклического регулирования

Характеристика	Подходы	
	кейнсианский	классический
Уровень регулирования	макроуровень	микроуровень
Объект регулирования	совокупный спрос	совокупное предложение
Основные механизмы	налогово-бюджетная политика (для сокращения или увеличения расходов, либо для манипулирования налоговыми ставками, сжатия или расширения системы налоговых льгот); денежно-кредитная политика (вспомогательно)	денежно-кредитная политика; налогово-бюджетная политика (вспомогательно)
Роль государства	поощрительная	ограничительная
Политика государства на фазах кризиса и депрессии	направлена на расширение совокупного спроса, увеличение государственных расходов, в т. ч. на активизацию инвестиционной деятельности, сокращение налогов, проведение политики «дешевых денег», ускоренной амортизации	использование имеющиеся ресурсов и создание условий для эффективного производства; проведение денежно-кредитной экспансии; стимулирующая налоговая политика – снижение налоговых ставок и степени прогресивности налоговой шкалы как метод увеличения совокупного предложения
Политика государства на фазах оживления и подъема	направлена на ограничение совокупного спроса, уменьшение государственных расходов, повышение налогов, введение жестких ограничений амортизационной политики для недопущения перегрева конъюнктуры и инфляции	жесткая политика сокращения государственных расходов и поддержки финансового сектора; проведение политики «дорогих денег»
Эффекты	причины циклического развития экономики не устранены, несколько смягчается кризисное падение производства, наблюдаются рост бюджетных дефицитов без стабилизирующего эффекта, расширяются заимствования на внутреннем рынке и государственный долг, стимулируется рост денежного предложения и дестимулирование сберегательной активности, не решена проблема инфляции и занятости населения	причины циклического развития экономики не устранены, нейтрализуется угроза галопирующей инфляции, гарантируется трансформация сбережений в инвестиции, расширение предложения рабочей силы и адекватное сокращение масштабов институциональной безработицы, таким образом создавая условия для ускорения экономического роста на долгосрочную перспективу

Источник: составлено автором на основании [20, 22, 23]

ПФИ, не утратил своего потенциала. Свидетельством этого может служить появление ПФИ, где базовыми являются криптоактивы, что вполне закономерно в условиях развития цифровой экономики. Появление феномена криптовалюты, динамика соответствующего рынка и развитие его инфраструктуры (крипто-бирж) свидетельствуют о новом инновационном витке фондовой модели. Именно распространение криптовалюты может стать одновременно и стимулом, и угрозой для развития банкоцентричных финансовых систем. Отметим, что очевидным становится потребность определения правового статуса и взвешенное регулирование криптоактивов на глобальном и национальных уровнях для предупреждения возможности развития кризисных тенденций.

Шоковым ударом для мировой и национальных экономик, финансовых систем и рынков стала пандемия COVID-19. Ее непрогнозированный характер и масштабность привели к глобальной рецессии и кризису, который уже получил название цивилизационного, разрушению сложившихся финансовых систем и возникновению новых экономических отношений.

Учитывая необходимость обеспечения финансовой стабильности и конкурентоспособности в условиях глобализации и усиления международной конкуренции, новых вызовов процессов цифровизации и пандемии COVID-19, страны должны оптимально совершенствовать принципы и модели национальных, а совместными усилиями глобальную финансовые системы и международные финансовые рынки.

В рамках трансформации финансовой архитектуры в условиях циклического развития следует рассмотреть формирование и взаимозависимость кредитных отношений и развития реального сектора экономики.

Как уже отмечалось, в рамках антициклического регулирования государство использует политику «дешевых» и «дорогих» кредитных денег.

Практика показывает, что после кредитного бума предкризисного периода, активность банковского кредитования во время кризиса снижается вследствие падения деловой активности хозяйствующих субъектов и их неспособности выполнять кредитные обязательства, что приводит к росту в банке проблемной кредитной задолженности. Поэтому падение доходности и ухудшение финансовых результатов может стать критическим для финансовой стойкости банков. Ответной реакцией становятся более жесткая проверка и контроль кредитоспособности заемщиков, изменение условий выдачи кредитов и повышение их стоимости.

Среди основных факторов, препятствующих активизации кредитования реального сектора, следует отметить высокий уровень риска вложений в реальный сектор экономики; краткосрочный характер сложившейся ресурсной базы банков; несформированность рынка эффективных инвестиционных проектов [25, 91]. В то же время кредитование имеет значительный антикризисный потенциал [26].

В связи с этим банки стараются увеличить свою ресурсную базу, хозяйствующие субъекты либо ищут новые источники финансовых ресурсов,

либо компромисс взаимодействия, т. к. и те, и другие ощущают макроэкономическое влияние и понимают важность развития реального и банковского секторов для экономического развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что эффективность взаимосвязи и взаимозависимости банковского и реального секторов определяют состояние экономики страны в целом, а банковская система является важным институтом финансовой системы, структура, организация и развитие которой влияет на характер финансовых отношений на национальном и международном уровнях. Как финансовый институт банковская система через центральный банк выполняет функции регулятора финансовых отношений в финансовой архитектуре, разрабатывая законодательную и нормативно-правовую базу.

В условиях макроэкономической нестабильности в 2019 году развитие банковской деятельности в Республике Казахстан отметилось ухудшением своих показателей по сравнению с кризисным периодом 2009 года, когда отношение активов к ВВП составляло 74,1 % против 42,9 % на начало 2019 года, также снизилось отношение ссудного портфеля к ВВП с 57,6 % до 23,4 % соответственно. Показатель отношения депозитов клиентов к ВВП за указанный период имел неустойчивую тенденцию к росту.

Снижение объема депозитов и активов банковского сектора ускорило падение их доли по отношению к ВВП.

По состоянию на 1.01.2020 г. банковский сектор Казахстана представлен 27 банками. В структуре банковского рынка (по доле активов) государственным банкам принадлежит 5 %, с частным капиталом 74 %, российским капиталом 11 %, прочим банкам с иностранным капиталом 10 %. Топ-10 банков покрывают 85 % всех активов банковского сектора, степень концентрации рынка за индексом Херфиндаля-Хиршмана – 0,14 [27].

В 2017–2018 гг. наблюдалось сокращение активов банковской системы в основном за счет уменьшения активов Казкоммерцбанка в связи с погашением кредита БТА и созданием значительных провизий, перенос проблемных кредитов Bank RBK за баланс и лишение банков лицензии (15 % банков 2015–2019 гг.). За 2019 год активы банковского сектора увеличились на 6,2 % и составили 26,8 трлн тенге, кредитный портфель – на 7,1 % (14,7 трлн тенге). Кредитование банками экономики за 2019 год увеличилось на 5,9 %, составив 13,9 трлн тенге [28]. В целях повышения внутреннего потенциала кредитования экономики была введена обязательность размещения банками не менее 85 % собственного капитала во внутренние активы. Основными направлениями вложения активов банковского сектора 2019 года являются банковские займы и операции «обратное РЕПО», ценные бумаги, наличные деньги, аффинированные драгметаллы и корреспондентские счета, а также вклады, размещенные в других банках, инвестиции в капитал и др. В структуре активов преимущественную долю занимали кредиты – 50,7 %, портфель ценных бумаг – 19,7 %, наличные деньги, аффинированные драгоценные металлы и корреспондентские счета – 13,8 %.

В 2020 г. перед банковской системой Казахстана встали три новых угрозы: 1) снижение цен на нефть и темпов роста ВВП (по прогнозам S&P Global Ratings с 4,1 % до 2,9 %). Предполагается сохранение низких темпов роста кредитования, увеличение сроков восстановления проблемных активов (их доля 20–23 % совокупного кредитного портфеля), потенциальное ухудшение качества кредитных портфелей в сегментах кредитования юридических и физических лиц и МСБ; 2) волатильность национальной валюты, которая негативно повлияет на банковский сектор, имеющего короткую валютную позицию **(**около 42 % совокупных средств клиентов номинировано в иностранной валюте по сравнению примерно с 16 % кредитов); 3) пандемия COVID-19 и неопределенность экономических и кредитных последствий [29].

Таким образом, значение и роль банковской системы в финансовой архитектуре в условиях цикличности экономических процессов не вызывает вопросов и сомнений, однако требует от нее дальнейшего стратегического развития как основного института финансового посредничества и реализации экономической политики государства.

В дискуссионном поле определения первопричин глобального кризиса 2008–2009 гг., спровоцированного кризисом финансовой системы США, особое внимание обращается на мировую валютную систему и проблему долларового господства как внутренних факторов активации дисбалансов.

Так, Елбасы Н. А. Назарбаев, выступая на Генеральной ассамблее ООН, посвященного 70-летнему юбилею, поставил перед всем миром с высокой международной трибуны амбициозные задачи – «придать миру новый тренд развития на основе справедливых условий доступа всех наций к мировой инфраструктуре, ресурсам и рынкам, а также всеобщей ответственности за развитие человечества» [30]. Для ее решения предложено введение финансового инструмента нового качества, а именно наднациональной мировой валюты, отвечающей целям и задачам глобального устойчивого развития и процветания. Это обращение вновь привлекло внимание к проблеме международной валютной системы и мировой резервной валюты [31].

Инициатива Н. А. Назарбаева была поддержана лидерами таких крупных и влиятельных стран, как Россия, Китай и др. Основными факторами, которые обусловили необходимость переустройства международной валютной системы и повышения ее результативности и стабильности, принято считать цикличность финансовых и валютных кризисов; геополитическое и финансово-экономическое превосходство некоторых государств, используемое для нарушения стабильности бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политик стран, лежащих в поле зрения их интересов; платежные дисбалансы; стихийные транснациональные перетоки капитала, сопровождаемые накоплением огромных международных резервов; концентрация резервов в нескольких резервных валютах [32].

Мир в XXI веке меняется. Наверное, последним оплотом консерватизма еще остается международная валютная система. Как отмечает Б. Бернанке: «Было бы желательно, чтобы мировое сообщество с течением времени

разработало новую международную валютную систему» [33]. Его поддерживает Р. Манделл: «…было бы ошибкой не замечать, что устойчивые (с середины 1980-х годов) дефициты платежного баланса США имели своим следствием превращение этой страны из крупнейшего мирового кредитора в крупнейшего должника... Тот факт, что американские доллары составляют превалирующие объемы запасов международных резервов, делает эту валюту подсадной уткой валютных кризисов... Опора на доллар как на главное средство государственной валютной политики, формирования резервов и расчетную единицу уже не является больше необходимостью» [34].

Первым шагом к реальной возможности прервать длительную гегемонию доллара на глобальных рынках явилось введение единой европейской валюты евро [33, 135].Д. И. Кондратов среди факторов падения доллара отмечает:
1) увеличение дефицита США по балансу текущих платежных операций; 2) крупный дефицит бюджета США; 3) заявления крупнейших международных организаций (ООН и МВФ), касающиеся необходимости отказа от доллара в пользу специально разработанной глобальной резервной валюты [33, 39–141]. А. Гринспэн вносит дополнение и указывает на устойчивость тенденции к обесценению доллара [33, 148]. Так, американский доллар с 2002 г. подешевел более чем на 35 % по отношению к европейской валюте и на 20 % – к корзине валют стран – основных торговых партнеров США [33, 129].

Другая возможность открывается с возникновением новых производственных и финансовых центров, смещающихся на Восток, что способствует активизации региональных валют. Учитывая все обстоятельства, «многие центральные банки, особенно стран Юго-Восточной Азии, изменили свою стратегию. От накопления долларовых резервов они перешли к их распродаже.

Многие страны стали заключать совместные соглашения, базирующиеся на отходе от доллара в качестве основного средства международной торговли и платежей. Некоторые нефтедобывающие страны начали продавать нефть не за доллары, а использовать другие валюты, что, по мнению аналитиков, представляет собой угрозу системе нефтедолларов, существовавшей на протяжении четырех десятилетий» [33, 140].

Примерами отказа от доллара могут служить китайско-японское и российско-китайское валютные соглашения проведения торговых сделок в национальных валютах, укрепление позиций китайского юаня в странах Африки и др. Естественно, осознавая всю сложность положения, США прилагает большие усилия для решения своих проблем и сохранения статуса сверхдержавы [35].

Таким образом, глобальные тенденции будут и далее ослаблять рост экономики США и, как следствие, активизировать процесс трансформации модели мировой валютной системы и мировой резервной валюты, диверсификации официальных валютных резервов в направлении к увеличению доли евро и других резервных валют, а также криптовалют, и уменьшению доли доллара. Изменение соотношения резервных валют во многом будет зависеть от глубины и длительности текущей экономической нестабильности в мировой

экономике, подтверждающаяся пандемией кризиса, а также от эффективности действий правительств по ее преодолению.

Выводы. Тенденции современного мира вызывают изменения финансовой архитектуры на всех уровнях, определяют основные направления и характеристики ее трансформационного развития.

Формирование новой финансовой архитектуры опирается на цикличность процессов экономического развития, природу кризисных явлений и предполагает максимальное использование существующих финансовых инструментов и механизмов и повышение их эффективности, а также стимулирование разработки принципиально новых форматов выработки и принятия решений, правил и процедур взаимодействия, подходов и инструментов регулирования и надзора и др.

Список литературы

1. Указ Президента Республики Казахстан от 16 марта 2006 года № 65 «О мерах по дальнейшему повышению конкурентоспособности национальной экономики в рамках индустриально-инновационной политики Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30048583

2. Азбергенова Р. Б. Инновационное развитие экономики Казахстана в условиях глобальной конкуренции. Вестник КазНПУ. 2017.

3. Аубакирова Г. М. Стратегические приоритеты инновационного развития постиндустриальной экономики (на примере Республики Казахстан). Проблемы прогнозирования. 2013. №5. С. 102–116.

4. Друккер П. Ф. Задача менеджмента в XXI веке. Пер. с англ.: М. Изд. Дом Вильямс, 2006. 272 с.

5. Zaynalov Dj. R., Alieva S. S. Innovative aspects of development of the role and value of investment funds on the securities market. International journal of Economy, Commerce and Management. Special issue: International journal of Economy & Sustainable Development. 2015. P. 97–113.

6. Иванов С. В. Теоретические основы формирования экономики знаний. Социально-экономические явления и процессы. 2011. №8 (030). С. 85–91.

7. Оралова С. Ш. Проблемы и анализ инновационного развития Республики Казахстан. Приволжский научный вестник. 2015. №2 (42). С.71–76.

8. Солоу Р. М. Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории // Вехи экономической мысли. Т.3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. СПб: Экономическая школа. 2000.

9. Сулейменов И. Э., Габриелян О. А., Пак И. Т., Панченко С. В., Мун Г. А. Инновационные сценарии в постиндустриальном обществе. Алматы – Симферополь, 2016. 202 с.

10. Турекулова Д. М. Развитие инновационной деятельности Казахстана в современных условиях. Доклады Национальной академии наук Республики Казахстан. 2015. №5. С.212–216.

11. Шумпетер Й. Теория экономического развития [Электронный ресурс]. URL: http:// shumpeter_y.a._-_teoriya_ekonomicheskogo_razvitiya._m._progress_1982.djvu

12. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность решений [Электронный ресурс]. URL: https://istina.msu.ru/publications/book/7777712/

13. Быков А. П., Гончарова М. В. Содержание и принципы финансовой архитектуры современной банковской системы в рамках институциональной теории. Финансы и кредит. 2008. №7 (295). С. 10–16 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-i-printsipy-finansovoy-arhitektury-sovremennoy-bankovskoy-sistemy-v-ramkah-institutsionalnoy-teorii

14. International Financial Architecture: A progress report information note by World Bank Staff, July 12, 2005. URL: http:www. worldbank. org/ifa

15. Хмыз, О. В. Место институциональных инвесторов в меняющейся мировой финансовой архитектуре. Финансы. 2010. № 6. С. 67.

16. Germain R. Reforming the international financial architecture the political agenda. Cardiff University of Wales Press, 2000.

17. Иванов М. Е. Современный взгляд на трактовку дефиниции «финансовая архитектура» [Электронный ресурс]. URL: http://topknowledge.ru/obshchaya-teoriya-finansov/4115-sovremennyj-vzglyad-na-traktovku-definitsii-finansovaya-arkhitektura.html

18. Вовченко Н. Г. Институциональные преобразования финансовой системы России в условиях глобализации. Ростов-на-Дону: РГЭУ РИНХ, 2006.

19. Иохин В. Я. Экономическая теория. М.: Экономист, 2006. 861 с.

20. Цветков В. А. Циклы и кризисы: теоретикометодологический аспект». СПб.: Нестор-История, 2013. 504 с.

21. Игонина Л. Л. Теории экономических циклов и современные финансовые кризисы. Бюлетень Міжнародного Нобелівського економічного форуму. 2012. № 1 (5). Том 1. С.200–208.

22. Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономист, 1993.

23. Агеева Е. Г. Концептуальные основы формирования упреждающей антициклической политики [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-formirovaniya-uprezhdayuschey-antitsiklicheskoy-politiki-gosudarstva

24. Афонцев С.А. Глобальный кризис и регулирование мировых финансов. Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). С.17–31 [Электронный ресурс]. URL: http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/595/Afontsev-19.pdf

25. Янковский К. П. Инвестиции. СПб.: Питер, 2008.

26. Меликов Ю. И. Антикризисный потенциал кредита [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antikrizisnyy-potentsial-kredita

27. Особенности национального банкинга: банковский рынок России, Казахстана и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/ banking_market_2020

28. ОТЧЕТ Национального Банка Республики Казахстан за 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://m.nationalbank.kz/cont/ %D0 %93 %D0 %9E %20_ %202019- %D1 %80 %D1 %83 %D1 %811.pdf

29. Казахстанские банки столкнутся с новыми угрозами [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/process/kazahstanskie_banki_stolknutsya_s_novyimi_ugrozami/

30. Назарбаев Н. Ключи от кризиса Российская газета. Центральный выпуск № 4839 от 2 февраля 2009 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakon.kz/132310-kljuchi-ot-krizisa-n.nazarbaev.html

31. Назарбаев Н. Пятый путь. Известия. М., 2009.

32. Сидорова Е. Е. Мировая валютная система: дорога стабилизации [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovaya-valyutnaya-sistema-doroga-stabilizatsii

33. Кондратов Д. И. Актуальные подходы к реформированию мировой валютной системы [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-podhody-k-reformirovaniyu-mirovoy-valyutnoy-sistemy

34. Rajan R., Kiran J. Will the Greenback Remain the World's Reserve Currency? Intereconomics. 2006. Vol. 41. № 3. P. 124–141. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/41904/1/51365657X.pdf

35. Королев И. С. Финансовые проблемы США и их влияние на глобальные процессы в валютной сфере. Деньги и кредит. 2011. №6.

Summary

Talimova L. A. Paradigm of Financial Architecture in the Conditions of the Cyclic Development of the Economy

The article substantiates the importance and identifies the factors of innovative development of the economy, among which the special importance of financial architecture is emphasized; summarized the essence, factors, principles and specific features of the financial architecture; the characteristic features of the manifestation and perception of the cyclical nature of economic processes and countercyclical regulation are revealed; the problems of regulation of international financial markets, the role and importance of the banking system in the financial architecture, the interdependence of credit relations and the development of the real sector of the economy are outlined; revealed the factors that led to the need to restructure the international monetary system.

Key words: financial system, financial architecture, financial crisis, economic development, innovative development, national economy, monetary system, reserve currency, paradigm.

Жакупова Ш. Ш.
Главный научный сотрудник
АО «Институт экономических исследований»
Министерства национальной экономики Республики Казахстан,
доктор экономических наук, профессор
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
shaharbanu@inbox.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация. В статье автором представлены основные вехи развития системы государственного планирования. Отмечены основные преобразования в сфере государственного планирования. В статье представлена новая архитектура документов. Описана роль каждого документа системы планирования. Отмечено, какие проблемы призвана решать новая система государственного планирования.

Ключевые слова: система государственного планирования, стратегия развития страны, архитектура документов, национальный проект, стратегическая карта

Система государственного планирования Казахстана прошла с обретения республикой независимости этапы своего становления и эволюции.

Казахстан одним из первых на постсоветском пространстве приступил к разработке долгосрочных стратегий развития. Так, в 1997 году была принята Стратегия развития Республики Казахстан до 2030 года, где были определены общенациональные приоритеты развития страны. В ее реализацию разрабатывались 10-летние Стратегические планы развития страны, а также государственные и отраслевые программы. В 2009 году в Казахстане было внедрено бюджетирование, ориентированное на результат.

В 2012 году Лидером Нации Н. А. Назарбаевым была поставлена стратегическая задача вхождения РК к 2050 году в число 30-и наиболее развитых стран мира [1]. В этой связи была разработана и принята Стратегия развития Республики Казахстан до 2050 года, а также Концепция по вхождению Казахстана в число 30 самых развитых государств мира.

В реализацию новой Стратегии развития Казахстана-2050 за эти годы были приняты и реализованы, реализуются в настоящее время важные стратегические и программные документы в сфере индустриально-инновационного развития, развития человеческого капитала (здравоохранения, образования, туризма, языков и другие) и инфраструктуры, включая цифровую.

Однако устоявшаяся система государственного планирования, несмотря на оптимизацию ее документов, все-таки показала определенные изъяны.

Так, в результате мониторинга и анализа были выявлены такие проблемы, как все еще слабое вовлечение регионов в процесс разработки документов, отсутствие взаимосвязи между целевыми индикаторами и мероприятиями, частое внесение изменений в сами документы, дублирование основных положений отдельных документов, недостаточное финансирование для реализации целей и задач, слабое взаимодействие между государством, бизнесом и обществом на всех этапах стратегического планирования.

Современные реалии стали также требовать персональной ответственности за итоги реализации мероприятий программ и планов, функционирование автоматизированной системы в государственном планировании, вовлечения благополучателей к оценке программ и интегрированности стратегий развития компаний в процессы СГП.

Сегодня в Республике Казахстан проходит процесс совершенствования системы государственного планирования. Значимые преобразования в системе стратегического планирования сопровождаются институциональными реформами.

Так, в сентябре 2020 года Указом Президента Республики Казахстан был создан и функционирует Высший совет по реформам, основной задачей которого определено обеспечение эффективной реализации социально-экономических и институциональных реформ. В 2020 году было создано Агентство по стратегическому планированию и реформам, которое является центральным звеном всей системы государственного планирования. Проводится работа по реализации концепции «Правительство, основанное на данных» (Data – driven government). В основу новых подходов системы государственного планирования заложено сценарное планирование.

Формирование стратегических документов, в том числе постановка целей, задач и определение индикаторов, основано на научном подходе, изучении текущих и перспективных запросов общества и бизнеса. Вместе с тем новые подходы системы государственного стратегического планирования предусматривают обеспечение большей его взаимосвязанности с бюджетным планированием.

В сегодняшних реалиях происходит стремление к компактной и гибкой архитектуре документов государственного планирования с оптимальным набором целей, задач и индикаторов. Это должно обеспечить главенство результата над процессом.

Учитывая высокую скорость изменений и степень неопределенности, порядок утверждения и внесения изменений в стратегические документы также дебюрократизируется. Сейчас в Казахстане внедряется персонификация ответственности за результаты реализации национальных проектов и других документов системы государственного планирования. Приоритетность реформ

будет определяться через призму их положительного воздействия на жизнь каждого гражданина страны.

Функционирование государства должно быть выстроено на основе проработки инициатив с вовлечением всех заинтересованных сторон. Поэтому сейчас государственные органы работают над тем, чтобы обеспечить транспарентность процессов принятия программных документов и дальнейшей их оценки посредством вовлечения экспертов и представителей общественности.

Согласно Постановлению Правительства Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 99 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан» от 29 ноября 2017 года № 790 «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан» утверждена новая архитектура документов планирования [2].

Система предусматривает внедрение новых документов, перезагрузку и выстраивание действующих планов для обеспечения реализации Стратегии развития Казахстана до 2050 года в современных условиях и при существующих трендах мирового развития (см. Рис. 1).

Как было и ранее, документом самого верхнего уровня является «Стратегия «Казахстан-2050». В стратегии намечены семь направлений развития страны до 2050 года.

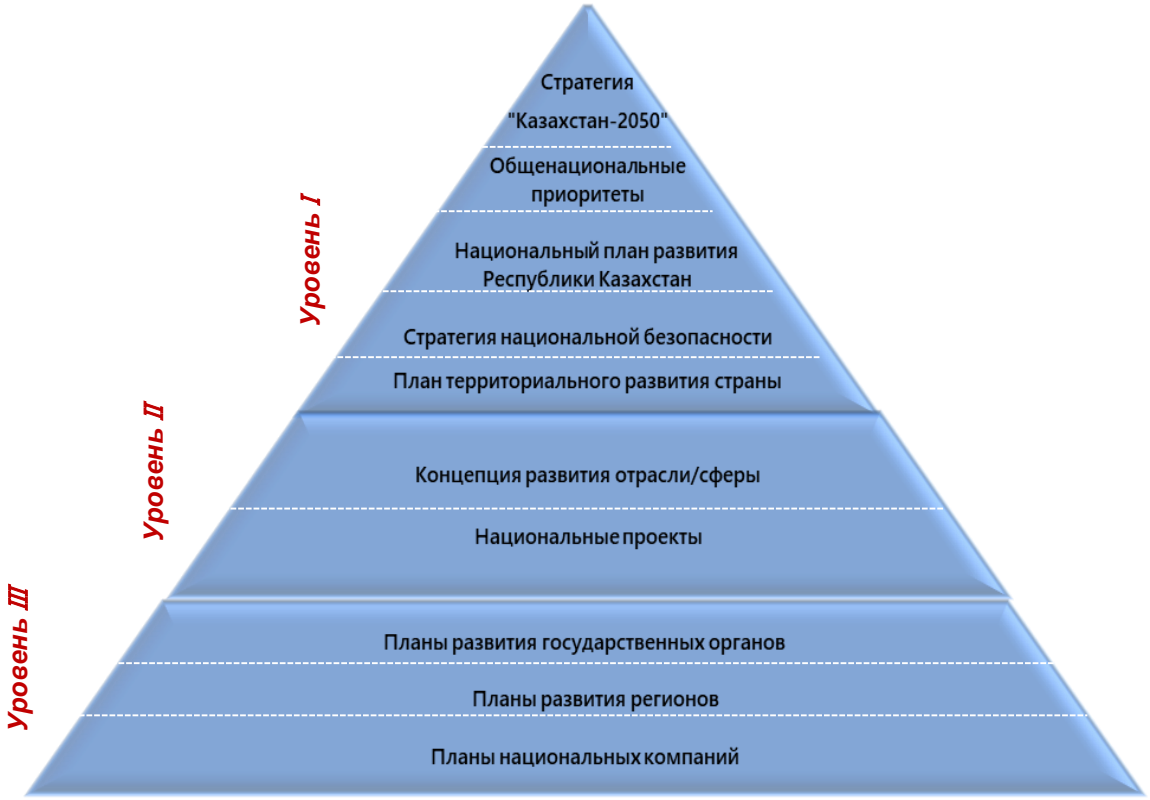

Рис. 1. Система государственного планирования в Казахстане

Источник: Институт экономических исследований, 2020 г.

Для реализации Стратегии развития Казахстана до 2050 года в Систему государственного планирования внедрен новый документ со среднесрочным временным горизонтом – Общенациональные приоритеты. Общенациональные приоритеты Республики Казахстан до 2025 года были утверждены Указом Главы государства Касым-Жомарта Токаева.

Общенациональные приоритеты определены по 3 направлениям: благополучие граждан, качество институтов, сильная экономика. Каждое направление, в свою очередь, состоит из 3–4 Общенациональных приоритетов.

Таким образом, определены следующие 10 общенациональных приоритетов:

- справедливая социальная политика;
- доступная и эффективная система здравоохранения;
- качественное образование;
- справедливое и эффективное государство на защите интересов граждан;
- новая модель государственного управления;
- культивирование ценностей патриотизма;
- укрепление национальной безопасности;
- построение диверсифицированной и инновационной экономики;
- активное развитие экономической и торговой дипломатии;
- сбалансированное территориальное развитие.

Каждый из общенациональных приоритетов представлен 1–3 измеримыми индикаторами, по которым будет осуществляться мониторинг степени их реализации.

Так, согласно документу, к 2025 году рост реальных денежных доходов населения должен вырасти не менее чем на 27 % от уровня 2019 года, а доходы увеличатся до 27 % доли доходов 40 % наименее обеспеченного населения. Продолжительность жизни должна достигать до 75 лет. Поставлена задача представлять Казахстан в Мировом рейтинге университетов Куакарелли Саймондс (Quacquarelli Symonds World University Rankings) топ-200 не менее, чем 3 казахстанскими вузами.

В рамках направления «Справедливое и эффективное государство на защите интересов граждан» стоит задача – достижение не менее 0,56 баллов по Индексу верховенства закона от Всемирного проекта правосудия (World Justice Project). Планируется достичь не ниже 50 места по категории «Институты» в Глобальном индексе конкурентоспособности Всемирного экономического форума; не менее 50 процентиля по Индексу учета мнения населения и подотчетности государственных органов Всемирного Банка.

В рамках приоритета «Новая модель государственного управления» планируется достижение не менее 74 процентиля по Индексу эффективности государственного управления Всемирного Банка, достижение оценки в 45 баллов

по Индексу восприятия коррупции Трансперенси Интернешнл (Transparency International).

В рамках приоритета «Культивирование ценностей патриотизма» говорится о ежегодном повышении уровня удовлетворенности населения реализуемыми в стране политиками, определяемое на основе независимых социологических опросов в рамках Системы ежегодной оценки эффективности деятельности государственных органов.

В рамках направления «Укрепление национальной безопасности» ставится задача достичь не менее 50 процентиля по Индексу политической стабильности и отсутствия насилия/терроризма Всемирного Банка.

По направлению «Сильная экономика» планируется доведение объемов валовой добавленной стоимости несырьевого сектора экономики до более 89 трлн. тенге, а обрабатывающей промышленности – до более 15 трлн. тенге, а также достижение не ниже 70 места по показателю «Инновационный потенциал» в Глобальном индексе конкурентоспособности Всемирного экономического форума.

Приоритет «Активное развитие экономической и торговой дипломатии» предусматривает доведение объемов несырьевого экспорта товаров и услуг до более 41 млрд долларов США, а валового притока прямых иностранных инвестиций до 30 млрд долларов США.

В свою очередь, для реализации Общенациональных приоритетов и определения стратегических направлений развития страны в среднесрочном периоде, Стратегический план развития Казахстана преобразован в Национальный план развития. Для усиления роли и ответственности регионов, а также обеспечения реализации новых подходов территориально-пространственного развития Казахстана, действующая Прогнозная схема территориального развития преобразована в План территориального развития. В части «Сбалансированного территориального развития» стоит задача сократить разрыв развития по Валовому региональному продукту на душу населения между регионами до 2,7.

Таким образом, в документы первого уровня входят также Национальный план развития, План территориального развития и Стратегия национальной безопасности.

СГП также предусматривает переход от громоздких, не обеспеченных достаточным финансированием государственных программ, к национальным проектам.

Национальные проекты станут документами по реализации важных для достижения общенациональных приоритетов, целей, задач и индикаторов Национального плана развития до 2025 года и будут иметь приоритетное бюджетное финансирование.

Предпосылкой для интегрирования национальных проектов в СГП РК явилось внедрение Центра проектного управления на национальном уровне в государственном секторе. Так, создание Офиса по мониторингу реализации национальных проектов осуществляется на базе Центра проектного управления Канцелярии Премьер-Министра Республики Казахстан, Департамента проектного управления Министерства национальной экономики Республики Казахстан с привлечением иных структурных подразделений государственных органов и организаций, ответственных за проектное управление и реализацию национальных проектов [3].

Интеграция нацпроектов в систему государственного планирования РК требует четкого разделения подходов проектной деятельности от процессной.

Особенностью национальных проектов является наличие особой системы управления, предусматривающей ускоренные процедуры принятия управленческих решений и постоянное участие в проекте руководства Правительства (персональная ответственность за достижение целевых показателей), электронный формат взаимодействия между участниками национальных проектов.

Наглядным примером внедрения нацпроектов в систему стратегического планирования является также опыт России, где в 2018 году начали реализацию проектов по 12 направлениям стратегического развития [4].

Проектное управление используется в дополнение к существующим механизмам. То есть и федеральные целевые программы, и госпрограммы продолжают работать наравне с нацпроектами.

Национальные проекты России состоят из совокупности 78 федеральных проектов, которые погружены в структуру госпрограмм через подпрограммы в виде проектных мероприятий. Вследствие этого национальные проекты как отдельный документ в систему стратегического планирования не входят.

Национальные проекты имеют свой паспорт, который утверждается президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам. Федеральные проекты одного и того же национального проекта в зависимости от специфики могут быть включены как в одну (например, национальный проект «Здравоохранение»), так и в несколько государственных программ (например, федеральные проекты национального проекта «Демография» были интегрированы в госпрограммы «Развитие здравоохранения», «Развитие образования», «Развитие физической культуры и спорта» и другие). Кроме того, в национальных проектах определен вклад каждого федерального проекта в достижение целей национальных проектов.

Достижение целей большинства национальных проектов, с учетом действующего разграничения полномочий между уровнями государственного управления, невозможно без участия регионов. Следовательно, предусмотрены региональные проекты, число которых насчитывается около 3,5 тыс. Реализация

региональных проектов также предусматривает персональную ответственность за достижение целей, показателей, результатов и контрольных точек, выполнение мероприятий региональных проектов, в том числе в органах местного самоуправления.

При формировании федерального бюджета нацпроекты финансируются в приоритетном порядке. Дополнительные доходы, которые образуются в ходе его исполнения, также могут быть направлены на реализацию национальных проектов. То есть средства могут перераспределяться между национальными проектами.

В целях обособления бюджетных ассигнований федерального бюджета на реализацию национальных проектов (включая федеральные проекты), используются коды бюджетной классификации.

В отличие от РФ в Казахстане национальные проекты входят в документы системы государственного планирования и должны стать действенным инструментом реализации государственных мер с четким разграничением ответственных лиц за достижение целевых индикаторов, реализацию мероприятий.

Для определения видения развития (на период 5–10 лет) конкретной сферы/отрасли, а также основных принципов и подходов к реализации политики в перечень документов Системы государственного планирования включены соответствующие Концепции. Приоритетные направления, определенные в концепции, будут оформлены в национальные проекты.

Концепции развития и национальные проекты отнесены к документам второго уровня.

Документы *третьего уровня* составляют планы развития государственных органов, местных исполнительных органов, квазигосударственных организаций, являющиеся реализационными документами, в которых отражаются механизмы по достижению целей и решению задач вышестоящих документов.

Ключевые национальные индикаторы, содержащиеся в стратегических документах верхнего уровня, декомпозируются в документы нижнего уровня.

По поручению Президента страны также могут разрабатываться такие документы, не входящие в СГП, как доктрины (стратегии), государственные программы по отдельным направлениям и комплексные планы.

Таким образом, совершенствование системы государственного стратегического планирования должно обеспечить конкретную взаимосвязь между всеми ее документами для фокусировки на развитии Казахстана до 2050 года и эффективную реализацию национальных приоритетов.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. Астана, 14 декабря 2012 года.

2. Постановление Правительства Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 99 «О внесении изменений в постановление Правительства Республики Казахстан» от 29 ноября 2017 года № 790 «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан».

3. Распоряжение Премьер-Министра Республики Казахстан от 23 февраля 2021 года № 37-р.

4. Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Summary

Zhakupova Sh. Sh. Main Directions for Improving the State Strategic Planning System in the Republic of Kazakhstan

In the article the author presents the main milestones of the state planning system development. The main transformations in the field of state planning are noted. The article presents a new document architecture. The role of each document of the planning system is described. It is noted what problems the new system of state planning is designed to solve.

Key words: state planning system, country development strategy, document architecture, national project, strategic map.

Разумов А. А.
Советник генерального директора
Всероссийского научно-исследовательского института труда
Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация
aarazumov@mail.ru

«КОВИДНАЯ ЗАНЯТОСТЬ» И «КОВОДНАЯ БЕДНОСТЬ» КАК НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. В статье перечислены социально-экономические кризисы, которые испытала Россия в своей новейшей истории (1992–2021 гг.), и названы их отличительные черты. На основе сравнительного анализа доступных мнений и оценок представителей государственной власти, крупного, среднего и малого бизнеса, общественный объединений, научных и экспертных организаций рассмотрены социально-экономические последствия пандемии коронавируса с точки зрения их негативного влияния на устойчивое развитие экономики и общества. Рассмотрены возможные сценарии развития данной ситуации и управленческие решения в области экономики, финансов и социальной политики, направленные на минимизацию негативных последствий распространения COVID-19. В условиях все более частой повторяемости экономических кризисов обосновывается необходимость принятия «упреждающих» антикризисных мер и решений.

Ключевые слова: кризис, рынок труда, занятость, безработица, заработная плата, бедность.

1. Введение

Кризисы – это закономерность развития мировой экономики, в той или иной степени затрагивают любую страну. В XIX веке было два кризиса мирового хозяйства. В XX веке – 8 [1]. В XXI веке, на мой взгляд, мировую экономику ждет сокращение длительности экономических циклов с 10–12 до 6–8 лет. Поэтому экономические кризисы станут более частыми, и с этим так или иначе столкнутся все страны.

Социально-экономический кризис, начавшийся в России в феврале 2020 г. вследствие пандемии коронавируса, сопровождающейся резким снижением цен на нефть зимой–весной 2020 г. вследствие очень тяжелых и поначалу неудачных переговоров со странами ОПЕК+ о принятии взаимных и согласованных обязательств по снижению добычи нефти (установлению страновых квот), явился уже шестым кризисом в истории современной России.

Перечислим (без детального анализа) первые пять кризисов, причины и последствия которых мы подробно исследовали в наших публикациях:

Первый кризис – с начала 1992 г. (предпосылки которого фактически были уже заложены в 1990–1991 гг.), связанный с переходом к новому типу общественных и экономических отношений и либерализацией цен.

Второй кризис – финансовый кризис ноября 1994 г. (впоследствии получивший название «черный вторник»).

Третий кризис – дефолт в августе 1998 г., приведший к 4-кратному (а через несколько месяцев и 5-кратному) обвалу российского рубля по отношению к доллару США и по существу к полупараличу российской экономики. Данные три кризиса и их последствия подробно проанализированы в наших публикациях [2–5].

Четвертый – кризис 2008–2009 гг. как следствие мирового экономического кризиса [6–8].

Пятый кризис начался во второй половине 2014 года. Его основной драйвер – введение торгово-экономических санкций против России (август–сентябрь 2014 г.) большинством промышленно развитых стран. Данный кризис и последующая стагнация экономики по «скорректированной» статистике продолжались почти 3,5 года (сентябрь 2014–2017 гг.), а по «нескорректированной» – почти 4,5 года (сентябрь 2014–2018 гг.) [9–11].

И наконец, как уже сказано, шестой кризис начался в феврале 2020 г. Его основными драйверами стали стремительное распространение коронавируса по всей России со всеми вытекающими отсюда последствиями и резкое снижение цены на российскую нефть с соответствующими последствиями для пополнения бюджета страны твердой иностранной валютой.

У всех этих кризисов разные причины: природа, глубина воздействия на экономику и общество, социальные последствия для населения. Но неизменным следствием данных кризисов были замедление экономического роста, ухудшение ситуации на рынке труда, падение реальных доходов населения и рост масштабов абсолютной бедности в стране.

2. Материалы и методы исследования

С начала широкомасштабного распространения COVID-19 в России прошло немногим более года. Поэтому, в связи с объективной недостаточностью фактологической информации и точных статистических измерений, мы даем возможно более детальный анализ, как этот кризис уже повлиял на состояние экономики и общества и каковы возможные дальнейшие кратко- и среднесрочные социально-экономические последствия данного кризиса, вызванного пандемией коронавируса, на основе изучения доступных мнений, оценок, опросов, профильных управленческих решений.

Наш анализ сделан, и выводы по социально-экономическим последствиям пандемии коронавируса сформулированы на основе сфокусированного изучения средств массовой информации, интернет-ресурсов, интервью, опросов представителей государственной власти, бизнеса, общественный объединений,

научных и экспертных организаций, а также документов и решений, принятых органами государственной власти России.

3. Основные полученные результаты

3.1. Снижение темпов экономического роста

Подавляющее большинство представителей властных структур, крупного, среднего и малого бизнеса, а также научно-экспертного сообщества прогнозировали в 2020 г. значительное снижение ВВП (от 2 до 10 (и даже выше) процентных пунктов по разным сценариям). Результирующая оценок колебалась в пределах от 4 до 7 процентных пунктов. В действительности ВВП в 2020 г. снизился на 3,0 %, а за 1 квартал 2021 г. – на 1,3 %. Что касается продолжительности кризиса, то он охватит, как минимум, и 2021 год, и, скорее всего, продлится дальше.

Пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков 6 апреля 2020 г. в программе «Москва. Путин. Кремль» на телеканале «Россия 1» отметил, что экономический спад, с которым столкнулся мир, в том числе в результате вспышки COVID-19, не остановится в ближайшее время. Мировой экономический кризис еще о себе заявит, и власти осознают это. Пресс-секретарь главы государства подчеркнул, что необходимо готовиться к тому, что ситуация ухудшится. Для этого нужно будет, чтобы многие государства в мире координировали свои действия и принимали антикризисные меры [12].

Президент и Председатель правления Сбербанка Герман Греф в видеоинтервью главе комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрею Макарову (21 апреля 2020 г.) высказал следующий критически важный тезис: нам нужно посчитать ситуацию «вдолгую». Этот кризис радикально меняет нашу стратегию. Если мы понимаем, что этот кризис может быть надолго, и специалисты-эпидемиологи считают, что такая вероятность есть и она выше 50 процентов, что как минимум это может продлиться на 2021 год, то это означает, что мы должны по-другому совершенно осмыслить все, что мы делаем сегодня. Критически важно дать всем, в том числе и нашим клиентам, сигнал о том, что этот кризис может быть длинным, что он не продлится месяц, два или три [13].

В интервью телеканалу РБК (13 апреля 2020 г.) Председатель Счетной палаты Российской Федерации Алексей Кудрин отметил, что падение российского ВВП из-за кризиса скорее будет ближе к 5 %, и подчеркнул, что очень трудно давать строгие оценки и что есть большой разброс прогнозов от различных организаций. Высшая школа экономики дает консенсус по снижению темпов роста ВВП России в 2 %. Это существенно оптимистичнее, чем было в 2009 г., тогда было снижение 7,9 % [14].

Министр экономического развития Российской Федерации Максим Решетников заявил 25 мая 2020 г., что кризис в 2020 году, к сожалению, не закончится. По его словам, стране для восстановления экономики потребуются ресурсы, в том числе и на следующий год [15].

Многие эксперты также полагают, что в России продолжатся проблемы с экономикой. Так, экономисты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКР) предсказали неизбежную рецессию из-за ситуации с нефтью и коронавирусом, которая продлится два года [16].

Эксперты московского офиса международной консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG) описали четыре сценария развития ситуации с коронавирусом в России и ее влиянии на экономику. Наиболее вероятным аналитики сочли прогноз, при котором в стране вплоть до 2021 года будут происходить повторные волны эпидемии и, как следствие, череда карантинов. Ситуация нормализуется только после появления вакцины [17].

3.2. Последствия для рынка труда

Эпидемия коронавируса стала мощнейшим вызовом для рынка труда, вызвав такое негативное последствие как рост безработицы. Председатель Счетной палаты РФ Алексей Кудрин в приведенном выше интервью спрогнозировал рост числа безработных в России в три раза. Он отметил, что в период этого кризиса в России с 2,5 млн до 8 млн увеличится число безработных на какой-то период. Возможно, что и до конца 2000 года [18].

Эксперты ЦМАКР полагают, что с учетом второй волны пандемии, уровень безработицы грозит подскочить до 10 % от всей рабочей силы [19].

Аналитики Центра стратегических разработок (ЦСР) утверждают, что больше остальных рискуют столкнуться с урезанием зарплаты или вовсе с увольнением сотрудники старше 45 лет. В одной лодке с ними – специалисты младшего звена, молодые сотрудники и женщины [20].

На совещании у Президента РФ о ситуации на рынке труда (27 мая 2020 г.) Министр труда России Антон Котяков отметил, что у Минтруда России на особом контроле находится ситуация с переводом сотрудников в режим неполной занятости. Работодатели оптимизируют свои расходы в пределах, допустимых законодательством, в том числе и на оплату труда, но при этом мы также понимаем, что работодатели не прибегают к крайним мерам – к увольнению сотрудников.

Министр труда России подчеркнул, что существенный рост безработицы – это общемировой тренд. Но благодаря мерам поддержки бизнеса и населения, в России на данный момент удалось избежать кратного роста этого показателя. Ситуация на рынке труда России лучше, чем в ряде развитых стран [21].

3.3. Удар по малому и среднему бизнесу

Некоторые эксперты прогнозировали всплеск банкротства и закрытия предприятий, особенно малого и среднего бизнеса. Согласно исследованию ЦСР, из-за пандемии коронавируса COVID-19 более трети российских компаний из различных отраслей могут стать банкротами. Из них больше всего риску банкротства подвержены компании из сферы торговли и услуг (40 %). 80 % компаний ожидают, что риск обанкротиться есть и у их контрагентов [22].

Кризисным явлениям подвержены не только компании, которые страдают первыми, но и их контрагенты в рамках отрасли и в производственных цепочках. Это одна из особенностей текущего кризиса. Риск банкротства в этом году вдвое выше, чем в кризис 2014 года.

Согласно данному исследованию, среди причин возможного банкротства компании-респонденты чаще всего указывали на падение спроса, невозможность обслуживать кредит и вынужденную приостановку деятельности.

Еще более жесткие оценки высказывали российские бизнес-объединения – «Опора России», ТПП и «Деловая Россия», которые считают, что восстановление после кризиса займет не меньше двух лет. Рекордный уход с рынка субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) связан с беспрецедентным кризисом, с которым сегодня столкнулись малые предприниматели. Сильнее всего пострадают и наибольшие сокращения ожидаются в сфере услуг (фитнес, бытовые услуги и др.) и туризма, гостиничном и ресторанном бизнесе, выставочной деятельности, непродовольственном ритейле. Число занятых в них, как полагают эксперты этих бизнес-объединений, сильно снизится – на 2–3 млн человек.

Вместе с тем представители бизнеса прогнозируют, что из-за ухудшения экономической ситуации резко и быстро вырастет число самозанятых. Их количество в 2021 г. заметно превысит миллион, и среди них будет много тех, кто до кризиса причислял себя к малому бизнесу.

Восстановление деятельности малого и среднего предпринимательства (МСП) потребует не менее двух лет.

3.4. Сокращение заработных плат и рост неполной занятости

Еще одним негативным последствием кризиса является сокращение заработных плат и страх потерять работу, перевод работников на режим неполного рабочего времени (частичной занятости) и отправка работников в «добровольно-принудительном» порядке в неоплачиваемые отпуска. Согласно результатам общероссийского интернет-опроса «Работа и трудоустройство в условиях эпидемии», проведенного специалистами НИУ «Высшая школа экономики» во второй декаде мая 2020 г., в котором приняли участие свыше 5 тыс. респондентов из разных регионов страны, после введения режима самоизоляции работу потеряли почти 10 % респондентов, а свыше 30 % из тех, кому удалось ее сохранить, сообщили, что после начала эпидемии лишился места кто-то из членов их семей [23].

40 % участников исследования сообщили, что после начала эпидемии у них сократилась зарплата, а почти 20 % полностью или частично лишились премий и бонусов. Намного меньший размах получили задержки с выплатой заработной платы – около 7 %. Многих сотрудников перевели на неполный график или отправили в «добровольные» неоплачиваемые отпуска.

И хотя, как считают авторы опроса, эти методы снижения издержек помогли рынку труда быстрее адаптироваться к новым условиям, потеря работы остается одним из самых сильных кризисных страхов у населения. О таких опасениях заявил практически каждый пятый, а снижения зарплат не исключает почти половина участников исследования.

Данный интернет-опрос показал, что сильнее всего «просели» зарплаты в наиболее пострадавших отраслях – строительстве, торговле и сфере обслуживания, где негативная динамика фиксировалась в 65−75 % случаев. Среди самозанятых заработки уменьшились у 75 %, а у занятых на средних и крупных предприятиях – «лишь» у 48 %.

Достаточно активная адаптация, как свидетельствуют результаты опроса, шла и по линии сжатия рабочего времени: 11 % опрошенных были переведены на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, а примерно 13 % были отправлены в вынужденные или квазидобровольные отпуска (за свой счет либо с частичной компенсацией). На некоторых предприятиях работников принуждали брать больничные, однако таких случаев набралось менее 2 %.

Безусловными лидерами по переводу персонала на неполную занятость оказались торговля и сфера обслуживания. Вплотную к ним подошло строительство, тогда как в сельском хозяйстве, госуправлении и соцобеспечении механизм временной подстройки использовался крайне редко. Малые предприятия прибегали к нему примерно в полтора раза чаще, чем средние или крупные: 15–20 % против 10–12 %.

Еще одним следствием влияния данной эпидемии на рынок труда стал переход сотрудников на дистанционный режим работы, которым оказались охвачены 22 % опрошенных. Здесь лидерство принадлежит сектору информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), где на «удаленку» был переведен каждый второй работник, а также образованию, науке и культуре, где это затронуло каждого третьего. В остальных отраслях новый режим охватывал не более 10–15 %. Малые, средние и крупные компании прибегали к нему примерно вдвое чаще, чем микропредприятия (с численностью персонала до 15 человек) и самозанятые: 25–30 % против 15 %.

Как полагают авторы исследования, во многих отраслях дистанционный режим рассматривается как вынужденная и временная мера, поскольку его эффективность пока трудно оценить до конца. Примерно половина самих «удаленщиков» считает, что их производительность упала, около 40 % опрошенных заявили, что ничего не изменилось, и только 10 % заявили, что она повысилась.

4. Сценарии развития ситуации в перспективе

Приведем доступные оценки и сценарии развития ситуации в ближайшей перспективе (на 2–3 года вперед) и предлагаемые конкретные меры по выходу из данного кризиса. Президент и Председатель правления Сбербанка Герман

Греф в интервью, часть которого приведена выше, подчеркнул, что всем нам нужно придумывать новые бизнес-модели, которые позволят сохранить малые и средние предприятия и работоспособность крупных предприятий в тех условиях, которые могут продолжаться долгие месяцы. Это кредит под ноль процентов на выплату заработной платы, сочетание всевозможных льгот, которые предоставлены государством: снижение единого социального налога, отсрочки по выплате налогов, отсрочки по арендным платежам и реструктуризация по кредитам.

Председатель Счетной палаты РФ Алексей Кудрин прогнозирует после завершения пандемии перезапуск экономики, рост спроса и потребления, в результате чего число безработных снизится, а малый и средний бизнес возобновит работу [24].

Аналитики BCG описали новую экономическую реальность, которая продолжит существование и после эпохи пандемии коронавируса. Они считают, что мир ждет новый виток цифровизации, увеличение мобильности сотрудников, повышение гибкости работы. Охрана труда и здоровье персонала станут приоритетами. Кроме того, на производстве произойдет локализация цепочек поставок, повысится устойчивость к кризисам, будут развиваться дистанционные методы управления [25].

В Правительстве Российской Федерации также видят в кризисе и «окно» возможностей для развития отношений занятости и реструктуризации экономики. Например, развитие новых форм занятости и обучения повышает гибкость рынка труда и образования. Переход на удаленную работу и самоизоляция ускорили цифровизацию. Усилились стимулы для импортозамещения и упрощения административных процедур.

На совещании у Президента России Владимира Путина о ситуации на рынке труда (27 мая 2020 г.) Министр труда России Антон Котяков отметил, что министерством на базе портала «Работа в России» организован онлайн-мониторинг рынка труда. Сегодня в нем участвуют компании, в которых заняты более 21 миллиона работников, это примерно 40 % от общего числа всех трудоустроенных на сегодняшний день граждан. В мониторинге отражаются сведения о переводе сотрудников в режим гибкой занятости, а также о планах организации по высвобождению персонала. На текущий момент более 10 % работающих граждан, или примерно 5 миллионов 600 тысяч наших граждан, продолжают трудиться удаленно. Более того, ряд организаций и сотрудников на сегодняшний день хотели бы продолжить работу именно в таком формате и после снятия ограничительных мер [26].

Кроме того, в 2020–2021 гг. Минтруд России постоянно предлагает Правительству РФ и Президенту РФ новые меры поддержки населения в связи с пандемией COVID-19 и реализует их в своей практической деятельности.

5. Заключение

1. В своей новейшей истории (с 1992 года) Россия испытала уже 6 социально-экономических кризисов. Все более частая их повторяемость требует соответствующих мероприятий государственной экономической, финансовой и социальной политики, то есть адекватных мер по защите занятости и доходов населения с целью недопущения резкого увеличения безработицы, неполной занятости, снижения уровня жизни населения и увеличения масштабов бедности. Политика занятости, доходов и заработной платы, социальной защиты как экономически активного, так и экономически неактивного населения должна носить упреждающий, а не догоняющий характер.

2. Шестой социально-экономический кризис, начавшийся в феврале 2020 г., связан со стремительным распространением коронавируса по всей России со всеми вытекающими отсюда последствиями демографического, медицинского и экономического характера. Данный кризис обострился в результате резкого снижения цены на российскую нефть в первой половине 2020 года.

3. По мнению большинства аналитиков, данный кризис не закончится в 2021 году. С высокой степенью вероятности он может продлиться еще как минимум 2–3 года.

4. Основными негативными социально-экономическими последствиями данного кризиса являются снижение ВВП, рост безработицы и неполной занятости, сокращение заработных плат у части работающих, свертывание деятельности предприятий малого и среднего бизнеса в ряде секторов экономики, снижение потребительского (платежеспособного) спроса и изменение моделей экономического поведения у части населения (домохозяйств). Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на устойчивом экономическом развитии страны.

5. Как следствие кризиса, возникли новые феномены в российской экономике и социальной жизни: это «ковидная занятость» и «ковидная бедность», введением в научный оборот которых мы обозначаем наше авторство (авторское первенство). Дадим авторское определение этим новым научным категориям (научным понятиям).

Ковидная занятость – это новая форма (тип) занятости, характеризующая влияние коронавирусной пандемии на отношения занятости на мегауровне (уровне мировой экономики, экономических объединений ряда государств, форм международных экономических отношений); макроуровне (уровне государства, национальной экономики в целом); мезоуровне (уровне подсистем национальной экономики – видов экономической деятельности, отраслей, территориальных образований/экономических районов) и микроуровне (уровне субъектов хозяйствования – предприятий, домохозяйств, различных категорий работающих – работников наемного труда (наемных рабочих, специалистов и др.), самозанятых, предпринимателей и работодателей, управленцев (менеджеров) всех уровней управления (вплоть до ТОП-менеджмента

крупнейших частных и государственных компаний и корпораций), государственных служащих всех уровней управления (федерального, регионального и муниципального) по поводу трансформации их режима рабочего времени, типа занятости, условий и охраны труда, величины заработной платы (доходов от занятости) и др. и необходимости учета данной трансформации в международном, национальном и корпоративном трудовом законодательстве.

Ковидная бедность – это особый тип бедности, характеризующий меру снижения доходов (заработной платы) работника и членов его семьи вследствие его ковидной занятости и их уровень в результате изменения статуса его занятости, вызванного коронавирусной пандемией, по отношению к сложившемуся в стране или/и в регионе уровню бедности (прожиточному минимуму).

6. В то же самое время данный кризис открывает перспективы для «перезапуска» экономики и ее реструктуризации, существенного изменения и развития отношений занятости. Это прежде всего цифровизация трудовых процессов, увеличение мобильности работников и существенное развитие гибких форм занятости (переход на дистанционные методы работы и управления, появление виртуальных предприятий). Тем самым появляются возможности для повышения гибкости рынка труда и образования, более эффективного использования производственных мощностей и персонала. Данные факторы могут внести определенный вклад в повышение устойчивости российской экономики.

Список литературы

1. Национальная экономика России и вызовы XXI века. М.: Профиздат, 2009. 384 с.

2. Разумов А. А. Мониторинг бедности в Российской Федерации (состояние, проблемы, направления совершенствования). В кн.: Россия: подготовка стратегии борьбы с бедностью. Анализ и методологические подходы. Издание Бюро МОТ. М., 2001. 70 с. С. 1–50.

3. Разумов А. А. Работающие бедные в России. М.: ВЦУЖ, 2002. 258 с.

4. Razumov A. Decent employment – the principal means for overcoming Russian poverty. Newsletter. ILO. Subregional Office for Eastern Europe and Central Asia. 2004. № 1 (16). P. 4–5.

5. Разумов А. А., Ягодкина М. А. Бедность в современной России. М.: Формула права, 2007. 336с.

6. Социально-трудовые отношения в современной России: проблемы и решения // Коллективная монография к 60-летию НИИ труда / Под ред. д.э.н., проф. А. А. Разумова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. 280 с.

7. Разумов А. А., Новик Е. И. Политика занятости и доходов населения в условиях финансово-экономического кризиса // Человек и труд, 2009. № 4. С. 25–27.

8. Разумов А. А. Экономический кризис в России: оценка главных социальных последствий // Человек и труд, 2010. № 4. С. 16–19.

9. Национальная экономика: учебник и практикум для вузов / А. В. Сидорович [и др.]; под редакцией А. В. Сидоровича. 2-е изд., перераб. И доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 576 с. (Высшее образование).

10. Разумов А. А., Сковпень В. А. Мониторинг доходов и бедности в Российской Федерации: анализ современных тенденций / Труд и социальные отношения. 2018. Том 29, № 2 (146). С. 25–37.

11. Разумов А. А., Сковпень В. А. Социально-экономические кризисы и бедность в России как постоянные вызовы государственной социальной политики / Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности. Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1. (Москва, РАНХиГС, 17 мая 2018 г.) / под общ. ред. Г. Ю. Ивлевой. М.: Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА», 2018. 942 с. С. 400–418.

12. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vazhno.ru/a/47583/20200406/kreml-predupredil-rossiyan-o-novoj-napasti/ab-mt-novid/?rb_clickid=58613507-1590863571-422993566&utm_campaign=25130041&utm_content=58613507&utm_medium=cpm&utm_source=mytarget

13. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/articles/2020/04/21/grefinterview/?utm_source=24smi&utm_medium=exchange&utm_term=2515&utm_content=2914710&utm_campaign=12675a&es=24smi

14. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/41360748/?frommail=1

15. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vazhno.ru/a/51432/20200525/ministr-ogorchil-rossiyan-mrachnym-prognozom/ab-intext/

16. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vazhno.ru/a/47583/20200406/kreml-predupredil-rossiyan-o-novoj-napasti/ab-mt-novid/?rb_clickid=58613507-1590863571-422993566&utm_campaign=25130041&utm_content=58613507&utm_medium=cpm&utm_source=mytarget

17. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/41880687/?frommail=1

18. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/41360748/?frommail=1

19. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/42073616/

20. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vazhno.ru/a/51684/20200528/sotni-tysyach-stroitelej-ostanutsya-bez-raboty/ab-intext/

21. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/63419

22. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/ 41783270/

23. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/42005712/?frommail=1&newstube=

24. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/economics/41360748/?frommail=1

25. [Электронный ресурс]. URL: https://news.mail.ru/society/41880687/?frommail=

26. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349788/

Summary

Razumov A. A. COVID's employment and COVID's poverty are the new phenomena of the Russian economy and social life

The article lists the socio-economic crises experienced by Russia in its recent history (1992-2021) and their distinctive features. Social and economic impact of the coronavirus pandemic in terms of its negative impact on the sustainable development of the economy and society has been reviewed based on a comparative analysis of the available opinions and assessments of government officials, representatives of large, medium and small businesses, public associations, scientific and expert organizations. Possible scenarios of the development of this situation and management decisions in the field of economy, finance and social policy aimed at minimizing negative consequences of COVID-19 are considered. Because of the shortening of the duration of economic cycles and the increasingly frequent repetition of economic crises, the necessity of taking "preventive" anti-crisis measures and decisions is rationalized.

Key words: crisis, labor market, employment, unemployment, wage, poverty.

Молчанова Н. П.
Профессор Департамента общественных финансов
Финансового факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
2520641a@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЭКОНОМИКУ И РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Распространение пандемии COVID-19 обусловило падение темпов роста ВВП в разных странах мира и вызвало негативные социально-экономические последствия. Предпринятые правительствами действия были связаны с масштабной поддержкой национальных систем здравоохранения и предоставлением государственной помощи организациям и населению. В зависимости от располагаемых возможностей правомочными ведомствами применялись меры монетарного и финансового регулирования. Анализ накопленного опыта способствует систематизации всего арсенала рекомендуемых для применения административных и экономических средств и выработке превентивных мер по предотвращению возникновения аналогичных ситуаций в будущем.

Ключевые слова: пандемический кризис, меры экономического регулирования, отечественный и зарубежный опыт, финансовые методы и инструменты, Евразийский экономический союз.

Распространение пандемии COVID-19 в 2020 г. и ее разрушительные последствия представляют серьезную угрозу здоровью и безопасности людей во всем мире, оказывают значительное влияние на проведение экономической политики, изменение существующих финансовых отношений в государственном и частных секторах. Особенно сильным было влияние пандемического кризиса на ряд высокорентабельных отраслей: энергетику, туризм и гостиничный бизнес, сферу услуг. Принятые правительствами разных стран меры сдерживания, такие как закрытие школ, введение чрезвычайного положения и правил физического дистанцирования, не были избыточными, но в то же время нарушали повседневную жизнедеятельность граждан.

Органы власти предприняли беспрецедентные по своим масштабам и социальной значимости действия по поддержке национальных систем здравоохранения, различных групп населения и секторов бизнеса в период ухудшения эпидемиологической ситуации. Показали свою эффективность меры, направленные на снижение рисков распространения заболевания: введение режима самоизоляции; отсрочка обязательных платежей; переход на дистанционную форму работы; выплата пособий по безработице; административная и (или) уголовная ответственность за нарушение нормативно-

правовых актов, принятых для противодействия коронавирусной инфекции; внесение изменений в Закон о бюджете и др.

Правительствами развитых стран были предприняты крайне решительные меры, чтобы сохранить как человеческие, так и экономические ресурсы. Разные варианты развития ситуации представлены по результатам сравнительного анализа развития событий в 2020 г., выполненного Международной консалтинговой компанией Deloitte. По итогам рассмотрения вариантов оказания помощи хозяйствующим субъектам без применения и с применением защитных мер по отношению к системе здравоохранения было выявлено, что полученные положительные результаты выше в тех случаях, где экономические меры в отношении субъектов экономики проводились одновременно с масштабной поддержкой отрасли здравоохранения [1].

Для выявления особенностей развития пандемического кризиса во времени выделено несколько характерных стадий (этапов), которые отражают ситуацию по преодолению последствий пандемии в стране, а также степень гибкости принимаемых органами власти решений. **Первая стадия** – это набор мер, которые направлены на немедленную финансовую поддержку населения, минимизацию нагрузки на субъекты МСБ и перераспределение всех видов располагаемых ресурсов для удовлетворения медицинских потребностей в рамках действующей системы здравоохранения. Здесь важны максимальная гибкость и скорость принятия решений, поскольку государство вынуждено реагировать на макроэкономическую неопределенность и противостоять ей всеми возможными мерами. **Вторая стадия** характеризуется стремлением органов власти нормализовать сложившуюся ситуацию, устранить или уменьшить влияние пандемии на экономическое положение внутри страны. В связи с чем гибкость и скорость сокращаются – происходит принятие и осуществление дополнительных нормативно-правовых мер. **Третья стадия** с учетом особенностей протекания COVID-19 в различных странах является крайне важной, так как вследствие предпринимаемых действий ситуация находится в пограничном состоянии между вторым и четвертым этапами. **Четвертый этап** характеризуется следующими отличительными признаками: рассматриваются долгосрочные меры в целях создания гарантий для предотвращения в будущем подобных рисков; увеличиваются расходы бюджетных средств на цифровизацию протекающих процессов; в приоритетном порядке финансируется система здравоохранения; идет переоценка цепочек поставок в рамках отечественной и международной экономик и др. В целом, принятые нормы и рекомендательные документы должны быть критически оценены и проанализированы, чтобы показавшие свою эффективность технологии стали полноценными инструментами для осуществления эффективных действий в экономической системе государства.

В литературных источниках акцентируется внимание на отрицательном влиянии последствий пандемии, которое проявилось практически во всех государствах и характеризуется повышением уровня безработицы, падением

темпов экономического роста, ограничениями в работе предприятий, снижением потребительского спроса домашних хозяйств [2, 7]. Преодолеть негативные тенденции позволяет комплексное, сбалансированное применение средств и инструментов экономической политики. Предпринятые правительствами разных стран системные меры способствовали нормализации ситуации и принесли существенные результаты, которые относятся к поддержке населения (и особенно его менее защищенных слоев); защите ключевых отраслей и особенно субъектов МСБ; сохранению жизнеспособности организаций социальной сферы. Масштабность предпринятых каждой страной усилий во многом определялась ее экономическим потенциалом, умением органов власти организовать работу по противодействию пандемическому кризису.

В докладе МВФ представлена группировка стран, использовавших разные способы поддержки экономики и социальной сферы: 1) преимущественно фискальные инструменты государственного регулирования (Россия, Германия, Италия); 2) преимущественно монетарные инструменты, относимые к сфере ведения Центральных банков (Великобритания, Швеция, Южная Корея); 3) смешанные способы, включающие инструменты регулирования как фискального, так и монетарного характера (Франция, Казахстан) [3].

В зависимости от величины ВВП и отнесения государства к группе развитых или развивающихся стран объемы целевых расходов на здравоохранение по преодолению пандемии в 2020 г. варьировали от 1–4 % ВВП (Российская Федерация, Китай, Индия), 5–9 % (Швейцария, ЮАР, Чили, Израиль, Казахстан), 11–19 % (Бразилия, ОАЭ, Австралия, США, Испания, Сингапур, Австрия, Польша), 20–28 % (Новая Зеландия, Франция, Канада, Италия, Финляндия, Великобритания, Япония, Дания) до 30-33 % (Германия, Бахрейн, Швеция) [4, 35]. Важно отметить, что поддержка системы здравоохранения помогала обеспечить достаточный объем медицинских услуг только в том случае, если государство вовремя вводило режим самоизоляции. В таком случае существующие в стране ограничительные меры и условия позволяли справиться с огромным потоком инфицированного коронавирусом населения.

В связи с переходом экономики России после спада к стадии восстановления и роста необходимо выделить сложности, с которыми пришлось столкнуться странам на новом этапе. В первую очередь, наиболее существенными факторами являются необходимость повышения качества планирования и умения прогнозировать дальнейшее развитие ситуации, поскольку динамика происходящих процессов имеет стохастический характер. Другим важным фактором является управление внешним долгом и бюджетным дефицитом. По данным «РосБизнесКонсалтинг», 58 из 85 регионов нашей страны завершили 2020 г. с дефицитом [5]. По заявлению министра финансов Российской Федерации А. Г. Силуанова, федеральный бюджет в 2020 г. исполнен с дефицитом 3,8 % ВВП, или 4,1 трлн руб. [6]. Европейский союз будет вынужден изыскивать источники средств для возвращения займов МВФ,

финансовая помощь которого разным странам в период пандемии превысила 105 млрд долларов США [7].

Можно сделать **выводы** о разрушительном влиянии пандемии COVID-19 на мировую экономику: разбалансирование фондовых и сырьевых рынков, снижение занятости и объемов торговли, нехватка продовольствия и медикаментов, угрозы платежеспособности предприятий и правительств по всему миру. Bloomberg отметил со ссылкой на МВФ, что COVID-19 инициировал худшую рецессию со времен Великой депрессии, которая по своим масштабам превышает последствия глобального финансового кризиса 2008–2009 годов.

Однако есть и **положительный итог** преодоления пандемии COVID-19 – это пересмотр в общемировом масштабе действующих систем организации государственного здравоохранения. Применительно к Российской Федерации те нововведения, которые благоприятно сказались на нормализации ситуации, останутся, однако постановления и распоряжения Правительства, а также рекомендации ограничительного характера безусловно будут пересматриваться и совершенствоваться. Заслуживает высокой оценки деятельность Роспотребнадзора, на сайте которого находится множество руководств, выпущенных ВОЗ и принятых за основу при разработке мер противодействия распространению новой коронавирусной инфекции.

Новой ступенью в преодолении последствий пандемии станет готовящийся ООН коллегиально с ВОЗ международный акт по совместной работе в данной области. Проект этого документа содержит существенные новации по разработке стандартов контроля за изменением эпидемиологической ситуации. Реализация его положений на практике приведет в итоге к минимизации рисков и лучшей координации работы всех стран, предотвращению экономических спадов и недопущению перегрузки национальных систем здравоохранения.

Список литературы

1. Deloitte [Электронный ресурс]. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/insights/us/articles/6724_government-response-to-covid-19/ (дата обращения: 04.02.2021).

2. Wildman J. L., Nguyen D. M., Duong N. S., Warren C. COVID-19: Challenges, Changes, and Consequences //Small Group Research. 2021. №1. P. 1–14.

3. МВФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#K (дата обращения: 15.01.2021).

4. Бобылева А. З., Аньшин В. М., Птицын А. В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №81. С. 25–49.

5. «РосБизнесКонсалтинг» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/29/12/2020/5fea41649a79478d35e587f6 (дата обращения: 20.01.2021).

6. «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4654761 (дата обращения: 24.01.2021).

7. МВФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/COVID-Lending-Tracker#ftn (дата обращения: 21.01.2021).

Summary

Molchanova N. P. Impact of the Pandemic Crisis on the Economy and Development of Financial Regulation Methods: a Global Aspect

The spread of the COVID-19 pandemic caused a drop in GDP growth rates in different countries of the world and caused negative socio-economic consequences. The actions taken by the governments were related to the large-scale support of national health systems and the provision of state aid to organizations and the population. Depending on the available opportunities, the competent departments applied measures of monetary and financial regulation. The analysis of the accumulated experience contributes to the systematization of the entire arsenal of administrative and economic means recommended for use and the development of preventive measures to prevent the occurrence of similar situations in the future.

Key words: pandemic crisis, economic regulation measures, domestic and foreign experience, financial methods and instruments, the Eurasian Economic Union.

Абишев А. А.
Председатель Правления Ассоциации вузов Республики Казахстан
доктор экономических наук, профессор

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В статье определены ключевые связи системы технологических отношений и социально-экономических форм их существования на территории ЕАЭС. Развернувшаяся глобализация мировой экономики происходит под стремительным влиянием осуществляющихся технологических сдвигов в материальной основе современного мирового производства и потребления. Новые технологии вызывают дальнейшее углубление международного разделения труда и специализации производства, интенсивную и глубокую интернационализацию и интеграцию всей хозяйственной жизни. В этих условиях можно говорить о глобализации и интеграции, прежде всего технологических оснований производства, которая создает объективную технологическую взаимообусловленность и взаимозависимость национальных экономик и выводит интернационализацию как рынка, так и производства на качественно новый уровень.

Ключевые слова: технологическое развитие, ЕАЭС, дифференциация производства, импортозамещение.

Евразийская интеграция – важнейшая политическая и экономическая инициатива на постсоветском пространстве. Долгосрочное видение и глубинное понимание развития евразийской экономической интеграции – совместная первостепенная задача. Общества, которые стремятся в своем движении к качественно новому состоянию, остро нуждаются в целостной концепции развития, благодаря которой можно дать ясное видение вектора эволюции общественных процессов и тем самым служить основой для выработки реалистичных, научно обоснованных программ. Роль теоретической науки, способной обладать мощным прогностическим потенциалом, в этом несомненна. Важно политэкономическое осмысление процессов с учетом широкого спектра его научных подходов и последующее возвращение политэкономии в современную систему научного знания в сфере экономики для формирования целостного научного мировоззрения.

Целостное восприятие социально-экономического организма, я использую здесь известную методологическую триаду – механизм, химизм и организм, предполагает рассмотрение его как определенной системы. В этом своем качестве экономическая наука призвана сосредоточиться не просто на описании особенностей функциональных связей в хозяйственной сфере, а на понимание и раскрытие роли глубинных, объективных оснований системы экономических и хозяйственных отношений в происходящих процессах в социально-экономической жизни. Имеющаяся «расщепленность» социально-экономического

анализа в значительной мере связана с непониманием того, что общество представляет собой сложную систему как внутреннее единство и целостность различных ее сторон,

В экономической науке не уделялось должного внимания связи системы технологических отношений и социально-экономических форм их существования. Мы все понимаем, что реформирование экономической жизни в странах постсоветского пространства привело к катастрофическому разрушению технологических основ социально-экономической системы, сложившейся в республиках бывшего Советского Союза. Разработка программы выхода из происходящего системного кризиса требует фундаментальных знаний о глубинных процессах формирования современного глобального технологического мироустройства. Материальной основой социально-экономического прогресса всегда было и есть, прежде всего, технологическое развитие. Именно оно определяет те отношения, которые необходимы для удовлетворения человеческих потребностей.

Признание именно технологических отношений в качестве исходного пункта научного анализа позволяет, на наш взгляд, отразить его развитие от абстрактно-всеобщего к целому как конкретно-всеобщему (социально-экономическая система). Теоретический анализ социально-экономической системы должен начинаться не с «листьев», а с «корневой системы». В системе социально-экономических отношений именно технологические отношения представляются первым, исходным, начальным основанием.

Признание технологического отношения единой основой любой социально-экономической системы заставляет нас сделать вывод, что в итоге это единственная исходная и непрерывно изменяющаяся субстанция, которая и может обеспечить развитие экономики и социальный прогресс.

Это позволяет понять первоочередные задачи государственной политики в социально-экономической сфере – развитие национальных производительных сил общества, формирование эффективной технологической основы производства и, в итоге, соответствующий уровень развития экономики. Представляется, что задача любого государства в экономической сфере – не просто наполнить прилавки товарами, которые в большей части из-за слабой собственной экономической базы являются продуктами иностранного производства, а технологическое развитие, совершенствование национальных производительных сил, способных обеспечить это изобилие. Это тем более важно, что в современных условиях главным мотивом ведущих государств, в их стремлении к политическому и экономическому лидерству становится развитие национальной экономики, увеличение экономической мощи производственного потенциала, технологическая модернизация производства.

Экономически сильная страна – это государство с развитыми технологическими отношениями, т. е. способностью как производить те блага, в которых нуждается, так и потреблять то, что производит. И тем самым обеспечить внутреннее единство, целостность, завершенность экономической

системы. Государственная политика, ориентированная на укрепление экономического здоровья зрелого индустриального и на формирование постиндустриального общества, направлена на поддержку и продвижение новых технологических систем и рост производительности труда, основанных на технологическом сдвиге. Понимание этого базового единства технологических цепочек, реально существующих в определенной социально-экономической форме, приводит к выводу о том, что всякое непродуманное разрушение и разрыв технологических отношений неизбежно приводит к разрушению основ единой и тесно переплетенной экономической системы.

Мировой опыт свидетельствует, что технологическое развитие, определяемое качественным состоянием производительных и потребительных сил страны, во многом является детерминирующим фактором и в процессе социально-экономических преобразований. При таком понимании все экономические формы есть формы проявления этой единой субстанции, каковой являются технологические отношения. А сама экономика тем самым как бы имеет «в себе» технологическое содержание. Экономические явления и процессы предстают как трансформации исходного отношения, преобразование его из одной формы в другую. А коль скоро общественное производство, как и экономика в целом, онтологически имеет технологическое «начало», то и теоретически отобразить их эволюцию можно только на основе технологической концепции. Производство представляет собой потенциальное потребление. Точно также потребление содержит в себе свое иное – производство. Человек и общество производит ради потребления и потребляет ради производства. Любое технологическое отношение, любая система технологических отношений обеспечивают, прежде всего, внутреннюю «сцепку» и связь этих двух сторон – производства и потребления.

Развернувшаяся глобализация мировой экономики, будучи закономерным и объективным процессом развития всемирного хозяйства, происходит под стремительным влиянием осуществляющихся технологических сдвигов в материальной основе современного мирового производства и потребления. Новые технологии вызывают дальнейшее углубление международного разделения труда и специализации производства, интенсивную и глубокую интернационализацию и интеграцию всей хозяйственной жизни. В этих условиях можно говорить о глобализации и интеграции, прежде всего технологических оснований производства, которая создает объективную технологическую взаимообусловленность и взаимозависимость национальных экономик и выводит интернационализацию как рынка, так и производства на качественно новый уровень. Технологические звенья воспроизводственного производственного процесса, расположенные на территории какой-либо страны, становятся обособленными звеньями более широкого разделения труда в международной организации производства. Тем самым происходит объединение технологических звеньев национальных экономик, расширение межгосударственной межотраслевой и внутриотраслевой специализации.

В этой связи следует сказать о том, что эти процессы получили своеобразное преломление в постсоветской экономике. В результате распада СССР оказались нарушенными и фактически прерванными технологические связи в рамках некогда единого воспроизводственного комплекса. Многие крупные производства, утратив целостность всех технологических звеньев из-за разрыва экономических связей, испытали эффект мощного «экономического землетрясения». Поэтому одной из причин того глубокого кризиса, который переживают в настоящее время страны СНГ, является разрушение единого технологического способа производства на постсоветском экономическом пространстве. Выявившиеся с начала 90-х годов центробежные тенденции привели к свертыванию многих хозяйственных связей, значительному спаду (а порой и закрытию) многих видов производств, ломке внутриотраслевых и межотраслевых пропорций, не всегда оправданному перепрофилированию предприятий. Многие высокотехнологичные и наукоемкие сферы оказались в состоянии стагнации. Утрачены более 300 передовых технологических направлений и производств в различных отраслях экономики.

Все это глубоким образом деформировало единую технологическую основу некогда целостной экономической системы, в результате чего взаимосвязанный технологический процесс производства «разомкнулся» и утратил свою технологическую завершенность. Каждая из экономик стран СНГ лишилась необходимого для полнокровного функционирования набора отраслей производства, способных удовлетворить насущные потребности в товарах как личного, так и производственного потребления.

Не следствием ли этого явилось усиление сырьевой экспортной ориентации экономики практически всех стран СНГ? В то же время в импорте увеличивается доля потребительских товаров, что еще более способствует «вымыванию» целых технологических звеньев экономической системы. Экономики этих государств все больше утрачивают продовольственную независимость и втягиваются в состояние экономической зависимости от товарооборота с другими странами, покрывая дефицит за счет внешних заимствований.

Меры по стабилизации экономики и решению текущих экономических и социальных задач оттесняют проблемы технологической модернизации, повышения конкурентоспособности национального производства на второй план. При внешней видимости наличия отдельных атрибутов механизма управления технологическим развитием, по существу, продуманная целенаправленная национальная политика в этом направлении отсутствует. Проводимые же мероприятия носят скорее декларативный, фрагментарный и стихийный характер.

Одним из важных выводов этого дискурса является то, что именно выстраивание целостной технологической системы производства и воспроизводства придаст национальной экономике определенную полноту и завершенность, позволяющую наиболее эффективно использовать имеющийся

ресурсный, производственный, человеческий и научный потенциал. Разрушение же этой основы приводит к дезинтеграции национальной экономики, потере конкурентных возможностей и осложняет государству решение целого комплекса задач. Поэтому одним из важных направлений социально-экономического реформирования должно стать подключение технологического фактора к достижению стратегических целей развития.

Конечно, сегодня ни одна страна неспособна всем сама себя обеспечить. Превалирование в экономических функциях государства, а мы это видим также и применительно к ЕАЭС, вторичных, институциональных мер уводит в сторону от базисных, основополагающих задач любого государства. При всей важности рыночных преобразований необходимо понимать, что они являются все-таки реформами в рыночной сфере, т. е. в сфере обращения и распределения благ. Роль производственной сферы в социально-экономическом развитии общества при таком подходе отодвинута на второй план, если не дальше. Но в таком случае принижается и роль потребления. Ключевыми пунктами функционирования и развития любой социально-экономической системы является достижение внутренней целостности и завершенности фаз производства и потребления через систему технологических связей на самых различных уровнях экономики

В этих условиях стратегическим направлением развития стран Евразийского экономического союза должен быть не долгий, тернистый путь, ведущий от «дикого капитализма» к «цивилизованному», а интеграция своих технологических систем в качестве неотъемлемой и органической структуры всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик.

Summary

Abishev A. A. Technological Basis of Eurasian Economic Integration

The paper identifies the key links between the system of technological relations and the socio-economic forms of their existence on the territory of the EAEU. The unfolding globalization of the world economy, being a natural and objective process of the development of the world economy, is taking place under the rapid influence of ongoing technological shifts in the material basis of modern world production and consumption. New technologies cause a further deepening of the international division of labor and specialization of production, intensive and deep internationalization, and integration of all economic life. In these conditions, we can talk about globalization and integration, primarily the technological foundations of production, which creates an objective technological interdependence and interdependence of national economies and brings the internationalization of both the market and production to a qualitatively new level.

Key words: technological development, EAEU, differentiation of production, import substitution.

Амирханова Ф. С.
Доцент кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
famirhanova@econ.msu.ru

Никитина Н. И.
Доцент кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
nnikitina@econ.msu.ru

СТИМУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА: ПРИМЕНИМ ЛИ ОПЫТ КИТАЯ В РОССИИ?

Аннотация. В условиях полной занятости стимулирование спроса с помощью мер монетарной политики не приводит к устойчивому росту. При несовершенной институциональной структуре естественный рост инвестиционной и предпринимательской активности затруднен. Однако опыт Китая показывает, что инфраструктурные и иные проекты с государственной поддержкой могут оказывать значимое воздействие на рост и развитие экономики и повышение благосостояния населения.

Ключевые слова: государственная политика, инфраструктурные проекты, потребление, инвестиции.

Вопрос о путях и возможностях преодоления стагнации в России стоял в течение нескольких последних лет. Пандемия сместила акценты дискурса, однако постепенное решение проблем, связанных с COVID-19, вернуло интерес к долгосрочной перспективе.

В 2018–2019 гг. некоторые признаки говорили о том, что в России достигнута полная занятость. Безработица была на очень низком уровне, в частности, в Москве. Однако проблема стимулирования более активного роста оставалась чрезвычайно актуальной. И в этой связи упоминались различные стандартные инструменты бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики: предполагалось их применять для стимулирования роста экономики.

Макроэкономическая теория доказывает, что стандартные инструменты БНП (рост госрасходов и снижение налогов) и ДКП (рост денежной массы, снижение процентной ставки) работают в краткосрочной перспективе и способствуют возврату экономики к полной занятости, а в долгосрочной – для стимулирования экономики, которая уже достигла потенциала, бесполезны или даже вредны, поскольку расшатывают стабильность и ухудшают долгосрочную перспективу.

О возможностях влияния на потенциальный выпуск говорят теории экономического роста, обращая внимание на факторы потенциального ВВП – располагаемые ресурсы: капитал и труд, а также на технологию и институты.

Важность институциональных преобразований как условия роста экономики России стала общим местом. Признавая как справедливость данной идеи, так и проблемы, существующие в этой связи в России, председатель ЦБ РФ Э. Набиуллина летом 2019 г. на Международном финансовом конгрессе в Санкт-Петербурге заметила, что призывы к структурным реформам «иногда похожи на крик отчаяния» [1].

Очевидно, что институциональная структура не может измениться быстро, и более того – предпосылок для ее изменения пока в России не наблюдается. Поэтому возникает вопрос о возможности проведения мер государственной политики при существующей институциональной структуре, но которая тем не менее могла бы в какой-то мере способствовать стимулированию экономической активности и росту потенциального ВВП.

И в этой связи интересен опыт Китая, в котором реализуется также очень своеобразная модель рыночной экономики.

Руководители Китая задумались об изменении парадигмы развития страны еще в 2008 г., когда в условиях кризиса сократился спрос на экспортные товары. Экспорт был двигателем китайской экономики предыдущие десятилетия; и в 2008 г. планом «4 триллионов» была заявлена переориентация внутреннего производства с экспорта на удовлетворение нужд граждан и других категорий покупателей в стране. Этим планом предусматривалось развитие инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал – здравоохранение и образование – и было предусмотрено жилищное строительство.

В 2015 г. был принят новый план, который назывался «Made in China 2025». В нем к 2025 г. предполагалось значительное усовершенствование обрабатывающей промышленности. Этот план акцентировал внимание на развитии индустрии информационных технологий, на рост инновационного потенциала, и поскольку уже встал вопрос о серьезной экологической ситуации, было принято решение о необходимости уделения определенного внимания этому аспекту.

И в 2021 г. был принят новый 14-й пятилетний план, в котором выдвигается идея так называемой «двойной циркуляции». В нем предполагается, что развитие Китая опирается на два круга – один круг внутренний, другой круг внешний. Идея состоит в том, что опора на внутреннее производство не означает отказа от глобального взаимодействия с другими странами, и эти два круга должны поддерживать друг друга и приводить к росту благосостояния страны.

Этот план очередной китайской пятилетки предполагает переход от заимствования технологий к технологическому самообеспечению, он включает стимулирование вложений в инновации и ставит перед Китаем цель перейти на новый уровень экспорта: из поставщика традиционных товаров

широкого народного потребления и импортера оборудования перейти к технологическому самообеспечению, а затем стать экспортером высокотехнологичной продукции. Глава китайского государства Си Цзиньпин сказал, что «создавать новые преимущества в глобальном экономическом сотрудничестве и конкуренции» – это цель развития страны [2].

В рамках этих установок проводились важные мероприятия.

Были созданы значительные инфраструктурные объекты в электроэнергетике: построена атомная электростанция – Фуцинская АЭС. По оценке экспертов, в мире существуют только две страны, способные строить атомные электростанции – это Россия и Китай [3]. Были построены гидроэлектростанции. Очень активно росла протяженность железных дорог. Особое значение имело строительство высокоскоростных магистралей. Их было построено столько, что по протяженности высокоскоростных железных дорог Китай занял первое место в мире. Кроме того, строились железные дороги в отсталые и труднодоступные регионы. К июлю 2020 г. их общая протяженность достигла значительной величины в 141,4 тыс. км, в т.ч. 36 тыс. км высокоскоростных [4]. Был разработан скоростной поезд «Фуцин» – самый быстрый поезд в мире: его средняя магистральная скорость составляет 350 км в час, а разгоняться он может до 400 км в час.

Были осуществлены серьезные вложения в развитие авиационной отрасли: построены новые и модернизированы старые аэропорты. В Китае стали разрабатываться собственные самолеты. Уже производится реактивный самолет *ARJ*21 для полетов средней дальности на 2–3 тыс. км; проходит испытание узкофюзеляжный самолет *C*919, предназначенный для более дальних полетов на 4–5,5 тыс. км; и разрабатывается турбовинтовой самолет *MA*700, призванный обслуживать маршруты протяженностью до 2700 км [5].

Большие успехи достигнуты в области телекоммуникаций: связью обеспечены практически все сельские районы. Оптоволоконная сеть и сеть 4G обеспечила равенство скорости передачи данных как в городе, так и в деревне [6].

Активно строилось жилье. Причем строилось не только элитное жилье для богатых, но и реконструировались районы с барачной застройкой и было построено много социальных объектов для сдачи в аренду по относительно низкой стоимости и на продажу – тоже с поддержкой государства.

Стимулировались инновации. К 2025 г. планируется создать 40 национальных и 48 региональных инновационных центров.

Активно финансировался малый и средний бизнес. Предоставление государственными банками субсидий и кредитов под низкие проценты – это стандартная мера, но ее важность трудно переоценить. Также осуществлялась и прямая финансовая поддержка МСБ через разные фонды. При этом для компаний, которые предлагали себя в качестве партнера государства, устанавливались определенные условия: от них требовалось увеличить расходы

на научные исследования с 0,95 % до 1,68 % от выручки, увеличить производительность труда на 7,5 % к 2020 г.; и к 2025 г. предлагается принять меры, направленные на экономию ресурсов: снизить на 35 %. потребление энергии и воды на единицу добавленной стоимости [7, p. 5].

Большое внимание уделялось менее развитым регионам. Была оказана поддержка фермерам; серьезное влияние на них оказало улучшение инфраструктуры и транспортной доступности.

Была проведена интересная кампания, связанная с повышением туристической привлекательности внутренних регионов: по стране были отправлены специалисты, которые должны были изучить местные особенности и таким образом определить потенциал отдельных районов в качестве туристических объектов. Это действительно привело к достаточно ощутимым успехам: в некоторых местах были выявлены особенности, которые стали источником туристического интереса. Например, выяснилось, что в уезде Бама жители отличаются уникальным долголетием, и это запустило туристический бизнес в регионе [8].

Проект «Соседи» также привел к позитивным результатам: богатые южные провинции, в частности, Гуандун, выделяли квоты для жителей других регионов, предоставляя им рабочие места. Полмиллиона человек воспользовались возможностью и приехали на работу в богатые районы южных провинций [8].

Проводилась работа по организации внутреннего производства оборудования для важных отраслей, в частности, сельского хозяйства и медицины – сфер, в которых Китай предъявляет большой и растущий спрос: примерно на 6 % в год для сельскохозяйственной техники [9] и более 22 % в год для медицинского оборудования [10].

В результате стимулирующих мер, как нетрудно предположить, рост выпуска привел к росту совокупного дохода.

Доходы населения росли примерно тем же темпом, каким росла экономика Китая, и к 2018 г. был достигнут уровень ВВП на душу почти в 10 тысяч долларов – это та граница, которая считается переходной в разряд стран со средним доходом. С этим связан целый ряд новых проблем, но большим достижением Китая стало возникновение достаточно многочисленной прослойки среднего класса [11].

Выход доходов на стабильный и устойчивый уровень у большого количества населения привел к возможности снизить сбережения и тратить этот постоянный доход на потребление. Поэтому не только рост ВВП, но и переход на качественно новый уровень – преодоление границы, после которой можно начинать тратить эти доходы, было важным достижением Китая.

Устойчивый стабильный доход обеспечивает улучшение качества потребления [16]. В таблице 1 представлены данные о темпах прироста затрат на потребление некоторых благ и услуг за 2018 г. Это был последний благополучный год перед началом кризиса COVID-19, поэтому представленные

значения весьма показательны. Из приведенных данных видно, что потребление услуг росло очень быстрыми темпами, и эти темпы превышали темпы роста потребления благ. Затраты на питание тоже выросли значительно – почти на 17 %, но затраты на путешествия, на медицинское обслуживание, на спорт росли быстрее.

Таблица 1. Темпы прироста затрат на потребление, 2018 г.

	Рост в 2018 г. (%)		**Рост в 2018 г. (%)**
Бытовая техника	10,6	Медицина	24,6
Оборудование связи	10,6	Гостиницы	37,8
Косметика	14,2	Транспорт	22,8
Спорт и фитнес	39,3	Затраты на питание	16,6

Источник: составлено авторами по [12].

Китайский опыт позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся России.

Известно, что для роста экономики необходимо обеспечить увеличение запаса капитала, то есть нужны инвестиции. По вопросу об источнике инвестиционных ресурсов в академическом сообществе существуют разногласия. Есть мнение, что нужно включить в мандат ЦБ ответственность за экономический рост – чтобы ключевая ставка позволяла расти инвестициям [13]. Возражения этому представляет вся макротеория, которая говорит, что кредиты, полученные под низкие проценты под гарантии государства не приводят к устойчивому росту. К устойчивому росту приводит желание инвесторов организовывать какое-то производство [1].

Следующая рекомендация связана с вложением госсредств в нацпроекты. Предполагается, что это вызовет мультипликативный эффект, и уже накопленные в ФНБ 7 % ВВП можно вкладывать в строительство инфраструктурных объектов.

По этому поводу тоже нет единого мнения. Существует точка зрения, что в этом случае под эффективностью нацпроектов «имеется в виду прежде всего минимизация своровaнных денег, а не то, насколько те или иные проекты помогают работе частного бизнеса» [14].

Однако опыт Китая показывает, что все-таки вложения в инфраструктурные проекты не бесполезны. И на недавнем Красноярском экономическом форуме представители российского бизнеса поддержали эту идею, которая была реализована в Китае. Идею о том, что крупные (и не

крупные) инфраструктурные проекты с господдержкой могут дать толчок развитию и системообразующих отраслей, и всей экономике в целом. Возможно строительство железных дорог, предлагается организация переработки ресурсов, которые в настоящее время отправляются на экспорт сразу после добычи. Предполагается поддержка строительства жилья, особенно необходимого тем, кто готов участвовать в создании этих крупных проектов на территории Сибири и Дальнего Востока. Для этого выдвигается идея о снижении ставки по ипотеке.

Следует отметить, что необходимость государственного участия уже была учтена в бюджете еще в 2020 году, в котором на 20 % вырос объем затрат на инвестиции и составил 538 млрд. руб. Кроме того, правительство завершает работу над программой дополнительного финансирования региональной инфраструктуры [15].

Но особенно меры государственной поддержки, осуществляемые и на стороне спроса, и на стороне предложения, полезны в качестве антикризисной поддержки в условиях спада, вызванного карантинными ограничениями.

Список литературы

1. РБК Набиуллина сравнила разговоры про инвестклимат с криком отчаяния. – Москва, 04.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/04/07/2019/5d1db0159a794733bc463749 (дата обращения 13.05.2021).

2. Соловьева О. «Китайская стратегия двойной циркуляции грозит РФ новыми санкциями»// Независимая газета – 05.11.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/economics/2020-11-05/1_8006_china.html (дата обращения 13.05.2021).

3. РИА НОВОСТИ / Раз АЭС, два АЭС: Россия и КНР оформили рекордный пакет документов по атому. – Москва, 08.06.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20180608/1522378326.html (дата обращения 13.05.2021).

4. Общая протяженность скоростных железных дорог в Китае достигла 36 тыс. км. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2020-08/09/c_139276857.htm (дата обращения 13.05.2021).

5. Персkая В. В., Ревенко Н.С. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития». Азия и Африка сегодня. Выпуск 7. 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://asaf-today.ru/s032150750010100-2-1 (дата обращения 13.05.2021).

6. В 2020 году Китай установил 718 тысяч базовых станций 5G. [Электронный ресурс]. URL: https://bigasia.ru/content/news/science_and_education/v-2020-godu-kitay-ustanovil-718-tysyach-bazovykh-stantsiy-5g-/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1614706778000 (дата обращения 10.05.2021).

7. Made in China 2025. Backgrounder. Institute for Security & Development Policy, June 2018, 9 p. [Электронный ресурс]. URL: http://isdp.eu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf

8. Зотов Г. «Миллиарды под ногами. Как России применить опыт развития экономики Китая» // Еженедельник АиФ. № 16. 17.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/money/economy/1150114 (дата обращения 13.05.2021).

9. Global and China Agricultural Machinery Industrial Report, 2016-2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketresearch.com/Researchin-China-v3266/Global-China-Agricultural-Machinery-10188413 (дата обращения 23.04.2021).

10. China - Medical Devices. [Электронный ресурс]. URL: https://www.export.gov/article?id=China-Medical-Devices (дата обращения 23/04.2021).

11. ИА REGNUM Китай достиг важного рубежа доходов на душу населения. – Пекин 22.01.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/economy/2557474.html (дата обращения 13.05.2021).

12. Внутреннее потребление стало главной движущей силой китайской экономики» [Электронный ресурс]. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2018/0801/c31518-9486767.html (дата обращения 09.05.2021).

13. Рубченко М. На КЭФ-2021 нашли агрессивный выход из кризиса. Ведомости 23.04.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/04/14/866058-kef-2021-nashli (дата обращения 13.05.2021).

14. Ениколопов Р. Где искать источники роста? Ведомости 08.07.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2019/07/08/806133-gde-iskat-istochniki-rosta (дата обращения 12.05.2021).

15. Совещание о мерах по стимулированию инвестиционной активности. Москва, 11 марта 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/65141 (дата обращения 13.05.2021).

16. Структура потребления в Китае продолжает улучшаться. [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/markets/41842076-struktura-potrebleniya-v-kitae-prodolzhaet-uluchshatsya/ (дата обращения 13.05.2021).

Summary

Amirkhanova F., Nikitina N. Stimulating Domestic Demand: Will China's Experience Apply in Russia?

In a full employment, stimulating demand through monetary policy measures does not lead to sustainable growth. Under the imperfect institutional structure, the natural growth of investment and entrepreneurial activity is difficult. However, the experience of China shows that infrastructure and other projects with government support can have a significant impact on the growth and development of the economy and increase the well-being of the population.

Key words: government policy, infrastructure projects, consumption, investment

Кошкидько В. Г.
Заведующий кафедрой регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация
koshkidko@spa.msu.ru

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье анализируется процесс реализации государственной кластерной политики в регионах на примере создания и развития инновационных территориальных кластеров. Поэтапно рассматриваются меры государственной поддержки в рамках пилотных программ развития инновационных кластеров. На основе данных Минэкономразвития и Российской кластерной обсерватории проводится анализ результатов программой деятельности, динамики основных показателей кластеризации в регионах России, уровня эффективности отдельных кластеров.

Ключевые слова: государственная кластерная политика, инновационный кластер, пилотные программы, регионы Российской Федерации.

Актуальной задачей социально-экономического развития Российской Федерации является мобилизация потенциала территорий для обеспечения стабильных темпов роста экономики в рамках инновационной, социально-ориентированной модели развития. Одним из эффективных инструментов решения данной задачи является формирование и развитие региональных кластеров.

Специфика кластерного подхода в развитии территории заключается в комплексности и системности постановки задач развития территории, усилении синергетических эффектов от использования различных инструментов регионального развития.

Особенностью кластеров, организованных по региональному принципу, являются уникальность внутренней среды, инфраструктуры, уровня макросистемы, присущие данному региону, также возможность в реализации им конкурентных преимуществ на территориях за счет интеграции. Кластер выступает как стимул экономического развития, а его территориальная привязанность к региону – это точка опоры для устойчивого развития кластера, имеющая важное значение при выборе приоритетных направлений для инвестирования в регионе, так как позволяет снизить риски неопределенности при оценке инвестиционных проектов.

Развитие кластеров стимулирует повышение производительности труда, формирование новых компаний и создание новых рабочих мест, содействует росту инновационного потенциала территорий, формированию их конкурентных преимуществ, способствующего привлечению инвестиций в регионы. Кроме

того, кластеры позволяют оптимизировать положение отечественных предприятий в производственных цепочках создания стоимости, содействуя повышению степени переработки добываемого сырья, импортозамещению и росту локализации сборочных производств, а также повышению уровня неценовой конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, интенсификации частно-государственного партнерства. Поэтому поддержка развития кластеров отнесена к приоритетам государственной политики социально-экономического развития страны.

В 2010 году Минэкономразвития России были разработаны «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации». В рекомендациях предполагалось, что органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления будут выступать в качестве инициаторов формирования организаций развития кластеров, а также осуществлять предоставление субсидий на реализацию мероприятий по организационному развитию кластеров. При этом финансирование соответствующей деятельности может также поддерживаться из средств федерального бюджета.

Минэкономразвития России в рамках стимулирования финансирования малого бизнеса на конкурсной основе с 2010 г. выделял субсидии на создание и развитие Центров кластерного развития в регионах. Также министерством осуществляется программная поддержка процесса создания и развития инновационных территориальных кластеров (ИТК).

В 2012 году Минэкономразвития России по итогам проведения конкурсного отбора подготовило проект перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров. Из 94 поданных на конкурс заявок было отобрано 27 кластеров, которые располагались на территориях с высоким уровнем концентрации научно-технической и производственной деятельности. В их число входили наукограды и территории базирования особых экономических зон, закрытых территориальных образований в различных регионах страны.

Общий бюджет программы составил более 5 млрд. руб. В результате ее реализации были созданы предпосылки для того, чтобы пилотные кластеры трансформировались в точки роста, способствующие повышению темпов экономического развития регионов их базирования. ИТК продемонстрировали позитивную динамику по важнейшим целевым показателям эффективности.

На предприятиях – участниках кластеров были созданы либо модернизированы свыше 95 тыс. высокопроизводительных рабочих мест, общий объем инвестиций в развитие кластеров из внебюджетных источников превысил 360 млрд. руб., совокупная стоимость кооперационных научно-исследовательских проектов составила 75 млрд. руб. Дополнительным эффектом программы стало значительное увеличение числа кластерных инициатив.

По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в период с 2012 по 2015 гг. в стране появились 46 новых кластеров.

Кроме того, число созданных центров кластерного развития выросло с 11 в 2010–2012 гг. до 19 в 2013–2015 гг., а совокупный объем их поддержки из федерального бюджета – с 328 млн. руб. до 565 млн. руб. соответственно. При общей результативности программы поддержки пилотных ИТК, определяемой ростом суммарных индикаторов развития инновационных кластеров, последние существенно различаются как по достигнутым значениям целевых показателей эффективности их деятельности, так и по объемам полученных ими средств субсидий из федерального бюджета (интервал от 700 млн. руб. в инновационном территориальном аэрокосмическом кластере Самарской области до 1.3 млн. руб. в ИТК радиоэлектроники, приборостроения, средств связи, телекоммуникаций Санкт - Петербурга) [1, с.4].

Основные показатели развития пилотных инновационных кластеров значительно превосходят средние значения по регионам их базирования. В частности, объем совокупной выручки их участников от продаж продукции на внешнем рынке выше в среднем на 20 %, объем отгруженной инновационной продукции собственного производства, инновационных работ и услуг, выполненных собственными силами, – на 60–90 %.

Одновременно с этим имели место видимые разрывы между кластерами, входящими в утвержденный перечень, по большинству ключевых показателей. К концу 2015 г. только у 6 из 27 пилотных ИТК число организаций-участников достигло 130, а у 4 из них – превысило этот показатель. У остальных кластеров этот показатель был в пределах 50–80. Только у 12 пилотных ИТК совокупная численность работников организаций-участников превысила 20 тыс. чел. Лидировали здесь кластеры Республики Татарстан (более 100 тыс. чел.), Архангельской и Самарской областей, Республики Удмуртия и «ФИЗТЕХ-XXI» Московской области (более 40 тыс. чел.). У других этот показатель был не более 10 тыс. чел.

По уровню эффективности пилотные кластеры также различались. У 12 из них годовая выработка на одного работника организаций-участников достигла 2.5 млн. руб. В кластерах Республик Башкортостан и Татарстан, Хабаровского края, Архангельской, Кемеровской, Ленинградской и Нижегородской областей, Санкт-Петербурга этот показатель превысил 4.5 млн. руб.

Данную дифференциацию пилотных кластеров по основным показателям развития можно объяснить различиями в моделях территориальной организации, и пропорциях между научно-технической и производственной деятельностью в структуре занятости [2, с. 13–17].

Исходя из их модели организации, пилотные ИТК можно подразделить на три группы: кластеры, образованные на базе «якорных» высокотехнологичных предприятий; кластеры, образованные на базе ведущих научных и образовательных центров; кластеры, образованные на базе малого и среднего инновационного бизнеса.

Различия в моделях организации пилотных ИТК обусловлены еще и типологией инициаторов формирования кластерных инициатив. Ими могут быть очень крупные производственные компании; группы малых и средних предприятий; ведущие научные центры страны; региональные органы власти.

Эффективность кластерной политики в период 2013–2015 гг. была достигнута за счет комбинирования различных инструментов государственной поддержки. Для первой группы кластеров – это формирование вокруг крупных предприятий «инновационного пояса» из малых и средних компаний, вузов и научных организаций, внедрение передовых методов организации производства, развитие аутсорсинга, системы поставщиков; для второй группы – привлечение крупных российских и зарубежных компаний к организации высокотехнологичного производства на базе имеющегося кадрового потенциала и исследовательской инфраструктуры, развитие инновационного предпринимательства путем коммерциализации разрабатываемых технологий, подготовка кадров, формирование и развитие новых научных направлений, запуск высокотехнологичных производств; для третьей группы – развитие инновационной инфраструктуры, стимулирование спроса на инновационную продукцию малого и среднего бизнеса, развитие внутрикластерной кооперации, в том числе с вовлечением научных и образовательных организаций [2, с. 21].

Дальнейшая эволюция пилотных ИТК должна будет обеспечиваться комплексным развитием территорий их базирования, когда улучшение региональной инновационной экосистемы сочетается с поддержкой социальной и инженерной инфраструктуры.

Драйвером роста выступают сформированные в субъектах Российской Федерации команды на базе специализированных организаций кластеров, способные стать основой для создания полноценных управляющих компаний, формирование которых становится необходимой мерой для комплексного освоения территорий.

Однако представленные выше данные свидетельствуют о том, что подобный опыт в основном сконцентрирован в небольшом числе кластеров.

Многие пилотные ИТК не имеют в своих портфелях крупных и потенциально эффективных инновационных проектов, что, прежде всего, связано с недостатком необходимых кадровых и иных ресурсов.

В то же время ряд участников программы, напротив, продемонстрировали наличие значительных возможностей для повышения эффективности своей деятельности. Таким образом, для достижения инновационными кластерами мирового уровня инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности целесообразно формирование программы их адресной поддержки.

В 2016 году Министерство экономического развития Российской Федерации запустило приоритетный проект «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня», который был рассчитан на период до конца 2020 года. Целями этого проекта являлись: создание точек опережающего роста экономики, инновационное

развитие, экспорт высокотехнологической продукции и коммерциализация технологий, повышение производительности труда и создание высокопроизводительных рабочих мест, рост конкурентоспособности страны.

Для достижения этих целей необходимо решить следующие задачи:

обеспечить опережающие темпы экономического роста регионов базирования отобранных инновационных территориальных кластеров; сформировать отвечающую мировым стандартам систему управления развитием инновационных кластеров; обеспечить участников проекта доступом к существующим формам поддержки развития территорий, включая поддержку по линии государственных программ субъектов Российской Федерации и государственных институтов развития; содействовать в формировании региональных программ, обеспечивающих привлечение инвестиций, развитие инноваций и рост экономики региона базирования; содействовать взаимодействию участников кластеров с компаниями с государственным участием, в том числе в рамках реализации ими программ развития поставщиков; содействовать в технологическом развитии (доступ к лучшим практикам внедрения и трансфера технологий, установление связей с международными технологическими лидерами); обеспечить поддержку экспорта инновационной продукции, привлечение инвестиций организациями – участниками кластера; содействовать кооперации с международными партнерами; обеспечить информационную поддержку, в том числе в российских и зарубежных СМИ.

В результате реализации проекта к концу 2020 года планировалось достичь следующих целевых показателей: увеличение выработки на одного работника не менее чем на 20 % к уровню 2016 г.; создание или модернизация не менее 100 тыс. высокопроизводительных рабочих мест; привлечение инвестиций за счет внебюджетных источников в объеме не менее 300 млрд. руб.; финансирование научных исследований и разработок, выполняемых совместно двумя и более организациями кластера либо одной и более организацией совместно с иностранными организациями, в объеме не менее 100 млрд. руб.; увеличение числа патентов на изобретения в организациях – участниках кластеров не менее чем в 3 раза; создание не менее 300 технологических стартапов, получивших инвестиции; удвоение объема совокупной выручки компаний – участников кластеров от не сырьевого экспорта по отношению к уровню 2016 г.; рост средней доли добавленной стоимости в выручке организаций – участников кластеров не менее чем на 20 % к уровню 2016 г. [3].

На первом этапе проекта был проведен конкурсный отбор заявок на включение в перечень инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня. На конкурс были поданы 22 заявки от 21 субъекта Российской Федерации. Кластеры, подавшие заявки, относились к одному из следующих типов: ведущий научно-образовательный центр мирового уровня, ориентированный на использование потенциала расположенных на его территории научных и образовательных организаций; кластер

средних и крупных компаний – инновационных лидеров, характеризующийся ведущей ролью предприятий-участников.

В ходе рассмотрения и оценки заявок в первую очередь отбирались кластеры, сочетающие мировой уровень конкурентоспособности базирующихся на их территории предприятий, высокую динамику роста объемов производства, значительный научно-технический потенциал сосредоточенных в них исследовательских и образовательных организаций.

В результате были отобраны 11 кластеров – участников приоритетного проекта из Республик Башкортостан, Мордовия и Татарстан, Красноярского края, Томской, Калужской, Липецкой, Новосибирской, Самарской и Ульяновской областей, Консорциум инновационных кластеров Московской области. Позднее к ним был добавлен ИТК «Инноград науки и технологий» из Санкт-Петербурга [4].

На следующем этапе были разработаны стратегия реализации приоритетного проекта, комплекс методических материалов по разработке стратегии и «дорожной карты» развития инновационного кластера-лидера, планируемые результаты.

В процессе реализации проекта каждому кластеру Минэкономразвития России оказывает индивидуальное содействие в решении задач, связанных с использованием механизмов государственной поддержки, взаимодействия с компаниями с государственным участием, институтами развития, зарубежными партнерами.

Так, в 2019 году была проведена стратегическая сессия «Реализация стратегий территориальных кластеров и современные инструменты содействия ускорению технологического развития регионов», была оказана информационная и организационно-методическая поддержка участников проекта в рамках взаимодействия с Международной Ассоциации по кластерному развитию и инновациям (TCI Network), был выигран отбор на проведение ежегодной мировой конференции TCI Network. На 2020 год было запланировано провести мониторинг достижения показателей развития кластеров за 2019 год, поддержать актуализацию «дорожных карт» по развитию 12 ИТК – лидеров, оказать поддержку участникам проекта в процессе проведения ежегодной мировой конференции TCI Global Conference-2020 в Казани [5].

Анализ динамики основных показателей развития ИТК в России в период 2015–2019 гг. показывает наличие положительного вектора развития их основных функциональных индикаторов. Так, преобладание среднегодового темпа роста внутренних инвестиций (26,4 %) над темпом роста внешних инвестиций (6 %) свидетельствует о росте внутренних мотиваций участников кластеров вне зависимости от субсидирования со стороны государства. В качестве инвестиционного эффекта можно интерпретировать положительную динамику обеспечения населения высокопроизводительными рабочими местами, где средний темп роста составляет 10,9 %.

За этот период бюджет хозяйствующих субъектов, работающих в условиях кластеров, на научные исследования увеличился в 1,5 раза, а среднегодовой темп роста – на 8 %, что свидетельствует об осознанном отношении предприятий кластера к необходимости разработки и внедрения инноваций. Более 70 % бюджетных средств со стороны государства направлено на формирование инфраструктуры, стимулирующей образовательный и инновационный потенциал кластеров. Однако финансирование кооперационных связей в кластерном развитии за рассматриваемый период незначительное (11,8 %). Производственная кооперация кластеров России в настоящее время развита слабо, ее рост отмечается в 3,1 % случаев. Научно-исследовательские кооперационные связи выросли на 6,6 % [6].

С 26 ноября 2018 года начался процесс создания на территории Москвы инновационного кластера в форме фонда, обеспечивающего координацию взаимодействия субъектов деятельности в сфере промышленности, науки, образования, связи и иных сферах, определенных Правительством Москвы, и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. В коллегиальный орган управления вошли представители Президента РФ, Правительства РФ, мэр Москвы, президент Академии наук РФ, ректор МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральные директора Госкорпораций «Ростех», «Росатом», «РОСНАНО», президенты Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» и Центра разработки и коммерциализации новых технологий [7].

Уже в 2020 году, по данным Global Innovation Index, Московский инновационный кластер (МИК) получил 32 место в международном рейтинге лучших инновационных кластерных образований мира, поднявшись с 2017 года на 25 пунктов. Большинство участников МИК являются малыми и средними инновационными предприятиями из Москвы и других субъектов РФ. Общее количество участников превышает сегодня 17 тыс., где 11 525 – инновационные предприятия Москвы, 5 688 – из других областей России [8].

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время наблюдается относительно высокий темп кластерного развития в России, который связан как с государственной законодательной и финансовой поддержкой кластерных проектов, так и с наличием совокупности положительных результатов от деятельности кластеров, что мотивирует участников кластерных образований к их развитию.

Список литературы

1. Инновационные кластеры – лидеры инвестиционной привлекательности мирового уровня: методические материалы/ Е. А. Исланкина, Е.С. Куценко, П.Б. Рудник, А.Е. Шадрин; Минэкономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 132 с.

2. Кластерная политика: достижение глобальной конкурентоспособности / В.Л. Абашкин, С.В. Артемов, Е. А. Исланкина и др.; Мин-во экономразвития России, АО «РВК», Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 324 с.

3. О приоритетном проекте минэкономразвития России «Развитие инновационных кластеров – лидеров инвестиционной привлекательности мирового уровня». Приказ Минэкономразвития от 26.06.2016 г. № 400 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=663862-88&rnd=087968578B0A2F33CCBDED942D576483&req=doc&base=EXP&n=714258&REFDOC=663862&REFBASE=EXP#2q043ncce24 (дата обращения 07.04.2021).

4. Доклад об итогах деятельности Минэкономразвития России за 2018 год и задачах на 2019 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/ material/file/612137a2d55d7c3a649e94c1decfaa6c/doklad20182019.pdf (дата обращения 10.04 2021).

5. Развитие системы государственной поддержки инноваций в субъектах РФ. Министерство экономического развития. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d01/razvitie_sistemy_gosudarstvennoy_podderzhki_innovaciy_v_subektah/klastery/ (дата обращения 10.04 2021).

6. Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: https://cluster.hse.ru/leaders (дата обращения 14.04 2021).

7. О создании на территории г. Москвы инновационного кластера. Указ Президента Российской Федерации от 26.11.2018 г. № 672. [Электронный ресурс]. URL:: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43779 (дата обращения 14.04 2021)

8. Инновационные кластеры в мире и в России [Электронный ресурс]. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/innovatsionnye-klastery-rossii/ (дата обращения 14.04 2021).

Summary

Koshkidko V. G. Development of Innovative Clusters in the Regions of the Russian Federation

The article concerns the process of implementing of the state cluster policy in the regions on the example of the creation and development of innovative territorial clusters. Measures of state support in the framework of pilot programs for the development of innovative clusters are being considered stepwise. Based on the data of the Ministry of Economic Development and the Russian Cluster Observatory, the results of the program of activities, the dynamics of the main indicators of clustering in the regions of Russia, and the level of efficiency of individual clusters are analyzed.

Key words: state cluster policy, innovative cluster, pilot programs, regions of the Russian Federation.

Калимжанова К. М.
Менеджер департамента налогов и права ТОО «Делойт ТСФ»,
магистр экономики
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
kalimzhanova@gmail.com

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА КАЗАХСТАНА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ВЫЗОВЫ

Аннотация. В данной статье описываются основные направления развития налоговой системы Казахстана на современном этапе, а также характеристики проводимых налоговых реформ. Основываясь на практике, автор определяет существующие вызовы и рассматривает возможные пути их решения.

Ключевые слова: налоговая система Казахстана, налоговые реформы.

Казахстанская налоговая система зарекомендовала себя как одна из наиболее передовых среди стран СНГ. Она находится в непрерывном процессе модернизации, а также интеграции лучших мировых практик по применению налоговых механизмов и правил, направленных на улучшение инвестиционной и налоговой среды.

За годы независимости Казахстан добился значительных результатов в создании благоприятного инвестиционного климата, способствуя защите прав инвесторов и интересов налогоплательщиков.

Правительством Казахстана созданы специализированные институты для поощрения и защиты инвестиций (Национальная компания Kazakh Invest, Совет иностранных инвесторов при Президенте Республики Казахстан, институт инвестиционного омбудсмена).

Ключевую роль в построении прямого диалога налогоплательщиков с государственными органами играют различные платформы, представленные объединениями бизнес-сообщества (Ассоциация Налогоплательщиков Казахстана, Национальная Палата Предпринимателей «Атамекен», Американская Торговая Палата, Европейская Бизнес-Ассоциация Казахстана, Национальная Ассоциация Бизнеса, Ассоциации «Kazenergy», «Kazservice» и другие).

В течение последней декады Правительство Казахстана особенно активно реформирует налоговую систему. В рамках реализации Плана Нации «100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ» был разработан и принят новый Налоговый Кодекс (действует с 2018 года).

Основные направления налоговых реформ

Фундаментальные налоговые реформы в Казахстане представлены следующими ключевыми процессами:

- введение принципа добросовестности налогоплательщика, согласно которому все неопределенности и неурегулированные вопросы налогового законодательства толкуются в пользу налогоплательщика; в свою очередь, на налоговые органы возлагаются обязательства по обоснованию доводов и раскрытию обстоятельств, свидетельствующих о факте нарушения налогового законодательства;
- упрощение и автоматизация процедур налогового администрирования по следующим направлениям:
  - внедрение концепций электронного аудита (е-аудита) и горизонтального мониторинга, предполагающих минимальные прямые контакты налоговых органов с налогоплательщиками, прозрачность взаимодействия и снижение потенциальных налоговых рисков для налогоплательщиков;
  - введение специальных контрольных счетов по НДС с использованием технологии block chain для целей отслеживания движения сумм НДС и упрощения процедуры возврата НДС;
  - внедрение электронных счетов-фактур, сопроводительных накладных на товары и виртуальных складов для повышения прозрачности деловых операций и упрощения мониторинга движения товаров в Казахстане;
  - упрощение форм налоговой отчетности для целей сокращения трудоемкости налоговых процессов;
  - представление и подписание налоговой отчетности в электронном виде в кабинете налогоплательщика;
  - применение камерального контроля в качестве инструмента налоговых органов для проверки налоговой отчетности, с целью дальнейшего самостоятельного устранения выявленных несоответствий налого-плательщиками без наложения административных взысканий;
  - применение налоговыми органами системы управления рисками, предполагающей присвоение налогоплательщикам высокого, среднего или низкого уровня риска для целей проведения налоговых проверок. Некоторые критерии системы управления рисками являются конфиденциальными, в то время как другие отражены в Налоговом Кодексе;
  - реализация механизма предварительных актов налоговой проверки, предполагающего диалог налогоплательщика с налоговыми органами по спорным вопросам и снижение налоговых споров по результатам налоговой проверки;
- развитие системы налоговых преференций для целей поддержки инвестиций в приоритетные секторы экономики (технологическое и индустриальное развитие, модернизация существующих производственных мощностей), включая налоговые льготы для капитальных затрат за счет их

полного вычета и налоговые льготы для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в рамках:

- инвестиционных приоритетных проектов;
- специальных экономических зон (в настоящее время в Казахстане действует 13 специальных экономических зон по различным приоритетным видам деятельности, включая текстильное и нефтехимическое производство, а также создание новых технологий);
- международного технологического парка «Астана Хаб»;
- международного финансового центра «Астана».

- соответствие современным тенденциям, связанным с развитием технологий и цифровизацией, в том числе:
  - внедрение правил налогообложения при электронной торговле товарами;
  - введение так называемого «налога на Google» в виде НДС для иностранных компаний, осуществляющих электронную торговлю товарами и оказывающих услуги в электронной форме физическим лицам в Казахстане (с 1 января 2022 года);
- развитие международного налогового сотрудничества по следующим направлениям:
  - увеличение числа стран, с которыми Казахстан имеет соглашения об избежании двойного налогообложения (в настоящее время действует 55 соглашений);
  - членство в Инклюзивной группе, созданной ОЭСР / G20 в рамках инициативы по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли (BEPS);
  - введение правил налогообложения контролируемых иностранных компаний;
  - присоединение к Многостороннему соглашению компетентных органов об автоматическом обмене информацией о финансовых счетах.
  - присоединение к Многосторонней конвенции о применении мер, связанных с налоговыми соглашениями, для предотвращения BEPS (MLI).

Существующие вызовы

В целом, проводимые налоговые реформы оказывают положительное влияние на бизнес-среду, так как направлены на устранение неопределенностей в налоговом законодательстве и установлению прозрачности процессов налогового администрирования посредством применения новых технологий.

Однако на практике по-прежнему остаются области, требующие дальнейших действий со стороны государственных органов и представителей бизнеса. Так, например:

- *остаются неясности в налоговом законодательстве*

➢ Для решения данной задачи необходима активная и консолидированная позиция налогоплательщиков в обсуждении предлагаемых изменений в налоговое законодательство.

- *По-прежнему существует значительное количество налоговых споров:*

➢ новые механизмы, такие как горизонтальный мониторинг, электронный аудит и предварительные акты налоговой проверки, конечной целью которых является сокращение налоговых споров, требуют широкого внедрения на практике.

- *Наблюдается «эффект колеи» в части агрессивного подхода налоговых органов при проведении налоговых проверок:*

➢ переход к концепции добросовестности налогоплательщика необходимо осуществлять с одновременной трансформацией институциональной среды, в том числе, судебной системы;

➢ необходима реализация ответственности налоговых органов за некорректные дополнительные налоговые начисления и необоснованные решения.

- *Остается высоким уровень криминализации налоговых правонарушений:*

➢ порог для уголовной ответственности за налоговые правонарушения должен определяться исходя их комплекса критериев, в том числе, масштаба и характера хозяйственной деятельности, суммы занижения налогов в бюджет, оборотов и общей налоговой нагрузки налогоплательщика.

- *Наблюдается несоответствие между заявленными принципами/ инициативами и их практической реализацией:*

➢ периоды пилотных проектов в различных фокус-группах необходимо продлить для достижения наибольшей эффективности при их дальнейшем повсеместном применении;

➢ необходимо достижение соответствия между общим уровнем развития технологий в смежных областях и характеристиками внедряемых налоговых механизмов.

Выводы

Казахстан находится на пути формирования устойчивой налоговой системы, укрепления доверия налогоплательщиков к государственным органам и внедрения все более прозрачных механизмов налогового администрирования.

Принципиальным в данном процессе является приверженность последовательному, предсказуемому и прозрачному применению положений налогового законодательства на практике. Непоследовательное и непредсказуемое

применение положений Налогового Кодекса наряду с высоким уровнем криминализации налоговых нарушений остаются наиболее существенными проблемами, вызывающими обеспокоенность как иностранных, так и отечественных инвесторов.

Казахстан сможет удержать позиции наиболее благоприятного места для размещения инвестиций среди стран СНГ, если будет более эффективно решать эти проблемы в ближайшие годы.

Summary

Kalimzhanova K. M. Kazakhstan Tax System: Main Trends and Existing Challenges

This article describes the main directions of development of the tax system in Kazakhstan at the present stage, as well as the key characteristics of conducted tax reforms. Based on practice, the author considers existing challenges and discusses possible solutions.

Key words: Kazakhstan tax system, tax reforms.

Тлеугулова А. А.
Ассистент кафедры экономики
Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова,
магистр экономики
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
tleugulova_asem@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КАЗАХСТАНСКИХ КОМПАНИЙ

Аннотация. В свете глобальных экономических вызовов общеизвестно, что страны с развивающимися рынками имеют ряд особенностей институциональной и инфраструктурной среды, которые заметно увеличивают риски предоставления недостоверной финансовой информации. Указанные особенности связаны, прежде всего, со слабостью институтов защиты частной собственности, нормативно-правовой базы учета, недостаточным развитием финансового посредничества и отсутствием репрезентативных рыночных показателей справедливой стоимости, низкой корпоративной культурой и социальной ответственностью бизнеса. В связи с высокой ролью государства в странах с развивающимся рынком, автором обосновывается необходимость активизации государственной системы мер обеспечения прозрачности ведения предпринимательской деятельности, которые способствуют увеличению благосостояния как для бизнес-сообщества, так и для национальной экономики в целом.

Ключевые слова: достоверность финансовой отчетности, финансовый анализ, аудит, государственный аудит.

Повышение интереса к вопросам прозрачности и достоверности финансовой отчетности в условиях развивающего рынка связано, в первую очередь, с углублением интеграционных процессов. Эксперты и исследователи данной области отмечают, что проблемы высоких рисков управленческих решений, принятых на основе той или иной финансовой информации, разнятся в зависимости от страны, ее бизнес-среды, а также системы политических, социальных и других макро-институтов [1, с. 10]. Кроме того, основные черты стран с развивающимися рынками: высокая концентрация собственности, отсутствие разделения между акционерным и корпоративным управлением, слабое развитие малого и среднего бизнеса, низкая эффективность институциональной и инфраструктурной среды также оказывают существенное влияние на формирование условий представления достоверной финансовой отчетности [2, с. 16].

Различия в характере и масштабах проблем, которые наблюдаются в развитых странах и странах с развивающимся рынком, в настоящее время принимаются в расчет при принятии различных экономических решений на уровне фирм. Другими словами, пробелы институциональной среды

развивающего рынка восполняются на корпоративном уровне самими компаниями. Так, высокая степень асимметрии информации при принятии инвестиционных решений нивелируется большей нормой требуемой доходности по тому или иному проекту. Однако данный факт значительно сокращает круг потенциально эффективных и результативных проектов ввиду высоких рисков неопределенности, которые отражаются, в частности, в возможности недостоверного представления финансовой отчетности. По нашему мнению, данный факт носит крайне негативный характер, поскольку заметно снижает объем инвестиций, которые, чаще всего, являются основным источником развития стран с переходной экономикой.

Казахстан, являясь представителем группы стран с развивающими рынком, также сталкивается с проблемой недостоверности финансовой отчетности. Во-первых, рассматривая вопросы переходной экономики, необходимо, в первую очередь, обратить внимание на преобладание внутренней собственности в управлении акционеров. В связи с этим наблюдается тенденция в *предпочтениях заемного капитала собственному* в условиях развивающихся рынков. Данный феномен продиктован стремлениями собственников защитить свой капитал в условиях слабости юридических и финансовых институтов защиты частной собственности.

Однако данное положение необходимо рассмотреть и с другой точки зрения. Так, высокая концентрация собственности в значительной мере ограничивает круг пользователей финансовой информации, тем самым снижая мотивы к предоставлению качественной достоверной финансовой отчетности. В целом, нечеткие механизмы регламентации правил и принципов формирования достоверных финансовых результатов снижают интерес к исследованию, поиску и разработке эффективных механизмов определения и выявления искажений в финансовой отчетности.

На сегодняшний день анализ достоверности финансовой отчетности проводится лишь на уровне самой компании, представляющей и финансовую информацию, а также различными аудиторскими организациями. Однако спрос на достоверную информацию о деятельности экономического субъекта предъявляется не только указанными организациями, но и иным третьими лицами, которые, как правило, не обладают необходимой полнотой информации, а также инструментами ее восполнения [3, с. 215].

Таким образом, необходимость *создания единой методики* определения степени достоверности финансовой отчетности, регламентированной на законодательном уровне, продиктована высокой долей государственного участия в странах с развивающимся рынком. Методика должна быть гибкой и несложной в исчислении, поскольку в условиях экономической и финансовой нестабильности время и ресурсы на принятие управленческих решений ограничены. Следовательно, необходим своего рода экспресс-анализ достоверности финансовой информации для широкого круга пользователей.

Во-вторых, значительной проблемой развивающихся рынков остается сырьевая направленность и экспортоориентированность их экономик [4, с. 173]. Данное положение подтверждалось нами при составлении репрезентативной выборки казахстанских компаний, большинство из которых оказались компаниями с короткой производственной цепочкой. В этой связи необходимо акцентировать внимание на особенностях реального сектора экономики Казахстана, которые могут лечь в основу причин недостоверности финансовой отчетности. На основе разработанной в ходе исследования методики нами определена шкала степени недостоверности финансовой информации, согласно которой выявлены две категории компаний: искусственно завышающих и занижающих собственные финансовые показатели. В результате нами выявлены основные тенденции изменения направлений искажения финансовой отчетности, в зависимости от сектора экономики, как представлено на рисунке 1.

Как видно из рисунка, в направлении завышения собственных финансовых результатов наиболее высокая вероятность представления недостоверной финансовой отчетности наблюдается среди отрасли услуг, тяжелой промышленности и добычи полезных ископаемых (38,1 %; 32,1 % и 24,5 % соответственно). В направлении же представления заниженных финансовых показателей наибольшие риски присутствуют в секторе добычи полезных ископаемых, сельском хозяйстве и отрасли предоставления услуг (28,6 %; 21,4 % и 19 % соответственно). Как видно, и в том, и другом случае, отрасли, сопряженные с наибольшими рисками операционной деятельности, демонстрируют также высокие риски предоставления недостоверной финансовой отчетности. Данное явление объясняется мотивами компании к максимизации рыночной капитализации, которая возможна либо путем привлечения капитала, либо путем снижения издержек ведения бизнеса [5, с. 109]. В первом случае привлекателен мотив завышения собственных финансовых результатов в целях предоставления инвестиционно-привлекательной информации, что наблюдается и в экономически развитых странах. Во втором – мотив уменьшения налоговых затрат через искусственное занижение финансовых показателей, который не так очевиден, однако ярко выражен и достаточно распространен в практике стран с развивающимся рынком. *Повышение гражданской сознательности бизнес-среды* путем мониторинга и контроля со стороны государства также является направлением повышения прозрачности и достоверности финансовой отчетности в условиях развивающегося рынка.

В-третьих, Казахстан как страна с развивающимся рынком может быть примером слабости и недостаточной развитости финансовых рынков. Широкое распространение банковской системы, которая является ключевой в системе финансовых посредников, а сами банки – институтами развития, выступает основной причиной низкой популярности фондового рынка Казахстана. На рисунке 2 продемонстрировано изменение глубины финансового рынка Республики Казахстан.

Рис. 1. Вероятность недостоверного представления финансовой отчетности казахстанских компаний в зависимости от сектора экономики, %

Источник: составлено автором на основе аналитических расчетов.

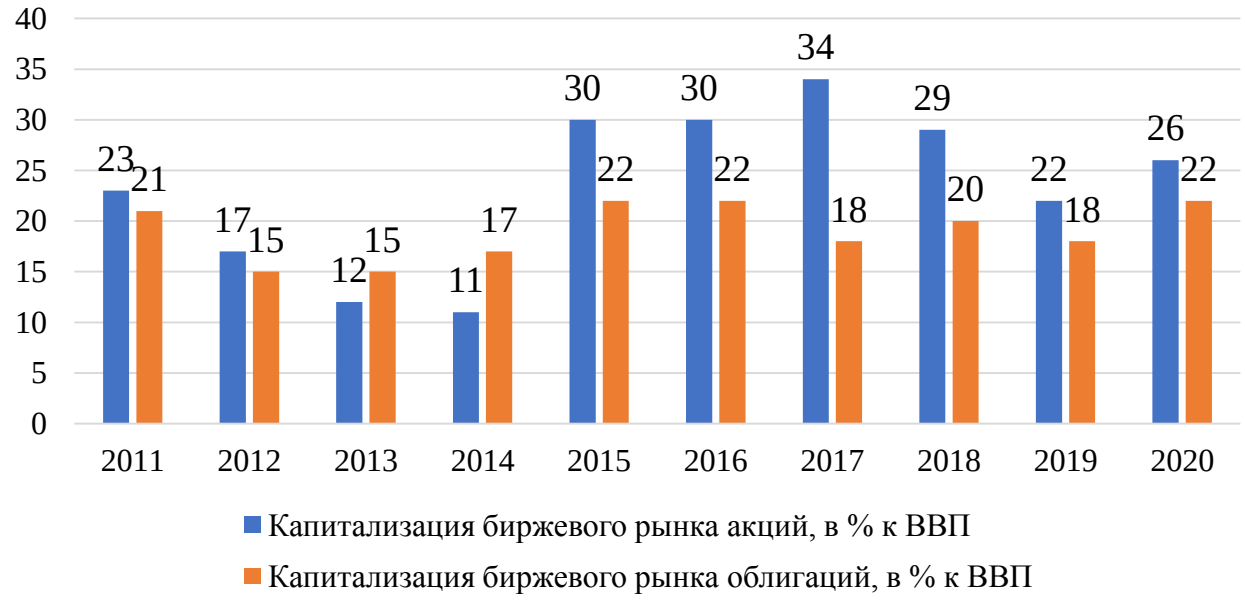

Рис. 2. Роль биржевого рынка в экономике Республики Казахстан (капитализация рынка негосударственных ценных бумаг к ВВП) за 2011–2020 гг.

Источник: Национальный банк Республики Казахстан [6].

Как видно из рисунка 2, финансовый рынок Казахстана не способен в полной мере аккумулировать весь объем финансовых ресурсов, необходимых для качественного экономического роста. В связи с этим компании все большее предпочтение отдают рынку заемного капитала, в частности, банковской системе. В ситуации развитых стран, где развитие фондовых рынков в разы превышает размер национальной экономики, использование рыночных показателей при анализе достоверности финансовой отчетности наиболее целесообразно. Однако в странах с развивающимся рынком использование рыночных показателей может не только быть затруднительным, но и крайне нерепрезентативным при анализе степени достоверности финансовой информации.

Таким образом, при адаптации зарубежных методик оценки достоверности финансовой отчетности для стран с развивающимся рынком необходимо принимать во внимание *отсутствие эффективных рыночных показателей справедливой стоимости* активов и иных статей бухгалтерского учета [7, с. 220]. Наибольший упор необходимо ставить на данные бухгалтерского учета каждой отдельной компании, в совокупности со спецификой среды ее функционирования и профессиональным суждением.

В-четвертых, проблема функционирования институциональной среды обеспечения достоверной финансовой отчетности также является отличительной чертой, присущей странам с формирующимся рынком. Данный факт не является предметом широкого обсуждения ввиду активных реформ, принимаемых на законодательном уровне в целях обеспечения безопасности и прозрачности ведения предпринимательской деятельности. Однако, помимо прямого государственного регулирования, существует и ряд неформальных социальных институтов, которыми зачастую руководствуется все бизнес-сообщество [8, с. 15]. Речь идет о корпоративной социальной ответственности и бизнес-этике. При рассмотрении указанного вопроса, в большинстве случаев отмечают необходимость социальной поддержки незащищенных слоев общества, заботу об окружающей среде, участие в реализации социально-значимых проектов бизнесом. Однако центральным направлением социальной ответственности бизнеса, прежде всего, является честность и прозрачность ведения предпринимательской деятельности, которая будет способствовать увеличению национального благосостояния.

Таким образом, приоритетным направлением обеспечения прозрачности бизнес-процессов, на наш взгляд, является представление достоверной финансовой отчетности всем пользователям финансовой информации. Как известно, в странах с развитой экономикой культура социальной ответственности бизнеса очень высока, и механизмы ее функционирования четко отлажены. В странах же с развивающимися рынками необходима *разработка единого Кодекса корпоративной этики и социальной ответственности бизнеса*, который бы рассматривал, в частности, и вопросы достоверного и прозрачного процесса представления финансовой информации.

Затрагивая проблемы корпоративной этики, необходимо также осветить вопросы независимости и непредвзятости аудита при проверке достоверности

финансовой отчетности. Система норм нравственного поведения аудитора прописана в Кодексе аудиторской этики, которая включает в себя принципы независимости, непредвзятости, объективности, компетентности и добросовестности, конфиденциальности, профессионального поведения и скептицизма. Обеспечение всех указанных принципов в совокупности способствует формированию достоверных сведений о хозяйственной деятельности экономического субъекта и позволит повысить эффективность управленческих решений, основанных на анализе представленной финансовой информации [9, с. 110]. Однако в странах с развивающимся рынком и переходной экономикой высоки и коррупционные риски на всех стадиях бизнес-цикла. Так, согласно Индекса восприятия коррупции за 2020 год, к странам с наименьшими рисками коррупционной деятельности причислены Дания, Новая Зеландия и Финляндия (1, 2 и 3 место в рейтинге соответственно). Однако, страны с развивающимися рынками, напротив, активно вовлечены в коррупционные процессы: Казахстан – 94 место, Бразилия – 94 место, Россия – 129 место [10, с. 3]. *Увеличение эффективности мер по противодействию коррупции* позволит снизить расходы предприятий на транзакционные издержки, тем самым открывая возможности снижения мотивов к преднамеренному искажению собственных финансовых результатов.

На основе вышеизложенного следует вывод о том, что страны с развивающимися рынками имеют ряд особенностей институциональной и инфраструктурной среды, которые заметно увеличивают риски предоставления недостоверной финансовой информации. Своевременный учет, тщательная оценка и планомерный мониторинг рисков переходной экономики позволяет снизить или вовсе нивелировать возможности представления недостоверной финансовой отчетности компаниями. В связи с высокой ролью государства в странах с развивающимся рынком, активизация государственной системы мер обеспечения прозрачности ведения предпринимательской деятельности так же способствует увеличению благосостояния как для бизнес-сообщества, так и для национальной экономики в целом.

Существует противоречие между исследованиями в области государственного аудита, делающими упор на коллизию, и ожиданиями ОЭСР о том, что более эффективное управление государственным сектором восстановит доверие общества к правительству. Пробелы государственного управления напрямую способствуют снижению общественного доверия в странах с развивающимися рынками ввиду низких темпов роста, давлению глобализации, жесткой экономии, увеличения неравенства и безработицы.

В самом деле, большая прозрачность, вероятно, подорвет доверие общества к правительству, поскольку она обнажает проблемы и области недостаточной эффективности развивающейся экономики. Прозрачность деятельности правительства может повысить доверие, основанное на знаниях, в долгосрочной перспективе, однако в кратко- и среднесрочном периоде эффект может быть обратным [11, с. 322].

Государственный аудит играет связующую роль в установлении общего языка для восстановления доверия социума к правительству. Посредничество жизненно важно для задач государственного аудита по обеспечению внешней и внутренней прозрачности, что иногда может вызывать коллизию интересов бизнеса, общества и государства. Наиболее эффективный вклад в посредничество, вероятно, будет заключаться в том, как общественный аудит способствует согласованию интересов путем предоставления систематической и достоверной информации. Государственный аудит выступает гарантом прав общественности на публичность государственной финансовой информации, которые провозглашены законодательством практически всех стран мира [12, с. 4].

Теоретическая основа, разработанная в этой статье, может быть продуктивно использована для освещения проблематики различий в функциях и направлениях деятельности внешне похожих институтов государственного аудита, которые фактически функционируют в контексте стран с различным уровнем экономического развития. Интересно, что ВОФК стран Северной Европы, которые играют активную роль в наращивании потенциала государственного аудита во всем мире, похоже, практически не сталкиваются с экономическими ограничениями в работе по повышению эффективности государственного сектора, характерными, например, для стран с развивающимися рынками.

Управление системой государственного аудита – это безусловно сложный процесс, который не должен происходить в теоретическом вакууме. В контексте продолжающейся жесткой экономии и вызывающих разногласий споров о размере и масштабах роли государства в экономике, институт государственного аудита должен понимать свое положение в экономико-политическом пространстве и принимать в расчет воздействие эффекта коллизии.

Вовлеченность в мировое экономическое пространство, несомненно, имеет положительный эффект для экономик развивающихся стран. Стоит отметить, что инструменты государственного аудита, принятые международным сообществом как эталонные, в странах с развивающимися рынками могут не иметь должного эффекта.

Список литературы

1. Nguyen, L.-U. The (un)suitability of fair-value accounting in emerging economies: the case of Vietnam // Journal of Accounting & Organizational Change, 2019. 1-29 p. doi:10.1108/jaoc-03-2018-0032

2. Fong, T., Li, K.-F., & Fu, J. Accounting for Sovereign Tail Risk in Emerging Economies: The Role of Global and Domestic Risk Factors // HKIMR Working Paper, 2015. 24. 1-30 p. doi: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2699920

3. Панферова Л. В. Достоверная бухгалтерская (финансовая) отчетность – основа при принятии управленческих решений // Эффективные системы менеджмента – гарантии устойчивого развития: материалы V международного научно-практического форума, 2016. – Часть I. – С. 215–217.

4. Примбетов С., Ахунбаев А. Состояние, проблемы и перспективы финансовой системы Казахстана // Общество и экономика, 2017. – № 9. – С. 172–188.

5. Алексеев М.А., Савельева М.Ю., Слайковский С.А. Влияние манипулирования финансовой отчетностью на оценку стоимости компании // Сибирская финансовая школа, 2017. – №1(120). – С. 107–110.

6. Текущее состояние рынка ценных бумаг Республики Казахстан по состоянию на 1 января 2021 года / Статистический сборник/ на казахском и русском языках / Департамент регулирования небанковских финансовых организаций Национального банка Республики Казахстан. – Нур-Султан, 2021. – 11 с.

7. Qu, X., Zhang, G. Value-relevance of Earnings and Book Value Over the Institutional Transition in China: The Suitability of Fair Value Accounting in This Emerging Market // The International Journal of Accounting, 2015. 50(2). 195–223 p. doi: 10.1016/j.intacc.2013.01.009

8. Armitage, S., Hou, W., Sarkar, S. & Talaulicar, T. Corporate Governance Challenges in Emerging Economies // *Corporate Governance: An International Review,* Forthcoming, 2017. 1-23 p. Available at: https://ssrn.com/abstract=2954668

9. Bringselius, L. Efficiency, economy and effectiveness – but what about ethics? Supreme audit institutions at a critical juncture // *Public Money & Management*, 2018. 38(2). 105–110 p. doi:10.1080/09540962.2018.1407137

10. Индекс восприятия коррупции – 2020 / Статистический сборник/ «Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р». Москва, 2021. 30 с.

11. Heald, D. (2018). Transparency-generated trust: The problematic theorization of public audit. Financial Accountability & Management, 34(4), 317–335. doi:10.1111/faam.12175

12. Johnsen, Å. (2019). Public sector audit in contemporary society: A short review and introduction. Financial Accountability & Management. 1-7 p. doi:10.1111/faam.12191

Summary

Tleugulova A.A. Transformation of the Methodology for Assessing the Reliability of Financial Statements of Kazakhstan Companies

Considering global economic challenges, it is common knowledge that countries with emerging markets have several features of the institutional and infrastructural environment that significantly increase the risks of providing inaccurate financial information. These features are associated, first, with the weakness of the institutions for the protection of private property, the regulatory and legal framework for accounting, insufficient development of financial intermediation and the lack of representative market indicators of fair value, low corporate culture, and social responsibility of business. In connection with the high role of the state in countries with an emerging market, the author substantiates the need to activate the state system of measures to ensure the transparency of business activities, which contribute to an increase in welfare both for the business community and for the national economy.

Key words: reliability of financial statements, financial analysis, audit, public audit.

Сеитов С. К.
Аспирант кафедры агроэкономики
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
sanat_95@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В статье проведен анализ действующих методов государственной поддержки сельского хозяйства, разработаны рекомендации по их совершенствованию, соответствующие изменяющимся условиям хозяйствования и требованиям времени в этой стратегически важной отрасли экономики. Благодаря практическому воплощению предложенных путей совершенствования государственной поддержки сельского хозяйства, можно будет в большей степени стимулировать научно-технический прогресс, организовывать требующиеся стартовые условия для накопления капитала, расширенного воспроизводства, способствовать развитию институциональной среды в аграрной сфере республики.

Ключевые слова: сельское хозяйство, растениеводство, животноводство, государственная поддержка, субсидии.

Немаловажной задачей системы субсидирования сельскохозяйственного производства должно стать развитие эффективного и конкурентоспособного сельского хозяйства, определяющего высокий уровень продовольственной безопасности республики, увеличивающего экспорт товаров на иностранные агропродовольственные рынки. В условиях борьбы с последствиями кризиса COVID-19 особенно необходимым становится повышение эффективности мер государственной поддержки аграрной отрасли в Казахстане.

Между тем в Казахстане остается немало проблем, тормозящих рост сельскохозяйственного производства. Многие из таких проблем накапливались в Казахстане со времен его советского прошлого. Даже в нынешнее время организационные, экономические, социальные отношения в аграрной сфере страны в некоторой степени подвержены влиянию «эффекта колеи», институтов, неформальных правил, имевших место в советскую эпоху и период перехода Казахстана к рыночной среде. Проблемные аспекты развития сельского хозяйства в определенной мере касаются принципов государственного управления, а также ментальных, институциональных особенностей национальной экономической системы Казахстана, оказывающих влияние на менталитет и рутины аграриев и на сегодняшнем этапе развития.

По результатам реализации программ субсидирования растениеводства был выявлен ряд проблем, а именно:

1) ввиду ограниченности финансовых ресурсов, выделяемые государством субсидии имеют низкую эффективность, не стимулируют сельхозтоваропроизводителей к повышению уровня агротехнологий, урожайности и производительности труда;

2) механизм субсидирования не способствует внедрению точного земледелия, ориентируясь на достижение краткосрочных эффектов (нежели на повышение эффективности и конкурентоспособности отрасли, как в развитых странах ОЭСР [1, с. 20]);

3) существующий механизм государственного субсидирования не позволяет обеспечить рентабельное и стабильное производство продукции растениеводства и выправить существующие перекосы, приведшие к перепроизводству одних (зерновых) и недопроизводству других видов культур (технических, плодово-ягодных).

Среди наиболее острых проблем, препятствующих стабильному развитию животноводства в стране, можно выделить мелкотоварность производства, низкие показатели продуктивности сельскохозяйственных животных, убытки от гибели скота вследствие заболеваний, особенно при игнорировании некоторыми фермерами требований по вакцинации животных и по профилактике болезней, и др. В связи с этим государству, наряду с действиями по стимулированию наращивания поголовья скота и повышения его продуктивности, следует принимать масштабные меры по улучшению эпизоотической обстановки в стране, гарантированию производства безопасной животноводческой продукции.

Ситуация, сложившаяся в аграрной отрасли экономики Казахстана, свидетельствует о наличии серьезных угроз для продовольственной безопасности страны и необходимости выведения аграрного сектора на новую ступень развития, где важное место должно быть отведено политике совершенствования государственной поддержки сельского хозяйства.

Для системы государственной поддержки сельского хозяйства в Казахстане характерно преобладание прямой поддержки производителей, в частности, поддержки рыночной цены, при этом можно отметить недостаточный объем поддержки общих услуг (за счет вложений в развитие инфраструктуры, НИОКР, человеческого капитала). В структуре государственной поддержки сельского хозяйства Казахстана на долю производителей в 2017–2019 годах приходилось ¾, тогда как на долю общих услуг – ¼ [2, с. 331]. Рассматриваемая структура не является негативным признаком государственной поддержки, а лишь выступает как объективная данность в текущих экономических условиях, тем более что Казахстан не превышает принятых обязательств по государственной поддержке сельского хозяйства в рамках ВТО. В структуре мер поддержки акцент сделан на прямых мерах по субсидированию цены продукции и стоимости ресурсов.

На сегодняшний день в действующей системе государственного субсидирования накопился ряд недостатков, снижающих эффективность

государственного воздействия в целом на аграрный сектор Казахстана и тормозящих его развитие.

1. Незначительное влияние субсидий на улучшение финансовых результатов субъектов хозяйствования.

2. Субсидии не в полной мере способствуют расширенному воспроизводству в сельском хозяйстве. Инструменты поддержки АПК лимитированы и в основном представлены субсидированием рыночной цены, при этом обеспечивается в основном краткосрочный положительный эффект на развитии агросектора, но это не ведет к стимулированию производительности за счет снижения издержек в долгосрочном аспекте.

3. Не обеспечен равный доступ сельхозпроизводителей к субсидиям, что приводит к чрезмерному сосредоточению субсидий в крупных сельскохозяйственных предприятиях, что обостряет проблему различий в доходах между категориями хозяйств. Мелкие производители вынуждены функционировать в сложных конкурентных условиях. Личные подсобные хозяйства не подпадают под программы поддержки, тогда как производят более 3/5 животноводческой продукции в Казахстане [3].

4. Поддержка в недостаточной мере акцентирована на решение таких проблемных вопросов в сельском хозяйстве республики, как:

а) слабый научный потенциал, неразвитая транспортная и социальная инфраструктура, низкий уровень развития человеческого капитала в сельской местности – все это препятствуют росту производительности аграрного сектора;

б) неразвитая система внедрения новых технологий в сельском хозяйстве, причем низкая производительность связана с недостаточным уровнем использования сельскохозяйственной техники, технологий и инноваций, а также с раздробленностью участников производственно-сбытовой цепочки.

5. Изменчивость и непостоянство инструментария государственной поддержки, которые подразумевают частые изменения критериев и правил выделения субсидий. Это затрудняет учет влияния государственной поддержки на финансовые результаты в сельскохозяйственном производстве, заставляет сельхозтоваропроизводителей постоянно вести мониторинг изменений в законодательстве по вопросам господдержки среди большого массива устаревших и неактуальных критериев и правил субсидирования, циркулирующих в открытом доступе в СМИ, Интернет-ресурсах.

6. Отсутствие сведений об эффективности использования субсидий, здесь имеется в виду тот факт, что Правительство РК публикует лишь объемы выделенных и освоенных субсидий. Немаловажной проблемой является закрытость информации об экономической эффективности использования субсидий. Раскрытие подобной информации, во-первых, будет способствовать снижению коррупционных рисков в процессе доведения бюджетных средств и их расходования, во-вторых, откроет возможности для общественной оценки эффективности государственной поддержки. Упоминаемая оценка эффективности осуществляется Министерством сельского хозяйства РК, но в действительности она имеет лишь формальный характер. Оценку должны проводить

также независимые эксперты, в том числе члены Национальной палаты предпринимателей РК, чего в отечественной практике не наблюдается. Эта же проблема характерна и для России [4, с. 11].

7. Не соблюдается принцип гарантированности субсидий для аграриев. При исчерпании лимитов – законодательно принятых объемов субсидий – те сельскохозяйственные производители, которые позже других предоставили заявки на получение субсидий, вероятнее всего, останутся без бюджетных средств. Указанное обстоятельство подрывает значение господдержки, в связи с тем, что она не может однозначно учитываться производителями при долгосрочном планировании хозяйственной деятельности.

Несмотря на наличие выявленных проблем, связанных с неэффективностью государственной поддержки сельского хозяйства, в Казахстане наблюдаются позитивные сдвиги в направлении совершенствования системы государственной поддержки, что достигается, в том числе за счет автоматизации процессов подачи заявок на получение субсидий и государственных услуг.

В настоящее время продукция сельского хозяйства в республике производится преимущественно мелкими фермерами. Чтобы система государственной поддержки сельского хозяйства показывала реальную отдачу, необходимо выработать механизмы повышения заинтересованности фермеров в установлении долгосрочных контактов с предприятиями пищевой отрасли. Государству следует мотивировать разрозненных мелких сельхозтоваропроизводителей к объединению их в более крупные хозяйства или к созданию сельскохозяйственных кооперативов. Необходимо формировать условия для задействования потенциала села как основного источника сырья для предприятий пищевой и легкой промышленности, для восстановления производства сахарной свеклы, фруктов, мяса, шерсти, молока и т. д., для расширения системы заготовок сельскохозяйственного сырья.

Внедрение цифровых технологий в аграрную сферу позволит нарастить производство, производительность труда [5, с. 62]. Поддержка распространения цифровых решений должна стать одним из приоритетов в аграрной политике республики на ближайшее десятилетие, чтобы наша страна не отставала от зарубежных стран в этом направлении.

В целом можно отметить, что от своевременного устранения (или, по крайней мере, снижения остроты) вышеприведенных недостатков системы государственной поддержки сельского хозяйства зависит успешное развитие данной отрасли экономики Казахстана.

В контексте членства Казахстана в ЕАЭС и ВТО становится особенно актуальной задача по оптимизации структуры оказываемой финансовой поддержки с постепенной заменой поддержки рыночных цен на более эффективные механизмы. Назревает необходимость увеличения объемов финансовой поддержки общих услуг, в частности, поддержки развития НИОКР и инфраструктуры на сельских территориях страны. Существующие проблемы могут быть в существенной мере решены посредством совершенствования

инструментов поддержки, базирующихся на научных подходах, обеспечивающих стабильное развитие сельскохозяйственного производства.

Системный подход к решению проблем сельского хозяйства в Казахстане будет способствовать повышению конкурентоспособности отрасли в сравнении со многими зарубежными участниками продовольственных рынков. Кроме того, он позволит гармонизировать развитие различных отраслей и производств в агропромышленном комплексе, повлечет за собой устойчивый рост объемов производства продовольствия в долгосрочном аспекте.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–310–90075.

Список литературы

1. Гайсин Р.С. Особенности поддержки сельского хозяйства и государственного регулирования агропродовольственного рынка по долгосрочным циклам его развития хозяйстве // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, 2019. № 7. С. 13–21.

2. OECD (2020), Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2020, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/928181a8-en.

3. Официальный Интернет-ресурс Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.gov.kz.

4. Узун В.Я. Методы оценки влияния аграрной политики на развитие сельского хозяйства: монография / Узун В.Я, Гатаулина Е. А., Сарайкин В.А., Карлова Н.А. М.: ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства при Президенте Российской Федерации», 2014. 112 с.

5. Цветков В.А., Шутьков А.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В. Цифровая экономика и цифровые технологии как вектор стратегического развития национального агропромышленного сектора // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика, 2018. – № 1. – С. 45–64. – DOI: 10.33051/0130-0105-2018-1-45-64.

Summary

Seitov S. K. Problems of the Agricultural State Support System in Kazakhstan.

The purpose of the work is to identify the shortcomings inherent in state support for agriculture in Kazakhstan. This article analyzes the current methods of state support for agriculture, developed recommendations for their improvement, corresponding to the changing conditions of management and the requirements of the time in this strategically important sector of the economy. Thanks to the practical implementation of the proposed ways to improve state support for agriculture, it will be possible to stimulate scientific and technological progress to a greater extent, organize the required starting conditions for capital accumulation, expanded reproduction, and contribute to development of the institutional environment in the agrarian sector of the republic.

Key words: agriculture, crop production, animal husbandry, government support, subsidies.

Кайгородцев А. А.
Действительный член Российской академии естествознания,
профессор Восточно-Казахстанского
государственного университета имени С. Аманжолова,
доктор экономических наук
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан
kay-alex@mail.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА

Аннотация. Исследуется уровень физической доступности продуктов питания в Казахстане, являющийся одним из критериев оценки продовольственной безопасности. Определены виды сельскохозяйственной продукции, по которым имеется либо отсутствует самообеспечение республики. Выявлена доля импорта в ресурсах отдельных видов сельскохозяйственной продукции, соответствующая пороговому уровню продовольственной безопасности, либо превышающая его. Определена степень соответствия объемов потребления отдельных видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения пороговому уровню продовольственной безопасности. Определены уровень энергетической ценности суточного рациона питания и его структура.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, физическая доступность продовольствия, доля импорта продовольствия, энергетическая ценность пищевого рациона, структура пищевого рациона.

Под продовольственной безопасностью следует понимать такой уровень социально-экономического развития государства, при котором всему населению страны гарантируется физическая и экономическая доступность качественных пищевых продуктов, в объемах, необходимых для поддержания активного и здорового образа жизни.

Эксперты Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) считают, что в настоящее время в мире 2 миллиарда человек (25,9 % населения) не имеют доступа к достаточному количеству безопасных и питательных продуктов питания, в результате чего они подвержены серьезному риску неполноценного питания. При этом потери пищевых продуктов на различных этапах товаропроводящей цепочки оцениваются в 400 млрд. долларов в год (13,8 % объема производства) [1]. Это свидетельствует об актуальности темы настоящей статьи.

Физическая доступность продовольствия означает наличие продуктов питания на всей территории страны в каждый момент времени и в необходимом ассортименте.

Согласно нормативам ФАО, для обеспечения продовольственной безопасности необходимо, чтобы:

− в стране производилось не менее 80 % потребляемых продуктов питания;

− имелся страховой запас продовольствия в размере 17 % (60 дней) годового потребления;

− имелась возможность импорта недостающего продовольствия.

Из таблицы 1 видно, что в Казахстане самообеспеченность важнейшими видами продовольствия имеет тенденцию к росту. При этом объемы производства картофеля, овощей, бахчевых культур, молока и яиц превышают рациональные нормы их потребления. Вместе с тем в 2019 году самообеспеченность республики мясом составила 76,5 %, рыбой – 17,1 %.

По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планирования и реформам Республики Казахстан, в 2019 году урожай фруктов и ягод в расчете на душу населения составил 21 кг при рациональной норме потребления 113 кг в год. Таким образом, уровень самообеспеченности составил 18,6 %.

Объем производства зерна в 2019 году был на 5,9 % меньше порогового уровня продовольственной безопасности, в то время как в предыдущие пять лет он превышал 1 тонну на человека. 500 кг из этой тонны необходимы для потребления внутри страны (изготовление хлебобулочных изделий, корм скоту, страховой резерв). Все остальное зерно может быть экспортировано, а валютная выручка потрачена на импорт недостающего продовольствия.

Из таблицы 2 видно, что в 2019 году доля импорта в ресурсах зерна составила 1,4 %, а в продуктах его переработки – 3,5 %. Доля импорта яиц и яйцепродуктов составила 2,4 %, картофеля и продуктов его переработки – 2,9 %, семян подсолнечника – 6,5 %, молока и молочных продуктов – 8,1 %, мяса и мясопродуктов – 17,8 %. В то же время доля импорта фруктов, винограда и продуктов их переработки (52,3 %) в 2,6 раза превысила пороговый уровень продовольственной безопасности.

По данным [3], в 2019 году доля импорта в ресурсах внутреннего рынка зерновых не превышала пороговый уровень продовольственной безопасности (20 %). Так, по пшенице показатель составил 4,1 %, кукурузе – 0,9 %, ржи – 4,4 %, гречихе – 8,0 %, рису – 5,1 %, ячменю – 1,6 %, просу – 0,4 %, овсу – 0,6 %.

Доля импорта в потреблении муки составила 0,6 %, этилового спирта – 3,2 %, минеральной воды и безалкогольных напитков – 8,9 %, пива – 9,3 %, мяса и пищевых субпродуктов – 16,0 %, хлеба, хлебобулочных и кондитерских изделий – 16,1 %, коньяка и коньячных напитков – 18,8 %, крупы – 18,9 %.

Несмотря на то, что доля импорта молочных продуктов в товарных ресурсах внутреннего рынка составила 14,6 %, пороговый уровень импорта был превышен по сливочному маслу (23,0 %) на 3 процентных пункта (п.п.), а по сыру и творогу – в 2,3 раза (46,6 %).

Таблица 1. Производство отдельных видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения Казахстана (кг)

Наименование	2015	2016	2017	2018	2019	Норма потребления
Зерновые (включая рис) и бобовые культуры	1064	1160	1141	1109	941	1000
Картофель	201	199	197	208	211	100
Овощи	203	213	210	223	235	149
Бахчевые	119	116	116	117	117	21
Мясо в убойном весе	53	54	55	58	60	78,4
Молоко	295	300	380	311	317	301
Рыба	2,3	2,3	2,3	2,0	2,4	14
Яйца, шт.	270	267	280	306	299	292

Источник: составлено по данным [2].

Таблица 2. Доля импорта в ресурсах отдельных видов сельскохозяйственной продукции (%)

Наименование	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение по сравнению с 2015 г. (+, -), п.п.
Зерно	0,5	0,2	0,2	0,5	1,4	+0,9
Продукты переработки зерна	2,7	2,2	2,7	3,0	3,5	+0,8
Картофель и продукты его переработки	2,6	1,9	2,4	2,4	2,9	+0,3
Сахарная свекла	–	–	7,95	–	–	–
Семена подсолнечника	0,5	2,2	0,7	1,9	6,5	+6,0
Фрукты, виноград и продукты их переработки	63,7	60,6	55,6	52,4	52,3	–11,4
Мясо и мясопродукты	17,1	17,0	18,0	18,4	17,8	+0,7
Молоко и молочные продукты	9,1	9,3	8,9	8,3	8,1	–1,0
Яйца и яйцепродукты	0,8	0,7	1,1	0,7	2,4	+1,6
Масло растительное и маслосодержащие	25,9	25,1	22,9	21,1	19,2	–6,7

Источник: составлено по данным [2].

Доля импорта в ресурсах мяса птицы домашней и пищевых субпродуктов составила 47,8 %, что в 2,4 раза превышает пороговый уровень продовольственной безопасности. Доля импорта в потреблении макаронных изделий составила 22,6 % (2,6 п.п.), риса очищенного и обрушенного – 26,3 % (1,3 раза), водки и ликеро-водочных изделий – 28,5 % (1,4 раза), готовых и консервированных из мяса мясных субпродуктов – 35,4 % (1,8 раза), колбасных изделий – 37,2 % (1,9 раза), растительного масла – 37,4 % (1,9 раза), вина – 47,0 % (2,4 раза), сахара – 61,1 % (3 раза), маргарина – 61,4 % (3,1 раза), кондитерских изделий из сахара и шоколада – 61,5 % (3,1 раза), чая – 70,7 % (3,5 раза), рыбы, ракообразных и моллюсков, переработанных и консервированных, – 74,5 % (3,7 раза), кофе – 98 % (4,9 раза), переработанных и консервированных овощей (кроме картофеля) – 99,3 % (5 раз), переработанного и консервированного картофеля – 99,5 % (5 раз), переработанных и консервированных плодов и орехов – 100 % (5 раз).

Таблица 3. Потребление отдельных видов сельскохозяйственной продукции в расчете на душу населения Казахстана в 2019 г. (кг в год)

Наименование	Норма потребления	Потребление	Отклонение (+, -)
Хлебопродукты и кондитерские изделия	109	136,3	+27,3
Молоко и молочные продукты	301	253,5	–47,5
Мясо и мясопродукты	78,4	78,9	+0,4
Рыба и морепродукты	14	14,6	+0,6
Яйца, шт.	292	194,3	–99,7
Овощи	149	86,6	–62,4
Фрукты	132	77,4	–71,6
Картофель	100	48,5	–83,5
Масла и жиры	13,2	17,1	+3,9
Сахар, шоколад и кондитерские изделия	33	42,9	+9,9

Источник: составлено по данным [4].

Из таблицы 3 видно, что в 2019 году нормативы потребления были превышены по хлебопродуктам, мясу и мясопродуктам, маслам и жирам, сахару, шоколаду и кондитерским изделиям. При этом, как видно из таблицы 1, производство мяса на душу населения составило лишь 76,5 % от норматива.

Вместе с тем недопотребление продуктов питания имело место по молоку и молочным продуктам, яйцам, овощам, фруктам и картофелю. При этом производство картофеля превысило норматив потребления в 2,1 раза, овощей – в 1,6 раза, молока – на 5,3 %, яиц – на 2,4 %. Это можно объяснить недостаточно высокой покупательной способностью населения, в структуре потребительских расходов которого затраты на закупку продуктов питания составляют 53,8 % [5].

В 2019 году среднедушевая энергетическая ценность продуктов питания, потребленных населением республики, составила 3254 ккал, в том числе в городской местности – 3162 ккал, в сельской местности – 3233 ккал [6].

Для характеристики качества потребления продуктов питания можно использовать предложенную А.М. Гершонковым систему количественных критериев, согласно которой существуют 4 уровня энергетической ценности суточного рациона питания:

1) ***критический*** – менее 2200 ккал, предполагающий существование людей на грани выживания;

2) ***минимальный*** – 2300–2800 ккал, который целесообразно использовать для определения размеров государственных продовольственных резервов;

3) ***рациональный*** – 2800–3600 ккал при обязательной сбалансированности рациона питания белками, витаминами и другими важными компонентами;

4) ***комфортный***, при котором имеется возможность получения рациона питания, соответствующего по калорийности и полезным компонентам физиологически обоснованным нормативам, а также использования экологически чистых продуктов питания, способствующих улучшению здоровья людей [7, с. 79].

Таким образом, производимых в Казахстане и импортируемых пищевых продуктов достаточно для обеспечения потребления продовольствия на рациональном с точки зрения калорийности уровне. Однако у 4,1 % населения калорийность питания была ниже минимально допустимого по действующим в РК нормам (в 2019 г. – 1866 ккал) уровня.

В региональном разрезе наиболее высокий уровень энергетической ценности был обеспечен в Туркестанской (3612 ккал), Восточно-Казахстанской (3520 ккал), Алматинской (3479 ккал) и Акмолинской (3457 ккал) областях, наименьший – в городах Нур-Султан и Шымкент.

Наибольший удельный вес в структуре питания занимают углеводы 53,7 %. Доля жиров составляет – 33,4 %, белков – 12,9 % [6].

Согласно стандартам Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), в сбалансированном рационе питания доля белков не должна быть ниже или выше 10–15 %, доля жиров должна быть в пределах 15–30 %, доля углеводов – 55–75 %. Следовательно, средний рацион питания в Казахстане не является сбалансированным, так как из трех пищевых компонентов нормативам ВОЗ

соответствует лишь доля белков, в то время как доля жиров превышает допустимый уровень, а доля углеводов находится ниже этого уровня.

В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Выявлена тенденция к росту уровня самообеспеченности республики важнейшими видами продовольствия. При этом среднедушевые объемы производства зерна, картофеля, овощей, бахчевых культур, молока и яиц превышают физиологически обоснованные нормы их потребления.

2. Доля импорта в ресурсах отдельных видов сельскохозяйственной продукции зерна, картофеля, мяса, молока, яиц и продуктах переработки, семян подсолнечника и растительного масла ниже порогового уровня продовольственной безопасности. В то же время доля импорта фруктов, винограда и продуктов их переработки, мяса птицы домашней и пищевых субпродуктов, готовых и консервированных из мяса мясных субпродуктов, колбасных изделий, рыбы, ракообразных и моллюсков, переработанных и консервированных, переработанных и консервированных овощей и картофеля, растительного масла, маргарина, сахара, кондитерских изделий из сахара и шоколада, вина, кофе, чая значительно превышает этот уровень.

3. Рациональные нормативы потребления превышены по хлебопродуктам, мясу и мясопродуктам, маслам и жирам, сахару, шоколаду и кондитерским изделиям. В то же время имеет место недопотребление молока и молочных продуктов, яиц, овощей, фруктов и картофеля.

4. Среднедушевая энергетическая ценность продуктов питания находится на рациональном уровне. Однако их структура не соответствует нормативам ВОЗ. При этом у 4,1 % населения калорийность пищевого рациона ниже минимально допустимого уровня.

Таким образом, оценка системы продовольственной безопасности Казахстана по критерию физической доступности продуктов питания позволяет сделать вывод о ее достаточной устойчивости. При этом имеются определенные проблемы в обеспечении продовольственной безопасности.

Список литературы

1. ФАО 2020. Мониторинг достижения связанных с продовольствием и сельским хозяйством показателей ЦУР [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/sdg-progress-report/ru#sdg-covid (дата обращения 12.04.2021).

2. Сельское, лесное и рыбное хозяйство в Республике Казахстан. 2015-2019. Статистический сборник. Нұр-Сұлтан, 2020. 134 с.

3. Балансы ресурсов и использования важнейших видов сырья, продукции производственно-технического назначения и потребительских товаро по Республике Казахстан. 2015-2019. Статсборник. Нұр-Сұлтан, 2020. 38 с.

4. Труд и уровень жизни населения в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: www.stat.gov.kz (дата обращения 12.04.2021).

5. Уровень жизни населения в Казахстане. 2015–2019. Статистический сборник. Нұр-Сұлтан, 2020. 131 с.

6. Об энергетической ценности продуктов питания, потребленных населением в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/stat/press/news/details/ob-energeticheskoy-cennosti-produktov-pitaniya-potreblennyh-naseleniem-v-2019-godu?lang=ru (дата обращения 12.04.2021).

7. Гершонков А.М. Перманентность стратегических приоритетов экономической безопасности России в продовольственной сфере. Дисс. д-ра эконом. наук. Тамбов, 2015. 389 с.

Summary

Kaigorodtsev A. A. Physical Accessibility of Food in the Context of Ensuring Food Security in Kazakhstan

The level of physical availability of food in Kazakhstan, which is one of the criteria for assessing food security, is studied. The types of agricultural products for which there is or is not self-sufficiency of the republic are identified. The share of imports in the resources of certain types of agricultural products that corresponds to or exceeds the threshold level of food security has been identified. The degree of compliance of the volume of consumption of certain types of agricultural products per capita with the threshold level of food security is determined. The level of energy value of the daily diet and its structure are determined.

Key words: food security, physical availability of food, share of food imports, energy value of the food ration, structure of the food ration.

Леонтьева Л. С.
Профессор кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, заместитель Председателя диссертационного совета 08.00.05 ФГУ МГУ имени М. В. Ломоносова доктор экономических наук, профессор г. Москва, Россия Федерация lldom@mail.ru

Орынбасарова С. Е.
Доцент кафедры экономики Казахстанского филиала МГУ М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук, доцент г. Нур-Султан, Республика Казахстан s.orynbassarova@mail.ru

УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЯХ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ

Аннотация. Результат исследования, представленный в статье, является обобщением и авторской разработкой подходов к тенденциям трансформации национальных организационных культур, возникших в ходе развития пандемии COVID-19. За основу и развитие взята концепция дифференциации организационных культур в разных странах в кризисных условиях, с которой мир никогда не сталкивался. Важным аспектом для авторов была необходимость определить, почему основные методы борьбы с коронавирусом не работают или работают неэффективно. Авторам частично удалось выявить те новые явления, которые связаны со взаимными заимствованиями в культурах разных стран мира, несмотря на политические разногласия.

Ключевые слова: национальная организационная культура, индивидуализм и коллективизм, избегание неопределенности, дистанция власти, пандемия, дезинформация.

Угроза непредвиденных обстоятельств – новой пандемии коронавируса, оказалась одним из самых мощных глобальных внешних вызовов для всех ведущих национальных экономик, мирового бизнес-сообщества в целом.

Преодолеть и минимизировать последствия пандемии в виде затяжного экономического кризиса, замедления репродуктивных процессов, резкого падения доходов и роста безработицы, повышения уровня инфляции, практически полной остановки деятельности хозяйствующих субъектов и инвестиционных процессов, необходимо государству в лице Правительства. COVID-19 оказывает серьезное негативное воздействие на экономику как на национальном, так и на международном уровнях. Будучи эффективным в борьбе с распространением коронавируса, блокировка ставит под угрозу малый и средний бизнес

в большинстве стран, что негативно сказывается на национальной экономике [1]. Во время широкомасштабных экономических потрясений финансовый стресс оказывает воздействие на семьи непосредственно в результате потери работы, а также косвенно в результате неопределенности в отношении национальной экономики [2].

Видение общего будущего становится более ясным, поскольку вирус продемонстрировал хрупкость человечества и стал главной приоритетной проблемой, требующего решения. Правительства приняли ряд политических мер, направленных на изменение поведения населения, включая закрытие школ и рабочих мест, отмену публичных мероприятий, ограничения проведения собраний, закрытие общественного транспорта, самоизоляцию, ограничения на внутреннее передвижение и международные поездки. Активно используются цифровые технологии для смягчения распространения пандемии путем отслеживания и ограничения передвижения людей в контролируемом/заблокированном регионе [3].

И тем не менее, существуют большие различия в отношении масштабов и строгости этих мер в разных странах [4].

Люди приспосабливаются к современной жизни в условиях КОВИД. Существование вируса меняет правила поведения человека (этикет, рукопожатие, ношение масок, дистанцирование), образ жизни (удаленная работа, онлайн-встречи) [5]. Пандемия коронавирусной болезни 2019 (COVID-19) привела к социальной изоляции во всем мире, создавая повышенный уровень стресса и тревоги [6].

В результате не фармацевтических мер по борьбе с распространением коронавируса страны добились различных результатов, о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1. Статистические данные Всемирной организации здравоохранения о количестве смертей от COVID-19 в 2020 году

Страна	Общая численность населения, млн. чел.	Количество смертей от COVID, чел.	Количество смертей от общей численности населения
Мировая	7,794.799	2,907.944	0.037 %
Китай	1,439.324	4,853	0.000 %
Гонконг	7.497	207	0.003 %
Япония	126.476	9,353	0.007 %
Южная Корея	51.269	1,765	0.003 %
Европа	447.700	948,580	0.212 %
США	331.003	574,966	0.174 %
Казахстан	18.8	3,236	0.017 %
Россия	145.9	103,263	0.071 %

Лучших результатов добились: Китай (4853 смерти, 0,0003 % от населения), Гонконг (207 смертей, 0,003 % от населения), Япония (9353 смерти, 0,007 % от населения). В борьбе с коронавирусом у Казахстана и России положение обстоит лучше, чем в Европе и США.

Эта статья призвана объяснить, почему равные меры по борьбе с коронавирусом, применяемые в различных странах, приводят к различным результатам. В исследовании проведен анализ эффективных стратегий управления странами Восточной Азии и западными странами и сделан вывод, что национальная культура формирует преодоление пандемии коронавируса.

На основе многомерной модели ценности Герта Хофстеде многими авторами исследовано влияние культуры общества на индивидуальные ценности своих членов, и как эти ценности влияют на их поведение, используя следующие параметры: индивидуализм – коллективизм, дистанция власти (большая или малая), мужественность, избегание неопределенности, стратегическое мышление, допущение [3, 7].

В индивидуалистическом обществе, таком как Англия или Нидерланды, люди ведут себя как атомы в газе. Они могут свободно выбирать, группировать или разделять. Общество может очень быстро отреагировать на изменение внешних факторов. В коллективистском обществе люди больше похожи на атомы в кристалле. То, что они делают, отражает их роль в обществе. Какими бы ни были внешние обстоятельства, они объединяются в группы, которые склонны держаться вместе всю жизнь. Выход из роли может быть сильно пристыжен или даже наказан. Это произошло для первого китайского врача, который диагностировал корону в 2019 году.

Считается, что успешная борьба китайцев с эпидемией в первую очередь является результатом присущего этой нации коллективизма, в отличие от индивидуализма европейцев и американцев. Страны, успешно справляющиеся с пандемией, являются государствами с развитым социальным капиталом, основанным на высокочеловеческих принципах отношений и взаимной поддержки.

В китайском образце общество мобилизовано на борьбу с болезнью, и граждане привлечены к дисциплинарной ответственности за выполнение указаний уполномоченных государственных органов. В основе этой модели лежали традиции восточного коллективизма и беспрекословное подчинение регламенту руководящих государственных органов. Этот опыт привел к успеху в таких странах, как Южная Корея, где распространение значительно сократилось и находится под контролем, и Сингапур, где смертей в результате заболевания нет [8].

В западной модели, от итальянской до шведской, социальное поведение основывалось на либеральном уважении прав человека и свободы передвижения и социальной коммуникации при любых условиях. Как мы знаем, эта модель была связана с большими человеческими потерями и издержками для экономического развития [8].

Дистанция власти. В малых обществах с малой властной дистанцией имеет сильное чувство взаимной обязанности между всеми своими членами. Граждане, скорее всего, в этих культурах поступят так, как того требуют их лидеры. Они используются для выполнения общественных обязанностей. Общество большой дистанции власти не имеет неписаного общественного договора. Власти будут пренебрегать значительной частью своего населения, возможно, подавлять их насильственно, как это делает филиппинский президент Дутерте, что ожидаемо населением [8].

Мужественность. В мужском обществе использование силы считается признаком статуса. Во времена коронавируса люди, скорее всего, принимают и одобряют определенную степень государственного насилия. Массовая дезинфекция общественных мест, неэффективная, но показывающая силу, происходит в культурах мужского рода.

Избегание неопределенности. Избегание неопределенности связано со стрессом перед лицом неизвестного. В толерантных к неопределенности обществах может возникнуть риск беспечности. Государства, вероятно, будут говорить о том, что в условиях пандемии жизнь может продолжаться как обычно. Так обстояло дело, например, в Нидерландах, Великобритании и Швеции, хотя в первых двух случаях вирус быстро заставил страны принять более жесткие меры.

Стратегическое мышление. Страны, которые быстрее всех сдерживали пандемию: Сингапур, Корея, Тайвань и Япония, имеют долгосрочные ориентированные культуры. Эти страны и их граждане всегда готовятся к неопределенным событиям, которые могут произойти. Граждане привыкли адаптировать свое поведение, а не придерживаться фиксированной формы. Многие европейские страны также ориентированы на долгосрочную перспективу. Они, вероятно, будут иметь большой потенциал больниц. Страны, ориентированные на краткосрочную перспективу, с большей вероятностью реагируют эмоциями, либо избегая защиты, либо проявляя повышенную бдительность. Эта эмоция также может быть позитивной с актами неповиновения и солидарности.

Допущение. Снисходительные общества – это те, в которых люди чувствуют, что жизнь хороша. Если их заставят держать социальную дистанцию, они будут петь песни и шутить об этом как на веселом мероприятии. В сдержанных обществах идея заключается в том, что жизнь тяжелая, и это нормально. Люди примут неудобства социального дистанцирования как неизбежные.

Эти измерения культуры представляют собой способы сделать различия между обществами видимыми и понятными.

Влияние информации в период пандемии и дезинформация являются самым действенным.

Во время блокировки, карантина, самоизоляции и социального дистанцирования виртуальная коммуникация, особенно в социальных сетях, стала основным источником взаимодействия и обмена информацией [8]. Социальная

сеть – ключевая платформа обмена дезинформацией, поскольку она ускоряла распространение фейковой информации и «играла крайне деструктивную роль» [9]. Есть две основные проблемы, связанные с фейковыми новостями, распространяемыми через социальные сети. Первый – невозможно заблокировать распространение дезинформации через социальные сети и остановить мгновенный обмен сообщениями [9]. Второй заключается в том, что традиционные средства массовой информации не способны получить охват аудитории и достичь скорости реакции, которая освещается социальными сетями, Ситуация усугубляется отсутствием информации с официальной стороны. В условиях информационного голода и неопределенности люди пытаются найти ответы на основе домыслов, историй знакомств и субъективного опыта. В случае Казахстана представители СМИ «признали проблемы получения полезной, правдивой и достоверной информации» в начале эпидемии COVID-19. Кроме того, власти были подвергнуты критике за слабую коммуникацию и бюрократию, которые повлияли на несвоевременный выпуск новостей и рекомендации публиковать и транслировать «меньше новостей о пандемии и публиковать более мягкий и более позитивный контент».

Анализ стратегий управления странами Восточной Азии и западными странами показал, что национальная культура формирует преодоление пандемии коронавируса.

С начала пандемии национальные правительства по всему миру использовали ряд не фармацевтических вмешательств для борьбы с передачей вируса, в частности, изоляция, карантин и социальное дистанцирование. Существует множество аспектов, такие как возможности страны в области здравоохранения и тяжесть пандемии, которая влияет на стратегии правительства. Поэтому масштабы таких мероприятий существенно различаются в разных странах. Янь Б. и др. (2020) обсуждают, как «контекстуальные институциональные договоренности и национальная культурная ориентация влияют на формирование и принятие четырех различных национальных стратегий реагирования на COVID-19: «стратегии подталкивания» в Швеции, «стратегии мандата» в Китае, «стратегии декрета» во Франции и «стратегии стимулирования» в Японии [10].

Шведская реакция коронавируса применила «стратегию подталкивания», которая призвана изменить поведение, не запрещая выбора и не вынуждая людей следовать конкретным решениям. Ключевое значение здесь имеет просто чувство ответственности людей и значительная степень доверия к шведскому обществу [11].

Вместо Швеции китайская коронавирусная реакционная система применяет «стратегию мандата», которая включает в себя основанные на власти принудительные полномочия и социальное соглашение. Реакция Китая на коронавирус высветила полную блокировку городских общин со значительными вспышками и требовала социальной изоляции для всех жителей [11]. Хотя «стратегии мандата и декрета» подчеркивают запрет и ограничение

нежелательного поведения, в отличие от «стратегии мандата», применяемой в Китае, «стратегия декрета» во Франции имеет юридическое основание (Yan et al. 2020). Пандемия во Франции воспринималась как ситуация «мы на войне» и карантин был периодом «битвы». Нарушение режима блокировки каралось штрафом в размере 135 и 3750 евро в зависимости от серьезности нарушения [11].

Стратегия стимулирования, в целом, будет способствовать повышению уровня подготовленности людей к принятию решений путем изменения их окружения и предоставления информации. Несмотря на то, что в Японии существует унитарная правительственная рамка, «субнациональные правительства получили справедливую автономию по закону в процессе разработки политики» [11]. Что касается COVID-19 кризиса, местные политические вмешательства, определяющие поведение людей в Токио и Хоккайдо, были изданы гораздо раньше, чем рекомендации национального правительства в условиях чрезвычайного положения.

Обсужденные тематические исследования могут служить возможными направлениями для других стран, чтобы выбрать их отличные траектории в борьбе против коронавируса. Нет никакой универсальной стратегии «с одной подгонкой размера», которая может быть использована, чтобы бороться против коронавируса в международном масштабе [12]. Очевидно, что чем раньше будут приняты меры по восстановлению деятельности, тем лучше будут результаты сложившейся ситуации. Однако из-за отсутствия универсальных инструкций по борьбе с COVID-19 главной рекомендацией было бы рабочее партнерство между государственными и медицинскими учреждениями и правительственная поддержка средств массовой информации.

Правительство играет ключевую роль в определении успеха социального дистанцирования [13]. Необходимо вмешательство правительства в борьбе с пандемией, принимать управленческие решения своевременно на основе объективной, своевременной и полной информации. Методы борьбы с COVID-19 будут контекстуально зависимы и тесно связаны с реакцией населения.

Список литературы

1. Lixing Z. Impact of the COVID-19 Outbreak on the World and the Inspirations // Global Journal of Management and Business Research. 2020. Vol. 20, Iss. 5. Pp. 29-37

2. Prime H., Wade M., Browne D.T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // American Psychologist. 2020. Vol. 75, No. 5. Pp. 631-643.

3. Konstantinov V. et al. COVID-19 Impact on Kazakhstan University Student Fear, Mental Health, and Substance Use // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. Pp. 1-7.

4. Yan B. et al. Why do countries respond differently to COVID-19? A comparative study of Sweden, China, France, and Japan // The American Review of Public Administration. 2020. Vol. 50, No. 6-7. Pp. 762-769.

5. Gupta M., Shoja A., Mikalef P. Toward the understanding of national culture in the success of non- pharmaceutical technological interventions in mitigating COVID-19 pandemic // Annals of Operations Research. 2021. Pp. 1-18.

6. Kim H.H., Jung J.H. Social isolation, and psychological distress during the COVID-19 pandemic: A cross-national analysis // The Gerontologist. 2021. Vol. 61, No. 1. P. 110.

7. Hofstede G., Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations, 2001, 2nd ed. Sage, Thousand Oaks, CA.

8. Mukhtar S. Psychology and politics of COVID-19 misinfodemics: Why and how do people believe in misinfodemics? // International Sociology. 2021. Vol. 36. No. 1. Pp. 111-123.

9. Nurumov B. et al. Informing the Public about the Dangers of a Pandemic. Early COVID-19 Coverage by News Organizations in Kazakhstan // CAP Paper 2020. No. 248. 17 p.

10. Yang H., Bin P., He A. J. Opinions from the epicenter: An online survey of university students in Wuhan amidst the COVID-19 outbreak // Journal of Chinese Governance. 2020. Vol. 5, No. 2. Pp. 234-248

11. Wang Y. Government policies, national culture and social distancing during the first wave of the COVID-19 pandemic: International evidence // Safety Science. 2021. Vol. 135. 13 p.

12. Zhang Y. et al. Anxiety Status and Influencing Factors of Rural Residents in Hunan During the Coronavirus Disease 2019 Epidemic: A Web-Based Cross-Sectional Survey // Frontiers in Psychiatry. 2020. Vol. 11. 7 p.

13. Chan H.F. et al. Can psychological traits explain mobility behavior during the COVID-19 pandemic? // Social Psychological and Personality Science. 2020. 12 p.

Summary

Leontieva L. S., Orynbassarova S. E. Consideration of National Culture in Management Decisions in the Fight Against Pandemic

The research presented in the article is a generalization and author's development of approaches to the trends in the transformation of national organizational cultures that have arisen during the development of the COVID-19 pandemic. The concept of differentiation of organizational cultures in different countries in crisis conditions, which the global world has never faced, is taken as a basis, and developed. An important aspect for the authors was the need to determine why the main Coronavirus fighting methods fail to work or work inefficiently. The authors partially managed to identify those new phenomena that are associated with mutual borrowing in the cultures of different countries of foreign experience, despite political differences.

Key words: national organizational cultures, collectivism vs. individualism, uncertainty avoidance, power distance, pandemic, disinformation.

Тлеубердинова А. Т.
Главный научный сотрудник
Института экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан,
доктор экономических наук
г. Алматы, Республика Казахстан
tleuberdinova.aizhan@ieconom.kz

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВА В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость трансформации сознания и поведения людей в условиях кризиса. Автором приведены данные влияния последствий пандемии коронавируса на социально-экономическое положение в мире и Республике Казахстан. Проведен теоретический обзор исследований, посвященных данной тематике. В статье рассмотрен алгоритм трансформации поведения общества, направленной на решение социальных проблем. Автором обосновывается вывод необходимости изменения экономического сознания и поведения людей в направлении повышения собственной ответственности за личное благосостояние и мотивации предпринимательских инициатив.

Ключевые слова: трансформация, экономическое сознание, поведение, кризис, пандемия.

Любая попытка справиться с кризисными явлениями оборачивается глобальными трансформациями. Вопрос о трансформации набирает обороты в современной социальной науке, споры о ней растут быстрыми темпами, хотя сама концепция в различных ситуациях используется совершенно по-разному, что также относится к самому пониманию решаемых проблем, процессов политического и общественного управления, ролей различных субъектов.

Пандемия коронавируса предъявила чрезвычайные требования к экономическому сознанию и поведению общества, поскольку экономические и социальные потрясения оказались разрушительными: целые отрасли были вынуждены заморозить свою деятельность, десятки миллионов людей оказались в крайней нищете. Пандемия привела к сокращению рабочих мест и поставила под угрозу средства к существованию миллионов людей. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения, почти половина из 3,3 миллиарда человек во всем мире рискует лишиться средств к существованию, большинство неформально занятого населения лишено социальной защиты и доступа к качественному медицинскому обслуживанию [1].

Кризис, вызванный пандемией, затронул и Казахстан. По предварительным оценкам экспертов Всемирного банка, ожидается повышение уровня бедности в стране до 12,7 %. Это означает, что дополнительно 800 тысяч людей

окажутся за чертой бедности. Причем, этот показатель значительно различается в городах и сельских поселениях. При самом оптимистичном сценарии развития экономики, в мегаполисах данный показатель будет равен 4 %, в небольших городах – 9 %, в селах – 13 %. В наихудшем случае в Алматы, Нур-Султане и Шымкенте количество бедных будет на уровне 9 %, в остальных городах – 13 %, в селах – 17 % [2].

Ожидается, что шок для рынка труда в Казахстане, в результате, как самой пандемии, так и мер по ее сдерживанию, будет иметь суровые последствия для занятости, особенно в отраслях, использующих труд работников низкой квалификации. Увеличение цен на продукты питания стали основным фактором роста инфляции в 2020 году, уровень которой составил 7,5 %. Непродовольственные товары подорожали на 5,7 %, инфляция платных услуг составила 4,1 % в результате повышения тарифов ЖКХ, услуг в сфере культуры и отдыха [2].

Как отмечает Ж. Т. Тощенко, люди могут не знать каких-то конкретных цифр, но они понимают сущность и содержание происходящих политических и экономических изменений. Экономическое сознание человека как гражданина выявляется на уровне доверия к экономической и политической системе, социальным и политическим институтам. Любые экономические изменения в стране коррелируют и с оценкой доверия к основным политическим институтам. При этом в некоторых случаях решающее значение приобретает взаимосвязь с окружающей социально-пространственной средой, в которой человек живет, работает, отдыхает там, где у него протекает повседневная жизнь. Это проявляется в первую очередь в оценке состояния окружающей среды, связанными с ней изменениями и процессами на уровне социальной организации, при оценке усилий правительства по обеспечению нормальных условий для жителей [3].

Последствия COVID-19 вызывают страх у населения, масштабы ее вспышки и абсолютная непредсказуемость затрудняют реагирование общества. Высокая степень неопределенности приводит к дезориентации, ощущению потери контроля и сильному эмоциональному расстройству. В такой ситуации необходим определенный план реагирования, трансформация поведения и образа мышления, позволяющая с определенной надеждой смотреть в будущее. Поэтому очень важны не только социальная помощь населению, содействие занятости, но и действия по трансформации экономического сознания общества, направленные на переориентацию ценностей, потребительских взглядов населения.

Такой общий термин, как «трансформация», охватывает множество значений и интерпретаций. Основная сила его заключается в том, что из-за своей «нечеткости» и различного концептуального понимания он может служить пограничным определением для различных дисциплинарных направлений, стратегий и рамок действий субъектов. Нечеткая природа широкой концепции

трансформации придает ей сильную метафорическую силу и облегчает взаимодействие трансдисциплинарных исследований.

На основе теоретического обзора исследований по данному направлению Ульрих Бренд различает два понимания трансформации:

- в стратегическом смысле;
- в значении анализа прошлых и представления будущих изменений с целью их оценки и объяснения [4].

Концепции, использующие трансформацию в стратегическом аспекте, как средство решения проблем и кризисов, считаются эффективными и социально желательными. Это особенно характерно для суждений о новых типах экономики, а также разным представлениям о процветании, усилении роли государства, расширении местного производства и моделей потребления. Большинство авторов приводят доводы в пользу общепринятой, инклюзивной и законной трансформации, которая должна происходить путем принятия хорошо информированных и прозрачных решений. Процессы должны быть согласованными, а не определяться только сверху вниз, в них должен быть вовлечен широкий круг участников, при этом важная роль отводится экспертам.

Для успешной трансформации поведения людей необходимо развить понимание тех качеств и характеристик общества, которые могут повлиять на ситуацию.

Теория трансформации поведения предполагает три важных фактора:

1. убеждения людей о поведении (отношение);
2. веру людей в правильность поведения (социальные нормы);
3. веру людей в свои способности для выполнения намерений (поведенческий контроль) [5].

Эти убеждения при условии сопровождения их практической реализацией, например, прошлым поведением, демографией и культурой, личностными, индивидуальными характеристиками, навыками и контекстом, определяют намерения трансформации поведения.

Традиционно при анализе и прогнозе развития экономики и общества, эволюции рынка и благосостояния людей используются подходы поведенческой экономики, дающей объяснение общественному поведению в реальном времени, в условиях происходящих явлений.

Моделирование многих аспектов человеческого поведения, предполагающего выбор между вариантами с четко предполагаемыми затратами и выгодами, основано на стандартной экономической теории. Экономика часто использует рациональный выбор как подходящее допущение, соответствующее цели в широком диапазоне экономического анализа. Иначе говоря, теория рационального выбора требует только хорошо упорядоченных и согласованных сопоставлений предпочтений в соответствующем периоде [6].

В теории рационального выбора, затраты и выгоды не обязательно определяются в денежном выражении, и этот подход оказался полезным для

анализа очень широкого круга человеческого поведения, обычно не связанного с экономикой. Это привело к появлению гораздо более широкого круга направлений исследований.

Учитывая изначально редукционистский подход стандартной экономической теории, понимание факторов, определяющих поведение, полученных из других областей, необходимо формирование полного понимание поведения.

В дополнение к экономической теории теоретики стремились навести мосты между экономической теорией и психологией. Общее обозначение слияния этих двух дисциплин называют поведенческой экономикой, учитывающей человеческие ограничения в процессе принятия решений.

Концепцию «ограниченной рациональности» развил Герберт Саймон, пытаясь объяснить, как даже при стремлении людей к полезности, процессы принятия решений ограничиваются психологическими рамками и ограничениями среды [6]. Таким образом, личные способности и ситуационные факторы ограничивают способности людей к размышлению.

Поведенческая экономика использует результаты психологии, социологии, антропологии и других социальных наук для исследования того, как определенные события происходят в экономике, конкретного способа принятия людьми определенных решений и возможных мотиваций.

Другим важным направлением поведенческой экономики является изучение ключевых факторов, которые могут привести экономические агенты иногда неоспоримо иррациональному поведению, часто наблюдаемому в различных социально-экономических условиях, или, другими словами, почему люди иногда «терпят неудачу», ведя себя предсказуемо рационально, как это формально предполагается стандартной экономической концепцией.

Поведенческая экономика является особенно полезной для получения информации о развитии предпринимательства. Многие эффективные предпринимательские приложения были взяты из таких принципов поведенческой экономики, как концепция ограниченной рациональности, предвзятость суждений, следование правилам, социальные нормы, эволюция и т. д.

Использование деловых возможностей требует, чтобы предприниматели принимали решения в сложных ситуациях, не зная полностью всех соответствующих фактов или вероятностей будущего события, которое может произойти. Поведение изменяется с помощью определенной заранее заданной точки отсчета, влияющей на предстоящее поведение и являющейся важным эвристическим фактором в предпринимательстве при принятии решения о распределении времени между открытием нового бизнеса и сохранением оплачиваемой работы. По мнению экспертов, более высоко оценивать возможную выгоду от нового бизнеса и ниже потери будут люди, не имеющие стабильной занятости, чем люди, имеющие карьеру. Решающим фактором, влияющим на решение людей начать свой бизнес, оказывается восприятие окружения [7].

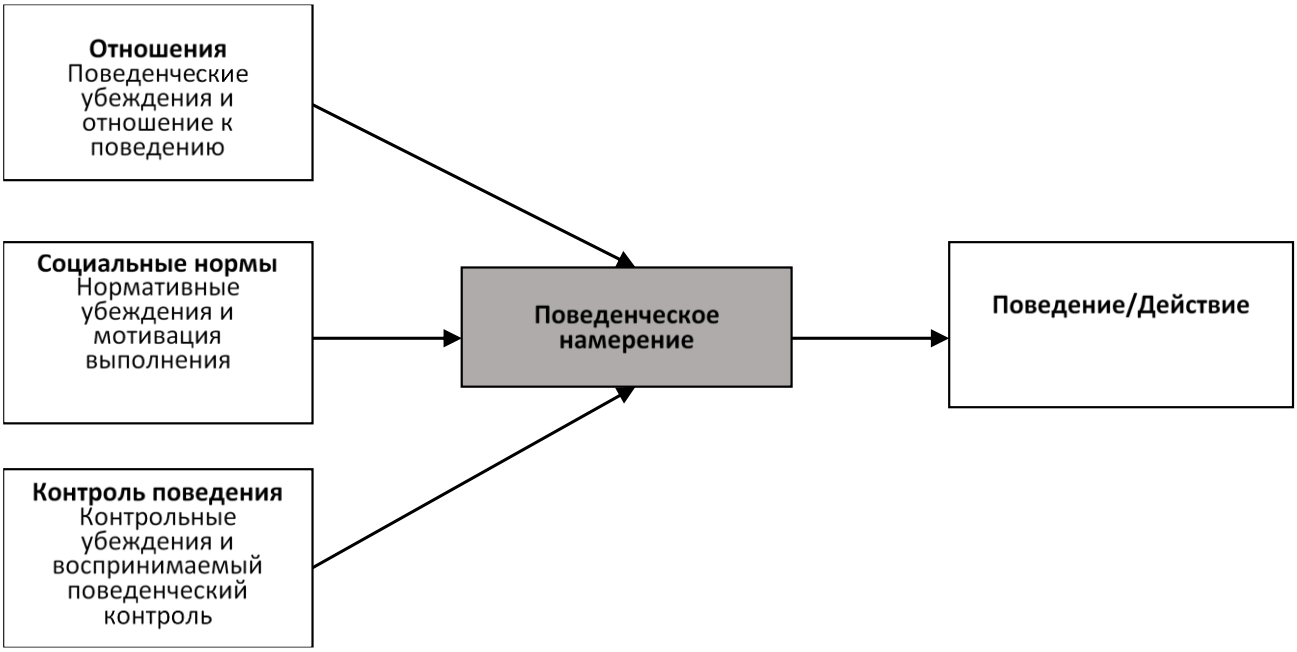

Рис. 1. Теория трансформации поведения

Источник: [8].

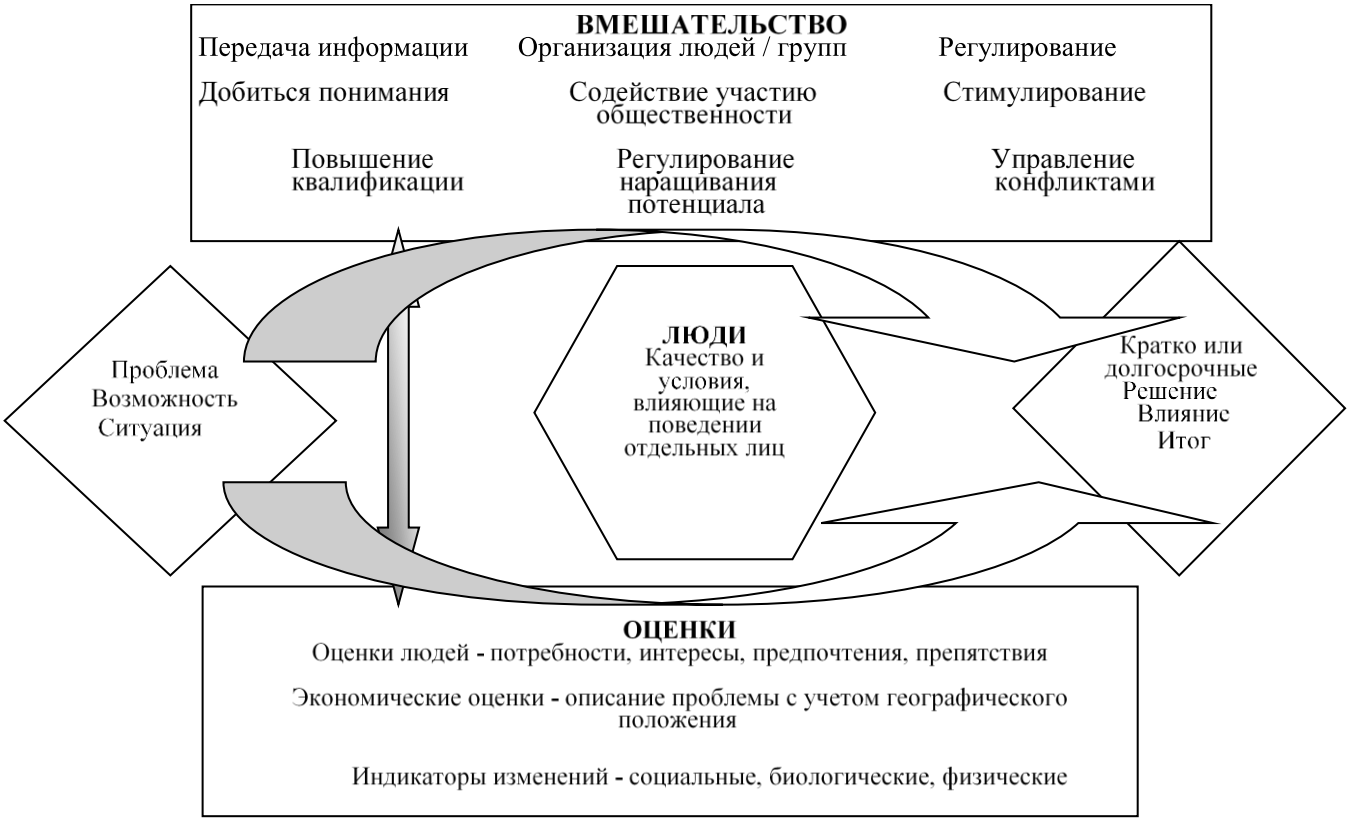

Рис. 2. Связь ситуации с людьми

Источник: [6].

В теории изменения поведения, основные элементы которой представлены на рисунке 1, под «установками» понимаются убеждения людей и их отношение к определенному поведению, например, во что они верят. Принятые убеждения (нормы) о поведении и о том, насколько сильно зависимы люди друг от друга в плане соответствия определенным поведенческим ожиданиям, известны как убеждения о социальных нормах. Убеждения о контроле и воспринимаемой способности к контролю относятся к убеждению о значении и навыках применения норм поведения [8].

Важными компонентами трансформации поведения являются: выбор момента времени (готовности людей к действию), дифференциация ранних последователей или отстающих, определение степени необходимости поддержки и др. Понимание вероятности того, что люди изменятся, требует некоторого понимания каждого из этих элементов.

Еще один важный элемент, лежащий в основе намерений или фактического изменения поведения людей – это вера в себя и в свою способность что-то делать. И здесь значительная роль принадлежит самостоятельности или убежденности в том, что желаемое можно успешно достичь. Убеждения в эффективности относятся к суждению людей о собственных способностях к организации и выполнению плана действий, необходимых для достижения заданных целевых индикаторов.

Согласно социальной когнитивной теории, люди обладают способностью символизации, саморегуляции и саморефлексии. Человек умеет гибко реагировать на динамику окружающей среды и способен применять внутренние ценности и цели к любой конкретной ситуации. Размышляя о своей жизни, люди могут: извлекать смысл из окружающей среды; планировать курс действий; предвидеть вероятные последствия действий; ставить перед собой цели и задачи. Убеждения в самоэффективности влияют на выбор людей, на объем прилагаемых усилий, продолжительность и настойчивость преодоления препятствий и стойкость перед лицом неблагоприятных ситуаций. Признание этих качеств позволяет укреплять уверенность в себе.

Выявление факторов, способных повлиять на выбор формы поведения аудитории, на готовность людей к изменениям, требует использования методов социальной оценки для определения целевого охвата. Такая оценка позволяет прояснить понимание конкретной экономической ситуации и помочь определить требуемые индикаторы для измерения изменений. Результат дает возможность выбрать мероприятия, которые с наибольшей вероятностью приведут к желаемому краткосрочным и / или долгосрочным результатам.

Инструменты социальной оценки, такие как предварительные исследования, опросы, наблюдения, интервью, фокус-группы, помогают определить характеристики отдельных лиц, сообществ, наиболее тесно связанные с вызывающим проблемы поведением.

Первым шагом является выбор целевой аудитории, т.е. определение сегмента, наиболее значимого для необходимых для продвижения целевого поведения и для развития стратегий социального маркетинга. Она позволяет сосредоточиться на разных группах людей, объединенных по конкретным признакам. После выбора целевой аудитории можно использовать методы ее оценки.

Выбирая и применяя инструмент социальной оценки, следует решить, какую информацию необходимо узнать, какие характеристики важны для привлечения целевой аудитории к решению задачи трансформации. Выбор целевой аудитории также помогает определиться со стратегией охвата и контентом, специфичным для этой аудитории, поскольку способы мышления и обучения у разных людей различаются. В идеале необходимо получить меры переменных интегративной модели поведения, характерных, как для отдельных людей, так и для всего населения:

- фоновые влияния;
- поведенческие убеждения и отношения;
- нормативные убеждения;
- контрольные убеждения и самоэффективность;
- факторы или ограничения окружающей среды;
- навыки и способности.

Наиболее важной частью исследования является разработка индикаторов изменений, позволяющие предвидеть конкретную трансформацию со значительной точностью. Убеждения в самоэффективности, например, вера человека в легкость выполнения определенных задач и его представления о препятствиях и преимуществах, могут служить предикторами измерения с точки зрения рассматриваемого поведения, включая точный характер требуемых навыков. Однако, реальное поведение регулируется не только поведенческими намерениями, но и происхождением человека, факторами или ограничениями окружающей среды, а также навыками и способностями людей.

В дальнейшем следует придерживаться последовательного алгоритма по выбору цели изменения поведения:

1. Определить предпочтительную экономическую практику, которая может повлиять на существующую проблему. Здесь важно интегрировать советы экспертов, заинтересованных сторон и ключевых информаторов.

2. Обозначить отдельные модели поведения, необходимые для реализации экономической практики. Идеальное поведение – это единичное наблюдаемое действие, которое, по мнению экспертов, необходимо людям выполнять, чтобы уменьшить или помочь решить конкретную экономическую проблему.

3. Оценить потенциал для принятия единого поведения и потенциал для принятия экономической практики. В частности, акцентировать внимание на соответствии поведения или практики потребностям аудитории или интересам, что определяется, как фоновое влияние; влиянии на проблему (поведенческие

убеждения); последствиях для пользователя (поведение и контроль убеждений); наличии схожего опыта пользователя (нормативные и контрольные убеждения); простоте для пользователя (управление убеждениями, навыками и способностями); соответствии возможностям пользователя по стоимости, времени и затрачиваемой энергии (факторы окружающей среды или ограничения) [5].

Таким образом, в условиях затягивающихся кризисных явлений необходимо продумать меры по трансформации экономического мышления общественности с ориентацией на большую самостоятельность и инициативность в решении вопросов занятости и стабилизации своих доходов. Изменение мышления, формирование новых ценностей поведения должны способствовать укреплению позиций общества во время не только нынешнего кризиса, но и быть готовым к любым крупномасштабным вызовам.

Список литературы

1. Global website of World Health Organization. Impact of COVID-19 on people's livelihoods, their health and our food systems. [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/news/item/13-10-2020-impact-of-covid-19-on-people's-livelihoods-their-health-and-our-food-systems#. (дата обращения 12.04.2021).

2. Официальный сайт Всемирного банка. Негативное влияние COVID-19 на экономику Казахстана – крупнейшее по масштабу за два десятилетия: Доклад Всемирного банка. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2020/07/22/the-covid-19-shock-to-kazakhstans-economy-largest-in-two-decades-world-bank-report. (дата обращения 12.04.2021).

3. Toshchenko, Z. (2014), Economic Consciousness in Russia: Contradictions and Paradoxes, Economics and Sociology, Vol. 7, No 3, pp. 141-154. DOI: 10.14254/2071-789X.2014/7-3/11. (дата обращения 20.03.2021).

4. Brand, U. 2016. "Transformation" as a new critical orthodoxy. The strategic use of the term "transformation" does not prevent multiple crises. GAIA 25/1: 23–27. DOI: 10.14512/gaia.25.1.7

5. Behavior Change Theories and Techniques. [Электронный ресурс]. URL: https://fyi.extension.wisc.edu/wateroutreach/files/2016/04/CPB-Behavior-Change-TheoriesTechniques8.pdf. (дата обращения 28.03.2021)

6. GSR Behaviour Change. Knowledge Review Reference Report: An overview of behaviour change models and their uses. [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/498065/Behaviour_change_reference_report_tcm6-9697.pdf. (дата обращения 20.03.2021).

7. A-M. Neațu Entrepreneurship in Romania. A Behavoral Economics Perspective/ The Annals of the University of Oradea. Economic Sciences, 2015.-24(2):95-105. https://www.researchgate.net/publication/310389105_ (дата обращения 04.04.2021).

8. Ajzen, I., & Fishbein, M. (2005). *The Influence of Attitudes on Behavior*. In D. Albarracín, B. T. Johnson, & M. P. Zanna (Eds.), *The handbook of attitudes* (p. 173–221). Lawrence Erlbaum Associates Publishers. [Электронный ресурс]. URL: https://psycnet.apa.org/record/2005-04648-005. (дата обращения 01.04.2021).

Summary

Tleuberdinova A. T. Relevance of Transformation of Economic Consciousness and Behavior of Society in Crisis Conditions

The article substantiates the need to transform the consciousness and behavior of people in a crisis. The author provides data on the impact of the consequences of the coronavirus pandemic on the socio-economic situation in the world and the Republic of Kazakhstan. A theoretical review of research on this topic is carried out. The article discusses the algorithm for transforming the behavior of society, aimed at solving social problems. The author substantiates the conclusion of the need to change the economic consciousness and behavior of people in the direction of increasing their own responsibility for personal well-being and motivation for entrepreneurial initiatives.

Key words: transformation, economic consciousness, behavior, crisis, pandemic.

Цифровая экономика и новое образование

Альшанская А. А.
Старший научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
ann.alshanska@gmail.com

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. Создание устойчивой и безопасной информационно-коммуникационной инфраструктуры определяет степень включенности населения в цифровое пространство, а также возможности получения социальных преимуществ при применении цифровых технологий. При этом проблема цифрового неравенства сегодня приобретает социальный характер и не ограничивается только неравенством доступа к Интернету. Она зависит также и от наличия у населения цифровых навыков и компетенций. В данной статье автором представлен анализ основных проблем доступа к цифровым технологиям, а также тенденции развития цифровых навыков в Казахстане.

Ключевые слова: цифровое неравенство, доступ к сети Интернет, цифровые навыки, пандемия COVID-19, цифровая грамотность.

Сегодня распространение цифровых технологий определяет траектории развития национальных экономик и обществ большинства стран мира. Развитие и повсеместное проникновение цифровизации подталкивает к пересмотру моделей деятельности и взаимосвязей государства, бизнеса и общества. Кроме того, цифровая трансформация требует от людей новых навыков и компетенций, готовности использовать новые технологии в повседневной жизни.

Пандемия COVID-19 и связанные с ней последствия подвергли переосмыслению многие сферы социально-экономической жизни и актуализировали множество вопросов, связанных с повышением доступности цифровых технологий и сокращением цифрового разрыва. Для Казахстана, реализующего собственную цифровую повестку, на первый план вышла проблема неравенства доступа и расширения практик использования цифровых технологий. Существующий цифровой разрыв создает риски как углубления социально-экономического неравенства внутри страны, так и выгодного позиционирования Казахстана в условиях глобальной цифровизации общества.

Как показывают данные международных сопоставительных исследований, Казахстан демонстрирует перспективные позиции по ключевым показателям развития и внедрения цифровых технологий. Так, согласно рейтингу Всемирного экономического форума, в 2019 году Казахстан занимал 44-е место среди 141 стран по направлению «Проникновение информационно-коммуникационных технологий», что обеспечивается, в первую очередь, за счет значительной доли

пользователей мобильных телефонов среди населения и распространения оптоволоконного Интернета [1].

По данным Бюро национальной статистики РК, число пользователей фиксированного широкополосного Интернета выросло по сравнению с 2015 годом на 17,4 % и составило в 2019 году 2,5 млн абонентов. Количество пользователей мобильного Интернета увеличилась на 39,6 %, достигнув 14,8 млн. абонентов. Доля пользователей сети в возрасте от 6 до 74 лет выросла с 77,2 % в 2015 году до 89 % в 2020 году. Уровень проникновения фиксированного высокоскоростного доступа в Интернет также демонстрирует положительную динамику роста – с 66,2 % в 2015 году до 90,6 % в 2020 году [2].

Вместе с тем сельская местность в стране все еще оторвана от возможностей цифровизации. Так, объем услуг сети Интернет в сельской местности в 2019 году составил 20,4 млрд. тенге, что занимает лишь 7,2 % от объема по республике. При этом, в 2018 году удельный вес услуг Интернет-провайдеров составлял 8,3 %. Менее четверти сельского населения (21,4 %) используют фиксированный высокоскоростной широкополосной Интернет. Среди регионов наибольшая концентрация широкополосного высокоскоростного Интернета в сельской местности приходится на Алматинскую и Туркестанскую области – порядка 66 % от общего числа абонентов по каждому региону. В четырех регионах страны охват сельского населения фиксированным широкополосным Интернетом не достигает среднереспубликанского значения. В Карагандинской области лишь 10,3 % абонентов высокоскоростного широкополосного Интернета приходится на село, в Мангистауской – всего 15 %, в Павлодарской – 17,3 %, в Актюбинской – 20,4 % [2].

Несмотря на общий рост охвата населения Интернет-связью, технические характеристики заметно уступают мировым трендам. В то время как по миру в среднем 82,6 % пользователей имели подключение к фиксированному широкополосному Интернету на скорости от 10 Мбит/с и выше (в СНГ – 62,7 %), в Казахстане доля таких контрактов составляет 56,6 % (*см. Таблица. 1*).

Стоит заметить, что проблема цифрового неравенства приобретает социальный характер и не ограничивается только неравенством доступа к цифровой инфраструктуре. Социальные преимущества цифровых технологий зависят от наличия у населения цифровых компетенций.

Можно выделить следующие тренды развития цифровых навыков в Казахстане.

1) Разрыв в уровне владения базовыми компьютерными навыками

Обследование населения по вопросам использования информационных технологий Бюро национальной статистики РК показывает, что самые распространенные компьютерные навыки среди казахстанцев связаны с работой с текстовым редактором (59 % респондентов в 2020 г.) и отправкой электронной почты (66 %) [2].

При этом только одна треть респондентов (33 %) владеет базовыми цифровыми навыками, такими как копирование файлов или папок. 25 % опрошенных демонстрируют навыки передачи файлов между компьютерами. Лишь 50 % респондентов владеет стандартными навыками использования базовых формул в электронных таблицах и 21 % – навыками установки или конфигурирования программного обеспечения.

Решение задач самостоятельного написания программного обеспечения с использованием языков программирования под силу лишь 8 % респондентов.

2) Ограниченный набор Интернет-компетенций

Подавляющее большинство пользователей Интернета в Казахстане владеют навыками общения в сети – 79 % используют социальные сети и текстовые мессенжеры. Более трети аудитории интернета (38–39 %) используют сеть для поиска информации о товарах и услугах, а также работы с электронной почтой (см. Рисунок 1).

Между тем, Интернет-навыки, приносящие наибольшие «социальные преимущества», распространены в меньшей степени. Так, по данным обследования, лишь 6 % населения имеют опыт прохождения онлайн-курсов. 6,8 % используют Интернет для поиска работы. К примеру, в таких странах, как США и Южная Корея 20 % населения пользуются услугами дистанционного обучения. В Финляндии и Швеции порядка 30 % ищут работу через Интернет.

3) Низкая цифровая грамотность, необходимая в высокотехнологичной среде

Согласно международному исследованию оценки компетенций взрослых (PIAAC), менее 1 % взрослого населения в Казахстане достигают самого высокого уровня навыков по решению задач в высокотехнологичной среде, что гораздо ниже среднего показателя по ОЭСР (около 5 %). Данная категория населения способна выполнять задачи, которые включают использование нескольких компьютерных приложений, большого количества шагов, а также обнаружение и использование специальных команд.

Кроме того, отмечается заметный цифровой разрыв между возрастными группами. Лишь 18 % взрослых в возрасте от 25 до 34 лет достигают высоких показателей владения продвинутыми цифровыми навыками по сравнению с 43 % в среднем в странах ОЭСР [3].

4) Несоответствие профессиональных цифровых навыков потребностям рынка

Недостаток продвинутых навыков ИКТ-специалистов, которые, как правило, поддерживают работу цифровой среды, также углубляет цифровой разрыв.

Так, в 2020 году численность ИКТ-профессионалов в Казахстане оценивалось в 36,6 тыс. человек (около 0,4 % занятых) [5]. К примеру, в странах ОЭСР специалисты по ИКТ составляют от 1 % до 7 % от общей численности занятых в экономике, а более высокотехнологичных профессиях – от 4 % до 17 % [6].

Таблица 1. Сопоставление технических характеристик Интернет-связи (в %)

Ключевые показатели	Казахстан	СНГ	Весь мир
Число контрактов на фиксированную широкополосную связь на 100 жителей	14,1	17,8	13,6
– от 256 кбит/с до 2 Мбит/с	*5,8*	*12,2*	*4,2*
– от 2 до 10 Мбит/с	*37,6*	*25,1*	*13,2*
– 10 Мбит/с и выше	*56,6*	*62,7*	*82,6*

Источник: составлено по данным [4, с. 107].

Рис. 1. Навыки использования интернета населением в возрасте 16–74 лет (в %)

Источник: составлено по данным [2].

Вместе с тем, при общем дефиците ИКТ-кадров в стране (потребность в специалистах в 2020 году – 7 тыс. чел), недостаток профессиональных цифровых компетенций у работников остается ключевой проблемой в реализации проектов цифровой трансформации частного сектора. Так, по данным опроса, проведенного Холдингом «Зерде», 53 % казахстанских ИТ-компаний считают, что кандидатам не хватает профессиональных цифровых компетенций.

При этом зачастую образовательные программы учебных заведений также не соответствуют требованиям ИКТ-рынка. Исследование НПП «Атамекен» показало, что в образовательных программах по специальности «Информационные системы» сохраняются нерелевантные для изучения предметы, в обучении применяются устаревшие языки программирования, также в вузах отмечается недостаток лабораторных классов [7].

В странах, которые успешно реализуют цифровые повестки, в процессе внедрения и освоения цифровых технологий активно взаимодействуют как государственные органы и образовательные учреждения, так и частный сектор, и гражданское общество.

Как правило, цифровые программы с высокими достижениями показывают ценность реализации поэтапного, последовательного и долгосрочного подхода. Этапы реформ включают как обновление инфраструктуры и повышение включенности населения в цифровой мир, так внедрение образовательных программ, нацеленных на повышение компетенций среди учителей и различных групп населения.

Таким образом, в Казахстане отмечаются существенные разрывы в доступе населения к цифровым технологиям и владении цифровыми навыками. Во-первых, доля населения, не владеющая в полной мере базовыми цифровыми компетенциями, остается значимой. Во-вторых, уровень существующей цифровой грамотности не позволяет гражданам воспользоваться преимуществами жизни и работы в высокотехнологичной среде. Это в свою очередь ограничивает возможности всей страны в эффективной цифровой трансформации и углубляет ключевые проблемы социально-экономического неравенства.

Список литературы

1. The Global Competitiveness Report. – World Economic Forum, 2019. 316 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (дата обращения 09.04.2021).

2. Об использовании домашними хозяйствами информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан// Бюро Национальной Статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/29/statistic/5

3. Kazakhstan. Country Note. Survey of Adult Skills results. OECD, 2005. 14 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/skills/piaac/publications/countryspecificmaterial/PIAAC_Country_Note_Kazakhstan.pdf (дата обращения 09.04.2021).

4. Отчет “Измерение информационного общества” за 2018 год – Том 2 Статистический отчет, Международный союз электросвязи,2018 – 350 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2018/MISR_Vol_2_R.pdf (дата обращения 09.04.2021).

5. Об использовании информационно-коммуникационных технологий на предприятиях Республики Казахстан // Бюро Национальной Статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/29/statistic/5

6. Measuring the Digital Transformation: A Roadmap for the Future. OECD Publishing, Paris, 2019. 260pp

7. Бизнес оценил качество образования в ВУЗах РК [Электронный ресурс]. URL: https://atameken.kz/ru/news/29396-biznes-ocenil-kachestvo-obrazovaniya-v-vuzah-rk

Summary

Alshanskaya A. A. Digital Inequality in Kazakhstan: Digital Skills Trends

The creation of a stable and secure information and communication infrastructure determines the degree of population’s involvement in the digital space, as well as the possibility of obtaining social benefits when using digital technologies. At the same time, the problem of digital inequality is now acquiring a social character and is not limited only by the inequality of access to the Internet. It also depends on whether the population has digital skills and competencies. In this article, the author presents an analysis of the main problems of access to digital technologies, as well as trends in the development of digital skills in Kazakhstan.

Key words: digital divide, Internet access, digital skills, COVID-19 pandemic, digital literacy.

Ташенова Л. В.
Старший преподаватель кафедры маркетинга,
старший научный сотрудник
Института исследований цифровой экономики
КарГУ имени академика Е. А. Букетова,
аспирант Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого
г. Караганда, Республика Казахстан
larisatash_88@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. В данной научной статье рассмотрены аспекты цифровых преобразований в промышленности Республики Казахстан и Российской Федерации. Особое внимание уделено вопросам формирования цифровых экономик в этих странах; проведен кластерный анализ развития промышленности и инновационной деятельности в РК; предложено понятие «системообразующего инновационно-активного промышленного кластера» как новой формы хозяйствования промышленных предприятий в рамках интегрированной структуры в условиях дижитализации; приведены примеры активного использования цифровых платформ и их компонентов промышленными предприятия Казахстана и России.

Ключевые слова: цифровая экономика, криптовалюты, цифровизация промышленности, промышленные предприятия, промышленные интегрированные структуры, системообразующий инновационно-активный промышленный кластер, цифровая платформа.

В условиях современного экономического развития формирования Индустрии 4.0 всю большую актуальность приобретают вопросы цифровизации различных отраслей экономики, включая промышленное производство. Важнейшим фактором такой трансформации является ежегодный рост числа пользователей сети Интернет в мире.

Так, по данным ресурса Internet World Stats, к концу декабря 2020 года число интернет-пользователей составило порядка 5,05 миллиардов человек; в региональном разрезе лидирует Азия, где анализируемый показатель достигает 2,7 миллиардов человек, что является вполне закономерным явлением, учитывая тот факт, что доля населения Азиатского региона от всего населения Земли составляет 54,9 %. Это также является и объяснением общемировой тенденции, связанной с тем, что большое число крупнейших компаний, занимающихся разработками в сфере промышленности, информационно-коммуникационных технологий, ориентированы на этот глобальный рынок, так как потенциальный спрос на инновационные, высокотехнологичные продукты и услуги в сфере промышленного производства, коммуникаций, телефонии очень высок.

Доля проникновения Интернета в региональном разрезе разнится. Так, например, в Северной Америке она составляет 89,9 %; в Европе – 87,1 %, тогда как в Африке только лишь 43 %; общемировое значение данного показателя

в декабре 2020 года было на уровне 64,2 %. Говоря о России и Казахстане, то доля пользователей Интернета составляет 80,9 и 77,2 % соответственно [1].

На фоне постоянного роста пользователей глобальной мировой сети стала формироваться цифровая экономика, под которой Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) понимает «применение цифровых интернет-технологий в процессе производства товаров и услуг и торговли ими» [2, с. 28].

Постепенно набирает популярность и криптовалюта, в том числе используемая промышленными предприятиями для оплаты товаров и услуг, как правило, приобретаемых в рамках управления цепями запасов.

В 2021 году, по данным портала Crypto Rating, наиболее популярными являются: Bitcoin, Ethereum, Binance Coin, XRP и Tether predictions (Таблица 1), тогда как, к примеру, в 2018 году наибольшей популярностью пользовались – Bitcoin, Etherium, XRP, Bitcoin Cash и EOS (согласно данным сайта coinranking.com).

Таблица 1. Рейтинг криптовалюты (ТОП-5) в 2021 году

Наименование	Цена, долларов США	Рыночная капитализация, млрд. долларов США
Bitcoin	59068,19	1100
Etherium	2100,94	241,5
Binance Coin	448,23	61,89
XRP	1,06	46,84
Tether predictions	1,01	44,17

Помимо цифровой экономики, на данный момент во многих странах мира активно развиваются технологии цифрового производства, являющиеся базовыми элементами очередной промышленной революции – Индустрии 4.0 [3, с. 1–3].

Ключевыми компонентами «Индустрии 4.0» являются: искусственный интеллект, машинное обучение и робототехника; Интернет-вещи; облачные вычисления и облачные хранилища данных; BigData; аддитивное производство; кибербезопасность; интеграционные системы / цифровые интеллектуальные платформы; моделирование; дополненная реальность [4].

Цифровая экономика стала движущей силой многих стран и регионов мира.

28 июля 2017 года распоряжением Правительства Российской Федерации №1632-р была утверждена Программа «Цифровая экономика» на 2018–2024 годы.

Согласно Программе, к 2024 году в России должно появиться:

– 10 высокотехнологичных и конкурентоспособных на глобальном рынке предприятий в сфере высоких технологи;

– 500 малых и средних предприятий «в сфере создания цифровых технологий»

– 10 «отраслевых/индустриальных цифровых платформ для основных отраслей экономики»;

– реализовано около 30 проектов в области digital economy;

– порядка 97 % домохозяйств получить доступ к Интернет, со скоростью не менее 100 МБит/с;

– в городах, с населением более 1 миллиона человек, появиться покрытие 5G; 50 % оборудования и 90 % программного обеспечения, приобретаемого госорганами, должно стать отечественного производства [5, с. 260-265].

12 декабря 2017 года постановлением Правительства Республики Казахстан №827 была утверждена Государственная Программа «Цифровой Казахстан», рассчитанная на 2018–2022 годы.

Реализация Программы «Цифровой Казахстан» нацелена на развитие современной цифровой инфраструктуры, компетенций и навыков у населения в сфере цифровой экономики (включая подготовку специалистов сферы IT); цифровую трансформацию ряда отраслей экономики страны, дальнейшее совершенствование платформы электронного правительства [6, с. 59–61].

Компьютерная грамотность населения Казахстана в 2019 году составила 48,6 и 51,4 % среди мужчин и женщин соответственно. При этом, от 15 и до 74 лет насчитывается наибольшее число обычных и опытных пользователей компьютера и ИКТ, тогда как у 70,2 % пользователей, старше 75 лет, навыки работы на компьютере отсутствуют. Согласно данным статистики, можно отметить, что среди опытных пользователей, в основном, лица с высшим и средним образованием. Частота использования компьютера по РК, в среднем, составляет не менее одного раза в день; среди ключевых направлений использования компьютера членами домохозяйств можно отметить следующие: работа с пакетом прикладных программ MS Office (Microsoft Word и Excel), а также отправка электронной почты с вложенными файлами (документами, фотографиями, видео). Чаще всего Интернет в Казахстане (по данным 2019 года) используют в любом месте через мобильный телефон (порядка 99,1 % респондентов), дома (84,9 % всех интернет-пользователей), а также на рабочем месте (30,8 %)

Говоря о целях использования Интернета для поиска информации и онлайн-услуг, то здесь ключевыми являются: размещение информации или мгновенный обмен сообщениями; скачивание фильмов, изображений, музыки, просмотр видео, прослушивание музыки, игра или скачивание игр; получение информации о товарах и услугах.

Услугами электронного правительства пользуются порядка 30,4 % всех респондентов, при этом услугами получения информации через веб-сайт органов государственного управления в 2019 году воспользовались 25,2 % пользователей, а электронной отправкой заполненных форм и, собственно, самими официальными формами – порядка 24,8 % человек.

Таблица 1. Основные показатели деятельности промышленных предприятий в разрезе регионов Республики Казахстан в 2019 году

Регион	ВРП, создаваемый предприятиями промышленности, млн тенге	Число предприятий и производств	Объем производства промышленной продукции (товаров, услуг), млрд тенге	Доля продукции промышленности области в общереспубликанском объеме промышленного производства, в %	Численность персонала основной деятельности, тыс. человек	Уровень рентабельности (убыточности) промышленности, в процентах	Инвестиции в основной капитал, млн тенге	Объем произведенной инновационной продукции, млн тенге	Объем реализованной инновационной продукции в промышленности, млн тенге
Акмолинская область	508948,0	1226	791162	2,7	30,0	39,7	148033	17793,0	17607,8
Актюбинская область	1047495,6	704	1856761	6,3	44,6	28,6	375148	51421,7	45979,4
Алматинская область	740283,3	1100	1009815	3,4	31,0	9,1	202971	20443,6	19370,8
Атырауская область	4449415,8	396	7888134	26,8	30,1	79,6	4027371	7536,3	7536,3
Западно-Казахстанская область	1400340,7	359	2392109	8,1	19,2	3,6	445902	24713,4	19555,0
Жамбылская область	328116,5	410	476971	1,6	20,8	7,0	133971	77092,5	74747,4
Карагандинская область	2447519,4	1416	2620992	8,9	108,7	11,8	613997	74 007,0	56939,5
Костанайская область	723617,2	690	1206983	4,1	42,6	15,4	141432	211088,3	192019,6
Кызылординская область	624768,5	357	852147	2,9	17,7	37,2	238373	16425,2	17222,2
Мангистауская область	1983019,2	504	2908789	9,9	48,5	24,0	348471	7971,3	1466,5

Таблица 1. Основные показатели деятельности промышленных предприятий в разрезе регионов Республики Казахстан в 2019 году (продолжение)

Регион	ВРП, создаваемый предприятиями промышленности, млн тенге	Число предприятий и производств	Объем производства промышленной продукции (товаров, услуг), млрд тенге	Доля продукции промышленности области в общереспубликанском объеме промышленного производства, в %	Численность персонала основной деятельности, тыс. человек	Уровень рентабельности (убыточности) промышленности, в процентах	Инвестиции в основной капитал, млн тенге	Объем произведенной инновационной продукции, млн тенге	Объем реализованной инновационной продукции в промышленности, млн тенге
Павлодарская область	1213546,4	881	1988958	6,8	64,4	17,0	272183	44503,7	44247,1
Северо-Казахстанская область	176079,9	719	263576	0,9	12,0	2,9	31793	8652,1	8585,2
Туркестанская область	357964,0	428	504954	1,7	23,3	52,7	152719	13797,5	11853,4
Восточно-Казахстанская область	1445987,1	1124	2153903	7,3	64,2	30,7	391171	223618,8	175783,7
город Нур-Султан	485564,4	727	884345	3,0	17,0	25,7	75372	129468,7	127337,3
город Алматы	720601,9	1629	1001188	3,4	45,9	9,4	123311	48948,4	40804,8
город Шымкент	501224,6	567	579555	2,0	21,6	5,4	64053	136084,8	135834,7

Источник: составлено автором по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [8, с. 20–24].

В целом казахстанские пользователи предпочитают приобретать товары и услуги онлайн, в основном, у отечественных продавцов (77 %), тогда как порядка 55,8 % соотечественников осуществили онлайн-покупки в интернет-магазинах продавцов других стран Евразийского экономического союза и стран СНГ.

В целом объем розничной торговли через Интернет в 2019 году составил 206254 млн тенге (около 34376 млн рублей), увеличившись по сравнению с 2015 годом в 4,1 раза [7, с. 46–50].

Следует заметить, что, благодаря реализации государственной программы «Цифровой Казахстан», автоматизация многих государственных услуг позволила сократить документооборот на бумажных носителях на 70,8 млн документов и сэкономить более 8,4 млрд тенге (около 1,5 млрд рублей). В целом эффект от дигитализации финансовой, налоговой и таможенной сфер составил 361 млрд тенге (64,5 млрд рублей).

Казахстану, несомненно, необходима коренная реконструкция информационных технологий, переход к процессу цифровизации, чему будет способствовать реализация государственной программы «Цифровой Казахстан».

Ключевые аспекты реализации кластерной инициативы, цифровой трансформации промышленного производства закреплены в рамках Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2020–2025 годы, утвержденной Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1050, на реализацию которой запланировано выделение из государственного бюджета 780797,1 млн тенге (около 140 млн рублей), а также Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года, утвержденного Указом Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 521.

В настоящее время в структуре экономики Казахстана промышленность занимает практически третью часть. Доля ВДС промышленности в ВВП республики в 2019 году составила порядка 27,5 %, уменьшившись в сравнении с 2018 годом на 0,7 %; следует также отметить возросшее число предприятий и производств – 13237 – в 2019 (против 12486 в 2018 году). В 2019 году общереспубликанский объем производства промышленной продукции составил 29380 млрд тенге (около 68 млрд долларов США). Говоря об удельном весе различных отраслей промышленности в объеме промышленной продукции в 2019, структура распределения следующая: 1. *обрабатывающая промышленность* – 48,4 % (основные виды деятельности – «металлургическая промышленность» – 16,9 %, а также «основных и благородных металлов» – 11,2 %); *2. горнодобывающая промышленность и разработка карьеров* – 44,5 % («якорным видом деятельности» здесь выступает «добыча сырой нефти и природного газа» – 43,1 %); *3. электроснабжение, подача газа, пара и воздушное кондиционирование* – 5,7 %; *4. водоснабжение; канализационная система, контроль над сбором и распределением отходов* – 1,4 %.

Основные показатели развития промышленности в регионах показаны в таблице 2, где также представлены данные (объем произведенной и реализованной инновационной продукции), отражающие инновационную активность предприятий.

Используя данные таблицы, целесообразно произвести дифференциацию регионов по уровню развития промышленности посредством метода иерархического кластерного анализа, результаты которого представлены на рисунке 1.

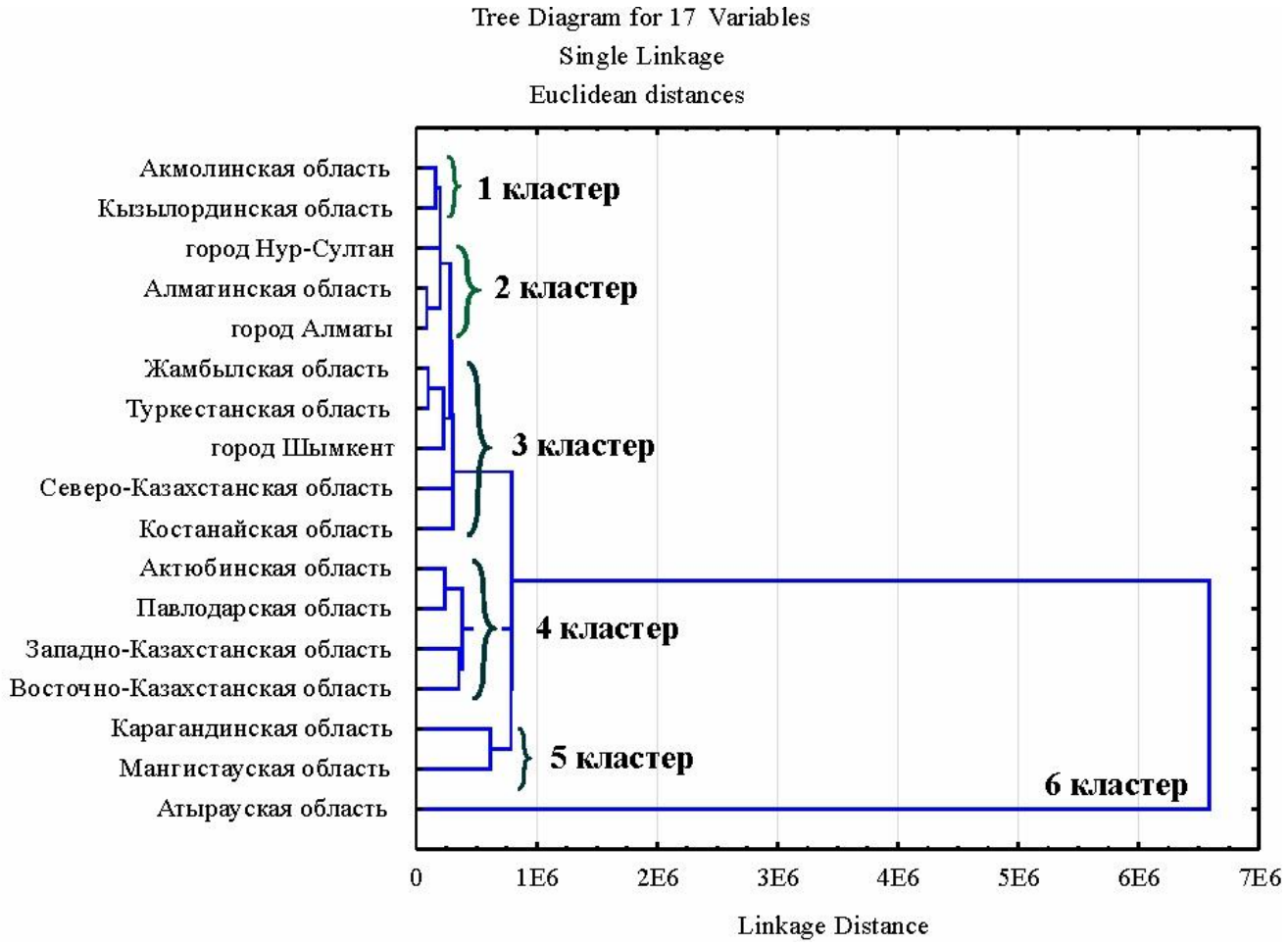

Рис. 1. Дендрограмма регионов Казахстана по уровню развития промышленности.

Источник: рассчитано автором.

В результате статистического «разбиения» нами были получены следующие кластеры [9, с. 271–274; 10, с. 153–157]:

– 1-й кластер представлен Акмолинской и Кызылординской областями;

– 2-й кластер объединяет Алматинскую область и города Алматы и Нур-Султан;

– в 3-й кластер входят Жамбылская, Туркестанская, Северо-Казахстанская и Костанайская области, а также город Шымкент;

– 4-й кластер объединил 4 региона: Актюбинскую, Павлодарскую, Западно-Казахстанскую и Восточно-Казахстанскую области;

– 5-й кластер представлен Карагандинской и Мангистауской областями;

– 6-й кластер – Атырауская область.

Таблица 3. Примеры использования цифровых платформ на промышленных предприятиях и кластерах

Наименование цифровой платформы	Предприятие, страна	Краткая характеристика
Зарубежные страны		
Платформа управления инновациями Smart Innovation Portfolio	Siemens, Германия	Платформа применяется для управления процессом самовоспроизводства машин. Устройства платформы управляют высокотехнологическими линиями, которые сами и изготавливаются на них. Включает в себя 4 ключевых компонента: 1) представление пользователям необходимой и своевременной информации; 2) адаптивную систему, отвечающую за потребности следующего дня и занимающейся удобным и быстрым внедрением; 3) интеллектуальные модели; 4) создание изделий с использованием виртуальных моделей этих изделий.
e-F@ctory	Япония	e-F@ctory – платформа автоматизации промышленных предприятий. В основе платформы использованы технологии IoT, AI, AR и др. В Японии платформу используют производители автомобилей и автокомпонентов, представители пищевой индустрии, легкой промышленности, разнообразных сборочных производств.
Товаропроводящая сеть и информационный портал export.by	Промышленные предприятия, Беларусь	Обеспечивают информационную поддержку экспорта продукции и услуг белорусских предприятий.
Российская Федерация		
Цифровая платформа для управления персоналом, работой по договорам	АО «ОХК “УРАЛ-ХИМ”»	Платформа применяется для управления персоналом, а также для отслеживания всех этапов работы по заключению и обслуживанию договоров компании.
Система SAPR/3	ПАО «Казаньоргсинтез»	Система используется для контроля количества ТМЦ.
ONLINECONTRACT		Применяется для продажи неликвидов компании.
Интеллектуальный конвейер обработки данных, интегрированный с SAP	ПАО «Нижнекамскнефтехим»	Используется для оптимизации деловых процессов, в частности обработки банковских выписок, платежных поручений и т. д.

Таблица 3. Примеры использования цифровых платформ на промышленных предприятиях и кластерах (продолжение)

Наименование цифровой платформы	Предприятие, страна	Краткая характеристика
Республика Казахстан		
Автоматизированная система контроля за выбросами в атмосферу загрязняющих веществ и парниковых газов	АО «АрселорМиттал Темиртау»	Осуществляет контроль всего технологического процесса и состава атмосферы в камере безокислительного нагрева печи термохимической обработки агрегата непрерывного горячего алюмоцинкования.
Система конструкторско-технологической системы подготовки производства на базе программных продуктов компании SIEMENS	ТОО «Maker (Мэйкер)» – «Карагандинский литейно-машиностроительный завод»	Это система управления жизненным циклом изделия Teamcenter и система автоматизированного проектирования SIEMENS NX.
Цифровой рудник «Нурказган»	ТОО «Корпорация Казахмыс»	Внедрение системы подземной связи и позиционирования, контроля доступа и видеонаблюдения, управления технологическими процессами, оперативно-диспетчерского управления, мониторинга и диспетчеризации транспорта, которые интегрированы в Единой информационной платформе.
Внедрение модулей программы SAP: SAP PP, SAP PM и др. дополнительных модулей	АО «Евразиан Фудс» АО «Евразиан Фудс Корпорэйшн»	Внедрение модулей позволит осуществлять эффективное планирование и контроль полного цикла производства на каждом этапе, упростить процесс сбора информации о плановых и фактических затратах на ремонт с одновременным повышением детализации, а также осуществлять распределение и перераспределение складских запасов по филиалам и заводам, с учетом планируемых запросов клиентов, и объема производства.

Источник: составлено автором по данным источников [15, с. 61–64; 16, с. 80–83; 17, с. 29–32; 18, с. 218–220].

Из рисунка видно, что Атырауская область выделяется особенно – в абсолютный, самостоятельный кластер. Такая позиция региона обусловлена высоким валовым региональным продуктом, создаваемым промышленными предприятиями, объемами произведенной промышленной продукции, высоким уровнем рентабельности промышленных предприятий, а также объемом инвестиций в основной капитал, превышающим аналогичный показатель других регионов в несколько раз. Но в отношении объема произведенной и реализованной инновационной продукции Атырауская область уступает ряду областей, где несомненными лидерами являются – по объему и произведенной, и реализованной инновационной продукции – города Нур-Султан и Шымкент, Восточно-Казахстанская и Костанайская области.

В результате проводимых в стране реформ реализации Государственной программы индустриально-инновационного развития уровень активности в области инноваций по всем типам инноваций в 2019 году составил 11,3 %, увеличившись на 3 % в сравнении с 2016 годом; при этом наибольшая активность отмечается в сфере продуктовых и процессных инноваций – 7,5 %.

В сентябре 2017 года в результате актуализации государственной программы индустриально-инновационного развития были определены новые подходы к стимулированию кластерного развития отечественной экономики, в частности созданы инновационные кластеры «Назарбаев Университет» (г. Нур-Султан) и «Парк инновационных технологий» (г. Алматы), 6 территориальных кластеров (строительный кластер в Карагандинской области; кластер по производству фармацевтической продукции в городе Шымкент; кластер по производству мебельной продукции в Алматы; мукомольный кластер и кластер по переработке молока в Костанайской и Акмолинской областях соответственно, а также кластеры по развитию туризма в Алматы и Алматинской области) [11, с. 83–84; 12, с. 232–235; 13, с. 357–359]. Следует заметить, что в структуре кластера «Парк инновационных технологий» созданы Центр цифровой промышленности IntelliSense-LAB (Индустрия 4.0), Центр цифровизации строительства «Лаборатория BIM+», Центр по новым материалам и аддитивным технологиям и Центр Интеллектуальных систем, деятельность которых нацелена на содействие эффективной цифровизации отраслей экономики Казахстана.

В современном мире, в условиях Индустрии 4.0, многие промышленные предприятия ориентируются на интеграцию, формирование кластерных структур. На наш взгляд, сегодня корректно говорить о *системообразующем инновационно-активном промышленном кластере (далее – СИАПК),* под которым целесообразно понимать «группу хозяйствующих субъектов различных сфер деятельности, *объединенных вокруг единого системообразующего, стратегически значимого предприятия на основе принципов и методов системного подхода,* разрабатывающих, владеющих и внедряющих в практическую деятельность глобально конкурентоспособные технологии, на основе которых обеспечивается системное отраслевое и/или межотраслевое

развитие, обеспечивающее достижение вышеназванных целей на основе существующих и внедренных **цифровых информационных платформ**, переходящих к новым моделям и формам ведения бизнеса и эффективного использования не отдельно взятых инновационных проектов, а их комбинаций в эффективном для экономики, в том числе отрасли, региона и кластера, сочетании» [14, с. 185–191].

На данный момент все большую популярность приобретает переход многих промышленных предприятий и интегрированных структур, в том числе представленных СИАПК, на активное внедрение и использование цифровых платформ, в том числе в системе «умного производства» (таблица 3).

В целом можно отметить, что вопросы цифровой трансформации промышленности, интегрированных промышленных структур (кластеров) очень актуальны и требуют дальнейшей проработки, например, в части изучения цифрового потенциала и методики его оценки, типов и видов цифровых платформ, а также перспективных направлений использования разнообразных инструментов ИКТ в промышленном производстве при создании продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Список литературы

1. Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL: http://www.internetworldstats.com (дата обращения: 19.03.2021).

2. Головенчик Г. Г. Цифровая экономика как новый этап глобализации // Цифровая трансформация. 2018. № 1. С. 26–36.

3. Babkin A., Tashenova L., Smirnova O., Burkaltseva D. Analyzing the trends in the digital economy and the factors of industrial clustering // International Scientific Conference on Innovations in Digital Economy: SPBPU IDE-2020. – St. Petersburg, 2020. pp. 1–10 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1145/3444465.3444516.

4. Четвертая промышленная революция // TADVISER [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/DRUdk (дата обращения: 19.03.2021).

5. Ташенова Л. В., Бабкин А. В. Анализ формирования и развития цифровой экономики в России и за рубежом: раздел монографии // Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 254–290. DOI: 10.18720/IEP/2018.4/12.

6. Ташенова Л. В., Бабкин А. В. Особенности и тенденции развития цифровой экономики в Казахстане // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 56–63.

7. Развитие связи и информационно-коммуникационных технологий в Республике Казахстан. 2015–2019 гг.: Стат. сб. / Комитет по статистике МНЭ РК. Астана, 2020. 93 с.

8. Промышленность Казахстана и его регионов. 2015–2019 гг.: Стат. сб. / Комитет по статистике МНЭ РК. Астана, 2020. 160 с.

9. Мамраева Д. Г., Бабкин А. В., Ташенова Л. В. Рынок интеллектуальной промышленной собственности: исследование региональной дифференциации (на примере Республики Казахстан) // Промышленная политика в цифровой экономике: проблемы и перспективы: Труды науч.-практ. конф. с межд. участием (16–17 ноября, 2017 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 269–276.

10. Ташенова Л. В., Бабкин А. В. Инновационное развитие промышленности Казахстана: кластерный подход // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы (INDUSTRY-2018) / Труды науч.-практ. конф. с межд. участием (2–4 апреля, 2018 г.). – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 150–157. DOI: 10.18720/IEP/2018.1/19.

11. Мамраева Д. Г., Бабкин А. В., Ташенова Л.В. Анализ инновационной инфраструктуры промышленности (на примере Республики Казахстан) // Неделя науки СПбПУ: Материалы науч. конф. с межд. участием (13–19 ноября, 2017 г.). Ч. 1. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 82–84.

12. Ташенова Л. В., Бабкин А. В. Развитие промышленности в регионах Казахстана: инновационный аспект: раздел монографии // Формирование цифровой экономики и промышленности: новые вызовы / под ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Бабкина. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 229–248. DOI: 10.18720/IEP/2018.2/11.

13. Tashenova L. V. The features of the formation and development of industrial clusters in Kazakhstan at the present stage // Сборник трудов международной научно-практической конференции на базе КЭУ Казпотребсоюза при содействии Палаты предпринимателей Карагандинской области НПП РК и Сетевого университета «Кооперация». Караганда, 18–19 октября 2018 года. Т. 2. С. 355–359.

14. Бабкин А. В., Ташенова Л. В. Системообразующий инновационно-активный промышленный кластер: генезис развития // Сборник трудов X научно-практической конференции с международным участием «Цифровая трансформация экономики и промышленности» (20–22 июня, 2019 г.). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2019. С. 180–191. DOI: 10.18720/IEP/2019.3/20.

15. Авилова В. В. Тенденции цифровизации производственных и деловых процессов на промышленных предприятиях // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 60–65.

16. Коновалова Г. И. Развитие методологии оперативного управления производством на промышленном предприятии в концепции «Индустрия 4.0» // Менеджмент в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 79–84.

17. Стрижакова Е. Н., Стрижаков Д. В. Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. 2019. № 2. С. 27–33.

18. Ташенова Л. В. Ключевые тенденции цифровизации промышленных предприятий Казахстана // Сборник материалов республиканской научно-практической конференции «Институционально-экономические парадигмы предпринимательства в условиях четвертой промышленной революции: новые возможности для Казахстана» (5–6 апреля, 2019 г.). Караганда.: Изд-во КарГУ, 2019. С. 216–221.

Summary

Tashenova L. V. Digital Transformations in Industry: Experience of Kazakhstan and Russia

This scientific article examines the aspects of digital transformations in the industry of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation; special attention is paid to the issues of the formation of digital economies in these countries; a cluster analysis of the development of industry and innovation in the Republic of Kazakhstan was carried out; the concept of the "backbone innovative-active industrial cluster" as a new form of management of industrial enterprises within the framework of an integrated structure in the context of digitalization is proposed; examples of active using of digital platforms and their components by industrial enterprises of Kazakhstan and Russia are given.

Key words: digital economy, cryptocurrencies, digitalization of industry, industrial enterprises, industrial integrated structures, backbone innovation-active industrial cluster, digital platform.

Баева Ю. В.
Заместитель заведующего кафедрой экономики
Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова,
старший преподаватель
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
sk.yulya@gmail.com

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В современных условиях глобальные вызовы способствуют актуализации продовольственных вопросов в Казахстане и в мире и обусловливают необходимость перехода к устойчивому развитию сельскохозяйственной отрасли. Такому ее развитию, при котором отрасль способна противостоять внешним негативным воздействиям, не снижая эффективности использования ресурсов и качества жизни сельского населения. Цифровая трансформация экономики способствует ускорению перехода к устойчивому развитию отрасли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, устойчивое развитие, цифровая трансформация.

В настоящее время наблюдается повсеместный процесс внедрения цифровых технологий во все сферы и отрасли экономики, сельское хозяйство не является исключением. Осознавая существенные позитивные эффекты от цифровизации экономики, государственные органы создают необходимую инфраструктуру и стимулы для ускорения и углубления цифровизации отраслей и экономики в целом. В Казахстане с 2018 года действует государственная программа «Цифровой Казахстан», целью которой является «ускорение темпов развития экономики республики и улучшение качества жизни населения…» [1]. Внешние негативные шоки (пандемия, оказавшая влияние на качество человеческого капитала и вызвавшая перераспределение бюджетных средств в государствах, глобальное потепление климата и др.) могут способствовать возникновению продовольственного кризиса, снижение объемов производства продуктов питания и роста цен на них. Экономики стран должны быть готовыми к негативному воздействию глобальных вызовов за счет устойчивости сельскохозяйственной отрасли и всего агропромышленного комплекса. Цифровизация может способствовать переходу к устойчивому развитию сельского хозяйства.

Результаты сельскохозяйственной деятельности являются главным источником продуктов питания казахстанцев, источником сырья для обрабатывающей промышленности, источником доходов для сельскохозяйственных производителей. В Республике Казахстан земли

сельскохозяйственного назначения составляют 41 % всей площади страны, в том числе пашня – 10 % (25 млн гектар), пастбища – около 30 % (75 млн гектар) [2]. В настоящее время Казахстан занимает 17-е место в мире по площади пахотных земель. Многообразие и особенности сельскохозяйственных рисков препятствуют устойчивому развитию отрасли.

Сама концепция «устойчивого развития» получила распространение в 70-е годы XX века. В 1987 году в «Докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию: наше общее будущее» Гро Харлен Брундтланд впервые прозвучал термин «устойчивое развитие»: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [3, с. 24]. Концепция «устойчивого развития» стала результатом пристального вниманию к обострению экологических проблем в результате деятельности человека. Термин твердо закрепился в программных документах международных экологических организаций и движений. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 года закрепила экологические рамки устойчивого развития: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него» [4]. В 2000 году обеспечение экологической устойчивости стало одной из восьми Целей развития тысячелетия. Помимо экологического аспекта, концепция «устойчивого развития» включает в себя и социально-экономические аспекты: «Все государства и все народы сотрудничают в решении важнейшей задачи искоренения бедности – необходимого условия устойчивого развития – в целях уменьшения разрывов в уровнях жизни и более эффективного удовлетворения потребностей большинства населения мира» [4].

Таким образом, усилиями Международной комиссии под председательством Г. Х. Брундтланд, международных организаций и движений концепция устойчивого развития приобрела глобальный ориентир для социально-экономического развития стран, которые уже не могут не учитывать экологические последствия. Профессор С. Н. Бобылев отмечает, что сама концепция устойчивого развития «является консенсусной официальной парадигмой мировой экономики XXI в.» [5, с. 107].

В итоговом документе саммита Организации Объединенных Наций по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» были представлены глобальные цели на 15 лет (2016–2030). Каждая цель имеет свои задачи и индикаторы. Всего же Новая Повестка включает 17 целей и 169 целевых показателей, которые должны быть достигнуты до 2030 года.

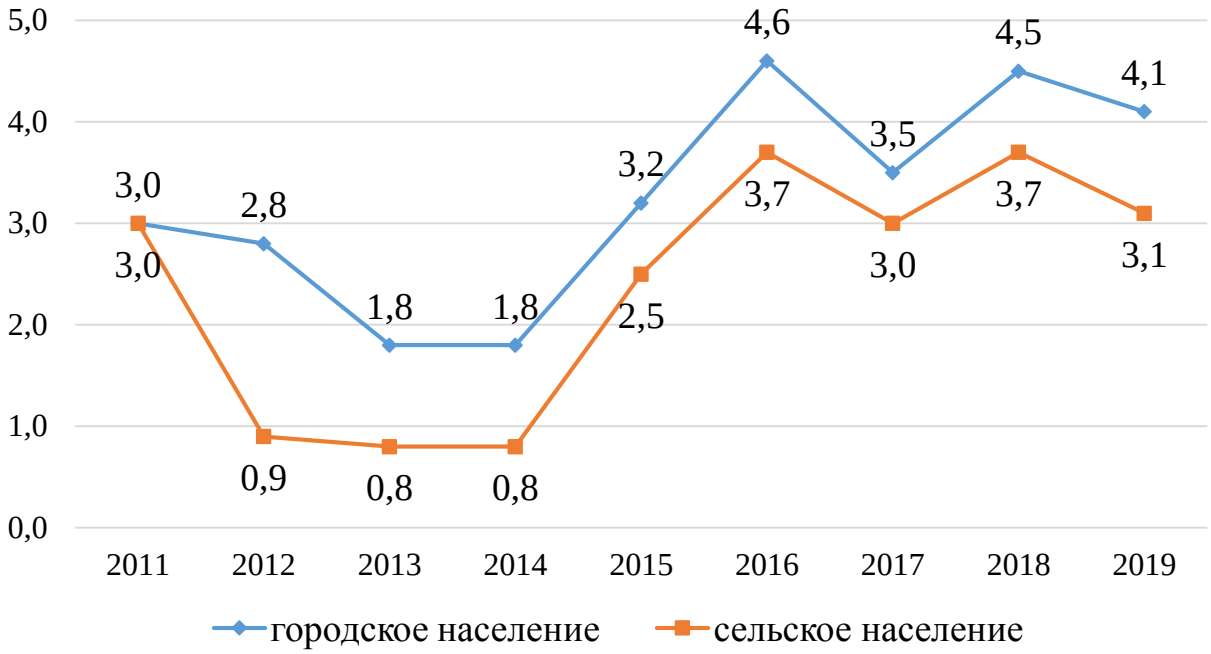

Рис. 1. Распространенность недоедания в Казахстане, в процентах.

Источник: составлено по данным [7].

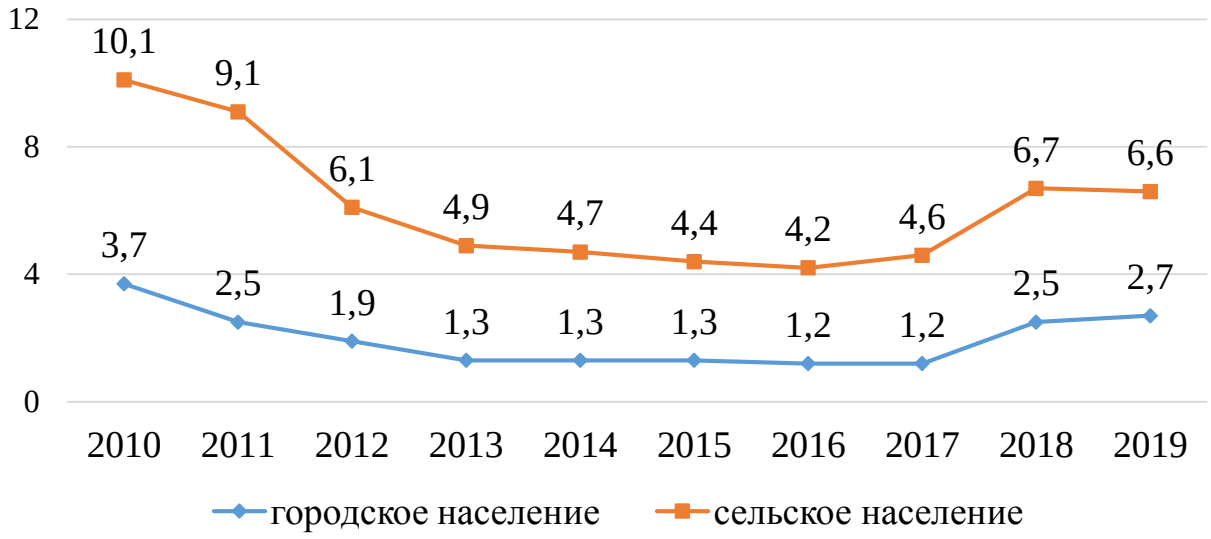

Рис. 2. Доля населения, имеющего доходы ниже величины прожиточного минимума, в процентах.

Источник: составлено по данным [7].

По заявлению Комитета по сельскому хозяйству Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (далее – ФАО), «… **устойчивое развитие сельского хозяйства** является обязательным для достижения многих Целей в области устойчивого развития». В документах ФАО дается следующее определение: устойчивое развитие сельского хозяйства – «это такое его развитие, которое вносит вклад в повышение эффективности использования ресурсов, устойчивости к неблагоприятным внешним воздействиям, а также социальной справедливости / ответственности сельского хозяйства и продовольственных систем в целях обеспечения продовольственной безопасности и полноценного питания для всех сейчас и в будущем» [6, с. 3]. Международные организации обеспокоены проблемами голода, неполноценного питания и бедности. По оценкам ФАО, в мире почти 690 миллионов человек голодают. Поэтому подход к устойчивости развития сельского хозяйства является в данном случае прагматичным: обеспечение продовольственной безопасности без ущерба для окружающей среды (социо-эколого-экономические аспекты).

В Казахстане показатели распространенности недоедания имеют тенденции к росту (см. рис. 1). Показатель распространенности недоедания представляет собой долю населения, потребление пищи которым не соответствует нормальной и здоровой жизни. По данным Бюро по статистике в 2019 году доля недоедающего населения Казахстана составляла 7,2 %, из которых 4,1 % приходилось на городское население, а 3,1 % – на сельское.

Проблема бедности имеет более обостренный характер, особенно среди сельского населения Казахстана. На рисунке 2 изображена динамика доли населения, имеющего доход ниже прожиточного минимума. По итогам 2019 года представленный показатель для сельского населения в 2,5 раза больше, чем для городского населения.

Экологическим аспектам устойчивого развития в Казахстане уделяется недостаточно внимания. Доля площади сельскохозяйственных угодий, на которых применяются продуктивные и неистощительные методы ведения сельского хозяйства, в 2019 году составляет лишь 3,5 % [7]. Переход к ресурсосберегающим методам в растениеводстве возможен лишь в условиях стабильных денежных доходов сельскохозяйственных производителей. В сельском хозяйстве отмечается их высокая нестабильность ввиду погодных рисков, следствием которых может быть снижение объемов производимой продукции или вовсе полная потеря урожая, ценовых рисков и пр.

Что необходимо для перехода к устойчивому развитию сельскохозяйственной отрасли и какую роль в этом может сыграть цифровизация? Для перехода к устойчивому развитию сельскохозяйственной отрасли необходимы качественные преобразования социально-экономических условий для формирования, развития и реализации в сельских территориях человеческого потенциала и эффективного использования ресурсного потенциала страны. Прежде всего речь идет о преобразованиях, направленных на повышение

качества институциональной инфраструктуры (структурированной совокупности институтов), способной обеспечивать необходимые стимулы долговременного характера для эффективного и ресурсосберегающего производства сельскохозяйственной продукции. Цифровизация может способствовать и стимулировать указанные качественные преобразования по следующим направлениям.

Во-первых, открываются возможности для осуществления контроля за рациональным использованием земель сельскохозяйственного назначения в Казахстане. По данным АО «Информационно-учетный центр», в Казахстане уже оцифровано 90 % сельскохозяйственных угодий. Цифровой мониторинг на текущем этапе помог выявить около 700 тыс. га нерационально используемых пашен (3 % от общей площади пашен в Казахстане) и около 40 млн га пастбищ (61 % от общей площади пастбищ). Своевременное выявление нерационального использования земель позволит предотвратить деградацию земель сельскохозяйственного назначения, снижение их плодородия.

Во-вторых, открываются возможности совершенствования инструментария по управлению рисками в сельском хозяйстве. Получение своевременной и детализированной информации о климатических условиях, почвенных характеристиках, состоянии животных позволяет осуществлять превентивные мероприятия по предотвращению потерь или снижению последствий негативных явлений. Развитие цифровых технологий позволило в 2020 году внедрить в Казахстане индексные страховые продукты в растениеводстве, основанные на влажности почвы, и исключить оценку эксперта при определении убытка производителя.

В-третьих, открываются возможности для диверсификации источников дохода производителей. Речь идет, прежде всего, о мелких собственниках и малых формах хозяйствования. Возможность получать дополнительные образовательные услуги через Интернет, возможность удаленно осуществлять трудовую деятельность по ряду профессий снижает стимулы к оттоку населения из сел в города для поиска работы.

В-четвертых, открываются возможности для повышения уровня доступности государственных услуг для сельских жителей. Предоставление услуг в электронной форме снижает издержки сельских жителей на их получение (нет необходимости обращаться в районные центры). В настоящее время все услуги по получению государственных субсидий полностью автоматизированы, заявки принимаются только в электронном виде.

Список литературы

1. Государственная программа «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: https://www.primeminister.kz/ru/gosprogrammy/gosudarstvennaya-programma-cifrovoy-kazahstan-9111459 (дата обращения: 22.06.2021).

2. Состав земель сельскохозяйственного назначения по видам угодий в разрезе областей на 1 ноября 2020 года // Комитет по управлению земельными ресурсами Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/land/documents/details/137049?lang=ru (дата обращения: 19.06.2021).

3. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития: наше общее будущее. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf (дата обращения: 22.06.2021).

4. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 22.06.2021).

5. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие: парадигма для будущего // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 3. С. 107–113.

6. Устойчивое развитие сельского хозяйства в интересах продовольственной безопасности и питания и роль животноводства // Комитет по Всемирной продовольственной безопасности Продовольственной и сельскохозяйственной организации объединенных наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.fao.org/3/a-mr272r.pdf (дата обращения: 22.06.2021).

7. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.gov.kz (дата обращения: 22.06.2021).

Summary

Bayeva Yu. V. Directions for Increasing the Sustainability of Development of the Agricultural Industry of Kazakhstan in the Conditions of Digital Transformation of the Economy

In modern conditions, global challenges contribute to the actualization of food issues in Kazakhstan and in the world and necessitate a transition to sustainable development of the agricultural sector. Such its development, in which the industry can withstand external negative influences, without reducing the efficiency of resource use and the quality of life of the rural population. The digital transformation of the economy is helping to accelerate the transition to sustainable development of the industry.

Key words: agriculture, sustainable development, digital transformation.

Лекаркина Н. К.
Заместитель генерального директора
ООО «Центр экономико-правовой экспертизы собственности»,
член экспертного совета «Русского общества оценщиков»,
главный редактор экономического научного журнала «Оценка инвестиций»,
кандидат экономических наук
lnk@esm-invest.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации оценочной деятельности в условиях развития цифровой экономики, в том числе развитие систем взаимодействия между банком, оценщиком и клиентом, а также эволюция автоматизированных оценочных систем (AVM). Подробно анализируется работа в автоматизированной финансовой оценочной системе «АФОС», созданной для оценки коммерческой недвижимости.

Ключевые слова: трансформация оценочной деятельности, автоматизированная финансовая оценочная система «АФОС», AVM (Automated Valuation Model), рыночная стоимость, коммерческая недвижимость.

Цифровая экономика – это термин, который отражает влияние цифровых технологий на модели производства и потребления. Этот термин появился в 1990-х годах, когда основное внимание уделялось влиянию Интернета на экономику, затем оно было расширено, чтобы включить появление новых типов бизнеса, ориентированных на цифровые технологии, и производство новых технологий.

Соответственно, с развитием цифровой экономики происходит и трансформация оценочной деятельности. Первым этапом трансформации было введение отчетов об оценке в виде электронного документа на законодательном уровне. Так, согласно Федеральному стандарту № 3, отчет, составленный в форме электронного документа, должен быть пронумерован постранично, подписан усиленной квалифицированной электронной подписью оценщика, который провел оценку, а также подписью руководителя юридического лица, с которым оценщик заключил трудовой договор. На законодательном уровне это было единственное нововведение в русле цифровизации экономики.

Однако, если смотреть на практические изменения в оценочной деятельности, то изменений можно увидеть гораздо больше. Так, в последние несколько лет активно развивается автоматизация оценочной деятельности. Например, сейчас в России активно развиваются программы – системы взаимодействия банка – клиента – оценщика, содержащие конструкторы отчетов об оценке. Такие системы могут содержать в себе некоторые элементы автоматизированной оценки, но основную работу выполняет человек.

Например, Сбербанк разработал сервис «ДомКлик». На сайте данного интернет-ресурса заявляется, что это сервис для поиска, покупки, продажи, аренды недвижимости в Москве, оформления ипотеки и безопасного проведения сделок с жильем.

С точки зрения автоматизации оценочной деятельности «ДомКлик» предлагает:

1. систему взаимодействия между оценщиком и клиентом;
2. модуль для оценщика – конструктор отчетов об оценке, в котором оценщику требуется заполнить некоторые поля, связанные с описанием объекта оценки, добавить аналоги (можно прямо из системы «ДомКлик»), внести необходимые корректировки. Отчет система формирует самостоятельно.

Достоинствами системы является удобство работы с клиентом и с банком за счет электронного документооборота, недостатками – работа в конструкторе, которая занимает слишком много времени (проще сделать отчет традиционным способом) и тот факт, что отчет после выгрузки все-равно необходимо дорабатывать.

Имеются похожие системы «Банк Оценщик» и «Мобильный оценщик» для работы с некоторыми другими банками в области ипотечного кредитования.

Все системы заявляют о наличии таких функций, как быстрый ввод данных, автоматическое заполнение данных по окружению, зданию, квартире, встроенный поиск по базам объявлений, загрузку данных из объявления без необходимости ручного копирования, автоматический расчет корректировок. Функции безусловно полезные и на первый взгляд должны экономить время, тем не менее работает функционал не всегда адекватно и приходится исправлять отчет уже после выгрузки отчета либо оставлять так, как указал робот, что не всегда бывает правильно.

Необходимо отметить, что работают данные системы в основном только на рынке жилья. Для коммерческой недвижимости есть у ряда систем шаблон отчета и конструктор, но фактически заявленный выше функционал практически не применим.

Вторая группа сервисов – сервисы, использующие автоматизированные модели оценки.

Автоматизированные модели оценки (AVM) – это очень известная старая проблема, которая недавно стала популярной с развитием цифровой инфраструктуры. В последнее время она начинает все больше и больше исследоваться как на практике, так и в теории. Количество статей, посвященных автоматизированным системам оценки, существенно возросло, начиная с 2017 года, что свидетельствует о растущем исследовательском интересе к массовой оценке.

Первый патент на AVM появился в начале 90-х, однако формальное определение было предложено только в 2003 году. «Автоматическая модель оценки (AVM) – это математическая компьютерная программа, которая

производит оценку рыночной стоимости на основе рыночного анализа местоположения, рыночных условий и характеристик недвижимости на основе информации, которая была собрана ранее» [1].

В настоящее время наблюдается сдвиг парадигмы от моделей к системам или к автоматизированным системам оценки, предполагается использование автоматизированных оценочных систем в гражданско-правовом обороте.

Истоки автоматизированных моделей оценки недвижимого имущества идут от традиционной оценки рыночной стоимости. Оценка недвижимости – нетривиальный процесс, он включает в себя рассмотрение множества лежащих в основе рыночных факторов и то, как они влияют на стоимость недвижимости в данный момент времени и в данном месте. Такие факторы могут включать государственную политику, географические факторы, физические и технические характеристики конкретного объекта оценки и др.

Оценка недвижимости трансформировалась в науку со второй половины девятнадцатого века [2], в то время как происхождение AVM-моделей начало развитие только в первой половине семидесятых годов XX века – в 1970 году при оценке земли возник термин «ассистированная (компьютеризированная) оценка». Несколько лет спустя концепция была продолжена также в оценке недвижимого имущества [3] термином «модель автоматизированной оценки», почти идентичным тому, что используется сейчас.

В Европе и Северной Америке AVM-системы в настоящее время достаточно сильно распространены. США, Дания, Германия, Испания, Швеция, Великобритания, Польша применяют AVM для консультационных целей, андеррайтинга ипотечных сделок и налогообложения. Одна из старейших систем автоматизированной оценки функционирует в Дании: база недвижимости для ее построения формируется с 1981 года.

Европейские страны создали альянс по внедрению и развитию AVM и разработали особые стандарты для развития и использования AVM. В альянс входят частные компании Великобритании, Нидерландов, Швейцарии и Норвегии (англ. European AVM Alliance). Стандарты были разработаны RICS (Королевским институтом землеустройства Великобритании). К стандартам AVM IAAO присоединился Институт оценки недвижимости Канады [4].

Необходимо отметить, что, как правило, в автоматизированных моделях оценки используются большие объемы данных, это могут быть данные о продажах или предложениях, данные, указывающих на степень привлекательности района.

AVM-системы для жилой недвижимости обычно анализируют публичные объявления для расчета рыночной стоимости жилой недвижимости. Программа запускает алгоритм, который учитывает размер квартиры, количество комнат, техническое состояние ремонта, класс здания местоположение и дату оценки. В США одна из самых известных моделей автоматизированной оценки жилого фонда – Zestimate Zillow. В России аналогичную систему пытаются сделать Cian

и Domofond, однако пока их нельзя считать полноценными AVM, поскольку они не учитывают большое количество факторов, даже самых простых.

Например, в системе Domofond не учитывается элементарная корреляция стоимости 1 кв. м площади и размера квартиры, в результате получается, что стоимость в квартире 30 и 100 кв. м будет одинаковой, при этом на практике разница в площади может приводить к различиям в стоимости даже на 20–30 %.

В целом в настоящее время в российском сегменте Интернета доступны около 5–6 онлайн-калькуляторов для оценки недвижимости. Большинство из них ограничиваются только оценкой квартир в Москве, только два калькулятора по итогу работы формируют некое подобие заключения об оценке. Все калькуляторы в основном созданы структурами, связанными с продажей жилой недвижимости, т. е. риелторскими компаниями, фактически единственной задачей которых является маркетинговое продвижение данных компаний. Фактически указанные разработки не преследуют целью стать сколько-нибудь значимыми продуктами на рынке автоматизированной оценки – для них отсутствует мотивация для развития как интеллектуальной расчетной части, так и представительской – то есть конечного продукта в виде заключения или отчета, который мог бы использоваться в различных целях.

Что касается коммерческой недвижимости, AVM могут принести пользу широкому спектру важных, но трудоемких процессов: предварительной оценке, банковскому андеррайтингу, проверке и мониторингу стоимости объектов недвижимости при выборе инвестиционного объекта, проверке перед оспариванием кадастровой стоимости, поиску оптимального значения рыночной арендной ставки.

Как и в случае с жилой недвижимостью, автоматизированная модель оценки в коммерческой недвижимости представляет собой набор алгоритмов, которые объединяют исходные данные для расчета стоимости собственности и учета денежных потоков. Задача, связанная с автоматизированной оценкой объектов коммерческой недвижимости, сложнее. Даже на американском рынке таких систем недостаточно.

Для инвесторов и кредиторов фактор времени порой является решающим, и автоматизированная система оценки была бы им очень полезна для предварительной оценки, поскольку промежуток между заказом оценки и получением отчета часто составляет от двух до трех недель. При использовании AVM процесс занимает несколько секунд и не требует каких-либо усилий. Поскольку в AVM-системе не задействован человеческий ресурс, это означает меньший риск человеческой ошибки. Американские исследователи обнаружили, что абсолютная ошибка автоматизированной модели составляет менее 6 % для коммерческой недвижимости, что может быть даже меньше, чем уровень ошибок традиционных оценок.

Важным моментом для пользователей является и то, что AVM повышает точность оценки и делает ее более надежным выбором для инвесторов или кредиторов.

В России на данный момент существует только одна AVM для оценки коммерческой недвижимости – Автоматизированная финансовая оценочная система (АФОС).

«АФОС» – Оценка недвижимости – это онлайн-сервис моментальной оценки коммерческой недвижимости в Москве. Сервис представляет собой инновационный комплекс, который позволяет профильным специалистам и заинтересованным лицам, не обладающим специфическими знаниями в области оценочной деятельности, узнать стоимость коммерческой недвижимости в считаные минуты и автоматически сформировать заключение об оценке.

После того как пользователь укажет все характеристики объекта недвижимости, АФОС моментально рассчитывает стоимость и выдает заключение АФОС в формате PDF приблизительно на 15 страницах, которое содержит множество стоимостных показателей для всех видов площадей в объекте. Заключение об оценке, выданное автоматизированной системой, содержит стоимость объекта оценки, стоимость ОКС (объекта капитального строительства), арендные ставки и другие показатели, которые рассчитываются как ожидаемые стоимости, так и как диапазон возможных значений.

Если сравнить параметры системы «АФОС» с заданными Европейским Стандартом на Автоматизированные Модели Оценки (АВМ), можно отметить, что система «АФОС» соответствует классу исследовательских АВМ, которые используются для первоначального тестирования концепций, в научных исследованиях для измерения тенденций в стоимости недвижимости, а также могут использоваться в государственном и частном управлении, например, при проектировании целей планирования или андеррайтинга.

Тем не менее без изменения законодательного подхода в России использование автоматизированных оценочных систем будет ограничено только исследовательской и консультационной нишей.

В тоже время, в соответствии с Европейским Стандартом, АВМ должны разрабатываться соответствующими квалифицированными аналитиками рынка, то есть оценщиками, которые смогут использовать статистические методы для анализа данных, определять рыночные условия и создавать наилучшие модели рыночной активности для заданных локаций, учитывать определенные моменты времени для формирования стоимостей недвижимости.

На примере Автоматизированной финансовой оценочной системы «АФОС» видно, что разработка полноценной рабочей АМВ возможна только квалифицированными участниками оценочного рынка. Дальнейшее же развитие АВМ-системы «АФОС», как и любой другой системы, будет строиться на принципах общественного доверия и широкой применимости и, возможно, при изменении законодательства и границ. Тогда применение АВМ в России будет расширено.

Таким образом, можно наблюдать следующие результаты трансформации оценочной деятельности в условиях развития цифровой экономики:

– оценочная деятельность неуклонно трансформируется посредством автоматизации процессов, системы для подготовки отчетов (типа «ДомКлика») стремятся заменить оценщика;

– скорость проведения оценки увеличивается благодаря конструкторам отчетов, электронному документообороту и автоматизированным моделям оценки;

– стоимость работ по оценке также снижается, благодаря автоматизации процессов оценочной деятельности.

Важным достижением в автоматизации оценочной деятельности является разработанный алгоритм для оценки коммерческой недвижимости, который при необходимой поддержке (финансовой или государственной) можно применить для любого города мира.

Список литературы

1. IAAO, Standard on Automated Valuation Models (AVMs). 2003. No 36.

2. J. W. Moore. A History of Appraisal Theory and Practice Looking Back from IAAO's 75th Year, J. Prop. Tax Assess. Adm. 2009. No 6. pp. 23–49.

3. R. Carbone, R.L. Longini, A Feedback Model for Automated Real Estate Assessment, Manage. Sci. 1977. No 24. pp. 241–248.

4. Шавров С., Касай Д. Автоматическая оценка недвижимости [Электронный ресурс]. URL: https://docplayer.ru/80658844.

5. Сайт автоматизированной финансовой оценочной системы «АФОС» [Электронный ресурс]. URL: https://cepes-invest.com/.

Summary

Lekarkina N. K. Transformation Appraisal Business in the Conditions of the Digital Economy Development

The article discusses topical issues of appraisal business transformation the in the context of the development of the digital economy, including the development of interaction systems between the bank, appraiser and client and the evolution of Automated Valuation Models (AVM). The work in the automated financial valuation system "AFOS", created for the appraisal of commercial real estate, is analyzed in detail.

Key words: transformation of estimated activity, automated financial valuation system "AFOS", AVM (automated valuation model), the market value of commercial real estate.

Базарбекова Д. М.
Старший научный сотрудник
Службы инновационных и исследовательских проектов
Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы,
кандидат филологических наук, доцент
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
dumanbaz2013@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В данной статье рассмотрены вопросы внедрения в Казахстане цифровизации, которая играет важнейшую роль в успешном развитии страны. Неотъемлемой частью цифровой трансформации является информационная безопасность и ее культура. Представлены сущность информационной безопасности, программа «Киберщит Казахстана» и их влияние на информационное будущее государства в рамках программы цифровой экономики Казахстана.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экономическая безопасность, информационная безопасность, «Киберщит Казахстана».

С распространением коронавируса мир меняется, так жизнь в условиях локдауна внесла коррективы во все сферы деятельности. Пандемия не только поставила много новых проблем, но и обусловила развитие некоторых технологических трендов: онлайн-платежи, телемедицина, роботизированная доставка и пр. Такие новые реалии, как дистанционная работа или обучение, проходят массовую апробацию, при этом отмечается, что они найдут свою нишу в современном технологическом укладе государства.

Жизнь в условиях полного или частичного локдауна актуализировала процессы цифровизации в стране. На сегодняшний день цифровизация является одним из основных трендов развития экономики. Особую актуальность приобрели технологии, с одной стороны способствующие сокращению распространения коронавируса, а с другой стороны позволяющие предпринимателям и бизнесменам поддерживать свой бизнес.

Президент Республики Казахстан К-Ж. К. Токаев в Послании народу Казахстана «Казахстан в новой реальности: время действий» отмечает: «Цифровизация – это не следование модной тенденции, а ключевой инструмент достижения национальной конкурентоспособности. Прежде всего, предстоит устранить цифровое неравенство, обеспечить максимальный доступ к интернету и качественной связи всех граждан» [1].

Практический опыт показывает, что большинство внедряемых информационных технологий увеличивают конечную стоимость продукции. Следовательно, эффективное внедрение цифровой экономики во многом определяется созданием добавочной стоимости продукта путем использования

современных информационных технологических платформ и систем. Такой подход потребует разработки новых концепций проектирования систем информационной безопасности, интерфейсов и протоколов взаимодействия между ними.

В то же время при активном внедрении информационных технологий в экономическую среду возникает вероятность появления рисков в сфере информационной безопасности.

Перевод персонала на дистанционную работу сделал более уязвимыми корпоративные сети, что дает больше возможности для кражи информационных активов компаний. Все больший интерес вызывают уязвимые устройства, например, «умного дома», которые впоследствии могут быть использованы для развертывания ботов в масштабных атаках или в качестве прокси-серверов для совершения других кибератак.

Также в области кибербезопасности на текущий год актуальны атаки на медицинские учреждения – как с целью кражи конфиденциальных данных для разработки вакцин и лекарств, так и с целью доступа к медицинской аппаратуре и диагностическому оборудованию через сетевую инфраструктуру организаций. Среди социальных атак более пятидесяти процентов составляет спам-рассылка, более тридцати – ссылка на вредоносную программу или сайт.

Итак, во время пандемии весь мир столкнулся с уникальным вызовом в области информационной безопасности; преодоление киберпреступлений и противодействие им является важным направлением экономической и национальной безопасности государства.

Информационная безопасность представляет собой довольно емкое и многогранное понятие. Под информационной безопасностью обычно понимают состояние защищенности информационной среды от воздействий, порождающих нанесение ущерба субъектов информационных отношений. В более широком смысле, на общенациональном уровне, под информационной безопасностью принято понимать определенное состояние, обеспечивающее защиту национальных интересов страны в информационном секторе. Также информационную безопасность отождествляют с защищенностью информации и инфраструктуры ее поддерживающей от воздействий, которые могут привести к неприемлемому ущербу субъектов информационных отношений, включая владельцев и пользователей информации.

Информационная безопасность в сфере экономики имеет свою специфику: под угрозой в первую очередь кредитно-финансовая система. Сбой в системе банка Kaspi осенью прошлого года, который помог сделать выводы всем: вкладчикам – не хранить деньги в одном банке, конкурентам – развивать онлайн-сервисы. А на сегодняшний день число пользователей мобильного приложения Kaspi.kz приближается к девяти миллионам, также более 90 % онлайн-покупок казахстанцы оформляют через данное приложение.

Время показало, что цифровые технологии занимают большое место в поддержании устойчивого функционирования общества, при этом они могут оказывать более долгосрочное влияние после окончания пандемии.

В настоящее время практически у каждого человека есть компьютер, смартфон, имеющие выход в Интернет. У каждого есть счет в банке, банковская карта и, чаще всего, мобильное приложение этого банка – это удобно, быстро, но выдвигает свои требования в безопасности и конфиденциальности. Информация определяется ценным ресурсом в деятельности человека, государства, и ее потеря приводит к серьезным последствиям.

Также современный уровень развития экономики предполагает активное использование Интернета, спутниковой связи, новых технологий обработки, хранения и передачи информации, что, в свою очередь, делает актуальной проблему защиты персональных данных и обеспечения информационной безопасности государства и предприятий. Несанкционированный доступ к информационным ресурсам организаций, уничтожение, блокирование, копирование и использование информации компаний в корыстных целях третьих лиц наносят значительный ущерб как отдельным гражданам, так предприятиям и государству.

Так, инициативы по цифровизации придают все большее значение эффективной стратегии кибербезопасности.

«Все большую актуальность приобретает борьба с киберпреступностью. Поручаю Правительству и Комитету национальной безопасности принять меры по созданию системы Киберщит Казахстана», – отмечает Первый Президент Республики Казахстан – Елбасы Н. А. Назарбаев [2].

В соответствии с Указом Президента Республики Казахстан в республике разработана Концепция кибербезопасности. «Киберщит Казахстана» обеспечивает защиту электронных ресурсов посредством создания высокоадаптивной и интегрированной системы государственного управления информационной безопасностью, совершенствованием нормативно-правовой базы, правоприменительной практики, созданием программных продуктов и систем кибербезопасности и пр.

Концепция кибербезопасности Республики Казахстан реализуется в два этапа: 2017–2018 гг. и 2019–2022 гг. и включает разработку политики кибербезопасности, информацию о киберугрозах и ее анализ.

В стране ведется планомерная работа по реализации концепции «Киберщит Казахстана», разрабатываются стратегии по защите цифровых и основных услуг, защите персональных данных, по электронной идентификации и трастовым услугам. Большое внимание уделяется вопросам управления инцидентами и кризисами, в частности реагированию на киберинциденты, управлению киберкризисными ситуациями, борьбе с преступностью, военным кибероперациям.

Программа «Киберщит» дала основу для определения основных шагов развития информационной безопасности государства и прошла проверку пандемией и локдауном.

В настоящее время в Казахстане последовательно формируются контуры национальной архитектуры кибербезопасности. Защита казахстанцев от киберугроз и поддержка высокого уровня защищенности электронных данных входит в компетенцию Комитета по информационной безопасности Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан [3]. Также в республике организован Национальный координационный центр информационной безопасности, функционирует семь оперативных центров информационной безопасности, три службы реагирования на компьютерные инциденты.

Ведется планомерная и целенаправленная работа по установлению и укреплению сотрудничества между ведомствами по вопросам обеспечения информационной безопасности. Совместно прорабатываются задачи по созданию систем защиты, по производству телекоммуникационного оборудования, по хранению электронных ресурсов.

Как и во всем мире, в стране актуализируется кадровый вопрос: наличие высококвалифицированных и конкурентоспособных кадров во многом определяет развитие отрасли. Так, в республике инициирована «Казахстанская ассоциация информационной безопасности», в компетенцию которой входит развитие научной школы информационной безопасности: разработка методической базы, технологий, формирование сообщества профессионалов, повышение уровня квалификации, компетенций специалистов и пр.

Важной составляющей в обеспечении информационной безопасности программы цифровой экономики является низкий уровень культуры информационной безопасности. Современные компетенции сотрудников должны быть направлены на повышение состояния защищенности как информационных систем, так и информации, содержащейся в них.

Также ведется большая работа повышению информированности населения о возможных угрозах в сфере цифровых технологий, о способах и видах мошенничества, в результате которых люди могут потерять свои деньги, о том, как избежать мошенничества, как повысить безопасность своих сбережений и персональных данных, которые являются целью злоумышленников.

Отметим, что в ежегодном исследовании Международного союза электросвязи (ITU) на 2019 год Казахстан занимает 40-е место в глобальном индексе кибербезопасности, поднявшись с 82-го места сразу на 42 пункта, тем самым республика вошла в список стран с высоким уровнем готовности противостоять киберугрозам. Отметим, что среди стран СНГ Казахстан на втором месте после Российской Федерации (26-е место), далее для сравнения: Узбекистан – 52-е место, Украина – 54-е, Белоруссия – 69-е, Таджикистан – 107-е [4].

Уровень осведомленности населения об угрозах кибербезопасности составляет 73 %, в стране активно поддерживаются более 100 000 интернет-ресурсов, с доменами (именами) .kz и .каз, обеспеченность работниками в сфере информационной безопасности составляет 46 % [4].

Во всем мире развивается парадигма кибербезопасности, происходит ее институционализация: формируются правовые нормы для борьбы с кибермошенниками, создаются международные институты по кибербезопасности, формируются новые сферы деятельности, ориентированные на противодействие киберпреступникам. Это вопросы не отдельно взятой страны, а всего прогрессивного человечества, в связи с чем специалисты всех стран объединяют усилия, создают альянсы, проводятся форумы, научные конференции, идет обмен опытом.

В целях повышения информационной безопасности в условиях цифровой экономики и экономической безопасности государства, компании и человека, в частности, предлагают определенный комплекс мер. В том числе совершенствование нормативно-правовой базы в сфере обеспечения информационной безопасности; совершенствование уровня информационной безопасности организаций и постоянный мониторинг возможных киберугроз и их последствий; повышение информированности населения о возможных угрозах в сфере цифровых технологий, о способах и видах мошенничества, в результате которых люди могут потерять свои деньги, о том, как избежать этого, как повысить безопасность своих сбережений и персональных данных и другие.

Чтобы минимизировать риски, принять соответствующие меры для отражения атак рекомендуется обратить особое внимание на действия шифровальщиков, блокирующих доступ к данным и угрожающих ее разглашением до получения определенной суммы (например, на фишинги, спекулирующие на теме коронавируса, направленные на получение доступа к конфиденциальным данным пользователей).

Таким образом, информационная безопасность составляет одну из значимых частей в общей системе национальной безопасности Республики Казахстан.

Цифровизация стала «золотым ключиком» к выживанию вовремя локдауна, к успеху после пандемии. Хотя цифровая трансформация и затронула уже многие сферы деятельности человека, пандемия ускорила процесс и внесла свои коррективы. Жизнь в условиях локдауна наглядно показала преимущества цифровых технологий, позволяющих вести не только повседневную жизнь, но и бизнес.

Растущая информатизация экономических процессов требует повышения уровня ее безопасности, так информационная безопасность определяется необходимым условием развития экономики цифрового типа. Опыт защищенной работы в компьютерных сетях в период пандемии имеет неоценимое значение как в организационном, так и в техническом плане. В этих условиях выживут только те технологии и решения, которые действительно способны принести измеримый результат, то есть защитить от возможной атаки.

Итак, рассмотрение вопросов информационной безопасности позволит построить на современной технологической платформе не просто цифровую, а эффективную цифровую экономику.

Список литературы

1. Казахстан в новой реальности: время действий: Послание Главы государства К.-Ж. К. Токаева народу Казахстана. Астана, 1 сентября 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-1-sentyabrya-2020-g.

2. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность: Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 31 января 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvarya-2017-g.

3. Официальный сайт Комитет по информационной безопасности Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/infsecurity?lang=ru.

4. Жандыбаев К. Как развивается кибербезопасность Казахстана. Астана, 28 октября 2019 года [Электронный ресурс]. URL: https://strategy2050.kz/ru/news/kak-razvivaetsya-kiberbezopasnost-kazakhstana/.

Summary

Bazarbekova D. M. Information Security in the Context of the Development of the Digital Economy

This article discusses the implementation of digitalization in Kazakhstan, which plays a crucial role in the successful development of the country. Information security and its culture are an integral part of digital transformation. The article presents the essence of information security, the program “Cyber Shield of Kazakhstan” and their impact on the information future of the state within the framework of the program of the digital economy of Kazakhstan.

Key words: digital transformation, economic security, information security, Cybersecurity of Kazakhstan.

Зубенко В. А.
Доцент кафедры мировой экономики
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук, доцент
г. Москва, Российская Федерация
vzoubenko@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу использования цифровых технологий в экономике Германии – одной из наиболее инновационных стран мира и вызванных этим трансформаций в сфере производства и жизни общества. ФРГ занимает одно из ведущих мест в рейтингах международной конкурентоспособности, поскольку относится к числу самых технологически развитых, инновационных экономик мира. Так, Информагентство Блумберга в 2019 г. поставило Германию среди 60 стран по индексу инновационности на 2-е место после Южной Кореи. А в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) за 2019 г. Германия включена в десятку наиболее инновационных стран (9-е место), тем не менее правительство Германии осознает определенное отставание страны в области цифровизации и ставит перед собой амбициозные задачи всеобъемлющей дигитализации. Кризисные явления, вызванные пандемией COVID-19, стали той лакмусовой бумажкой, которая проявила слабые места, риски и угрозы снижения международной конкурентоспособности Германии.

Ключевые слова: цифровизация, дигитализация, цифровые технологии, Германия, угрозы для рынка труда, недостаток финансирования, мелкий и средний бизнес.

Становление цифровой экономики стало важнейшим трендом в развитии многих стран. Сегодня под цифровой экономикой понимают спектр общественных отношений в области экономики, культуры и общественной жизни, основанных на внедрении электронных технологий. Цифровизация приводит к радикальным изменениям в экономике и обществе: к ускорению экономического роста, повышению производительности труда, созданию комфортных условий жизни для индивидуумов, совершенствованию форм государственного управления. Уровень развития цифровых технологий стал одним из главных критериев при оценке инновационного потенциала государств и направлений модернизации экономики.

Цифровые изменения идут полным ходом. Технологические разработки происходят быстро и меняют системы производства, информации, общения и потребления, короче, весь уклад жизни. Появляются новые или измененные бизнес-модели: автомобили распространяются через приложение, языки изучаются онлайн, выплата пенсий и зарплаты производится на электронные карточки, оплата коммунальных услуг происходит по мобильному телефону, поезда метро ходят без машинистов, промышленность также меняется – 3D-принтеры производят детали машин, роботы собирают их, а целые предприятия оказываются виртуально связанными друг с другом. Эти новшества экономят

время, деньги и силы людей, создают новые возможности удобной жизни. Цифровизация стимулирует появление инноваций, влияет на рынок труда и предъявляет новые требования к образованию, качеству государственных услуг, медицине. Страны, преуспевшие в развитии цифровизации, имеют возможность совершить рывок в развитии производительных сил и повысить свою конкурентоспособность в мировой экономике. Электронные платежи, большие данные и искусственный интеллект стали наиболее важными тенденциями будущего.

В Германии понятия «цифровая трансформация» и «дигитализация» появились около 10 лет назад и неразрывно связаны с понятием «Индустрия 4.0» или «Четвертая промышленная революция». Появление концепции «Индустрия 4.0» в Германии в 2011 г. стало следствием уже начавшейся цифровизации. В области «Индустрии 4.0» Германия находится, наряду с Японией и США, в числе мировых лидеров, что неудивительно, поскольку Германия считается одной из самых технологически развитых, инновационных экономик мира. В последнее десятилетие Германия последовательно повышала показатели затрат на НИОКР как в абсолютном, так и в относительном выражении. За десять лет они выросли в 1,5 раза – со 112,1 млрд евро в 2009 г. до 172,6 млрд евро в 2018 г. [1]. ФРГ находится на четвертом месте в мире по масштабам финансирования науки после США, Китая и Японии, а по доле затрат на НИОКР в ВВП – 3,3 % в 2019 г. опережала США и отставала только от Израиля, Швейцарии, Швеции, Австрии и Дании. Поскольку для Германии характерна сверхиндустриализация (в сравнении с другими развитыми странами доля промышленности в ВВП существенно выше и составила в 2019 г. 24,3 %), то для промышленности характерно, что доля затрат на НИОКР в обороте выше, чем в сфере услуг и составила в 2018 г. 5,9 % и 1,6 % соответственно. Результативность НИОКР может быть измерена количеством зарегистрированных патентов. Германия относится к числу ведущих стран мира по патентной активности: по данным ВОИС, по количеству поданных заявок на патенты – 67 898 в 2018 г. ФРГ занимала 5-е место в мире.

По данным Boston Consulting Group, BCG, в списке 50 ведущих инновационных компаний мира в 2018 году семь компаний были немецкими, это лучший показатель среди европейских стран. Патентная активность: 754 патента на 1 млн чел. населения (выше только в Китае, Финляндии, Японии и Швеции).

Однако в сфере цифровизации, особенно в области внедрения цифровых информационных технологий, сверхбыстрого Интернета, функционирования электронного правительства, Германия осознает свое отставание от целого ряда развитых стран. А пандемия COVID-19 высветила наиболее уязвимые места германского хозяйственного механизма, который зачастую отторгает новые технологии. По данным ОЭСР, только 16 % немецких фирм используют облачные сервисы, которые рассматриваются как ключевой фактор повышения производительности, что существенно ниже среднего показателя по ОЭСР (25 %) и свидетельствует об отставании Германии от Финляндии (57 %), Швеции (48 %) и Японии (45 %). Коалиционное правительство Германии обязалось

предоставить высокоскоростной гигабитный доступ в Интернет по всей Германии только к 2025 г. В Японии 76 % широкополосной связи осуществляется с помощью оптоволокна, в Латвии – 62 %, в Швеции – 58 %, а в Германии – всего 2 %. Сложившаяся ситуация отчасти объясняется тем, что регулятор отрасли телекоммуникаций BNetzA (Bundesnetzagentur, Федеральное агентство связи) позволило в свое время Deutsche Telecom, бывшей монополии национальной сети, вместо прокладки оптоволокна в домах и офисах использовать устаревшую технологию. Для исправления ситуации был создан специальный фонд цифровизации, в который Министерство финансов направило в 2019 г. 2,4 млрд евро.

Анализ причин торможения процесса цифровизации привел к парадоксальным выводам. Опросы предпринимателей показывают, что успешная работа германских компаний на внешнем рынке мешает им уделять большее внимание построению цифровой экономики. Половина германских предприятий не заинтересована во введении цифровизации. Тревогу вызывает перспектива сокращения числа рабочих мест в связи с устареванием не только профессий, связанных с физическим трудом, но и интеллектуальных, требующих высокого уровня квалификации: уже сегодня туманными представляются перспективы документоведов, работников кадровых служб, бухгалтеров, провизоров, операторов банков и других. Отсутствием доступного быстрого Интернета объясняют недостаточное количество немецких стартапов, а в последние годы наблюдается даже сокращение темпов появления новых. Недостаточное финансирование рассматривается как главная причина отставания Германии от своих основных соперников: так, в США в 2017 г. в стартапы было инвестировано 84 млрд долл., в Израиле – 5 млрд, а в Германии – только 4,3 млрд. Сказываются и особенности менталитета: в США принято идти на риск, если успех не гарантирован, неудача рассматривается как возможность начать все сначала. В Германии же к риску относятся отрицательно, а провал с реализацией идеи может обернуться невозможностью найти источник финансирования для нового проекта. Плачевное состояние стартапов потребовало вмешательства правительства, которое в 2017 г. создало специальный государственный фонд со скромным бюджетом в 600 млн евро для их финансовой поддержки.

Не содействуют цифровизации экономики Германии и бюрократические процедуры, связанные с регистрацией фирм: на это в Германии уходит в среднем более 10 дней, во Франции и Великобритании – 4,5 дня, в Канаде – 1,5 дня, в США – часы.

Причинами отставания Германии в области цифровых технологий называют также особенности германского законодательства в области защиты личных данных и дефицит подготовленных кадров. Для преодоления нехватки квалифицированных специалистов в этой сфере реализуется инициатива Федерального министерства образования и науки под названием Berufsbildung 4.0 (Профессиональное образование 4.0), в рамках которой разрабатываются меры содействия для ориентированного на будущее, привлекательного и конкурентоспособного профессионального обучения в Германии. Инициатива также поддерживает цифровую повестку дня федерального правительства. Цель

этой инициативы в том, чтобы как можно раньше понять, как необходимо изменить квалификацию специалистов для соответствия завтрашнему цифровому миру.

Заслуживают внимания и меры по поддержке цифровизации мелкого и среднего бизнеса (МиСБ), сформулированные в программе «Будущее для немецкого миттельштанда»[9], в которой также предусмотрено обучение работников навыкам применения цифровых технологий и меры по адаптации иностранных выпускников немецких вузов. Новые технологии, в частности электронная торговля, расширяют экспортные возможности МиСБ и обеспечивают ему присутствие на глобальном рынке, ранее доступное только крупным компаниям. Но по мере вхождения мировой экономики в XXI век важные изменения в мировой экономике сглаживают преимущества значительного размера капитала. Благодаря новым технологиям торговые издержки сильно сократились. Традиционная внешняя торговля была делом сложным, затратным и требующим много времени. Это означало, что только крупный бизнес – обычно производители готовой промышленной продукции или сырья и материалов – мог быть прямо вовлечен в глобальную торговлю, поскольку требовались огромные инфраструктурные, финансовые и организационные инвестиции. Малым фирмам всегда недоставало ресурсов, например, для проведения рекламной кампании, морской транспортировки, организации дистрибуции за рубежом и других целей. Сегодня резко снизились таможенные барьеры, усовершенствовался транспорт, сформировались информационные сети. Интернет и информационные технологии открывают невиданные возможности для малых предприятий: выходя в виртуальное пространство, небольшие компании не только получают разнообразную информацию о рынке, но и могут рассматривать весь мировой рынок как потенциальное поле своей деятельности. Это особенно характерно для рынка услуг, часть которых стало возможным оказывать дистанционно тем потребителям, которые по тем или иным причинам не могут приобретать их при непосредственном контакте с поставщиком услуги. У МиСБ с развитием электронной коммерции и в целом ИКТ-услуг открываются новые возможности для доступа на международные рынки и преодоления барьеров в торговле. В последние годы цифровые технологии и Интернет предоставили много возможностей для МиСП, чтобы привлечь клиентов на отечественном и мировом рынках.

Таким образом, можно утверждать, что цифровые технологии в Германии постепенно трансформируют хозяйственную сферу и подтверждают характеристику страны как одной из передовых и успешных экономик. Правительство Германии четко рассматривает цифровизацию как важный приоритет, что подтверждается большим количеством уже реализованных мер, значительными инвестициями и международным сотрудничеством.

[9] Mittelstand – мелкий и средний бизнес (нем.).

Список литературы

1. [Электронный ресурс]. URL: https://www.deutschlandinzahlen.de/tab/deutschland/wissenschaft-forschung/forschung-und-entwicklung/innovationsaufwendungen-insgesamt.

2. Monitoring Progress in National Initiatives on Digitising Industry. Country report. Germany. July 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2019-32/country _report_-_germany_-_final_2019_0D303AC9-00B0-5F1A-A0DF3E5B4391E9B5_61206.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

3. Innovations Indikator. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/search/?text=Innovationsindikator %202017&lr=121804&clid=1955451&win=185 (дата обращения: 10.01.2020).

4. Deutschland-Index der Digitalisierung 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oeffentliche-it.de/documents/10181/14412/Deutschland-Index+der+ Digitalisierung+2019 (дата обращения: 17.01.2020).

5. How Germany is preparing to digitize government and labor [Электронный ресурс]. URL: https://www.dw.com/en/how-germany-is-preparing-to-digitize-government-and-labor/a-48573117 (дата обращения: 14.01.2020).

6. [Электронный ресурс]. URL: https://germania-one.turbopages.org/germania.one/s/internet-5g-i-cifrovye-tehnologii-v-kazhdyj-dom-pravitelstvu-germanii-est-nad-chem-rabotat/.

Summary

Zubenko V. A. Digital Transformation of the German Economy

The article is devoted to the analysis of the use of digital technologies in the economy of Germany – one of the most innovative countries in the world and the resulting transformations in production and social life. Germany occupies one of the leading places in the ratings of international competitiveness, as it is one of the most technologically advanced and innovative economies in the world. Thus, the Bloomberg News Agency in 2019 put Germany among 60 countries in terms of the innovativeness index in second place after South Korea. And in the Global Innovation Index (GII) for 2019, Germany is included in the ten most innovative countries (9th place). Nevertheless, the German government is aware of a certain lag in the country in the field of digitalization and is setting itself ambitious goals for comprehensive digitalization. The crisis events caused by the COVID-19 pandemic have become the litmus test that has revealed the weaknesses, risks, and threats of a decrease in Germany's international competitiveness.

Key words: digitalization, digitalization, digital technologies, Germany, threats to the labor market, lack of funding, small business.

Родина Л. А.
Профессор кафедры экономики и финансовой политики
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского,
доктор экономических наук
г. Омск, Российская Федерация
rodinala@omsu.ru

МЕТОДИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПРОТОТИПИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Представлены результаты исследования, отражающие влияние цифровизации на различные сферы деятельности. Предложена методика пространственного прототипирования объекта цифровизации. Предварительно обозначен функционал цифровых инструментов для прототипирования объектов цифровизации из различных отраслей. Даны примеры пространственных прототипов при цифровизации объектов. Предполагается эффективность пространственного прототипирования при цифровизации деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация экономики, пространственное прототипирование, цифровые инструменты.

Современная мировая экономика активно развивается на принципах цифровой трансформации, но практически каждая сфера деятельности вынуждена преодолевать множество ограничений, связанных с внедрением цифровых технологий. При этом важно понимать, что основой цифровой трансформации экономики является сбор, обработка, оценка, хранение, защита, актуализация огромных массивов нестабильной информации. Очень большое значение имеет и то, как эти массивы информации группируются, представляя собой источник обоснования принятия множества стратегических, тактических и оперативных решений в режиме реального времени.

Имитационное моделирование [1] экономических процессов уже давно вошло в практику прогнозирования и планирования деятельности. Однако новые возможности цифровизации позволяют расширить функционал имитационного моделирования посредством пространственного прототипирования объектов цифровизации.

Суть данного метода заключается в том, что на основе 3D-модели объекта цифровизации (например, предприятие, рабочее место, процесс и т. п.) строится обновленная модель выбранного объекта с привязкой к цифровым инструментам (технологиям).

Однако предварительно необходимо определиться с функционалом каждого из цифровых инструментов (технологий) для его логичной привязки к сфере деятельности и элементам объекта цифровизации.

По мнению автора, прежде всего логично акцентировать внимание на цифровых инструментах, т. к. они сами по себе являются результатом внедрения технологий цифровизации (Big Data, Blockchain, 3D-printing, искусственный интеллект и т. п.)

Предлагается следующий типичный набор цифровых инструментов для прототипирования объекта цифровизации различных сфер деятельности [2]: панорамные интеллектуальные камеры; датчики слежения за состоянием человека; датчики слежения за состоянием технических устройств; сенсорные датчики слежения за условиями охраны труда; промышленные беспилотные летательные аппараты; промышленная беспилотная техника; очки виртуальной реальности; голографическая визуализация; экзоскелетные структуры; 3D-принтеры; преобразователи энергии; идентификаторы; мощные компьютеры с интеллектуальной системой обработки информации.

Данный перечень, безусловно, не претендует на всеобъемлющий охват, но является базой для развития и адаптации новых возможностей сейчас и в будущем. Более того, все перечисленные инструменты являются реально существующими или имеющими базовые версии, позволяющими внедрять их уже на текущем этапе развития (см. таблицу 1).

Таблица 1. Функционал цифровых инструментов для пространственного прототипирования объекта цифровизации

Цифровой инструмент	Функционал цифрового инструмента
Панорамные интеллектуальные камеры	Мониторинг общей обстановки на объекте. Информация для синхронизации деятельности удаленных участников. Охрана объекта.
Датчики слежения за состоянием человека	Отслеживание параметров состояния и здоровья человека по нормативным значениям с возможностью сигнализации на мобильные устройства ответственных лиц и ограничения его действий в случае превышения пороговых значений нормативов (пульса, давления и т. п.). Мониторинг перемещений человека для контроля рабочего времени и оптимизации передвижений.
Датчики слежения за состоянием техники	Отслеживание параметров состояния технического устройства по нормативным значениям с возможностью сигнализации и/или ограничения его действий в случае превышения пороговых значений нормативов. Мониторинг перемещений технического устройства для контроля рабочего времени и оптимизации передвижений.
Сенсорные датчики слежения за условиями охраны труда	Мониторинг уровня освещенности, шума, вибрации, запыленности, влажности, температуры, давления, концентрации вредных веществ с возможностью сигнализации и/или автоматического запуска мер снижения вредного влияния в случае превышения пороговых значений нормативов.

Таблица 1. Функционал цифровых инструментов для пространственного прототипирования объекта цифровизации (продолжение)

Цифровой инструмент	Функционал цифрового инструмента
Промышленные беспилотные летательные аппараты	Контроль работ. Аэрофотосъемка (топографическая, геодезическая и т. п.) Сбор информации для синхронизации деятельности удаленных участников. Охрана объекта.
Промышленная беспилотная техника	Роботизация преимущественно опасных для жизни человека и физически тяжелых работ (погрузочно-разгрузочных, буровых, строительных, аварийно-спасательных и т. п.).
Экзоскелетные структуры	Защита человека в опасных и/или аварийных условиях. Мышечное усиление.
Очки виртуальной реальности	Визуализация моделей проектируемых объектов в 3D. Презентация проекта объектов заинтересованным лицам. Моделирование сценариев поведения при различных состояниях объекта. Тренировочная функция.
Голографическая визуализация	Голографическое изображение объекта в качестве виртуального макета.
3D-принтеры	Изготовление опытного образца. Производство на месте мелких деталей, комплектующих особых конструкций.
Преобразователи энергии	Контурные схемы преобразования механической, солнечной, ветровой, биомассовой и т. п. энергии в электрическую энергию.
Идентификаторы	Транспондеры (теги, метки) и считыватели данных для идентификации грузов, транспортных средств и т. п. с целью диспетчеризации запасов и оптимизации перевозок.
Мощные компьютеры	Функция аккумулирования всех собранных данных об объекте с интеллектуальной системой обработки полученных сведений. Хранение в облачных базах собранной и обработанной информации. Принятие оптимальных решений на основе манипулирования полученными массивами информации.

Важно отметить, что типовой перечень цифровых инструментов может менять свой функционал с адаптацией на сферу деятельности. Но самое главное в этом вопросе – рациональное распределение ресурсов, подразумевающее серьезную аргументацию в пользу цифровизации объекта лишь в случае превышения выгоды от цифровизации над расходами на нее.

Оценим возможности типовых инструментов цифровизации для наиболее важных сфер деятельности в мировой экономике (см. таблицу 2).

Таблица 2. Применение типовых цифровых инструментов в различных сферах деятельности

Сфера деятельности / Цифровой инструмент	Здраво-охра нение	Образова-ние	Управление городом	Транспорт	Наука	Финансы	Бизнес	Промыш-ленность	Торговля	Сельское хозяйство
Панорамные интел-лектуальные камеры	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Датчики слежения за состоянием человека	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Датчики слежения за состоянием техники	+		+	+				+	+	+
Сенсорные датчики слежения за условия-ми охраны труда	+	+	+	+			+	+	+	+
Промышленные беспилотные лета-тельные аппараты			+					+	+	+
Промышленная беспилотная техника	+		+	+			+	+	+	+
Экзоскелетные структуры	+		+	+				+		+
Очки виртуальной реальности	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Голографическая визуализация	+	+	+	+			+	+		
3D-принтеры	+		+	+	+			+		
Преобразователи энергии				+				+		+
Идентификаторы	+		+	+		+	+	+	+	+
Мощные компьютеры	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Безусловно, интенсивность влияния тех или иных цифровых инструментов на различные сферы деятельности неодинакова. Однако следует заметить, что управление городом и промышленность в полной мере используют типовой набор цифровых инструментов [3] в силу многогранности, сложности, высокой информационной емкости выполняемых задач.

В качестве объектов цифровизации могут выступать не только представители сферы жизнеобеспечения, но и досуга. Ярким примером пространственного прототипирования может быть цифровое макетирование фитнес-зала (см. рис. 1)

Рис. 1. Пространственное прототипирование фитнес-зала.

Источник: составлено автором.

Панорамные камеры отслеживают все передвижения по всему пространству зала с целью контроля поведения посетителей, оперативного реагирования на нестандартные ситуации, охраны порядка, контроля соблюдения норм безопасности, наполненности зала и т. д.

Очки виртуальной реальности позволяют ознакомиться с функциями различных тренажеров, давая возможность новичкам начать имитационную тренировку до реального подхода к тренажеру.

Датчики на посетителях выполняют функцию сигнализации в случае превышения пороговых значений показателей состояния здоровья (пульс, сердечный ритм, температура, давление, уровень стресса, сахара, кислорода в крови и т. д.). Информация о каждом посетителе может аккумулироваться

в базах компьютера и поступать в случаях необходимости оперативного реагирования на смартфоны врача, администратора или тренера. Также датчики отслеживают действия посетителя с точки зрения выполнения намеченной программы тренировки и являются источником информации для самоконтроля.

Сенсорные датчики отслеживают оптимальный уровень температуры, шума, влажности в зале, передавая сведения в компьютер для обработки информации и автоматического регулирования параметров комфортного самочувствия.

Голографическая модель предполагает визуализацию действий, которые необходимо произвести в процесс тренировки, заменяя, по сути, тренера. Таким образом, каждый посетитель может иметь возможность индивидуального подхода к тренировке без привлечения дополнительного персонала.

Нагрузка на тренажерах предполагает активные действия человека в процессе тренировки, которые запускают движущиеся части тренажерного снаряда. При этом есть возможность не терять механическую энергию, а преобразовывать ее в электрическую [4]. Полученная и аккумулированная таким образом энергия вполне может компенсировать затраты при централизованном энерго- и теплоснабжении.

Датчики на тренажерах служат источником информации о техническом состоянии снарядов с целью оперативного реагирования на нарушение предельных значений показателей, а также для самоконтроля в процессе тренировки.

Компьютер с интеллектуальной системой обработки больших массивов данных выполняет типовую функцию центрального элемента системы информационных взаимосвязей объекта.

Таким образом, пространственное прототипирование позволяет получить следующие выгоды: возможен экономический эффект, выражающийся в снижении затрат на внедрение цифровых инструментов, в отношении которых прошла виртуальная апробация. В этой связи может быть получен ресурсный эффект, выраженный в экономии временных затрат на процесс цифровизации. Возможен социальный эффект, который может быть проявлен в снижении рисков, особенно в части охраны труда и обеспечения безопасности участников процесса.

Список литературы

1. Павлова Е. А., Ржаных О. Е. Имитационное моделирование как способ сравнения систем моделирования бизнес-процессов // Фундаментальные исследования. 2017. № 9–1. С. 76–80.

2. Цифровизация и ее место в современном мире // Генеральный директор. 18.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya (дата обращения: 12.04.2021).

3. Кочетков Е. П. Цифровая трансформация экономики и технологические революции: вызовы для текущей парадигмы менеджмента и антикризисного управления // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. Т. 10. № 4. С. 330–341.

4. Сероокий В. Г. Тенденции развития альтернативной энергетики // Экономика отраслевых рынков: формирование, практика и развитие. Сборник материалов IV Всероссийской научной конференции. 2020. С. 217–220.

Summary

Rodina L. A. Technique of 3D Prototyping for a Digitalization Object

The results of the research reflecting the digitalization impact on various activity areas are presented. The technique of spatial prototyping of the digitalization object is proposed. The functionality of digital tools for prototyping digitalization objects from various industries has been tentatively outlined. Examples of spatial prototypes in the digitalization of objects are given. It is assumed the effectiveness of spatial prototyping in the digitalization of activities.

Key words: digital transformation of the economy, spatial prototyping, digital tools.

Алиев У. Ж.
Вице-президент Образовательной корпорации «Туран»,
действительный член Философско-экономического
ученого собрания при МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук, профессор
г. Нур-Султан, Республика Казахстан
aliyevu@mail.ru

УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В современном обществе большое внимание уделяется инновационным изменениям в системе образования, так как от развития образования зависит развитие общества в целом. Образование всегда оказывало и оказывает масштабное влияние на уровень общественного, социально-экономического, технического развития, а также обладает мощным потенциалом самоорганизации и своего обновления. Автором статьи проанализированы мировые и национальные тренды в сфере образования, а также выдвинуты идеи исследовательской программы «Университет».

Ключевые слова: образовательный процесс, инновации, информатизация, Болонский процесс, обучение.

В настоящее время в Республике Казахстан имеется сфера образования, но все еще не сложилась стройная система образования в целом, система высшего образования в частности и система университетского образования в особенности. Хотя имеется сфера науки, но нет стройной системы научно-исследовательских учреждений (организаций). Это результат того, что с распадом СССР одновременно развалилась сложившаяся и во многом оправдавшая себя «прусско-российско-советская» система образования, высшего образования и науки. При этом не сложились «новые и эффективные», на что рассчитывали отечественные реформаторы, системы образования и науки основанные на Болонском процессе. В результате, к сожалению, как в сфере высшего образования, так и в сфере научной деятельности мы во многом потеряли те позитивные результаты, что были достигнуты раньше. В сфере университетов и науки мы имеем следующее:

1. Количество высших учебных заведений – 129.
2. Типы вузов: университеты (более 12 специальностей), академии (более 7 специальностей, институты (более 5 специальностей).
3. Формы университетов: «Назарбаев Университет» с особым статусом, национальные университеты, государственные университеты, частные университеты, филиалы университетов иностранных государств (например, филиал МГУ имени М. В. Ломоносова), межгосударственные университеты.

4. Типы университетов по моделям деятельности: преимущественно обучающие, преимущественно учебно-воспитательные, учебно-исследовательские, преимущественно инновационно-исследовательские (только формируются), инновационно-предпринимательские (формируются на базе Образовательной корпорации «Туран»).

5. Бывшая Национальная академия наук РК упразднена. Вместо нее организована Общественная академия, хотя с названием «Национальная», что, на наш взгляд, юридически некорректно. Кроме нее имеются и другие общественные академии как на межнаучной (междисциплинарной) основе, так и по отраслям науки.

6. Классический формат подготовки специалистов высшей квалификации через соискательство, аспирантуры, докторантуры и, соответственно, советы по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук упразднены начиная с 2011 года.

7. Система высшего образования в Казахстане формально функционирует согласно Болонской модели образования и обучения, хотя реально сохранилось множество элементов от советской модели высшего образования, что говорит о двойственности, зыбкости сферы высшего образования. Альтернативные системы (модели) высшего образования отсутствуют. Таким образом, мы все еще не определились окончательно с собственной моделью университетского образования и науки.

Оценим состояние высшего образования и науки Казахстана через призму мировых трендов за последние 30 лет. По нашим оценкам, оно не в пользу нашей страны (см. таблицу 1).

Почему сложилась такая ситуация у нас в сфере высшего, особенно университетского образования, и науки? Главной причиной, как я полагаю, является то, что собственно университетское образование и наука не стали еще самостоятельным ***объектом (предметом)*** всестороннего научного исследования в силу слабости и/или отсутствия подлинно заинтересованного социального заказа государства на высококвалифицированные кадры в современных условиях общественно-политической жизни казахстанского общества. Кроме того, в высших эшелонах власти государства бытуют ***недооценка*** потенциала отечественного образования и науки и, наоборот, ***эйфория*** от зарубежного образования и науки.

Любой человек, связывая свое профессиональное образование и профессиональную деятельность исключительно с университетами, наверняка не раз размышлял об ***университете*** как об особом феномене, о его специфике в ряду других форм образовательных учреждений. Но в то же время трудно найти серьезные научные изыскания, за исключением либо самых общих юбилейно-справочных, либо односторонне исторических сведений о том или ином университете, об отличиях университета от других форм образовательных учреждений не только по чисто количественным параметрам

Таблица 1. Мировые тренды и Казахстан в области высшего образования и науки по доминантным признакам

№	Мировые тренды	Казахстан
1	Массовизация ВО (например, США, Япония, Германия)	Локализация (ограничение доступа к высшему образованию)
2	Универсализация, диверсификация	Унификация, стандартизация
3	Интернационализация	Сепаратизация (дистанцирование от стран СНГ в образовании и науке)
4	Усиление связей образования, науки и производства (бизнеса)	Ослабление и/или отсутствие реальных связей образования, науки и производства (бизнеса)
5	Расширение автономизации (академической свободы) высшего образования	Сужение академической свободы высшего образования и меры по ее расширению в последние годы
6	Увеличение финансирования образования и науки (в среднем до 7–8 % на образование и до 3,5 % на науку от ВВП)	Ограниченное финансирование (в среднем образование 3,0–3,5 %, наука – 0,15 % от ВВП)
7	Повышение статуса ППС	Снижение статуса ППС
8	Историческая преемственность высшего образования и науки	Перманентные реформы и отсутствие преемственности
9	Усиление децентрализации государственного управления сферой высшего образования и науки	Усиление централизации государственного управления сферой высшего образования и науки и меры последних лет
10	Повышение качества высшего образования и научных исследований	Снижение качества высшего образования и научных исследований

(напр., по числу специальностей). Отдельные, порой весьма добротные, исследования по частным вопросам университетского образования и науки «растворяются» в потоке научно-прикладных работ по вопросам (проблемам) высшего образования вообще. Тем самым, *университетское образование* как система, как социальный феномен, как особый интеллектуально-духовный мир *теряет свою неповторимую специфику* [1]. Что можно предложить в качестве путей решения накопившихся проблем в системе университетского образования и науки Казахстана (и не только)?

Исходя из этих обстоятельств и соображений, ниже автором сформулированы десять направлений исследования феномена университета. «Ядром» этой исследовательской программы выступает, безусловно, обучающаяся молодежь университета (студенты, магистранты, аспиранты, докторанты), ее общий и профессиональный интеллект, креативность и духовность. И все то, что способствует формированию, развитию и реализации этого «ядра» («стержня» по В. Шукшину), есть не что иное, как «*вспомогательный» («защитный») пояс*, или «вынашивающие», взращивающие, оберегающие и обслуживающие его («ядро») структуры. Основные «блочные» направления указанной темы (исследовательской программы) сформулированы нами следующим образом:

1. Мировая (национальная) история университетов и университетского образования, их миссия в развитии человечества (отдельных обществ и стран).
2. Теория и типология, система и модели, цель и задачи, структура и функции мирового университетского образования.
3. Практика университетского образования: мировые тенденции и региональные, национальные, индивидуальные особенности.
4. Взаимосвязь профессионального образования, профессионального научного исследования и профессионального воспитания в университетах: прошлое, настоящее и будущее.
5. Состояние и перспективы институционализации (формальные и неформальные институты) университетского образования: общемировые, региональные, национальные, индивидуальные аспекты.
6. Система партнерских отношений университета с институтами общества (мирового сообщества): внесистемные, межсистемные, внутрисистемные партнерские отношения, в том числе система межуниверситетских образовательно-научных коммуникаций: современное состояние, проблемы и перспективы развития.
7. Научные принципы, концептуальные основания, государственный стандарт и академические свободы научно-образовательных учреждений.
8. Образовательно-обучающие методики и технологии современного университетского образовании: традиции и модерны, рутины и инновации, рациональность и эффективность.

9. Совершенствование систем жизнеобеспечения университета: кадровое обеспечение, организация, управление, финансирование, учебные здания, издательство, библиотеки, информационные службы, общежития, спортивно-оздоровительные комплексы, питание и др.

10. Система оценок, аккредитации (аттестации) и мониторинг качества современного университетского образования: общее и особенное, объективное и субъективное, международное и отечественное, плановое и «внеплановое».

Реализация *Исследовательской программы «Университет»* даст желаемые результаты как в мировом, так и в национальном (страновом) масштабах, в том числе в каждом отдельно взятом университете. Данное утверждение в полной мере относится и к Филиалу МГУ имени М. В. Ломоносова в Казахстане, 20-летию которого и посвящен данный научный форум. При этом каждый из пунктов этой программы, естественно, нуждается в развернутом рассмотрении и исследовании в будущем. Отчасти они уже получили более развернутое отражение в ряде научных статей автора этого доклада [3].

Список литературы

1. Университеты и общество. Сотрудничество университетов на рубеже веков // Материалы Первой международной конференции университетов стран СНГ и Балтии (МГУ имени М. В. Ломоносова, 23–24 марта 2000 года). М., 2001; Инновационное развитие экономики России: роль университетов: III международная конференция. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет; 21–24 апреля 2010 г. Сб. Статей: Том 1 / Под ред. В. П. Колесова, Л. А. Тутова. Рыбинск, 2010; Университеты в современном образовательном пространстве. М.: Изд Московского университета «МАКС Пресс», 2017.

2. Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967; Лакатос И. История науки и ее рациональные конструкции // Структура и развитие науки. М., 1978.

3. Алиев У. Ж. Образовательная технология: понятия и проблемы // Сб. «Мировые образовательные технологии: основные тенденции, проблемы адаптации и эффективность»: Материалы республиканской научно-методической конференции 25–26 апреля 1997 г. Алматы: Изд. университета «Туран», 1997; Алиев У. Ж. Индивидуальная образовательная технология как единство типического и личностного // Сб. «Современные индивидуальные образовательные технологии: опыт, обобщение, адаптация: Материалы республиканской научно-методической конференции 24–25 апреля 1998 г. Алматы: Изд. университета «Туран», 1998; Алиев У. Ж. Образовательный сектор Казахстана в системе партнерских отношений // Сб. «Образовательная система Республики Казахстан на рубеже тысячелетий и роль партнерства в ее

реформировании: Материалы респ. научно-практической конференции 7–8 мая, 1999 г. Алматы: Изд. университета «Туран», 1999; Алиев У. Ж. Система партнерских отношений в образовательном секторе Казахстана // Вестник университета «Туран». 1999. № 1–2; Алиев У. Ж. Университетское образование как исследовательская программа // Материалы международной конференции, посвященной 15-летию Университета «Туран-Астана». Астана, 2013.

Summary

Aliyev U. Zh. University in the Education and Science System of the Republic of Kazakhstan: State, Problems and Ways of Their Solution

In modern society, much attention is paid to innovative changes in the education system, since the development of education envies the development of society as a whole. Education has always had and has a large-scale impact on civilization, the level of social, socio-economic, shadow development, and also has a powerful potential for self-organization and its renewal. The author of the article analyzes global and national trends in the field of education, as well as put forward the ideas of the Research Program “University”.

Key words: educational process, innovation, informatization, Bologna process, higher education.

Разумова Т. О.
Заведующая кафедрой экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация
tatiana.razumowa@yandex.com

Хорошильцева Н. А.
Доцент кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
89161537372@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Аннотация. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», нацеленный на трансформацию на всех уровнях образования системы подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. В корпоративной и образовательной среде могут использоваться модели цифровых компетенций, имеющих существенные отличия не только по набору входящих в модель компетенций, но и отличающиеся по содержанию определения цифровых компетенций. В модель цифровых компетенций часто включают следующие компетенции: поиск информации, критическое восприятие информации, использование цифровых устройств, использование социальных сетей и т. п. Авторы предлагают применить к описанию компетенций следующую методологию, которая предполагает описание компетенции, разделение ее на уровни по мере возрастания сложности работы и количественную оценку каждого уровня в числовых единицах.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, цифровые компетенции, модель компетенций, компетенции, оценка компетенций.

Одним из важнейших направлений развития цифровой экономики в настоящее время является целенаправленное решение комплекса задач, направленных на обеспечение условий для развития цифровых компетенций. Успешная реализация Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 зависит не только от создания условий для внедрения цифровых

технологий, но и от формирования и развития цифровых компетенций населения во всех сферах жизни, в т. ч. в корпоративной и образовательной среде. К 2024 году доля населения Российской Федерации, обладающего цифровыми навыками, должна достигнуть 40 %. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предполагает на период до 2024 год реализацию комплекса мероприятий, сгруппированных по пяти направлениям развития цифровой экономики в России, одним из которых является «Кадры для цифровой экономики». Данная программа выделяет три уровня цифровой экономики, кадры и образование отнесены к уровню «среда, которая создает условия для развития платформ и технологий, и эффективного взаимодействия субъектов рынков и отраслей экономики цифровой (сфер деятельности)», то есть ключевым фактором успеха по достижению сформированных программой «Цифровая экономика Российской Федерации» целей является создание условий по формированию и развитию цифровых компетенций населения.

Эффективная реализация поставленных амбициозных целей предполагает создание и поддержание на постоянной основе технико-технологических, инфраструктурных, социально-экономических, культурологических, образовательных и других условий населению России по формированию и поддержания цифровых компетенций, в том числе по обеспечению массовой цифровой грамотности и персонализации образования. В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», нацеленный на трансформацию на всех уровнях образования системы подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой экономики. Реализация федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» включает в себя следующие направления работы:

1. Выявление и поддержка талантов в областях математики и информатики.
2. Подготовка высококвалифицированных кадров, отвечающих новым требованиям к ключевым компетенциям цифровой экономики.
3. Реализация программ переподготовки по востребованным профессиям в условиях цифровой экономики.
4. Реализация перспективных образовательных проектов.

Успешное достижение поставленной цели предполагает решение трех основных задач.

Первая задача предполагает «обеспечение доступности для населения обучения по программам дополнительного образования для получения новых востребованных на рынке труда цифровых компетенций».

Вторая задача направлена на «обеспечение потребности рынка труда в специалистах в сфере ИТ и информационной безопасности, а также в специалистах, владеющих цифровыми компетенциями, прошедших обучение по соответствующим программам высшего и среднего профессионального образования».

Третья задача заключается в обеспечении «онлайн-сервисами образовательных организаций, реализующих программы начального, основного общего, среднего общего и профессионального образования».

Эффективное решение поставленных федеральным проектом «Кадры для цифровой экономики» задач требует в свою очередь уточнения термина «цифровые компетенции» (в том числе разграничения понятий «цифровые компетенции» и «информационные компетенции»), формирования и развития модели цифровых компетенций, сбор и оперативное обновление информации о наиболее востребованных рынком труда цифровых компетенций, развитие системы информирования и мотивации населения России по получению и развитию ими цифровых компетенций.

Авторы считают, что в общем виде термин «цифровые компетенции» можно сформулировать как способность работника применять свои знания, опыт, навыки, личные качества и поведенческие характеристики для безопасного и эффективного использования цифровых технологий.

Термин «образовательная компетенция» можно определить как совокупность знаний, умений, навыков и опыта деятельности человека по отношению к объектам действительности, необходимых для осуществления личностной и социально-значимой продуктивной деятельности.

Следует отметить, что в корпоративной и образовательной среде могут использоваться модели цифровых компетенций, имеющих существенные отличия не только по набору входящих в модель компетенций, но и отличающиеся по содержанию определения цифровых компетенций. Так, например, при описании компетенции «Умение работать в команде» в различных моделях компетенций акцент может быть сделан на следующих характеристиках:

- предлагает собственные идеи по поводу решения задачи;
- проявляет интерес к точке зрения членов команды;
- помогает группе достичь результата;
- ценит вклад других;
- стремится к достижению консенсуса;
- в случае возникновения конфликта стремится его разрешать и другие.

В модель цифровых компетенций часто включают следующие компетенции: поиск информации, критическое восприятие информации, использование цифровых устройств, синхронизация цифровых устройств, использование социальных сетей, онлайн-покупки и т. п.

Рассмотрим детальнее компетенции «Поиск информации» и «Критическое восприятие информации». Компетенция «Поиск информации» базируется на такой черте характера работника, как любопытство, т. е. на желании узнать больше о себе и об окружающем мире. Эта характеристика предполагает готовность работника прилагать усилия по сбору максимально возможного объема информации, стремление получить особо ценную и редкую информацию, а также желание собрать информацию из разных источников, не доверяя одному источнику и перепроверяя информацию. Авторы предлагают применить к

описанию компетенций следующую методологию, которая предполагает описание компетенции, разделение ее на уровни (желательно по десятичной системе) по мере возрастания сложности работы и количественную оценку каждого уровня в числовых единицах (например, баллах). Такой подход позволяет предложить следующее описание компетенции «Поиск информации» (см. таблицу 1).

Таблица 1. Методика оценки компетенции «поиск информации»

Уровень	Описание	Баллы
1	Использует имеющуюся информацию. Не ищет дополнительную информацию в имеющихся источниках.	10
2	Уточняет имеющуюся информацию в имеющихся источниках.	20
3	Перепроверяет имеющуюся информацию в нескольких имеющихся источниках.	30
4	Ищет дополнительную информацию в имеющихся источниках.	40
5	Ищет дополнительные источники информации. Собирает информацию из дополнительных источников.	50
6	Перепроверяет имеющуюся информацию информацией из дополнительных источников.	60
7	Корректирует имеющуюся информацию с учетом дополнительной информации, полученной из дополнительных источников.	70
8	Ищет принципиально другие источники информации. Собирает информацию из новых источников.	80
9	Перепроверяет имеющуюся скорректированную информацию с учетом информации из новых источников.	90
10	Корректирует информацию на основе имеющейся информации, скорректированной на основе информации из дополнительных источников, и новой информации, полученной из новых источников.	100

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

В основе компетенции «Критическое восприятие информации» лежит способность работника подвергать сомнению не только любую информацию, но и собственные убеждения. Механизмом реализации этой компетенции является отнюдь не неуверенность работника в себе и своих убеждениях, а стремление обладать достоверной информацией и убеждениями, основанное на представлении о том, что любая информация является неполной, а любые убеждения необходимо перепроверить. Тогда компетенция «Критическое восприятие информации» может быть описана следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2. Методика оценки компетенции «критическое восприятие информации»

Уровень	Описание	Баллы
1	Использует имеющуюся информацию. Не подвергает сомнению имеющуюся информацию.	10
2	Сомневается в имеющейся информации. Использует имеющуюся информацию.	20
3	Считает имеющуюся информацию частично достоверной. Использует только ту имеющуюся информацию, которую считает достоверной. Имеющуюся информацию, которую считает недостоверной, перепроверяет.	30
4	Считает всю имеющуюся информацию недостоверной. Перепроверяет всю имеющуюся информацию.	40
5	Считает новую поступившую информацию частично достоверной. Использует только ту новую поступившую информацию, которую считает достоверной. Новую поступившую информацию, которую считает недостоверной, перепроверяет.	50
6	Считает всю новую поступившую информацию недостоверной. Перепроверяет всю новую поступившую информацию.	60
7	Руководствуется имеющимися убеждениями. Считает все свои убеждения достоверными.	70
8	Сомневается в своих убеждениях. Руководствуется своими убеждениями.	80
9	Считает свои убеждения частично достоверными. Использует только те убеждения, которые считает достоверными. Свои убеждения, которые считает недостоверными, перепроверяет.	90
10	Считает все свои убеждения недостоверными. Перепроверяет все свои убеждения.	100

Источник: составлено авторами на основе собственных исследований.

Предложенная авторами методология оценки компетенций позволяет не только уточнить их определение, но и точно сформулировать описание каждого уровня компетенции. Это позволит подобрать эффективные методы оценки компетенций и получить обоснованную количественную оценку уровня компетенции. Такую методику можно применить как для формирования требуемой компетенции по конкретному рабочему месту или должности, так и для построения и дальнейшего применения комплексной оценки работников при процедуре периодической оценки и кандидатов на работу при проведении

процедуры отбора наиболее подходящего кандидата на данную должность из предварительно отобранных кандидатов.

Кроме того, данная методология может стать основой формирования профиля идеального работника на основе формирования требований к будущим работникам при формировании и оценки кадрового резерва. Этот метод оценки можно использовать и на этапе профилирования должностей, на которые необходимо сформировать кадровый резерв, и на этапе оценка возможных кандидатов для включения в состав кадрового резерва, и на этапе оценки уровня развития компетенций при реализации программ обучения и развития работников, включенных в состав кадрового резерва, и на заключительном этапе оценки готовности кандидатов к замещению должности при принятии решения о назначении работника на должность.

Предложенный авторами подход позволяет сформировать единую комплексную систему корпоративной оценки работников, которая тесно увязывает между собой оценку корпоративных и образовательных компетенций работника и систему оценки рабочих мест и должностей. Такая система позволяет также эффективно и точно формировать требования к образовательным программам как в сфере корпоративного обучения, так и на рынке образовательных услуг.

Summary

Razumova T. O., Khoroshiltseva N. A. The Impact of Digitalization on Changing Corporate and Educational Competencies

One of the most important directions in the development of the digital economy at the present time is the purposeful solution of a set of tasks aimed at providing conditions for the development of digital competencies. Effective implementation of the set ambitious goals involves the creation and maintenance on a permanent basis of technical and technological, infrastructural, socio-economic, cultural, educational, and other conditions for the population of Russia to form and maintain digital competencies, including ensuring mass digital literacy and personalization of education. Within the framework of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”, the federal project “Personnel for the Digital Economy” is being implemented, aimed at transforming the system of training highly qualified personnel for the digital economy at all levels of education. In the corporate and educational environment, models of digital competencies can be used that have significant differences not only in the set of competencies included in the model, but also in the content of the definition of digital competencies. The digital competence model often includes the following competencies: information retrieval, critical perception of information, use of digital devices, use of social networks, etc. The authors propose to apply the following methodology to the description of competencies, which involves: a description of the competence, its division into levels as the complexity of the work increases, and a quantitative assessment of each level in numerical units.

Key words: digital economy, digitalization, digital competencies, competence model, competencies, competence assessment.

Молчанов И. Н.
Профессор кафедры политической экономии
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
профессор Департамента общественных финансов
финансового факультета Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация
9392940@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Аннотация. На динамику современного высшего образования оказывают влияние изменяющиеся под воздействием цифровизации внешние и внутренние макроэкономические условия и интеграционные тенденции в развитии хозяйства стран на евразийском континенте. Успешность реформаторской деятельности в сфере высшего образования находится в зависимости от научного обоснования перспектив развития экономик интеграционных объединений и союзов государств на евразийском пространстве. Возрастает внимание к качеству ориентированных на долгосрочную перспективу прогнозных разработок и плановых документов стратегического и тактического характера, содержащих обоснование объемных показателей и структуры требуемых кадров в разрезе форм обучения и направлений подготовки специалистов.

Ключевые слова: цифровая трансформация, система высшего образования; сегмент STEM, компетенции и креативность, евразийская интеграция, ЕАЭС.

Российской системе высшего образования предстоит решить ряд сложных задач. Необходимо разработать систему документов стратегического планирования развития отрасли, которая содержала бы целевые установки на долгосрочную перспективу (ориентировочно 20–25 лет). Такая постановка вопроса обусловлена масштабностью проблемы и ориентацией на достижение важнейших общенациональных целей, обозначенных Президентом Российской Федерации [1]. Необходимо создание конкурентной среды и активизация подготовки высококвалифицированных специалистов для работы в национальной экономике России, стран – членов ЕАЭС и других интеграционных объединений Евразии. Данные вопросы отличаются актуальностью, особенно в сфере ИКТ, и направлены на поддержание лидирующих позиций в высокотехнологичных отраслях, сохранение устойчивых темпов экономического роста и достижение запланированных объемов производства ВВП.

Российская система образования прошла сложный период реформирования и перехода на общемировые образовательные стандарты в течение 1990–2010-х гг. Для современного этапа развития характерны тенденции трансформации общественных и хозяйственных отношений, связанные с

процессом глобализации. Особенности социально-экономического положения разных по уровню развития стран мира проявляются в разнообразии подходов к организации образовательной деятельности.

Как известно, в России учреждения высшего образования финансируются преимущественно с привлечением бюджетных средств. Однако, это не исключает возможностей для привлечения дополнительных (преимущественно коммерческих) источников средств и, соответственно, не приводит к снижению нормативов и абсолютных размеров финансирования вузов из бюджетов бюджетной системы [2]. Образовательные организации, наряду с осуществлением основных функций, могут выполнять приносящую доходы деятельность, то есть предоставлять разного рода образовательные услуги. Данная тенденция характерна для работы многих ведущих университетов, которые целенаправленно расширяют поле своих интересов и практикуют различные формы предоставления платных услуг.

Базируясь на официальных источниках информации, можно заключить, что объемов государственного финансирования системы образования недостаточно для обеспечения постоянно возрастающих потребностей различных групп населения в обучении и повышении квалификации. Для решения существующих в данной области проблем в части покрытия расходов образовательных учреждений проводится работа по более широкому задействованию потенциала предпринимательского сектора и частых источников финансирования.

Цифровая трансформация обусловливает изменение структуры выпуска вузами по уровням квалификации. Частичное закрытие специалитета привело к снижению удельного веса обучающихся по уровню квалификации «Специалист» во всем количестве студентов вузов с 86,3 % (2013 г.) до 11 % (2018 г.), что отрицательно сказалось на численности общего выпуска: он снизился за рассматриваемый период на 27,7 %. Одновременно существенно выросла подготовка бакалавров (в 5,5 раза) и магистров (в 3 раза), что связано с переходом на общемировые образовательные стандарты высшего образования по ступеням подготовки в бакалавриате и магистратуре [3].

По официальным данным, дефицит кадров в России только по IT-специальностям в настоящее время составляет более 700 тысяч человек, а по некоторым оценкам – до 1 миллиона человек [4]. Выпуск специалистов высокой квалификации для работы в STEM-областях (Science, Technologies, Engineering and Mathematics) в 2018 г. составил 24 % в общем выпуске и существенно отстает от потребностей экономики. По различным уровням квалификации соотношения между контингентом студентов по сегменту STEM и общей численностью обучающихся в вузах следующие: бакалавриат – 21 %, специалитет – 24 %, магистратура – 33 % [3]. По этой причине высокой степенью важности отличаются принятые Правительством страны решения об изменении стандартов образования, касающиеся формирования новых образовательных модулей именно в тех направлениях подготовки, которые нужны для

обеспечения создания прорывных цифровых технологий, и должны быть сделаны до начала следующего цикла обучения [4].

По результатам исследований, «формирующиеся рынки высокотехнологичных продуктов и услуг функционируют в условиях, когда цифровые технологии, интеллектуальные компьютеры и роботы в первую очередь замещают работников средней и средневысокой квалификации, занятых рутинной когнитивной работой» [5, с. 1041]. В этой связи можно сделать вывод о высокой востребованности в специалистах высокой квалификации по сегменту STEM для работы в субъектах Российской Федерации и, соответственно, предвидеть существенный рост расходов на высшее образование и НИОКР, что потребует увеличения масштабов финансирования из бюджетных и частных источников.

По заключению экспертов Всемирного банка, высшее образование в России финансируется в достаточном объеме, если исходить из предоставляемых бюджетных ассигнований на содержание вузов по нормативно-подушевому принципу, но при этом указывается на недостаточность выделяемых средств для целей развития. Внимание обращается на ограниченность финансовой поддержки, которая предусматривается в ряде федеральных программ и необходима для содействия развитию региональных вузов. Например, это программы «Региональные опорные университеты» и «Вузы как центры пространства создания инноваций». Результаты учебной и научной работы вузов не увязываются с их финансовой обеспеченностью, а зависят от улучшения следующих показателей: научной продуктивности, сотрудничества с работодателями; новшеств в преподавании с целью привития «мягких» навыков; наличия инновационных учебных программ [6, с. 63].

Обобщение мнений различных исследователей позволяет сформулировать несколько рекомендаций, следование которым поможет существенно улучшить некоторые аспекты работы учреждений высшего образования. Прежде всего, один из резервов состоит в повышении научной продуктивности профессорско-преподавательского состава за счет снижения объема учебной нагрузки и, соответственно, увеличения времени, которое уделяется научной работе[10]; следующий резерв состоит в укреплении сотрудничества менеджмента вузов с работодателями; еще одним резервом может стать введение инновационных методов обучения с целью развития «мягких» навыков студентов. Для большинства университетов перспективным представляется развитие проектного обучения. И, наконец, высокую актуальность приобретает повышение качества преподавания и развитие креативности обучающихся.

Под влиянием новых трендов образования и усиливающейся неравномерности экономического развития на евразийском пространстве в среднесрочной перспективе усиливается конкуренция между национальными

[10] В среднем российском вузе учебная (рабочая) нагрузка рядового профессора составляет около 1000 часов; в Великобритании максимальная годовая нагрузка составляет 550 часов [6, с. 63].

системами высшего профессионального образования. При обосновании новых векторов развития российской системы образования на перспективу необходимо учитывать влияние ряда базовых условий, например: 1) наличие современной образовательной инфраструктуры профессионального образования, позволяющей обеспечить подготовку кадров по востребованным для работы в отраслях региональной экономики специальностям; 2) перспективные экономические специализации регионов, перечень которых разработан Минэкономразвития [7], построен на максимальном учете специфических пространственных особенностей размещения производительных сил и сформирован согласно «эффективным отраслям» субъектов Российской Федерации.

С учетом конкурентных преимуществ следует подчеркнуть роль региональных систем высшего образования и, прежде всего, «опорных» вузов, которым предстоит выстраивать программы подготовки обучающихся в бакалавриате и магистратуре для работы в STEM-областях. Предстоит также укреплять потенциал ведущих вузов в субъектах Российской Федерации – научно-исследовательских университетов, федеральных университетов, устойчивое функционирование которых способствует созданию инновационно ориентированной академической среды, вовлечению студентов в научные изыскания. В реализации поставленных задач ключевая роль принадлежит национальному проекту «Образование».

Существует еще один аспект, усиление внимания к которому может повысить конкурентоспособность российской системы высшего образования – это расширение приема на обучение студентов из-за рубежа[11]. Данная проблема решается в рамках федерального проекта «Экспорт образования», одна из целей которого предусматривает увеличение доходов от обучения иностранных студентов. В 2018 г. прямой экономический эффект от данной деятельности в России составил 30,6 млрд рублей (0,5 млрд долларов США) [6, с. 65]. В этой связи представляется своевременной мерой создание государственной стратегии интернационализации образования, в работе над которой, наряду с Правительством, целесообразно участвовать самим вузам. Можно рекомендовать организацию совместной деятельности всех участников по выбору направлений, заслуживающих особого внимания и на этой основе принятие соответствующих мер по увеличению количества иностранных студентов.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012.

[11] В 2017 г. иностранные студенты составляли 4 % в общей численности обучающихся в вузах России (данные ОЭСР).

2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 22.12.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 30.12.2020).

3. Индикаторы образования: 2020: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 496 с.

4. Львов П. В России проведут комплексную оценку ректоров вузов (дата публикации: 06.03.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210306/rektory-1600226368.html.

5. Акаев А. А., Десятко Д. Н., Петряков А. А., Сарыгулов А. И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации // Экономика региона. – 2020. – Т. 16., вып. 4. С. 1031–1045 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2.

6. Россия: рецессия и рост во время пандемии. Специальный раздел: образование // Всемирный Банк. Доклад об экономике России. 2020. № 43. 92 с.

7. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Москва: Минэкономразвития, 2018. 114 с. [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/UVAlqUtT08o60RktoOXl22JjAe7irNxc.pdf (дата обращения: 18.12.2020).

Summary

Molchanov I. N. Eurasian Integration and New Trends in the Development of Higher Education

The dynamics of modern higher education is influenced by external and internal macroeconomic conditions changing under the influence of digitalization and integration trends in the development of the economies of countries on the Eurasian continent. To meet the new needs in human resources for the digital economy, not only a systematic revision of educational standards and plans for training specialists is required, but their interdepartmental and interstate coordination is needed. The success of reform activities in the field of higher education depends on the scientific substantiation of the prospects for the development of the economies of integration associations and unions of states in the Eurasian space. Attention is growing to the quality of long-term forecast developments and planning documents of a strategic and tactical nature, containing the justification of the volume indicators and the structure of the required personnel in the context of the forms of training and areas of training.

Key words: digital transformation; higher education system; segment STEM; competence and creativity; Eurasian integration; EAEU.

Никоноров С. М.
Директор Центра исследования экономических проблем развития Арктики,
профессор кафедры экономики природопользования
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор экономических наук, профессор
г. Москва, Российская Федерация
nico.73@mail.ru

Ситкина К. С.
Старший научный сотрудник кафедры экономики природопользования
экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
кандидат экономических наук
г. Москва, Российская Федерация
sitkinaks@gmail.com

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ, УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ И ЗЕЛЕНОМУ ФИНАНСИРОВАНИЮ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения проектов, используемых в программах обучения студентов ЭФ МГУ имени М. В. Ломоносова. Проекты основаны на результатах научно-исследовательской деятельности сотрудников кафедры экономики природопользования и Центра исследования экономических проблем развития Арктики экономического факультета МГУ. Студентам предлагаются два основных направления. Первое – кейсы по элементам зеленой экономики, в том числе по зеленому финансированию. Второе – составление рейтингов устойчивого развития на основе Полярного индекса.

Ключевые слова: зеленая экономика, зеленые финансы, устойчивое развитие, рейтинги устойчивого развития, проектное обучение.

Внедрение результатов исследовательской деятельности в программы обучения является одним из важных аспектов как с точки зрения включения этих результатов в практическое применение, так и с точки зрения предоставления в рамках образовательных программ актуальной научной информации, обеспечивающего качество обучения.

В рамках курсов, читаемых кафедрой экономки природопользования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, результаты научной деятельности внедряются по многим направлениям.

Одним из подобных направлений является включение в курс кейс-стади по различным аспектам зеленого финансирования.

Зеленые финансы – это инвестиции и другие финансовые инструменты, направленные на реализацию экологически чистых, энергоэффективных и

низкоуглеродных проектов. Основными инструментами зеленого финансирования являются зеленые облигации, льготное кредитование, субсидии на зеленые проекты и другие.

Существуют разные подходы к определению и классификации зеленых финансов.

1. Целевое зеленое финансирование, к которому относят капитал, обеспечивающий развитие зеленых проектов и деятельности, развитие и внедрение зеленых технологий, либо финансирование компаний, чьи доходы получены преимущественно за счет зеленых технологий [8, с. 3].

2. Нецелевое зеленое финансирование – капитал, направляемый в компании, которые успешно управляют экологическими, социальными и корпоративными рисками, вследствие чего рассматриваются как более эколого-ориентированные [8, с. 3].

Европейской комиссией подходы к определению зеленого финансирования определяются в рамках трех направлений: зеленые облигации, зеленое кредитование, зеленые инвестиции на фондовых рынках.

Согласно Международной ассоциации рынков капитала (ICMA), зеленые облигации – это любые облигации, поступления от которых будут, полностью или частично, направлены исключительно на финансирование (рефинансирование) новых или уже существующих подходящих проектов, и которые соответствуют принципам зеленых облигаций [6, с. 3].

При этом список подходящих проектов включает в себя проекты в области возобновляемой энергетики, энергоэффективности, контроль и предотвращение загрязнений, сохранение биоразнообразия на суше и в воде, чистый транспорт, экологически устойчивое управление живыми природными ресурсами и землепользованием, зеленое строительство, устойчивое управление в водными ресурсами и в сфере управления отходами, адаптации к изменению климата, экоэффективные и/или адаптированные к циркулярной экономике продукты, технологии и процессы производства [6, с. 4].

На фондовых рынках как правило сектор зеленых инвестиций входит в более широкое понятие устойчивого или ответственного инвестирования [8, с. 15].

Таким образом, зеленые финансы лежат на стыке следующих блоков: финансовой индустрии, экономического роста и оздоровления окружающей среды. Здесь они схожи с устойчивым развитием, которое также лежит на стыке социальных, экономических и экологических факторов развития любой экономической системы.

В целом зеленые финансы можно разделить на следующие категории:

1) финансирование зеленых компаний и технологий;

2) создание стимулов для зеленых инвестиций;

3) учет воздействия на окружающую среду при принятии долгосрочных решений;

4) эффективное функционирование углеродных рынков.

Доля зеленого финансирования в общих финансовых потоках растет, причем не только в развитых, но и в развивающихся странах: в период с 2007 по 2019 год объем выпуска зеленых облигаций в мире вырос с 807 млн до 776,3 млрд долларов [4, с. 15], при этом лидирующие позиции занимают США (1-е место) и Китай (2-е место) [4, с. 3].

Green Investment Group (бывший Зеленый Инвестиционный Банк (Великобритания) в 2020 году привлек 2,9 млн футов стерлингов на финансирование 250 проектов в зеленой энергетике [5, с. 9].

Инструменты зеленого финансирования в рамках непосредственно зеленой экономики можно представить в виде 4 взаимосвязанных модулей: 1) зеленые розничные финансы; 2) зеленые инвестиционные финансы; 3) управление зелеными активами; 4) экологическое страхование [7].

При этом к указанному сектору следует относить проекты в следующих областях:

1) возобновляемые источники энергии (солнечная, ветровая энергия, биотопливо и пр.);

2) «зеленые» здания и сооружения (активные и пассивные дома) (энергосберегающие технологии в строительстве и архитектуре);

3) чистый транспорт (альтернативные виды топлива, развитие общественного транспорта, гибридные/ электроавтомобили;

4) управление водными ресурсами (очистка воды, экономия потребления воды, использование дождевой воды и т. п.);

5) утилизация мусора и отходов производства (повторное использование (рециклирование), производство саморазлагающейся тары и т. п.);

6) землеустройство (городские лесонасаждения и парки);

7) органическое сельское хозяйство;

8) восстановление лесов;

9) восстановление почвенного покрова;

10) биоэкономика и биотехнологии;

11) экологический туризм и биоразнообразие;

12) устойчивые города.

Основные виды зеленых проектов – климатические (около 86,7 %), из них наибольшую долю занимает зеленая энергетика [1].

К числу основных преимуществ зеленого финансирования можно отнести:

1) поддержку со стороны государства;

2) ориентацию международной финансовой системы на стратегию экологически устойчивого развития;

3) повышенный интерес инвесторов к появлению зеленых финансовых инструментов;

4) создание иностранными биржами отдельного зеленого сегмента, отдельной зеленой фондовой биржи, отдельного перечня зеленых облигаций, зеленых инвестиционных фондов;

5) стабильный рост рейтингов, в том числе международных, компаний, перешедших на более экологичное производство.

Однако у зеленого финансирования есть и ряд недостатков:

1) высокие управленческие расходы (в том числе за счет необходимости верифицировать принадлежность объектов финансирования к зеленому сегменту экономики);

2) отрыв ликвидности от базового актива;

3) возможные риски в связи с тем, что это относительно новый объект финансирования.

В России к началу 2015 года портфель инвестиционных проектов в сфере возобновляемых источников энергии составил более 100 млрд рублей. До 2025 года Минприроды намерено привлечь порядка 3,5 трлн рублей в развитие возобновляемых источников энергии. В январе 2019 года в России был утвержден национальный проект «Экология», где 19,5 % – государственное финансирование, остальное – большой потенциал для развития зеленого финансирования всех 11 Федеральных Проектов, особенно НДТ.

К числу успешных проектов в области привлечения зеленого финансирования в России можно отнести:

1. Деятельность корпорации развития ВЭБ РФ, которая занимается развитием сектора ответственного финансирования в России, в том числе прямым финансированием проектов. В перспективе у ВЭБ есть еще одна функция – перекредитование небольших проектов.

2. В 2019 году РЖД стала первой в России компанией – эмитентом «зеленых» облигаций на международном рынке.

3. Зеленое финансирование от ПАО «Сбербанк»: Зеленое финансирование – зеленым проектам.

При этом для дальнейшего развития этого сегмента необходимы следующие меры для «озеленения» финансовой системы:

1-й этап. Развитие и поддержка специализированных институциональных инвесторов.

2-й этап. Меры монетарной и фискальной политики в области зеленых финансов.

3-й этап. Развитие и укрепление зеленой финансовой инфраструктуры [2].

Вторым направлением является привлечение студентов в рамках выполнения ими групповых проектов к построению рейтингов устойчивого развития Арктики на основе разрабатываемого Центром исследования экономических проблем развития Арктики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Полярного индекса.

Методологической основой Полярных индексов является «концепция триединого итога» устойчивого развития. Указанная модель представлена в виде треугольника – фигуры, в которой все вершины геометрически взаимозависимы. Соответственно изменения в одной вершине треугольника оказывают влияние на две оставшиеся (рис. 1).

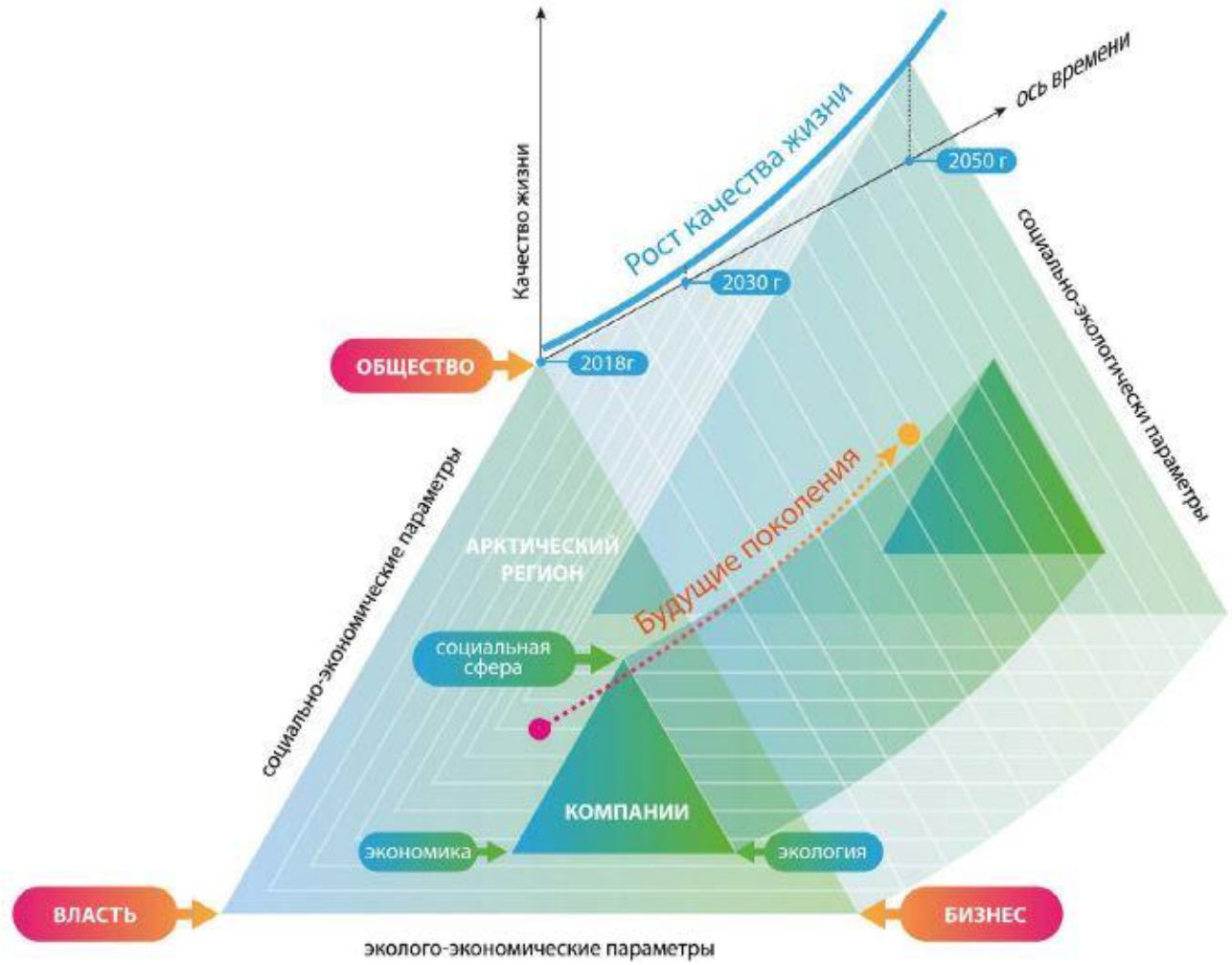

Рис.1. Структура взаимодействий в рамках концепции «триединого итога» для Арктического региона

Концепция Полярного индекса предполагает анализ устойчивости в трех основных измерениях:

1. Первое, внутреннее, измерение – это оценка устойчивого развития работающих в Арктике компаний по трем классическим группам критериев: экономическим, экологическим и социальным. На схеме компании визуализированы в форме маленького треугольника, расположенного внутри большого. Каждая компания, обладая той или иной степенью устойчивости,

вносит свою долю в общую устойчивость/неустойчивость региона. Любая компания является важным первичным звеном устойчивости.

2. Второе, более широкое, измерение – оценка устойчивости развития регионов по трем группам критериев: эколого-экономическим, социально-экономическим и социально-экологическим. На схеме это грани большого внешнего треугольника. Используемые для оценки региона критерии двойные, так как они отражают результат взаимоотношений трех ключевых субъектов – власти, бизнеса и общества.

3. Наконец, третье измерение отражает актуализацию модели с точки зрения реальной жизни. Рейтинг позволяет оценить социальную устойчивость как гармоничность отношений общества, власти и бизнеса. На схеме это вершины большого внешнего треугольника [3].

На основе данной модели в рамках проекта «Полярный индекс» были построены рейтинг регионов Арктической зоны РФ и российских компаний, работающих в данном регионе, а также аналогичные рейтинги для компаний и территорий Баренц-региона.

В этом году в дополнение к Полярному и Баренц-индексу Центром исследования экономических проблем развития Арктики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова разработан индекс устойчивого развития стран, входящих в Арктический совет: Дании, Исландии, Канады, Норвегии, России, США, Финляндии и Швеции.

Список литературы

1. Никоноров С. М. К «зеленой» экономике через «зеленые» финансы, биоэкономику и устойчивое развитие // Русская политология. 2017. № 3. С. 12–15.

2. Никоноров С. М., Елисеев Е. А. Привлечение зеленых инвестиций в отрасль переработки отходов // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 5. С. 91–99.

3. Никоноров С. М., Папенов К. В., Ситкина К. С. и др. Полярный индекс 2019. Рейтинг устойчивого развития компаний, работающих в российской Арктике – Экспертный центр Проектный офис развития Арктика ПОРА. Москва, 2018.

4. Climate Bonds Initiative. Green bonds. Global state of the market 2019, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.climatebonds.net/resources/reports/green-bonds-global-state-market-2019.

5. Green Investment Group. Progress Report 2020. Accelerating the green transition, 2020.

6. ICMA (International Capital Market Association). Green Bond Principles (2018). Voluntary Process Guidelines for Issuing Green Bonds, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.icmagroup.org/sustainable-finance/the-principles-guidelines-and-handbooks/green-bond-principles-gbp/.

7. Jin Noh Hee (2010). Financial Strategy to Accelerate Innovation for Green Grown, 2010.

8. Kahlenborn, Walter, Annica Cochu, Ivo Georgiev, Frederik Eisinger, Dominic Hogg. Defining "green" in the context of green finance. Final report, European Commission, 2017.

Summary

Nikonorov S. M., Sitkina K. S. Project-Based Learning on Elements of a Green Economy, Sustainable Development and Green Finance at Lomonosov Moscow State University

The article discusses the main provisions of the projects used in the training programs for students of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University. The projects are based on the results of research activities of the staff of the Department of Environmental Economics and the Center for Research on Economic Problems of the Development of the Arctic, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University. Students are offered two main directions. The first is case studies on the elements of a green economy, including green finance. The second is the compilation of sustainable development ratings based on the Polar Index.

Key words: green economy, green finance, sustainable development, sustainable development rankings, project learning.

Авторский указатель

Абишев А. А. 202
Аймагамбетов Е. Б. 64
Алиев У. Ж. 314
Алпысбаева С. Н. 146
Алшанов Р. А. 59
Альшанская А. А. 265
Амирханова Ф. С. 207
Аузан А. А. 32
Баева Ю. В. 284
Базарбекова Д. М. 296
Бородавкин А. Н. 11
Додонов В. Ю. 125
Жаксылыков Т. М. 20
Жакупова Ш. Ш. 178
Жанакова Н. Н. 146
Зубенко В. А. 302
Кайгородцев А. А. 240
Калиев Т. Б. 93
Калимжанова К. М. 222
Келимбетов К. Н. 15
Котов А. В. 156
Кошкидько В. Г. 214
Кузнецова О. В. 84
Кульков В. М. 101
Лекаркина Н. К. 290
Леонтьева Л. С. 247
Ляменков А. К. 114
Молчанов И. Н. 326
Молчанова Н. П. 197
Назарбаев Н. А. 7
Никитина Н. И. 207
Никоноров С. М. 331
Нурланова Н. К. 107
Орынбасарова С. Е. 247
Разумов А. А. 186
Разумова Т. О. 320
Родина Л. А. 307
Сабден О. С. 79
Садовничий В. А. 9
Сатыбалдин А. А. 49
Сеитов С. К. 235
Сидорович А. В. 3, 39
Ситкина К. С. 331
Талимова Л. А. 165
Таутенов Е. И. 146
Ташенова Л. В. 271
Текеева А.Х. 67
Темирболат Б. Б. 3
Теняков И. М. 139
Тлеубердинова А. Т. 256
Тлеугулова А. А. 227
Хорошильцева Н. А. 320
Хубиев К. А. 67
Якунин В. И. 27

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ **3**

ПРИВЕТСТВИЯ **5**

Приветствие Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы **Назарбаева Н. А.** 7

Приветствие ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, академика **Садовничего В. А.**. 9

Приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации в Республике Казахстан **Бородавкина А. Н.** 11

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ИЗМЕНЕНИЯ **13**

Келимбетов К. Н.
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ 15

Жаксылыков Т. М.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ И ПОСЛЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ 20

Якунин В. И.
РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА 27

Аузан А. А.
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРОНАКРИЗИСА 32

Сидорович А. В.
ПЕРЕХОД К НОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КУРСУ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ 39

Сатыбалдин А. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 И НОВЫХ ТРЕНДОВ ИНДУСТРИИ 4.0 49

Алшанов Р. А.
ШОК ПАНДЕМИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ВОЗДЕЙСТВИЕ И ПУТИ АДАПТАЦИИ 59

Аймагамбетов Е. Б.
О НЕОБХОДИМОСТИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 64

Хубиев К. А., Текеева А. Х.
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 67

Сабден О. С.
МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ 79

Кузнецова О. В.
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ..... 84

Калиев Т. Б.
ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ 93

Кульков В. М.
ПРОТИВОРЕЧИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ..... 101

Нурланова Н. К.
МОДЕЛЬ ИНКЛЮЗИВНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ 107

Ляменков А. К.
ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ..... 114

Додонов В. Ю.
ПРЕПЯТСТВИЯ НА ВНУТРЕННЕМ РЫНКЕ ЕАЭС 125

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИК КАЗАХСТАНА И РОССИИ 137

Теняков И. М.
МАКРОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД 139

Алпысбаева С. Н., Таутенов Е. И., Жанакова Н. Н.
КАЗАХСТАН: МУЛЬТИПЛИКАТИВНАЯ ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВА..... 146

Котов А. В.
РОССИЯ И КАЗАХСТАН НА ПУТИ К ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КООПЕРАЦИИ 156

Талимова Л. А.
ПАРАДИГМА ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ 165

Жакупова Ш. Ш.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН 178

Разумов А. А.
«КОВИДНАЯ ЗАНЯТОСТЬ» И «КОВОДНАЯ БЕДНОСТЬ» КАК НОВЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ 186

Молчанова Н. П.
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЭКОНОМИКУ И РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 197

Абишев А. А.
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РАЗВИТИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 202

Амирханова Ф. С., Никитина Н. И.
СТИМУЛИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО СПРОСА: ПРИМЕНИМ ЛИ ОПЫТ КИТАЯ В РОССИИ? 207

Кошкидько В. Г.
РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 214

Калимжанова К. М.
НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА КАЗАХСТАНА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ВЫЗОВЫ 222

Тлеугулова А. А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КАЗАХСТАНСКИХ КОМПАНИЙ 227

Сеитов С. К.
ПРОБЛЕМЫ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В КАЗАХСТАНЕ 235

Кайгородцев А. А.
ФИЗИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАЗАХСТАНА 240

Леонтьева Л. С., Орынбасарова С. Е.
УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЯХ В БОРЬБЕ С ПАНДЕМИЕЙ 247

Тлеубердинова А. Т.
АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ ОБЩЕСТВА В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ 254

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ 263

Альшанская А. А.
ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ НАВЫКОВ НАСЕЛЕНИЯ 265

Ташенова Л. В.
ЦИФРОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ 271

Баева Ю. В.
НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ 284

Лекаркина Н. К.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 290

Базарбекова Д. М.
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ 296

Зубенко В. А.
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ГЕРМАНИИ 302

Родина Л. А.
МЕТОДИКА ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПРОТОТИПИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА ЦИФРОВИЗАЦИИ 307

Алиев У. Ж.
УНИВЕРСИТЕТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ 314

Разумова Т. О., Хорошильцева Н. А.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ 320

Молчанов И. Н.
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ 326

Никоноров С. М., Ситкина К. С.
ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТАМ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ, УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ И ЗЕЛЕНОМУ ФИНАНСИРОВАНИЮ В МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА 331

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 338

СОДЕРЖАНИЕ 339

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Казахстанский филиал

Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Казахстанского филиала Московского университета (23 апреля 2021 г.)

Редакционный совет юбилейных конференций:
Председатель: *А. В. Сидорович*
Члены редакционного совета: *Р. Ж. Абдильдина, К. А. Бекмаганбетов, В. Р. Битюкова, Г. И. Власова*

Редакционная коллегия сборника:
Ответственный редактор: *А. В. Сидорович*
Члены редакционной коллегии: *Ю. В. Баева, Г. Г. Горбач, С. Е. Орынбасарова, А. А. Тлеугулова*

Редакторы:
Г. И. Власова, М. А. Брянская, Э. В. Мельникова, С. М. Треблер, А. М. Чепкова

Технический редактор:
А. Х. Ерниязова

Дизайн обложки и оформление издания:
Л. В. Шайдурова

Подписано в печать_____ Формат 60х90/16
Усл.печ.л. _____. Бумага офсетная.
Тираж 15 экз. Заказ № _____
Отпечатано в типографии «Раритет»
Тел. +7 701 599 92 60